Международный бестселлер от автора «Ведьмы Вороньего леса»!

Дженни Кир

Бёрлингтон-сквер, 23

Один дом. Три судьбы. Решение, которое их изменит.

Бёрлингтон-сквер, 23
Дженни Кир

Аннотация
Дженни Кир. Бёрлингтон-сквер, 23
Пролог
1
2
Часть первая. Клара Гудвин
3
4
5
6
7. Фарфоровая кукла
8
9
10
11
12
13. Хрустальный валик для смачивания марок
14
15
16. Ящик с детской одеждой
17
18

19
20
21
22
23
24
25. Потрепанный диван
26
27
28
29
Часть вторая. Стивен Томпсон
30
31
32. Акварель с изображением кофейной плантации
33
34
35
36
37
38. Стопка пыльных газет
39
40
41. Чучело канарейки
42

43
44
45. Платье из голубого шелка
46
47
48
Часть третья. Мерси Мейвезер
49
50
51
52
53
54
55
56
57. Засушенный цветок
58
59
60
61. Перстень с россыпью рубинов и брилли-антов
62
63
64
65
66

67
68. Шляпная коробка, полная писем
69
70. Памятные альбомы
Часть четвертая. Агнес Хамфрис
71
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Лондон, 1927 год. Агнес, немолодая и небогатая дама, сдает комнаты в особняке, который получила по наследству. До некоторых пор все идет прекрасно; обитатели дома 23 на Бёрлингтон-сквер живут как одна семья. Но один из постояльцев внезапно умирает, и Агнес вынуждена срочно искать ему замену. Претендентов трое: респектабельный банковский служащий, застенчивая молодая вдова и бойкая юная племянница хозяйки. Кому же отдать предпочтение? Неверный выбор может обернуться скандалом или полной катастрофой… Пожилая дама и не предполагает, что ее решение станет судьбоносным сразу для нескольких человек, ведь между теми, кто поселился под крышей этого дома, существует загадочная связь. Кроме того, потенциальные квартиранты не совсем те, за кого себя выдают…

Дженни Кир в 2023 году вошла в шорт-лист премии британской Ассоциации писателей-романтиков в номинации «Исторический роман года». «Ведьма Вороньего леса» назва-

на в первой десятке книг «Что почитать этой осенью» – 2024 от Observer.

Впервые на русском!

Дженни Кир
Бёрлингтон-сквер, 23

Посвящается четырем моим дорогим мальчикам, которые стали мужчинами и каждый день дают мне повод для гордости

Jenni Keer
NO. 23 BURLINGTON SQUARE
Copyright © Jenni Keer, 2023

© Е. Ю. Фокина, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Пролог

1

Август 1927 года

Бёрлингтон-сквер, 23, Кенсингтон. Мерси не сразу смогла отыскать нужный адрес. Она плохо знала этот район Лондона, а величественные частные дома в георгианском стиле по обеим сторонам улицы почти не отличались друг от друга. К зеленой филенчатой двери вели пять широких каменных ступеней. Молодая женщина громко постучала латунным кольцом, служившим здесь дверным молотком, и покрепче сжала сумочку из крокодиловой кожи, которую много лет назад ей купила мать. Хотя сумочка давно уже вышла из моды, Мерси очень ею дорожила. У нее было мало красивых вещей, а подарков ей не дарили уже очень давно. Все, кто по-настоящему любил Мерси, увы, умерли.

Входная дверь распахнулась, и на пороге показалась румяная и полная, почти квадратная, пожилая дама в переднике, повязанном на внушительной талии. Фартук выглядел самодельным — один из карманов в форме подковы

находился чуть ниже другого — и, похоже, был перешит из старого летнего платья, усыпанного крошечными синими незабудками с ярко-желтыми сердцевинами.

— Миссис Мейвезер? — спросила толстуха.

Гостья кивнула, в нерешительности застыв на крыльце.

— А я Агнес Хамфрис, но можете называть меня просто Агнес. Заходите, дорогуша. Я как раз испекла фруктовый кекс. Любите сладкое? Вам не помешало бы немного поправиться, а то мяса на костях почти нет. — Дама неодобрительно поцокала языком. — Что нынче творится с молодыми девицами? И почему это, скажите на милость, в моду вошли скелеты в мешковатых платьях? Понятно же, что женщинам, чтобы рожать детишек, нужны крепкие широкие бедра и соответствующая грудь.

Мерси, которая и сама прекрасно знала, что отличается болезненной худобой, не любила, когда ей указывали на недостатки фигуры. Однако она все же шагнула в узкий темный коридор, тесный из-за нагромождения мебели. Слева стояла вешалка с зеркалом, вся забитая пальто и шарфами. На верхней полке ее красовался черный шелковый цилиндр.

— К вам пришел какой-то джентльмен? — насторожилась Мерси.

Дама, у которой она собиралась снять комнаты, проследила за ее взглядом:

— Ах, милочка, эта вещь лежит здесь уже тридцать восемь лет. Я все надеялась, что владелец однажды вернется за ней, но, очевидно, пора признать: этого не произойдет никогда.

Агнес Хамфрис тяжело вздохнула и двинулась дальше по коридору, не без труда маневрируя между резным комодом, заваленным всяческим хламом и одежными щетками, этажеркой с небрежно расставленными книгами и деревянным креслом с высокой спинкой, наполовину скрытым под грудой позабытой одежды. Эта женщина явно привыкла хранить не только старые цилиндры.

— Должна вас предупредить: я уже побеседовала с парой возможных постояльцев, ибо очень серьезно отношусь к вопросу о том, кто будет жить под моей крышей, — сказала Агнес через плечо. — Здесь, в доме номер двадцать три, мы все как одна большая семья.

Мерси проследовала за хозяйкой мимо лестницы в парадную гостиную, где, похоже, пытались навести порядок. Тем не менее все поверхности

были заставлены. Чего здесь только не было: латунные микроскопы, стопки книг и фарфоровые безделушки. Викторианская мода заполнять дом множеством вещей, чтобы подчеркнуть достаток, давно уже сошла на нет, однако жилище Агнес Хамфрис напоминало капсулу времени, сохранившую дух минувшего столетия.

Застекленный шкафчик за дверью украшало ярко-желтое чучело канарейки. Казалось, что птица внимательно изучала Мерси, когда та проходила мимо. Агнес рассеянно погладила мягкую головку чучела.

— У Санни был очень красивый голос. Он прожил у нас девять лет, и я так расстроилась, когда он умер, что папа велел сделать из него чучело. Видите ли, Санни принадлежал моей матери — мы потеряли ее, когда я была еще маленькой. Джентльмен, с которым я беседовала утром, приятно меня удивил: он знает, как по-латыни называются канарейки, и еще кучу всего о птицах.

Хозяйка указала гостье, куда сесть. Надеясь, что незнание орнитологии не станет для нее минусом, молодая женщина стиснула сумочку из крокодиловой кожи и опустилась на бугристый диван. Она держалась чересчур прямо, чтобы

чувствовать себя удобно, и слишком нервничала, чтобы улыбнуться.

— Мы до сих пор в шоке от внезапной смерти мистера Блэндфорда, — поведала пожилая дама. — Особенно старый мистер Горски, который очень любил их совместные чаепития и партии в криббедж.

— Он скончался у вас в доме?

— Да, но не беспокойтесь, комнаты тщательно вымыли и все продезинфицировали. Гилберт, молодой человек, который снимает мансарду, помог мне сжечь постельные принадлежности усопшего. Причиной смерти мистера Блэндфорда стало заражение крови: просто загноившийся порез, ничего заразного. Мы все ужасно по нему скучаем, но, если Господь счел нужным забрать его, нам не следует роптать и ставить под сомнение Божий промысел.

«Интересно, а в чем заключается этот самый Божий промысел применительно ко мне?» — подумала Мерси. Жизнь не баловала ее чудесами. Молодая женщина искренне надеялась, что если в жестокости таится некий смысл, то Господь вскоре его прояснит. Возможно, визит Мерси на Бёрлингтон-сквер был частью божественного замысла, предполагавшего, что она еще способна

изменить чью-то жизнь к лучшему. Именно в это она по глупости однажды поверила, поддавшись внушению.

— Желаете чая? — Агнес кивнула на большой квадратный деревянный поднос на столе, заранее приготовленный для гостьи.

Изящные бледно-розовые чашки с блюдцами были усыпаны мелкими цветочками, напоминавшими конфетти, но Мерси заметила, что сахарница и одно блюдце не подходили к сервизу.

— Да, благодарю вас.

Пока пожилая дама разливала чай, продолжая говорить, в комнату вошел облезлый черный кот с оторванным ухом. Он с громким утробным урчанием потерся о ноги хозяйки, запрыгнул на диван, принюхался к незнакомке и свернулся рядом с ней клубочком.

— Итак… — Агнес хлопнула себя по бедрам и поставила перед гостьей чашку с подходящим блюдцем. — Наверху, в мансарде, живет молодой Гилберт. Очень услужливый парень, хотя и немного замкнутый. Зато не шумит и платит вовремя. Вечно возится со своим ящиком-фотоаппаратом и стеклянными фотопластинками, предпочитает темные углы. Немного смахивает

на вампира — цвет лица у него соответствующий.

Мерси обратила внимание, что ее собеседница привыкла выражаться прямо, но при этом беззлобно. Она сообщала подробности, о которых другие из вежливости предпочли бы промолчать.

— Комнаты, которые вы пришли посмотреть, находятся на третьем этаже. Туда ведет множество ступенек, поэтому хорошо, что у вас молодые ноги. На втором этаже живет мистер Горски. Его скрутил артрит, но в свое время старик был всемирно известным пианистом. Увы, пальцы его больше не слушаются — зрелище воистину душераздирающее. Раньше он находил утешение в граммофоне: закрывал глаза и водил руками в воздухе, словно бы дирижировал оркестром. Но вот уже несколько недель я не слышу музыки, и это меня тревожит. Мистер Блэндфорд иногда сидел с ним, слушал пластинки. «Признаться, я ничего не понимаю в музыке, — говаривал он, бывало, — но старик Горски доволен, так почему бы и не доставить человеку радость». Он был такой добрый.

Агнес откинулась в кресле, и Мерси кивнула, хотя слишком нервничала, чтобы вникать во все

детали беседы.

— На первом этаже живу я, а подвал снимает семья Смит — люди довольно милые, вот только дети у них порой шумят. К счастью, мистера Горски они не беспокоят, к тому же у них отдельный вход с улицы. — Хозяйка на мгновение замолчала, видимо осознав, что не дала гостье произнести ни слова. — Но довольно уже о нашем маленьком доме. Расскажите немного о себе.

Она выжидающе посмотрела на Мерси, сунула руку в карман передника, вытащила маленькую записную книжку, раскрыла ее, достала из корешка черный лакированный карандаш и облизнула его кончик, приготовившись писать.

Потенциальная квартирантка молчала.

— Вы сообщили в письме, что у вас есть постоянная работа и имеются солидные рекомендации, — напомнила ей Агнес.

Мерси поерзала, скрестила худые щиколотки, а потом снова развела их, стараясь выиграть время и обдумать ответ. Когда тебе есть что скрывать, все внимание уходит на то, чтобы не выдать себя каким-нибудь неосторожным словом, поэтому она решила держаться как можно ближе к правде. Так будет проще.

— Мм… ну да, — сказала она. — Я работаю в

«Пембертоне», в отделе перчаток.

Крупный универмаг в центре Лондона, с которым мог соперничать разве что «Селфридж», знали все.

— Могу представить рекомендации от них, правда я работаю там совсем недавно… А еще от миссис Доннингтон, жены школьного учителя, которая знает меня всю жизнь.

Молодая женщина достала два кремовых конверта. Рекомендательные письма сообщали правду: Мерси действительно была чистоплотной и аккуратной. Однако миссис Доннингтон указала ложный адрес — дом своей сестры в Шропшире. Мерси умоляла не упоминать крошечную деревушку в Суффолке, чтобы никто не мог ее выследить и отправить туда, откуда она сбежала.

— А где вы сейчас остановились?

— Ну… э-э-э… у тети. Она очень добра и гостеприимна, но мне необходимы собственные комнаты.

Никакой тети у Мерси не было. По крайней мере, живой. Ее нынешнее жилье было временным и находилось в довольно-таки неблагополучном районе города.

— Как же все изменилось, — вздохнула Аг-

нес. — Девушки теперь могут снимать комнаты и трудиться, а ведь в мои годы работа в магазине считалась не вполне приличным занятием. Женщины в те времена обычно сидели дома или устраивались прислугой, пока не выходили замуж. Если, конечно, не принадлежали к такому кругу, где работать не требовалось. Тогда они целыми днями вышивали носовые платочки в ожидании, когда богатый жених постучится в дверь, умоляя составить его счастье.

В глазах пожилой дамы промелькнула тень грусти, и Мерси задумалась: не было ли у той в прошлом сердечных разочарований? В объявлении она именовала себя «мисс Хамфрис», а обручального кольца не носила. Возможно, Агнес потеряла любимого? Мерси прониклась к хозяйке сочувствием, ведь она и сама пережила утрату. Молодая женщина покрутила на пальце тонкое золотое колечко, размышляя о том, что война — жестокая и страшная вещь, которая разлучает влюбленных. Порой навсегда.

— Моя сестра удачно вышла замуж, но я нечасто с ней вижусь, — продолжала между тем Агнес. — Она единственная моя близкая родственница… ну, есть еще племянница. Милая девочка, хотя и ветреная. Водится с золотой молодежью, старает-

ся не отставать. Бегает без корсета, танцует под джаз, носит стрижку «шингл» и готова сказать что угодно, лишь бы шокировать публику. Но, впрочем, добрая.

Агнес задумалась, и Мерси решила, что та вспоминает о своенравной племяннице.

— Ох, недаром говорят: «Кровь родная — не водица»… — Пожилая дама на миг оперлась подбородком о костяшки пухлых пальцев. — Расскажите теперь немного о своей семье, миссис Мейвезер.

— Пожалуйста, зовите меня просто Мерси. — Чужая фамилия и статус замужней женщины смущали ее, хотя и давали своего рода защиту. Одинокой девушке пришлось бы в Лондоне гораздо труднее. — Мои родители… Отец умер незадолго до моей свадьбы, а матушку у меня отняла эпидемия гриппа. Ну а муж… — Она с трудом сглотнула. — Супруга я потеряла на войне, так что теперь я совсем одна.

— Ах, бедное дитя. Как много девушек пострадало в войну вместе с вами! Ведь сотни тысяч мужчин сгинули на чужбине. Но вы же слишком юная, чтобы вдовствовать почти десять лет! — У Агнес задрожала нижняя губа, и гостья подумала, что та, должно быть, очень впечатлительная

особа, если ее так тронула судьба незнакомки.

— Я рано вышла замуж, — пояснила Мерси.

Даже слишком рано. Однако после смерти отца Роланд все же дал ей защиту, в которой она нуждалась, а мать с облегчением передала ферму в надежные руки.

— Какие красивые чашки. — Мерси приподняла свою, стремясь сменить тему беседы.

Агнес залилась румянцем:

— Это мамины. Дафна, моя сестра, считает, что хранить сувениры и всякие безделушки глупо. Называет меня сентиментальной. Но я все равно не могу расстаться с воспоминаниями.

— В этом нет ничего дурного. Капелька ностальгии — дело хорошее. Иногда понимаешь, что прошлое и впрямь было лучше, — слабо улыбнулась Мерси. — И книги у вас такие чудесные. Я часто мечтала, чтобы у меня появилось время на чтение. Хотела погрузиться с головой в какой-нибудь роман, отправиться в дальние страны и пережить удивительные приключения.

— Вот-вот. Я и сама пересекла дюжину морей и побывала в сотнях городов, не покидая удобной комнаты. Правда, благодаря не романам, а путевым дневникам. — Хозяйка нахмурилась: — Но уж полчаса в день, чтобы свернуться калачиком

с книгой, всегда можно найти, разве нет?

— Моя свекровь была очень… требовательной, — покачала головой Мерси.

Любопытный взгляд Агнес заставил ее усомниться: не сболтнула ли она лишнего? Но пожилая дама опустила глаза в блокнот и вернулась к делу:

— Перейдем к условиям проживания. Никаких кавалеров. Входная дверь запирается в десять вечера. Отхожее место — на заднем дворе. Вода проведена на второй этаж, там есть общая ванная. Мистер Горски пользуется ею в первую очередь, но обычно занимает ванну ближе к полудню — полагаю, к этому времени вы уже будете на работе. Я могу также предложить вам завтрак и ужин, но за отдельную плату, как и стирку. Хотя, по правде говоря, не хочется брать на себя лишний труд, я и так едва справляюсь — ноги уже не те. На самом деле мне бы очень пригодилась еще одна пара рук…

— Мне требуется только жилье, благодарю вас.

Мерси и на аренду-то едва могла наскрести. Какие уж тут излишества? Ей было важно поселиться в приличном районе. Одну квартиру она уже посмотрела вчера: там царила полнейшая антисанитария, да к тому же муж хозяйки с яв-

ным вожделением пялился на молодую девушку.

Внезапно ее осенила мысль.

— Но я бы с радостью взяла на себя часть вашей работы по дому, если вы решите сдать комнаты мне. Ведь я всегда буду рядом.

— Прекрасная идея! Пожалуй, в таком случае я могла бы снизить вам плату на пару шиллингов… Ах, дорогуша, как же трудно выбрать нового жильца. Все трое претендентов по-своему хороши. Постояльцы для меня словно родные, мы все тут как одна семья, поэтому выбирать нужно с умом. Хотя вы еще не видели комнаты. Вдруг вас смутят две лестницы и легкая сырость на задней стене…

Но сердце подсказывало Мерси, что лучшего жилья ей не найти. Было очевидно, что Агнес Хамфрис — женщина добрая и отзывчивая, а дом на Бёрлингтон-сквер великолепно выглядел в сиянии лета и — самое главное — находился в сотне миль от Суффолка и всего того, от чего Мерси сбежала.

2

Закрыв дверь за робкой молодой леди, Агнес тяжело вздохнула. Ну почему мистер Блэндфорд так внезапно скончался? В доме сложилось просто идеальное сообщество жильцов. Молодой Гилберт в мансарде, чудаковатый и нелюдимый, всегда вовремя платил за аренду и безропотно выполнял любые мелкие поручения. Может, удастся уговорить его отложить на денек свои дурацкие фотографии и лотки с гадкими химикатами, чтобы послушать болтовню мистера Горски? Она и сама — как, впрочем, любой, кому перевалило за пятьдесят, — имела склонность оглядываться назад: вспоминать хорошие времена и сетовать на плохие, тогда как молодежь смотрела вперед в ожидании светлого будущего. В этом и заключался секрет удачного соседства — оптимизм юности дополняла мудрость старости. Даже Джемайма из подвала, чья жизнь состояла из бесконечной стирки пеленок, готовки и уборки, постоянно заводила с жильцами оживленные беседы, подогреваемые твердой уверенностью ее мужа в грядущей социальной революции.

Сердце Агнес разрывалось оттого, что дом но-

мер 23 перестал быть фамильным гнездом. Ее отец был уважаемым коммерсантом, располагавшим портфелем инвестиций и стабильным доходом, но последние годы жизни старика омрачила болезнь, несколько помутившая его острый ум. Поддавшись уговорам, мистер Хамфрис вложился в сомнительные предприятия, в результате чего финансовое благополучие семьи было подорвано. После смерти отца Агнес получила в наследство дом на Бёрлингтон-сквер, но оказалась почти без средств, поэтому ей пришлось экономить, чтобы остаться здесь. Отчасти нужда в деньгах, а отчасти сочувствие к людям, страдавшим от послевоенного дефицита жилья, подсказали ей мысль сдавать комнаты. Она не могла расстаться с домом, полным воспоминаний, и переехать в место поскромнее, поэтому выбрала компромиссный вариант. Сначала Агнес пустила жильцов только в подвал, где имелся отдельный вход, однако со временем ей пришлось установить двери на втором и третьем этажах, а также в мансарде, чтобы сдавать помещения в аренду. И все шло прекрасно, пока бедный мистер Блэндфорд не пал жертвой заражения крови. Подумать только: вечером он ушел в паб «Безумный Шляпник», чтобы выпить там и по-

веселиться с друзьями, а уже к ночи его не стало. Стремительность, с которой смерть унесла этого милого человека, обескураживала.

Теперь, после беседы с тремя самыми перспективными претендентами, Агнес Хамфрис предстояло принять решение и выбрать нового постояльца.

Пожилая дама прошла в гостиную и тяжело вздохнула: жаль, что она не обладает мудростью царя Соломона. Хотя куда ей до легендарного царя. Гилберт постоянно упрекал Агнес за излишнюю доверчивость, особенно когда на пороге появлялись коммивояжеры, предлагая товары, в которых она вроде бы не испытывала нужды, однако вскоре позволяла пронырливым торговцам убедить себя в обратном… И все же выбор, кому отдать комнаты, казался ей не менее судьбоносным, чем Соломоново решение о ребенке. Ах, если бы можно было рассечь этого метафорического младенца надвое… вернее, разделить на троих.

Клара как-никак была ее родной племянницей, а это просто так со счетов не сбросишь.

— Тетя Агги, ну почему ты не сказала, что у тебя освободились комнаты? — воскликнула она, театрально чмокнув тетушку в щеку.

Девушка рухнула в кресло с высокой спинкой и

вытянула длинные, ну прямо бесконечные ноги. Агнес едва сдержалась, чтобы не цокнуть языком при виде возмутительно короткого подола.

— Мамочка просто горит желанием, чтобы я перебралась сюда, а папочка ведет себя ужасно неразумно. Жить на чемоданах до жути утомительно, но мне нужен город. Сельская жизнь невероятно скучна, а в Лондоне есть все: культура, ночная жизнь и свобода. Ах да, еще коктейли. Папочка, бедняга, наверное, думает, что хайбол — это название игры в мяч.

Правда открылась, когда на следующий день Агнес получила письмо от сестры: Клару выставили из дома, и теперь она обитала неизвестно где и ночевала на кушетке бог весть у кого. К сожалению, Дафна — впрочем, как и всегда, — изъяснялась на редкость уклончиво. Она лишь намекнула на некий любовный скандал и сообщила, что ее муж, годами терпевший неприемлемое поведение своенравной дочери, наконец не выдержал.

Агнес, любившая Клару всем сердцем, знала, что с племянницей хлопот не оберешься, и подозревала, что мистер Горски придет в ужас, если молодая особа начнет принимать кавалеров в комнатах наверху, не говоря уж о том, чтобы выставлять напоказ голые икры и расхаживать,

словно кинозвезда, к чему Клара имела явную склонность. И потом, если предоставить девушке отдельные комнаты, не подстегнет ли это ее тягу к удовольствиям? Агнес сомневалась, что способна усмирить взбалмошную племянницу, что бы там ни думала сестра. Выбор между интересами семьи и спокойствием в доме был до крайности непростым.

Еще одним претендентом был Стивен Томпсон. Достаточно зрелый, чтобы оставить юношеские порывы в прошлом, он откликнулся на объявление в то же утро, когда его опубликовали в газете. Мистер Томпсон выглядел как истинный джентльмен: белая рубашка, полосатый галстук, жилет и пиджак в тон. Агнес, однако, заметила, что манжеты рубашки слегка обтрепались, а обувь нуждалась в чистке, но это, наверное, объяснялось отсутствием в его жизни женщины. Он работал в солидном банке, где занимал вполне приличную должность. Такой постоялец вряд ли доставит много хлопот. Даже его манера носить шляпу подсказывала Агнес, что мистер Томпсон станет украшением дома на Бёрлингтон-сквер.

— Как вам, без сомнения, известно, превыше всего у банковских служащих ценится порядочность, — подчеркнул он. — При поступлении

на работу мы обязаны предоставить поручительство в форме залогового обязательства. Для учреждения, которое не может позволить себе даже намека на скандал или обман, безупречная репутация крайне важна.

Все знали, что работа в банке хорошо оплачивается и что всех кандидатов там проверяют самым тщательным образом. Даже Дафна наверняка одобрила бы такого жильца, хотя обычно ей не угодишь.

Вежливые расспросы мистера Томпсона о соседях тоже были добрым знаком. Мистер Горски вызвал у него особый интерес. Потенциальный жилец заверил Агнес, что является страстным поклонником классической музыки, хотя не обладает нужным образованием и сам никогда не играл ни на одном инструменте. По словам мистера Томпсона, любовь к музыке была у него в крови. Вероятно, размышляла Агнес, он станет достойной заменой мистеру Блэндфорду и согласится проводить с престарелым соседом часть досуга. Быть может, даже примет участие в воскресных чаепитиях. Эх, жаль, она не спросила, умеет ли он играть в криббедж.

Однако — разве можно обойтись без «однако»? — сердце хозяйки больше лежало к двум

другим претенденткам, пусть и по разным причинам. Невзирая на все недостатки Клары, Агнес нравился ее живой характер. Та жила так, как сама Агнес мечтала бы жить, имей она для этого храбрость. А к робкой и хрупкой Мерси, которая пришла последней, Агнес прониклась сочувствием, испытывая стойкое желание защитить бедняжку. В глубине души она была уверена: молодая вдова от чего-то бежала. Несчастная осталась в этом мире совсем одна. Кто же заступится за нее, если не Агнес? Сердце пожилой леди тянулось к обеим, тогда как мистер Томпсон, на удивление, не вызывал ничего, кроме равнодушия. Банковский клерк был самым разумным выбором, но подходил ли он для дома на Бёрлингтон-сквер?

Мисс Хамфрис провела беспокойную ночь, то и дело меняя свое мнение. Кого же из троицы выбрать? Она прекрасно понимала, что это простое, в общем-то, решение способно изменить судьбы нескольких людей. Три уникальные кандидатуры. Три совершенно разных пути, по которым могла пойти жизнь обитателей дома. Агнес обдумывала свой выбор вместе с котом Инки, пока готовила утром завтрак, а затем наконец определилась.

Переваливаясь с боку на бок, она спустилась в гостиную, откинула крышку маленького бюро из орехового дерева и вынула лист кремовой бумаги, чтобы приступить к составлению письма…

Часть первая. Клара Гудвин

3

Пятница, 5 августа 1927 года

Агнес обмакнула перо в оловянную чернильницу отца и начала писать:

> *Дорогая Клара!*
>
> *Если тебе нужны комнаты – они твои. Как я могу отказать любимой племяннице? В твоих жилах – так же, как и в моих, – течет кровь Томаса Хамфриса, которая навеки нас связывает. Я всегда ценила семью превыше всего, и мысль о том, что ты будешь жить в этом доме, наполняет меня радостью. С Бёрлингтон-сквер у меня связаны самые теплые воспоминания, и я надеюсь, что мы с тобой поладим…*

Агнес замерла, услышав, как Гилберт спускается по лестнице со своим складным фотоаппаратом, обтянутым черной кожей: интересно, что он собрался снимать? Она не понимала, чем

постоялец зарабатывает на жизнь. Семейные портреты вряд ли приносили большой доход, однако молодой человек явно не испытывал недостатка в деньгах. Размышляя об остальных жильцах, Агнес тревожилась: привычки Клары, если их не обуздать, нарушат сложившийся в доме порядок. Позднее она собиралась написать застенчивой вдове и посоветовать той пансион миссис Джонсон, что находился неподалеку, в паре кварталов от Бёрлингтон-сквер. Помощь по хозяйству пришлась бы весьма кстати, но ведь и Клара вполне может разносить подносы по этажам. Все равно эта девица ничем толком не занимается. В сущности, именно этого и хотела Дафна — чтобы старшая сестра присмотрела за племянницей и, возможно, приучила ее к ответственности.

— Гилберт, — окликнула фотографа Агнес, — не будете ли вы так любезны опустить мое письмо в почтовый ящик?

Молодой человек появился в дверях и кивнул.

— Обождите буквально минуту, я сейчас закончу.

Она вновь обмакнула перо в чернила и дописала:

Уверена, что нет нужды напоминать тебе о правилах проживания в моем доме, но все же уточню: никаких кавалеров, а входная дверь запирается ровно в десять вечера.

С нетерпением жду твоего приезда.

Целую.

Тетя Агнес

На самом деле она была абсолютно уверена, что напомнить Кларе о правилах необходимо, и отчаянно надеялась, что не ошиблась с выбором постоялицы.

4

Вчерашняя египетская вечеринка удалась на славу. Правда, Клара выпила слишком много шампанского, и теперь пульсирующая боль в висках напоминала ей, что за каждым взлетом неизбежно следует падение. Столицу охватила мода на Древний Египет, и вечер напоминал калейдоскоп из страусиных перьев, бинтов, украшений со скарабеями и тканей с иероглифами.

Джек снова поцеловал ее, как она и предвидела. Весь вечер он буквально пожирал Клару глазами, густо подведенными сурьмой, а Невилл, выбравшийся из деревянного саркофага, бросал такие же жадные взгляды на Джека сквозь щель между бинтами, которыми искусно обмотал голову. Очевидно, двое вызывающе мускулистых юношей в набедренных повязках, которых Невилл нанял, чтобы внести саркофаг в зал, ему категорически не понравились, хотя домой он в итоге ушел с одним из них.

Отец очень рассердился, узнав, что Клара проводит время с Невиллом Бригденом. Он давно подозревал в этом юноше пагубные наклонности. Впоследствии юрист, работавший на оба

семейства, подтвердил эти опасения, нарушив профессиональную этику. В надежде избежать скандала вроде того, что разразился вокруг лорда Артура Сомерсета, Оскара Уайльда и им подобных, Бригдены уже не раз прибегали к услугам этого адвоката, когда их единственный сын оказывался в щекотливых ситуациях, грозивших неприятностями с законом. Реджинальд Гудвин строго-настрого запретил дочери водиться с людьми подобного сорта, однако Клара и ухом не повела. Ей нравился Невилл, который не позволял себе вольностей, разговаривал с девушкой на серьезные темы и с искренним интересом выслушивал ее ответы. А вот Джек Ригби, в отличие от него, был озабочен только одним, и беспечное поведение Клары давало ему надежду добиться своего.

Она дотащила чемодан до верхней ступеньки и постучала в дверь. Живот крутило: вчерашний ужин, состоявший из алкоголя, приправленного горстью соленого арахиса, рвался наружу. Клара решила, что табак успокоит желудок, достала из сумочки маленький серебряный портсигар и зажала сигарету губами.

Слава богу, что у нее есть тетя Агги. И мамочка. Та, конечно, возмутилась, узнав, в какую грязную

историю вляпалась дочурка, однако же проявила заботу — причем как нельзя кстати, потому что Клара, признаться, уже всерьез отчаялась. Отец в гневе выставил негодницу из дома, опасаясь, что слухи о ее позоре — в подлинной версии, отличной от той, каковую он поведал приятелям в клубе, — просочатся наружу. Клара поселилась у своей приятельницы Лили Харкурт, однако спустя несколько недель той надоело каждое утро лицезреть подругу, растянувшуюся на ее диване после очередного ночного кутежа. Так что Кларе пришлось искать жилье. Ох, будь неладен этот Филипп: из-за того, что он доводился королеве Марии дальним родственником — седьмая вода на киселе, но все же, — никак нельзя было допустить, чтобы репортеры пронюхали, чем занималась полураздетая Клара в гостевой спальне родительского дома.

— Клара, душенька!

— Тетя Агги, дорогая!

Девушка выдернула изо рта сигарету, зажав ее ухоженными пальцами, послала тетушке воздушный поцелуй и вошла в коридор, оставив на верхней ступеньке лестницы два светло-кремовых чемодана из свиной кожи и такую же коробку для шляпы.

— Не кури в доме, милая. Запах въедается в ткань, — донесся в парадную гостиную певучий голос тетушки, когда гостья плюхнулась на потрепанный диван.

Боже, этот продавленный уродец стоял тут дольше, чем Клара себя помнила. Бугристый и безобразный, он раздражал ее еще в детстве: бывало, свернешься калачиком и понимаешь, что, как ни устройся, все равно неудобно.

— Ты ела? — Запыхавшаяся пожилая дама появилась в дверях и поставила чемоданы на пол. — Могу поджарить тебе яичницу. Милая, ты выглядишь болезненно худой. Ни дать ни взять жалкий усохший Тутанхамон, с которого сняли бинты.

«Очаровательно, — подумала Клара, вспомнив привычку тетушки говорить все, что взбредет на ум. — Наверное, в следующий раз стоит намазаться коричневой ваксой для обуви и явиться на вечеринку в образе мумии. Это произведет фурор похлеще того спектакля, который устроил Невилл».

— Спасибо, я не голодна. — Девушка покачала головой: притронуться к твердой пище она пока не могла.

— Дафна сказала, что ты решила сменить об-

становку, — осторожно заметила тетя Агги. — Я так обрадовалась, что ты поживешь у меня. Часто вспоминаю те давние времена, когда этот дом был нашим семейным гнездом.

— Тебе повезло: попались замечательные родители, которые тебя обожали. А вот меня мама с папой не любят, — вздохнула Клара. — Терпят, не более того.

Внезапно жизнь показалась ей невыносимой. Она затушила сигарету в маленькой пепельнице-ракушке на столике рядом с диваном и горько разрыдалась.

— Ох, дорогуша, в жизни не поверю, что это правда. — Тетушка поковыляла к племяннице, уселась на широкий подлокотник и прижала ее к груди. — Ничто и никто не стоят твоих драгоценных слез, — заметила она, гладя Клару по голове. — К тому же ты ведь не хочешь испортить такой… своеобразный макияж, не так ли?

Они просидели вместе несколько минут, пока Клара изливала чувства, копившиеся в душе неделями, а тетя безмолвно впитывала их, как пестрая губка.

Наконец племянница отстранилась, посмотрела в участливые глаза пожилой дамы и спросила:

— И как только ты справляешься? Как можно жить одной, когда некому разделить с тобой беды, унять поцелуем слезы и сказать, что ты особенная и любимая?

Клара была уверена, что ей самой суждено превратиться в одинокую старую деву, хотя она твердо решила пополнить ряды бойких старушек, которые говорят, что думают, носят неподобающую возрасту одежду и пьют как сапожники. Девушка не сомневалась, что этот вариант предпочтительнее, чем брак без любви.

— Можно подумать, что у меня есть выбор.

Все знали, что тетя Агги никогда не была замужем, хотя мамочка говорила, что когда-то у старшей сестры был по крайней мере один солидный жених, но ей пришлось много лет ухаживать за престарелым отцом, Клариным дедушкой. А когда тот умер, тетушка, увы, уже вышла из брачного возраста. К тому же, по мнению девушки, тетя Агги вовсе не была красавицей, в отличие от ее собственной матери. Зато при всей своей прямолинейности она умела слушать и, пожалуй, была наименее эгоистичным человеком из всех, кого Клара знала. Агнес славилась искренностью и честностью — а именно этого ее племянница не получала от родителей. Способна ли Клара

ответить тете откровенным признанием? Вот в чем на самом деле заключался вопрос.

— Ну что за глупости? — Агнес осторожно провела пухлым пальцем по мокрым щекам племянницы. — Я всегда считала тебя сильной, Клара.

— Никакая я не сильная. Я потерянная, одинокая и ужасно напуганная.

— Что может тревожить девушку вроде тебя в столь юные годы?

На мгновение Клара задумалась: не поделиться ли своими бедами с тетушкой Агги? Но взгляд зацепился за золотые буквы на корешке большого кожаного издания «Библии короля Якова» на верхней полке книжного шкафа. Она тут же вспомнила, что пожилая дама является ревностной христианкой. Нет, тетушка не поймет племянницу. Да еще непременно выпалит, что Господь осудит ее и сочтет недостойной. Этого Клара вынести не могла.

Сожалея, что дала тете повод для беспокойства, она решила, что как-нибудь справится в одиночку. Что ж, ей не привыкать.

5

Ранним утром следующего дня Клару разбудил настойчивый сигнал автомобильного клаксона. Накануне она проспала до вечера, а потом снова отправилась веселиться до глубокой ночи. После столь необходимой дневной сиесты девушка умудрилась случайно обидеть тетю, оставив нетронутым поднос с заботливо приготовленным ужином и отказавшись от предложенной чашки чая. Бокал алкогольного коктейля под названием «Французский 75» подошел бы куда лучше, но Агнес явно не умела смешивать коктейли. Клара заявила, что едет в «Розовую туфельку» вместе с Невиллом — там уж она точно выпьет свой любимый напиток и от души потанцует, на время забыв о собственных бедах.

Тетя расстроилась из-за того, что племянница умчалась развлекаться в первый же вечер, однако пожелала ей хорошо провести время и помахала вслед автомобилю. Вероятно, она пожалела о своих словах, когда в два часа ночи Клара, забывшая ключ, принялась громко барабанить в парадную дверь, игнорируя установленный хозяйкой дома комендантский час, а затем, пока-

чиваясь, поднялась к себе, держась за перила и во все горло распевая «Прощай, черный дрозд».

Клаксон прозвучал снова, и Клара натянула одеяло на голову. В комнате пахло мужчиной — дешевым лосьоном после бритья и бриллиантином, а устаревший интерьер раздражал глаз. Как же она тосковала по предупредительной домашней прислуге, привычному уюту, сервису хорошего отеля или хотя бы по мягким изгибам дивана Лили. Ей совсем не хотелось жить на Бёрлингтон-сквер, но выбирать не приходилось: никаких иных мест, где можно было бы приклонить свою изящную черноволосую головку с гладкой стрижкой «шингл», уже не осталось. По крайней мере, тетя Агги жила в правильной части Лондона, которая, безусловно, находилась куда ближе к ночной жизни, чем Хартфордшир.

Раздался резкий стук в дверь.

— Вас кто-то ждет на улице, — послышался голос невидимого мужчины.

— Ох…

Бип-бип!

Стук повторился — настойчивее и громче.

— Ладно, не горячись.

Клара нехотя сползла с кровати, пригладила растрепанные волосы и поплотнее запахнула

розовый атласный халат. Выйдя в гостиную, она поморщилась при виде полупустой бутылки шампанского возле брошенных на полу туфель и побрела по выцветшему восточному ковру, голубому с золотым узором.

За порогом стоял молодой человек с серьезными, глубоко посаженными глазами. Темные брови сдвинуты к переносице, кожа бледная, словно солнце ей незнакомо.

«Гилберт», — догадалась Клара.

— Немедленно разберитесь с наглым выскочкой в красном «моррис-оксфорде», который всех разбудил, — приказным тоном заявил он.

— Здравствуй, милый, и тебе тоже доброе утро, — съязвила Клара, проплывая мимо соседа и направляясь к лестнице.

Красный «моррис-оксфорд» принадлежал Джеку, а видеть его сейчас девушке совсем не хотелось — особенно если учесть, что именно из-за него она накануне покинула вечеринку раньше, чем собиралась.

— Имейте в виду, мисс Гудвин: я слежу за вами. Не смейте злоупотреблять отзывчивостью Агнес только потому, что она — добрая душа и ваша родственница.

Да, это был Гилберт. Его слова неприятно задели

Клару, напомнив ей отца, вечно читавшего нотации в духе «измени свои привычки или убирайся из моего дома». А в последний раз он тоже кричал дочери, что она, дескать, избалованная, неблагодарная и беззастенчиво пользуется людьми.

— Не собираюсь терпеть нравоучения от какого-то подозрительного типа, который постоянно запирается на чердаке и никому не рассказывает, чем он там занимается, — парировала Клара.

Хотя за последние годы она время от времени наведывалась к тетушке, однако жильца из мансарды видела только мельком. Агнес утверждала, что он вроде бы фотограф, но работ своих никогда не показывает, и это настораживало.

Клара спустилась на два пролета вниз и встретила тетушку.

— Ах, милая… — нахмурилась та. — Ты в одном пеньюаре?

Пожилая дама открыла входную дверь. Яркий солнечный свет хлынул в прямоугольный проем, вызвав у Клары приступ головной боли. Девушка невольно зажмурилась.

— Клара, дорогая! — раздался голос Джека, чей силуэт заслонил ослепительное сияние, дав ее глазам короткую передышку. — Выглядишь просто великолепно. Что бы только не отдал

мужчина, лишь бы поутру просыпаться рядом с таким небесным созданием! Почему же ты упорхнула так рано, моя соловушка? — Он шагнул в коридор и с обожанием посмотрел на нее. — В три вечеринка только началась. Митци объявила, что вручит бутылку игристого тому, кто принесет самую безумную шляпу, и мы рванули по Пикадилли на старом драндулете. Победил Невилл, который явился в полицейском шлеме. Вот умора! Я доставил Лили домой — позавтракать копченой рыбой и кофе, и она попросила меня отвезти твои вещи по пути в мою маленькую квартирку.

«Маленькая квартирка» Джека насчитывала четыре спальни, но все познается в сравнении. Особенно если твои родители владеют половиной графства Сомерсет.

Клара грозно сверкнула глазами, и он поспешно опустил взгляд, пробормотав:

— Лили заранее все упаковала. Не мог же я ей отказать.

— Так вы, значит, еще и не ложились спать? — Агнес, стоявшая в коридоре, в изумлении распахнула глаза.

— Всему свое время, милая леди, всему свое время. Не беспокойтесь, я сомкну свои усталые

глазки чуть позже, ведь к вечеру мне нужны силы: Митци хочет побывать в новом клубе на Карнаби-стрит. Клара, старушка, не угостишь ли приятеля чашкой утренней бурды перед тем, как я двину дальше? — попросил Джек. — Башка просто раскалывается, черт бы ее побрал.

— Приглашать в гости мужчин запрещается, — напомнила Агнес, и Клара впервые искренне порадовалась этому правилу.

— Ты вполне справишься и без чая, Джеки. Ты ведь крепкий парень. Просто брось мои вещи в холле, а их потом отнесут в комнаты.

Она развернулась, чтобы подняться наверх, но тут ей навстречу торопливо спустился Гилберт со складным фотоаппаратом «Кодак» в руках. Клара посторонилась, пропуская соседа. Раздраженная из-за его недавних упреков, девушка не удержалась от колкости:

— К друзьям собрался? Да еще днем? Тебе понадобится лопата.

— Нехорошо так говорить, милая, — укорила тетя, — только потому что у Гилберта нет друзей и вид как у покойника.

Джек опять показался в дверях — на этот раз с охапкой цветастых вещей Клары, которые он положил у порога. Будто нарочно — словно в

коридоре и без того было недостаточно тесно — рядом с незваным гостем появилась новая фигура. К собранию присоединился какой-то мужчина средних лет в опрятном, но слегка старомодном костюме. Сняв котелок, он обнажил виски, на которых серебрились седые пряди.

— О, мистер Томпсон! — воскликнула Агнес. — Вы разве не получили мое письмо?

— Что? Ах да, получил. Я просто проходил мимо и отважился заглянуть, чтобы сказать: если с новым жильцом вдруг возникнут проблемы, я все еще заинтересован в комнатах. Из вашего письма я понял, что долг призывает вас сдать комнаты кому-то из родственников, с которым хлопот не оберешься. Вот я и подумал: если подобное положение дел окажется временным, возможно, вы примете решение в мою пользу.

Клара замерла на лестнице и бросила на тетушку вопросительный взгляд. Та залилась густым румянцем.

Девушка легко сбежала вниз по ступеням и протянула посетителю ухоженную руку. Ярко-вишневый лак «Кутекс» на ее ногтях был последним писком моды, совершенно неприемлемым, по мнению отца.

— Клара Гудвин. Та самая родственница, от

которой много хлопот.

Томпсон взял ее руку, явно не зная, что с ней делать, и откашлялся:

— Ах… да. Конечно. Очень рад знакомству.

— Полагаю, вы преувеличиваете, мистер Томпсон, на самом деле я выразилась не совсем так, — поспешно проговорила Агнес. — Но семейные связи и впрямь очень важны. Наша Клара немного упряма, как, впрочем, и все современные девушки. Мне ужасно жаль, что пришлось вам отказать, правда. Уверена, вы были бы замечательным жильцом…

Тетушка щебетала без умолку, даже не догадываясь, что, чем больше ты извиняешься, тем более виноватым выглядишь. Однако Клару ее речи нисколько не задевали. Она знала, что доставляет окружающим хлопоты, и почти наслаждалась этим. В этом-то и заключалась проблема: скука толкала к излишествам и безрассудным поступкам.

Мистер Томпсон вежливо кивал, а Клара тем временем изучала его лицо.

— …Вы показались мне таким обаятельным. И неважно, что вы всего лишь простой банковский служащий, хотя многие ваши ровесники уже управляющие… — Агнес была в своем ре-

пертуаре.

Когда тетушка наконец ненадолго замолчала, Клара, воспользовавшись паузой, спросила:

— Мы, кажется, виделись раньше, не так ли?

— Это вряд ли. — Мистер Томпсон встревоженно нахмурился.

— Ну как же, я вас знаю. Вы живете в папином поместье. Точнее, жили там, когда я была маленькой.

— Вы дочь Реджинальда Гудвина? — Его лоб прорезала озадаченная морщинка. — Боже правый, в последний раз я видел вас, когда вам было лет двенадцать. И вы — племянница мисс Хамфрис? Ну и ну, вот так совпадение!

На его лице мелькнуло довольно странное выражение, удивившее Клару. Казалось, мистер Томпсон внезапно узнал, что лошадь, на которую он поставил все свои сбережения, упала, пытаясь взять первый же барьер. Его плечи бессильно опустились; он вытащил из жилета карманные часы и бросил на них беглый взгляд:

— Ох, надо же, сколько уже времени. Простите, мне пора.

С этими словами он развернулся к двери и едва не врезался в Джека, вернувшегося с очередной охапкой вещей, поверх которой была набро-

шена шубка из лисьего меха, загораживавшая ему обзор. Клара пожала плечами и выкинула странного визитера из головы. И без него забот хватает.

6

Через неделю Митци ухитрилась раздобыть приглашения на вечеринку в Белгравии. Ходили слухи, что там может появиться одна из сестер Митфорд[1]. Вечеринка снова оказалась костюмированной, и Клара заподозрила, что изящество окончательно уступило место абсурду. Гости должны были явиться в нарядах, связанных с детством. Невилл грозился приехать в подгузнике верхом на игрушечной лошадке на колесиках. Клара повязала на голову огромный желтый бант и, одолжив у Лили старомодное довоенное платье, подколола юбку булавками, задрав подол скандально высоко. Теперь ей оставалось только подобрать детские игрушки, чтобы завершить образ.

«Как можно жить среди этого хлама?» — размышляла Клара, роясь в стоявшем на первом этаже комоде, заполненном вещами, которых хватило бы на несколько поколений. Тетушка Аг-

[1] Примечания: 1

Сестры Митфорд — шесть известных английских аристократок первой половины XX в., дочери 2-го барона Редесдейла, ставшие культурным феноменом британского общества благодаря ярким характерам, скандальным взглядам и связям. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ги никогда ничего не выбрасывала и наверняка хранила что-нибудь подходящее для вечеринки. Джек обещал заехать в десять, и Клара не успевала собраться. Она даже не задумалась, что вновь уйдет в тот час, до которого тетя настоятельно просила ее возвращаться домой. На то, чтобы заколоть дурацкое платье, ушло куда больше времени, чем девушка рассчитывала. Джек должен был появиться с минуты на минуту. Наконец ее старания увенчались успехом. Открыв высокий викторианский шкаф, парный к тому, что стоял в спальне Агнес, Клара обнаружила на верхней полке небольшую коллекцию игрушек, в том числе и кукол, смотревших на нее сверху вниз.

Она схватила древнюю фарфоровую куклу в платье бутылочно-зеленого цвета и волчок, который помнила еще с детства. Поцокала языком при виде открытой бархатной шкатулки с драгоценностями — ну что за беспечность, честное слово: кто угодно может зайти сюда и прикарманить сокровища! — и вернулась в узкий коридор. Может, именно так Гилберт и добывал деньги? Заметила бы тетя Агги пропажу?

Раздался бодрый стук в парадную дверь, и Клара открыла Джеку, который раздобыл нечто похожее на школьную форму: полосатый блейзер

и короткие штанишки в тон. Следовало признать, что этот мужчина с высокими скулами, тонкими усиками и небрежной улыбкой был настоящим красавцем. Когда Клара взглянула в его радостное лицо, ее охватило необъяснимое волнение. Разумеется, о любви нет и речи, однако Джек все же был очень милым, хотя его откровенное обожание и тяготило Клару.

— Поехали, дорогой, — промурлыкала она. Из уст девушки, одетой, как семилетняя девочка, эта реплика прозвучала странно. — Этот дом подобен выжженной солнцем пустыне, а я знаю, что бокал игристого моментально поднимет мне настроение.

В конце темного коридора появилась Агнес; ее седые кудри были убраны под сеточку, а светлый халат ниспадал до самого пола. Джек заметил ее краем глаза и вздрогнул.

— Господи! Я принял старушку за привидение, — пробормотал он. — Разгуливает среди ночи… Напугала меня до смерти.

— Это мой дом, и не следует ничего брать без спросу, — напомнила Агнес, приближаясь. — Зачем тебе леди Уинифред, Клара? Оставь ее в покое.

— Да это же всего лишь кукла, тетя, — закатила

глаза Клара. — Я верну ее завтра.

— Нет! Я категорически возражаю. Она ни при каких обстоятельствах не должна покидать дом. И мне крайне неприятно, что ты рылась в моих вещах без разрешения. Многие из них очень мне дороги. К тому же я, кажется, ясно дала понять, что все жильцы должны быть дома к десяти. Я запираю двери на ночь, чтобы не опасаться за свою собственность и твою добродетель.

— Тогда увидимся утром. Вполне вероятно, что мы будем танцевать до рассвета. На таких вечеринках веселье обычно начинается не раньше полуночи.

Заметив потрясение, отразившееся на лице Агнес, Джек попытался успокоить пожилую леди:

— Не волнуйтесь, мисс Хамфрис, я не подпущу к вашей племяннице посторонних. Всю ночь не отойду от нее ни на шаг.

— Меня волнуют вовсе не посторонние. — Агнес одарила молодого человека выразительным взглядом и вновь повернулась к Кларе. — Ты не можешь разгуливать по ночам где вздумается. Так ведут себя не благовоспитанные девушки, а развратницы.

Клара опять закатила глаза, водрузила леди Уинифред на маленький столик в прихожей и

выскользнула за порог.

7. Фарфоровая кукла

У любимой куклы Агнес было бледное личико. Ее кожа казалась белой, словно бумага. Ярко-голубые глаза сияли на тончайшем немецком фарфоре в обрамлении блестящего шлема керамических волос. Увы, их нельзя было расчесывать, но зато они всегда выглядели безупречно.

Куклу подарили Агнес на шестой день рождения, и она провела множество послеобеденных часов, наливая в изящные чашечки воображаемый чай для своей утонченной подруги леди Уинифред, обсуждая, какое пирожное попробовать первым, или перемывая косточки прислуге: бедняжка Энн так и не научилась разводить огонь в камине, а Полли не умеет правильно месить тесто. К одиннадцати годам Агнес привыкла доверять леди Уинифред все свои секреты и советоваться с ней по любому поводу. Знает ли та, почему мама так устает? Чего ждать, если родится братик или сестренка? Когда младшая сестра действительно появилась на свет и стало ясно, что мама опасно больна, Агнес подолгу шепталась с подругой, ища у той поддержки, после того как на ночь задували свечу. Сапфировые

глаза куклы лучились мудростью и пониманием. Уинифред была взрослой женщиной с узкой талией, широкими бедрами и длинными ногами из набивной ткани. Она прожила долгую и полную приключений жизнь, пройдя, несомненно, через множество испытаний. А ее хозяйка была всего лишь маленькой девочкой.

Когда мать Агнес умерла, Уинифред усадили на шкаф. Ее маленькие кожаные ботиночки свисали с края под странным углом. Подпертая шляпной коробкой кукла могла наблюдать за хозяйкой издалека. Беспечные детские игры остались в прошлом, потому что теперь у Агнес Хамфрис появилось множество дел. Несмотря на нежный двенадцатилетний возраст, на нее внезапно свалилось множество взрослых обязанностей. Она заменила сестренке мать, которой та лишилась спустя пять дней после рождения. Ни времени, ни желания возиться с куклами у Агнес больше не было. Единственная игра, которую она могла себе позволить в последующие двадцать лет, представляла череду отчаянных попыток достойно исполнить роль матери для Дафны.

8

После полудня Клара, закутавшись в просторный шелковый пеньюар, с трудом спустилась вниз в поисках чая и сочувствия. В ее комнатах имелась маленькая газовая плитка, но Клара была не из числа домашних хозяюшек. Раз уж тетя готовит для Гилберта и мистера Горски, лишняя порция у нее, несомненно, найдется. Агнес явно любила заботиться о ближних, хотя никогда не была замужем и не имела детей. Какая жалость: она бы наверняка преуспела в роли жены и матери. Бывают же люди, созданные для того, чтобы делать других счастливыми.

Девушка села за сосновый стол, и к ней скользнула дымящаяся кружка чая. Похоже, рассчитывать на большее не приходилось. Сочувствием здесь даже не пахло, скорее, наоборот, хотя Кларе, мучимой адской головной болью, меньше всего хотелось выслушивать упреки за ночное веселье.

— Твой образ жизни никуда не годится, юная леди, — заявила тетя, избегая смотреть ей в глаза. — Ты валяешься в постели до полудня, а потом встаешь и обращаешься с окружающими, как с

прислугой. Помощи от тебя не дождешься, чужие чувства тебя не волнуют. Ты совсем не пытаешься приносить пользу.

Кухню наполняли восхитительные ароматы свежей выпечки, но Клара понимала: пройдет немало времени, прежде чем ее желудок сможет принять что-то твердое.

— Ох, как же мне плохо! Голова просто раскалывается, — простонала она.

— Ну а чего ты ждала, девочка моя? Я и сама не прочь пропустить стаканчик, но, по-моему, глупо напиваться, чтобы потом страдать. — Агнес некоторое время помолчала. Но в конце концов великодушие взяло верх, и она предложила: — Давай смешаю тебе пару сырых яиц с каплей вустерского соуса. Мистер Блэндфорд клялся, что это помогает.

— Я бы предпочла «Кровавую Мэри».

— Клара! Что за ужасные вещи ты говоришь?

— Это название коктейля, — пояснила она.

Тетя достала из высокого шкафа у дальней стены бутылку, а из корзинки на подоконнике два яйца. Приготовление снадобья заняло считаные секунды.

— Выпей чай, постарайся проглотить это, а потом сбегай наверх и переоденься. К твоему

возвращению я приготовлю поднос с чаем и выпечкой для мистера Горски.

Не дожидаясь ответа, Агнес подвинула племяннице стакан с отвратительным на вид средством от похмелья и занялась куда более аппетитным фруктовым кексом, румянившимся в духовке.

***

— Войдите, — распорядился из комнаты дрожащий мужской голос.

Клара открыла дверь и увидела в противоположном углу старика, сидевшего в глубоком кожаном кресле с подголовником и подлокотниками. Над его ушами торчали пушистые белые космы, сливавшиеся с густой бородой, однако на макушке при этом волос почти не осталось. По обе стороны от крупного прямого носа сверкали маленькие глазки, напоминавшие небесно-голубые кристаллы. Лицо умного человека, отметила Клара, быстро убедившись, что яркие бусинки видят ее насквозь. Судя по живому и подвижному взгляду старика, мозг его работал куда быстрее, чем изношенное тело, в котором он был заключен.

Клара знала, что мистер Горски живет на втором этаже, но пока что не уделяла ему особого внимания. Она не умела обращаться с немощ-

ными стариками: они требовали времени и терпения — первого у Клары имелось в избытке, а вот второго не было вовсе. Но тетя, приютившая девушку по доброте душевной, передвигалась по дому с явным трудом, поэтому Клара, тяжело вздохнув, подошла к старику и поставила поднос на маленький столик перед ним.

— Александр Горски, — представился он, протягивая гостье искривленную руку.

Ладонь была не раскрыта, а пальцы — растопырены под странным углом, напоминая очертания сломанного птичьего крыла. Тетя Агги говорила, что это из-за артрита. Клара уставилась на искалеченную болезнью руку, испытывая неловкость.

— Пожалуйста, присядьте и составьте старику компанию. Вы ведь Клара? — «Р» звучало раскатисто, и акцент выдавал иностранное происхождение постояльца.

Опустившись в соседнее кресло, девушка сообразила, что пялится на старика самым бесцеремонным образом, и тут же превратилась в другую Клару — обворожительную, соблазнительную и насквозь фальшивую. Так было проще скрыть настоящую Клару, уязвимую и испуганную.

— Чрезвычайно приятно с вами познакомиться, — пропела она. — И да, я именно та непутевая

племянница, на которую, уверена, тетушка уже успела пожаловаться.

Старик слегка приподнял брови, но ничего не сказал.

— Мои родители много лет назад были на вашем концерте в Вене, когда путешествовали по Европе, — добавила девушка.

Они и впрямь упоминали, что еще до войны слушали, как Александр Горски исполняет Бетховена, и, по словам разборчивого отца Клары, играл пианист просто превосходно. Когда старик переехал на Бёрлингтон-сквер, мамочка утешалась мыслью, что сестра, нуждавшаяся в квартирантах, хотя бы пускает под свою крышу «правильных людей».

— Ах, то было время, когда руки еще меня слушались и моя жизнь имела смысл, хвала Господу. В музыке есть нечто духовное, вы не находите?

— Скорее чувственное, чем духовное. Думаю, музыка создана, чтобы под нее двигаться, а не сидеть смирно в кресле. Впрочем, подозреваю, что мои пристрастия разительно отличаются от ваших. Мне ближе джаз: визгливые звуки трубы, гул контрабаса, вибрации, пронизывающие тело. Это дает невероятный заряд бодрости, особенно когда я танцую. Почти как секс, — добавила она

дерзко.

— Милая девочка, если вы пытаетесь меня шокировать, — сказал мистер Горски, наклоняясь вперед, чтобы рассмотреть кекс, — боюсь, вам придется постараться сильнее. Я хоть и стар, но слишком хорошо понимаю, что такое чувственность. Легкое дыхание женщины на коже; сладкий аромат, витающий в воздухе после того, как двое соединились телами; неукротимый жар, поднимающийся внутри, когда рядом та, кого жаждешь, но не можешь коснуться… Разумеется, музыка может быть чувственной. — Он на миг закрыл глаза, погрузившись в воспоминания. — «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси, например… Я ведь был на премьере балета в одна тысяча девятьсот двенадцатом году, — хмыкнул старик, открывая глаза и глядя прямо на собеседницу. — Джентльмен рядом со мной освистал постановку, но скульптор Роден — вы о нем слышали? — аплодировал стоя. Финал был невероятно эротичен.

К удивлению Клары, ее лицо залилось краской. Это с ней случалось крайне редко. Старик протянул руку и мягко похлопал девушку по колену.

— Я могу выиграть в любую игру на ваш выбор, милая, потому что дольше живу на свете и

уже все повидал. Ах, каждое новое поколение думает, будто первым открыло плотские радости, но это не так. Ваши современные танцы дарят освобождение, короткие юбки символизируют эмансипацию, но, умоляю, соблюдайте осторожность. Мужчинам грозит меньше последствий, и это нередко ведет к излишней беспечности. — Мистер Горски замолчал, потянулся к увесистой кружке чая на подносе и уставился на Клару, словно бы в поисках ответа на тревоживший его душу вопрос. — Чаще всего страдают именно женщины.

Он дрожащей рукой поднес кружку к губам, и ярко-голубые бусинки глаз на миг потускнели.

— Право, не стоит обо мне беспокоиться, — заверила его Клара. — Я пользуюсь небывалыми привилегиями и наслаждаюсь каждым мгновением жизни: каруселью вечеринок и танцев, веселых компаний и лучших друзей. — Она подарила старику загадочную улыбку, словно бы подтверждая свои слова.

— А ваша тетя сказала, что отец в гневе выставил вас из дома. Могу предположить, что все не так радужно, как вы рисуете. Особенно если верить очаровательной мисс Хамфрис, которая утверждает, будто вы наслаждаетесь гедонизмом,

не принося никому пользы — и, прежде всего, себе самой.

Честное слово, тетушка Агги не сумела бы сохранить секрет, даже если бы его спрятали в подземном сейфе, а ключ передали кому-то другому.

— Может быть, вы сбились с пути?

— Простите?

— Ведь именно тогда мы начинаем вести себя дурно, не так ли? Когда превращаемся в искаженную версию самих себя, лишь бы скрыть боль и разочарование.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — небрежно отмахнулась Клара. — Папа просто не понимает, что после войны жизнь изменилась, только и всего. Разве не ради этого столько молодых мужчин жертвовали собой в далеких землях? Чтобы мы были свободны от гнета и осуждения?

— Они умирали за мир, в котором больше не будет войн. И, полагаю, добились этого. Но они также погибали ради того, чтобы мы жили в согласии, пользовались равными правами и чтобы каждый человек мог процветать. Простите, если это прозвучит излишне резко, но они умирали вовсе не для того, чтобы избалованные юнцы беспечно расхаживали по земле, не замечая суровых

реалий вокруг себя.

— Вы считаете меня избалованной?

— Думаю, вам мало дела до вашей тети и людей, живущих в этом доме: возвращаетесь под утро, хлопаете дверями, шумите. Ожидаете, что Агнес будет прыгать вокруг вас.

— Значит, тетушка уже нажаловалась?

— Мисс Хамфрис говорит то, что думает, не опасаясь ранить чужие чувства. И мне это даже нравится. Если захотите услышать откровенное мнение, обратитесь к своей тете. — Мистер Горски сделал паузу, оценивающе посмотрев на Клару. — Если, конечно, у вас хватит смелости выслушать честный ответ.

Девушка в недоумении уставилась на излишне прямолинейного старика: зачем нападать на нее лишь потому, что его собственная жизнь не удалась?

— Самое печальное, что вы напоминаете бабочку: порхаете от цветка к цветку, привлекаете взгляды, но проку от вас никакого. А ведь вы могли бы стать пчелкой — собирать нектар и дарить мед. Моим медом была музыка. С ее помощью я обогащал жизнь других. Музыка служила для меня спасением, помогая отвлечься от боли из-за того, что мне не суждено было иметь.

Клара поднялась, не желая слушать упреки пугающе проницательного старика, однако слова мистера Горски задели ее за живое. Вдруг ей и правда нужна отдушина: какое-нибудь дело или увлечение, которому можно отдаться без остатка. Ведь она вряд ли когда-нибудь сможет получить то, о чем мечтает в глубине души.

9

Несмотря на отповедь мистера Горски, Клара не изменила свое поведение. Спустя неделю, полную очередных пьяных выходок, ее поймали с поличным, когда она пыталась провести в свои комнаты Невилла. Понимала или нет тетя Агги, что с этим молодым человеком добродетели племянницы ничего не угрожало, было уже неважно. Клару вызвали на кухню для серьезного разговора, и Агнес с беспощадной прямолинейностью заявила:

— Я понимаю, что времена изменились, пусть я и не успеваю меняться вместе с ними. Если ты хочешь пуститься во все тяжкие — это твое дело, но вести себя так под крышей моего дома недопустимо. Я признаю, что каждый человек имеет право сам распоряжаться собственной жизнью, однако сильно сомневаюсь, что подобный выбор сделает тебя счастливой.

Вероятно, тетушка предварительно побеседовала с мистером Горски. Клара легко могла представить, как они вдвоем неодобрительно цокают языками, обсуждая молодежь.

— Давай поговорим откровенно, Клара. Чем

объяснить твое безрассудное поведение?

Девушка в ответ лишь покачала головой, опасаясь брякнуть что-нибудь не то и выдать себя. Она разрывалась между желанием довериться любимой тетушке и боязнью подвергнуться ее осуждению.

— Ты сетуешь, что чувствуешь себя потерянной и одинокой, но я постоянно вижу тебя в окружении друзей. Быть одинокой в толпе — это очень печально. Если уж нарушаешь правила, то делай это потому, что неповиновение приносит тебе радость, а не потому, что не знаешь, чем еще заняться.

— Я стараюсь быть полезной, — напомнила ей Клара. — Я же ношу ужины мистеру Горски.

Правда, проницательность старика откровенно ее пугала, и после первого памятного визита девушка больше не задерживалась в его комнатах. Ей совсем не хотелось слушать о собственных недостатках.

— Ты появляешься у него и исчезаешь в мгновение ока. Не помешало бы уделить мистеру Горски немного времени. Он так одинок после смерти мистера Блэндфорда. К тому же ты доставляешь мне больше хлопот, чем оказываешь помощи. Когда я вчера утром меняла постель в твоей ком-

нате, то обнаружила на прикроватном коврике пятно от лака для ногтей. Ты прикладывалась к бренди, которое я храню на случай болезни, таскала из кухни еду в неположенное время и оставляла грязную посуду, чтобы я ее помыла. У меня нет прислуги, чтобы убирать за тобой, Клара. Ты никогда не найдешь мужа, если не научишься прилично себя вести.

— Поиск супруга никогда не был моей целью, — заявила Клара, разглядывая блестящие ногти — причину появления злополучного пятна на коврике — и подумывая, не сменить ли цвет.

«Из-за чего, интересно, тетушка так разнервничалась?»

— Только не оставайся старой девой, как я. Такой судьбы я никому не пожелаю. Мы — женщины, которые никому не нужны. Нас учили, как быть женами и матерями. Если ни с браком, ни с детьми не складывается, мы остаемся без средств к существованию, проводим большую часть жизни в одиночестве и отчаянно пытаемся свести концы с концами: я вот, например, вынуждена сдавать комнаты. Говорят, незамужние дамы могут только преподавать, играть на сцене или торговать своим телом… — Агнес загибала пальцы, перечисляя доступные варианты. — Подумай

хорошенько, возможно, ничего другого тебе не светит, если отец лишит тебя всякой поддержки.

— Карьера актрисы — перспектива довольно заманчивая, — лукаво улыбнулась Клара и задрала подбородок к потолку, словно бы взгляды зрителей уже устремились на нее.

В глубине души она понимала, что тетя права. Клару по-прежнему безмерно раздражало то, что она родилась женщиной, чьи возможности были существенно ограничены.

— Не будь такой легкомысленной. Ну подумай, что с тобой станет без защиты и денег отца? — Агнес помешала содержимое алюминиевой кастрюльки и полосатой вязаной прихваткой ловко сняла с плиты чайник, едва лишь тот засвистел.

— Я всегда сама о себе заботилась, тетя Агги. Мне не нужен мужчина, чтобы меня защищать, будь то отец или муж. И не горюй, что не вышла замуж. Зато никто тебе не указывает, что носить, что думать или за кого голосовать.

Клару слегка раздражало, что женщины ее

возраста до сих пор не имели права голоса[2], но у нее не было ни сил, ни желания бороться с этой несправедливостью. По иронии судьбы ее отец был политиком.

Агнес покачала головой, выключила газ и соскребла яичницу-болтунью на тонкий тост, намазанный маслом.

— Я благодарна судьбе за то, что мы с тобой такие разные, Клара, ведь мир держится на разнообразии. Но удел старой девы — это одиночество. Как ты справедливо заметила, у меня нет ни советчика, ни компаньона на вечер. И в постели рядом со мной тоже никого нет.

— Ну, тетя, — кокетливо сказала Клара, — утоление плотских желаний еще не повод для брака.

Щеки Агнес вспыхнули, сравнявшись цветом со стоявшими на столе банками с недавно замаринованной свеклой.

— Ты огорчаешь меня при каждом удобном случае, юная леди. Я люблю тебя и многое тебе прощаю, но даже Гилберт упрекает меня за излишнюю мягкость. Я начинаю подозревать, что

---

[2] Примечания: 2

В 1918 г. британский парламент принял *Акт о народном представительстве*, который предоставил право голоса женщинам в возрасте старше 30 лет, если они соответствовали имущественному или образовательному цензу. В 1928 г. возрастной ценз для женщин был снижен до 21 года.

найдутся другие, более достойные квартиранты, которые будут уважать этот дом и тех, кто в нем живет. Если твое поведение не изменится, я попрошу тебя уйти… Посмотри на меня, Клара. Я говорю серьезно.

Клара на миг опешила. Как и предполагал Гилберт, она считала, что слабохарактерная тетя будет безропотно сносить ее выходки. Но, похоже, ошибалась. Мало ей нравоучений мистера Горски. Так еще этот мрачный тип из мансарды встревает со своим мнением, которое никого не волнует! Девушка знала, что порой ведет себя эгоистично, но окружающие вовсе не были ей безразличны — особенно любимая тетушка Агги. Мысль о том, что эта добрейшая женщина подумывает выставить ее за дверь, отрезвила Клару.

— Значит, ты больше прислушиваешься к дряхлому поляку и придурку с чердака, чем к собственной племяннице? — выпалила она. Клара понимала, что несправедлива, но иначе выплескивать злость не умела.

— Ты слишком жестока к молодому Гилберту. Хватит придираться к парню.

Девушка в ответ надула губы.

— Может, он и не умеет вести себя в обществе, но у него доброе сердце, — продолжала

Агнес. — Гилберт подарил маленькой Эллен Смит ее первую пару обуви — нарядные красные туфельки, когда я упомянула, что у их семьи туго с деньгами. Да, у мальчика есть свои странности — вегетарианство и излишняя замкнутость, но мне почему-то хочется его защищать, хотя он вечно куда-то спешит и чрезвычайно скрытен.

— Вот именно, — кивнула Клара. — Этому типу наверняка есть что скрывать. Попомни мои слова: Гилберт не тот, за кого себя выдает. Ты понятия не имеешь, что он делает со своим фотоаппаратом. Подумай сама: почему Гилберт так часто пропадает по ночам? Не удивлюсь, если твой любимый квартирант снимает полуголых женщин и продает их фотографии в сомнительные журналы. — Она многозначительно повела бровями.

— Клара! Нельзя огульно обвинять человека, строя заведомо ложные домыслы! — воскликнула тетя, однако в глазах ее мелькнуло легкое беспокойство: очевидно, она даже не задумывалась о подобном. — К тому же, по моему опыту, те, чья жизнь вроде бы вся на виду, тоже имеют свои секреты.

Агнес впилась в племянницу проницательным взглядом, и та неловко заерзала на стуле.

Тетя налила кипяток в маленький заварочный чайник на подносе для завтрака, накрыла его вязаным чехлом, поставила рядом увесистую кружку с чайной ложкой и отступила, любуясь результатом.

— Тебе нужен кто-нибудь, кого ты полюбишь, Клара. Потому что любовь учит нас думать прежде всего о других. Когда у тебя появится обожаемый муж или ребенок, ты с радостью пойдешь ради них на жертвы, ведь их нужды и желания станут важнее твоих собственных. Я, к примеру, нисколько не жалею о жертвах, принесенных ради отца.

Отношения Клары с родителями всегда были непростыми, но она любила их обоих и грустила из-за ссоры с отцом. Девушка прекрасно осознавала: той близости, что связывала тетушку Агги с ее отцом, им никогда не достичь, но, возможно, папа успел остыть после вспышки гнева и понял, что излишне погорячился. Пожалуй, пора проверить, как обстоят дела.

***

С тех пор как Агнес пришлось поселиться на первом этаже, ее гостиная представляла собой эклектичное нагромождение мебели, втиснутой в ограниченное пространство. Комната утра-

тила индивидуальность. Особенно чужеродно смотрелся большой письменный стол у окна. Он принадлежал еще деду Клары. Впрочем, девушка его не помнила, поскольку тот умер до ее рождения.

Она подошла к столу и сняла со стойки трубку телефонного аппарата, который Дафна установила и оплатила сама, как будто она была старшей сестрой, а Агнес — младшей. «Неужели наличие мужа, — размышляла Клара, — со временем позволило маме поменяться с тетей ролями?» Она назвала телефонистке номер и дождалась щелчка, означавшего, что в Хартфордшире подняли трубку.

— Ох, дорогая, не думаю, что сейчас разумно звонить домой. По крайней мере, пока. Папа все еще в ярости из-за твоего поведения. Ему требуется больше времени.

И мать, и дочь избегали обсуждать происшествие, учитывая, что телефонистка могла их подслушать. Кроме того, даже застав Клару с поличным в стенах гостевой спальни, ее мать не смогла подыскать слов, чтобы описать сексуальную распущенность дочери. Казалось, отказываясь признать случившееся, Дафна надеялась, что неприятности исчезнут сами собой.

Классическая ошибка истинных британцев.

— Мы обе знаем, что папа сегодня в Лондоне, у него дела в парламенте.

Повисла пауза. Никто не знал, как продолжить разговор.

— Агнес написала, что ты хорошо устроилась на Бёрлингтон-сквер. Я так рада. Пару недель назад я столкнулась с леди Ригби, и та намекнула, что ты ночуешь на диване у подруги. Наверное, Джек проболтался. Это уже ни в какие ворота, дорогая. Могут подумать, что ты не располагаешь деньгами, дабы снять жилье, и вконец отчаялась.

Клара провела глянцевым ногтем по нижней губе, наслаждаясь тем, как он скользит. И ответила:

— Но ведь именно так и обстоят дела, разве нет? Папа временно перекрыл поток пенни, а моих собственных денег надолго не хватит. Отели ужасно дорогие.

— Папа опасается, что правда выплывет наружу. Он ведь обедает с этими людьми, дорогая. В лондонском клубе, например, видится с отцом Филиппа. Скандал может навредить его положению. Не забывай, что, когда всплыла история с продажей титулов, Ллойду Джорджу пришлось уйти в отставку.

— Ну, моя… оплошность едва ли такого масштаба.

Мать фыркнула:

— Ладно, раз уж помолвка Филиппа все еще в силе, возможно, все и обойдется. Мать Алисы видели в городе — она покупала новую шляпку, а в «Таймс» напечатали объявление. Свадьбу перенесли на следующий месяц. Думаю, родители Алисы что-то пронюхали и решили поторопиться.

Клара так резко втянула воздух, услышав эту неожиданную новость, что даже закашлялась. Значит, ничего не изменилось, и ей оставалось лишь смириться с ролью игрушки, добрачного увлечения.

«Конечно, свадьба состоится, — подумала она. — Ведь о любви даже и речи не шло». Семья Алисы разбогатела благодаря текстилю и нуждалась в покровительстве семьи Филиппа с их безупречным происхождением. Говорили, что поместье в Суррее обременено долгами.

— Пусть папа увидит, что с твоими глупыми выходками покончено. Убеди его, что была лишь невольной участницей, и раздобудь себе обручальное колечко на пальчик. Он всего лишь хочет, чтобы ты остепенилась, милая.

«Да, а еще он мечтает поскорее сбыть меня с рук», — мысленно добавила Клара. Если упрятать дочь в сельской глуши, желательно с новорожденным младенцем, то хлопот отцу она больше не доставит.

— Честно говоря, мне даже все равно, будет ли твой избранник при деньгах. Хорошей фамилии и клочка земли вполне достаточно. Кстати, Джек Ригби всегда проявлял к тебе интерес, а он удовлетворяет всем трем условиям. Поверь мне, вовсе не обязательно любить мужа. Боже мой, Клара, большинство женщин прекрасно обходится без этого.

Но Клара решила твердо стоять на своем и не сдавать позиций. Тетя Агги напомнила ей, что быть счастливой важнее, чем соответствовать ожиданиям общества. Для молодой женщины, которая всю жизнь чувствовала себя не на своем месте и была несчастна, мысль о браке, сулившем то же самое, была невыносима. Ей хотелось сохранить хотя бы гипотетическую возможность счастливого финала, как в книгах, которые тетя читала ей в детстве. В книгах, позволявших сбежать от реальности, когда, уютно устроившись на потертом голубом диване на Бёрлингтон-сквер, Клара позволяла себе верить, что на свете

и впрямь нет ничего невозможного.

— Замужество необходимо отнюдь не всем, мама. Может, я хочу сделать карьеру? Стать самодостаточной личностью, а не просто чьей-то женой.

— Ох, дорогая, ты не создана для работы, и я уверена: чем бы ты ни занялась, твой выбор окажется неподходящим и лишь еще больше опозорит папу.

Последние слова матери заставили Клару понять, что возвращение домой сейчас — да и, пожалуй, когда-либо вообще — не лучшая идея. В глубине души девушка знала: тетя Агги хотела, чтобы близкие были счастливы, а ее родители желали, чтобы дочь соответствовала их ожиданиям — и тогда счастливы были бы они. Увы, для них Клара навеки останется разочарованием. Поэтому, несмотря на отсутствие изысканных обедов, предупредительных слуг и туго набитого кошелька, она предпочитала жизнь на Бёрлингтон-сквер, где, невзирая на глупые правила и ограничения можно было оставаться собой, а не ощущать себя обузой, как дома, в Хартфордшире.

10

Восхитительные завитки дыма закручивались ленточками в жарком летнем воздухе, поднимались спиралями с кончика сигареты Клары и рассеивались в небесах.

«Дела складываются не лучшим образом», — вынуждена была признать она, поворачивая ступни то в одну, то в другую сторону и любуясь лакированными туфлями с Т-образными ремешками. Девушка сидела на ступенях крыльца, вытянув длинные ноги, почти достигавшие мостовой, и наслаждалась теплом солнца на исходе лета. Решение остаться на Бёрлингтон-сквер не было идеальным, однако Кларе предстояло извлечь из ситуации хоть какую-то пользу.

Мимо сновали толпы людей, и она гадала, куда же все они так спешат, пока не сообразила, что большинство торопыг, вероятно, мчатся на работу. Если тебе самой никогда не приходилось работать, нетрудно забыть, что продавщицы и фабричные рабочие вынуждены целый день трудиться на других. По крайней мере, у этих людей была цель: продавать духи или собирать мебель. А для чего жила Клара? Зачем она каждое утро

вставала с постели, смотрела миру в лицо, общалась с окружающими и развлекала друзей, если это не приносило ей счастья? Наверное, и впрямь пора уже завязывать с бесконечным гедонизмом. Тетя Агги права: изрядная доза филантропии, пожалуй, помогла бы ей почувствовать себя лучше.

Девушка затянулась сигаретой и заметила, что сад, разбитый на Бёрлингтон-сквер, выглядит великолепно. Он был островком спокойствия в шумном и порой неприятном городе, этаким крошечным, но ухоженным зеленым уголком общего пользования, даривишим иллюзию умиротворения среди нависавших со всех сторон высоких зданий, бесконечных людских потоков и столичной грязи.

Клара так увлеклась созерцанием живописной картины, что даже не заметила, как рядом появился кто-то еще.

— Вы очень красивая, — нарушил тишину писклявый детский голосок. — Я сначала подумала, что вы леди. У вас такое красивое платье и блестящие волосы. Но бабушка говорила, что леди не курят, поэтому я не знаю, кто вы.

Клара повернула голову вправо и увидела внизу на мостовой два пытливых детских личика. Девочки наверняка были сестрами — слишком

уж они походили друг на друга. За ними следовала женщина, ненамного старше самой Клары, но заметно ниже ее ростом. Она держала за локоть высокого мужчину с угловатыми чертами лица. На руках у нее покачивался еще один ребенок.

«И когда только столь юное создание успело обзавестись целым выводком малышей? — подумала Клара. — К тому же она явно ожидает еще одного». Ножки младшей дочери болтались возле округлившегося живота, который выдавал положение женщины. Бр-р… Быть фабрикой по производству младенцев — худшего и представить нельзя. Впрочем, именно этого и хотел Джек: чтобы жена родила ему пару-тройку маленьких Ригби ради продолжения фамилии. Ну и, разумеется, чтобы она развлекала мужа, пока тот не пресытится и не найдет себе новую игрушку. Клара вспомнила, как он проникал в ее рот языком, словно прокладывая шахту, и дергал за волосы, пытаясь вызвать ответную реакцию. Речь всегда шла лишь о нем и его желаниях. Джек понятия не имел, чего хотела сама Клара, что доставляло ей удовольствие, как и где ее следовало касаться.

— Простите великодушно: дети, что с них взять, — сказал мужчина, высвобождая руку, пока Клара изучала стоявшую в лучах солнца чету.

Женщина молчала, настороженно разглядывая Клару, однако не выдавая собственных мыслей. Если бы незнакомка улыбнулась и выражение ее лица смягчилось, то она наверняка оказалась бы довольно милой. Ее моложавый супруг был довольно интересным мужчиной с четко очерченным волевым подбородком и наверняка обращал на себя внимание любой дамы.

— Вы, вероятно, племянница мисс Хамфрис? — спросил он. — Я заметил вас пару недель назад.

Ах да, теперь Клара вспомнила. Когда она пришла навестить тетю, он стоял возле дома, небрежно облокотившись на ограду. Тогда этот тип одарил Клару сладострастным взглядом и отпустил замечание насчет ее красивых ног. Непринужденные манеры и озорное подмигивание давали понять, что мужчина прекрасно осведомлен, насколько он привлекателен. Причем его совершенно не смущало то обстоятельство, что он женат.

— Я Николас, а это моя супруга Джемайма, — сообщил он.

Дочерей сосед не представил, и Клара решила, что это к лучшему: она не любила детей и все равно бы не запомнила их имена. Жена Николаса продолжала внимательно изучать племянницу

хозяйки, и под ее пристальным и пронзительным взглядом девушка поежилась, несмотря на жару. Казалось, будто Джемайма видит ее насквозь и понимает, что за блестящей оболочкой и бравадой скрывается самозванка. Возможно, соседка приняла ее за соперницу. Клара знала, что стоило ей войти в комнату, как она затмевала собой большинство женщин. На ее фоне Джемайма — со старомодной прической, в неказистом хлопковом платье — смотрелась довольно бледно.

— Клара Гудвин, — произнесла она, протягивая изящную руку, но ни один из супругов ее не пожал. — Обстоятельства вынудили меня временно поселиться у тети, но я надеюсь, что это ненадолго. Комнаты мистера Блэндфорда тесноваты и не слишком изысканны. У бедной тетушки Агги отвратительный вкус по части мебели, но выбирать не приходится.

— Он был хороший, — сказала вдруг самая высокая из девочек. Клара даже вздрогнула от неожиданности: она почти позабыла про детей, которые копошились на мостовой, как муравьи. — Его голова напоминала огромное яйцо, а жилетка никак не застегивалась и пуговицы все норовили отлететь, но он много пел и говорил смешные вещи.

Николас, стоявший позади дочери, выразительно щелкнул по шее и закатил глаза.

«Ах вот оно что, мистер Блэндфорд, оказывается, был выпивоха. Упоминала ли об этом тетя Агги?» Клара не помнила.

— Бабушка говорила, что крепкие напитки — это происки дьявола. Поэтому я знала, что он умрет. Ведь бабушка уверяла, что выпивка сводит в могилу раньше времени, — заявила девочка, решительно скрестив на груди тонкие ручки.

— Матильда! — впервые подала голос Джемайма. — Не смей так отзываться о мистере Блэндфорде. Бедняга погиб в результате несчастного случая.

— Лично мне Блэндфорд нравился, — заметил Николас. — Он не жалел ни времени, ни денег, чтобы помочь соседям. Всегда готов был прийти на выручку в трудный час. Друзья ведь должны быть рядом, правда, мисс Гудвин? — Он одарил Клару улыбкой, в которой сквозил интерес. — Чтобы подставить плечо?

— Разумеется, — промурлыкала девушка.

— Надо накормить эту троицу, Ник, — напомнила мужу Джемайма, метнув на соседку сердитый взгляд, и направилась к калитке.

— Было очень приятно познакомиться. Уверен,

мы еще встретимся, — проговорил Николас, сопровождая семью к крутой лестнице, ведущей в подвал.

Когда они начали спускаться, Клара затянулась сигаретой, надеясь, что выглядит соблазнительно, и лениво выпустила дым сквозь изящно очерченные губы. Девушка смотрела в сторону, словно бы супружеская чета ее вовсе не занимала.

«Забавно, до чего же стремительно может перемениться жизнь», — думала она, вспоминая восхитительное зрелище, только что промелькнувшее перед ее усталыми, полными разочарования глазами. Еще каких-нибудь пять минут назад она испытывала отчаяние и ощущала себя совершенно одинокой, а теперь ее тело, охваченное новым влечением, аж подрагивало от искр и вспышек. Клара вздохнула. Разумеется, сердцу не прикажешь, однако же надо признать: у нее имелась скверная привычка влюбляться в тех, кто был несвободен.

— Вы знаете, где меня… то есть нас… найти, если вам вдруг что-то понадобится. Что бы это ни было, — сказал Николас, который спускался по лестнице последним.

Девушка кивнула, почувствовав азарт. Ее тело

вновь пробудилось — произошло то, чего Джеку никак не удавалось добиться. Возможно, стоило втереться в доверие к молодой семье и посмотреть, к чему это приведет. Жизнь в доме тетушки Агги перестала казаться Кларе такой уж невыносимой.

***

Докурив сигарету, Клара спрыгнула со ступенек и направилась к саду на Бёрлингтон-сквер. Приведя свой режим сна в соответствие с ритмом остального человечества, она могла насладиться прелестью этого зеленого уголка при свете дня. Невзирая на неприятные запахи, порой доносившиеся с Темзы, и отсутствие величественной панорамы, девушка чувствовала себя лучше оттого, что вышла на воздух и соприкоснулась с природой.

Она проскользнула в калитку и пошла по гравийной дорожке. На скамье в центре сада сидела какая-то молодая женщина. Заметив приближение Клары, она подвинулась.

— Места всем хватит, — промолвила незнакомка, и Клара нехотя примостилась на самый краешек.

Женщина подняла глаза, затем нервно опустила взгляд на колени и снова посмотрела на

блистательную соседку. Клара, привыкшая к восхищению окружающих, решила проявить любезность:

— Какой чудесный день.

— Да, но, по правде говоря, мне бы не следовало здесь находиться. Я живу дальше, однако несколько недель назад приходила сюда на собеседование и просто влюбилась в этот район.

— На собеседование по работе? — невольно заинтересовалась Клара.

— Нет, я работаю в «Пембертоне». Я искала жилье в доме номер двадцать три.

— Та самая леди, что продает перчатки? — Клара не удержалась от улыбки, сопоставив факты. — А я про вас слышала.

— Да, это я. Вы очень любезны. Будем знакомы, меня зовут Мерси.

Явно недоумевая, откуда эта ослепительная красавица узнала о ней, женщина нерешительно протянула руку. Клара пожала ее, заметив:

— Возможно, вы измените свое мнение обо мне, если я сообщу, что именно из-за меня тетушка Агги не сдала вам комнаты.

— Ах, так вы ее племянница. После той встречи мисс Хамфрис отправила мне любезное письмо. Я все прекрасно понимаю. К тому же пансион

миссис Джонсон гораздо лучше моего прежнего жилья, так что я не жалуюсь.

— Вы произвели на тетушку сильное впечатление. А что касается меня… Полагаю, она уже не раз пожалела о своем выборе. Боюсь, я бываю невыносимой.

Они помолчали, обменявшись улыбками.

— Красивая сумка, — заметила Клара, взглянув на крокодиловую сумочку, стоявшую у ног Мерси.

— Не слишком модная, но ее подарила мне мама, и потому я не могу с ней расстаться.

Клара увидела в собеседнице еще одну сентиментальную натуру и поняла, что та отлично поладила бы с тетей Агги. Она готова была спорить на последнюю сигарету, что эта женщина всегда готова помочь другим, соблюдает комендантский час и не ввалится в дом в пять утра, перебудив всех жильцов.

— Я уже сто лет не заходила в «Пембертон». Великолепный магазин. Даже не представляю, как можно целый день простоять на ногах, обслуживая привередливых и неблагодарных клиентов вроде меня. Но это, должно быть, ужасно захватывающе.

— Я привыкла трудиться. Выросла на ферме

и доила коров еще до того, как научилась читать. Сельское хозяйство — это не работа, а образ жизни.

— А что привело вас в город?

Клара чувствовала неловкость: становилось все очевиднее, что молодая женщина нуждалась в комнатах куда больше, чем она.

— Я хотела доказать себе, что чего-то стою, — пожала плечами Мерси. — И потом, в городе проще. На ферме постоянно бываешь занят, а в магазине отработал смену — и свободен. К тому же люди здесь намного добрее. Моя свекровь была страшно озлоблена из-за того, что случилось с ее сыном, и винила во всем меня. Мне нужно было начать заново. Понять, кто я такая.

Клара вспомнила: тетушка Агги упоминала про то, что молодая вдова слишком нервная и забитая. Она и сама видела это: женщина сидела на краешке скамьи, не решаясь откинуться на спинку, а взгляд ее широко раскрытых глаз метался из стороны в сторону.

— Жаль, что у меня нет иного предназначения, кроме неписаного удела всех женщин — выйти замуж и стать матерью, — сказала Клара.

Без сомнения, она не справится ни с одной из этих ролей. Она была напрочь лишена материн-

ского инстинкта, и неизбежность появления в браке ребенка пугала ее до дрожи. Она не хотела ни терпеть родовые муки, ни попадать в зависимость от другого человека.

— Но я просто не знаю, чем могла бы заняться. Однако работать в магазине точно бы не стала — это не мой уровень. — Клара сразу поняла, что сболтнула лишнее. — Без обид.

— Все в порядке. — Мерси улыбнулась. — У вас, без сомнения, образование лучше, чем у меня, и вы можете претендовать на профессии, которые мне недоступны: секретарша, учительница и тому подобное.

— Да какое там образование! Я была слишком непоседлива для учебы, — вздохнула Клара, изящно скрестив ноги. — Если бы стиль и умение вести остроумную беседу входили в учебную программу, я бы окончила школу с отличием. По большому счету я умею лишь хорошо выглядеть, окружать себя красивыми вещами и порхать по танцплощадкам, потягивая коктейли. Вот уж в чем я истинный мастер. — Она сама себе улыбнулась. — Если бы мне платили за умение веселиться, я была бы баснословно богата. Так что, пожалуй, остается лишь довольствоваться браком без любви, но с хорошими финансовыми

перспективами.

Мерси испуганно ахнула и вцепилась ей в руку.

— Нет! — Тревога на ее лице сменилась откровенным ужасом. — Не делайте так ни в коем случае. В брак можно вступать только по любви — и ни по какой другой причине.

11

После разговора с Мерси Клара попыталась загладить вину за то, что отняла комнаты у более достойной претендентки. Она старалась быть полезной и больше времени уделять тете. Решимость покончить с разгульным образом жизни, помноженная на тающие финансы, привела к тому, что девушка на несколько дней присмирела. Пожилая дама была в восторге оттого, что племянница проводит с ней вечера, да и Клара в свою очередь радовалась: ведь здесь ее любили за то, какая она есть. Уютно устроившись на диване рядом с тетушкой Агги, слушая ее прямолинейные житейские рассуждения и болтая о прошлом, девушка ощущала удовлетворение, какого не испытывала уже давно.

Но друзья скучали по ней, а Невилл был недоволен тем, что она променяла их компанию на «какао и общество унылой старушенции». В конце концов Клара поддалась на настойчивые уговоры Джека и согласилась вечером, на исходе августа, отправиться с ними в клуб «Шестьдесят три».

Она вытащила из шаткой груды одежды на сту-

ле с реечной спинкой слегка помятое шелковое вечернее платье персикового цвета. Картина в спальне Клары напоминала благотворительную распродажу в церкви, ведь она так и не разобрала вещи как следует. Девушке очень не хватало прислуги, хотя в отсутствии горничных, придирчиво оценивающих хозяйку из угла каждой комнаты, было свое преимущество. Она надела платье через голову. Ткань мягко заскользила по телу, пока Клара разглядывала свое отражение в зеркальной дверце довольно безвкусного викторианского шкафа. Повертевшись из стороны в сторону, девушка заметила, что украшенный стразами бантик на левом плече переливается на свету, а подол едва прикрывает колени — верх неприличия, по мнению ее бабушки по отцу, богатой вдовы, располагающей уймой свободного времени, чтобы оплакивать ушедшую молодость и осуждать всех, кто дерзал наслаждаться своей.

Клара знала, что очень привлекательна. Джек без конца твердил ей об этом, а взгляды, которые бросал на нее Николас, подтверждали его слова. Разумеется, флиртовать с женатым соседом было непозволительно, но ей нравилось провоцировать легкую ревность между супругами. Встреча с ними напомнила Кларе, как волнует охота на

жертву, которая даже и не подозревает, что ее ждет.

Сбежав вниз по двум лестничным пролетам, Клара столкнулась с угрюмым Гилбертом. Тот только что вошел в дом, держа в руках фотоаппарат. Сначала он не обратил на соседку внимания, но, когда она попыталась проскользнуть мимо, резко преградил ей путь.

— Можно, я вас сфотографирую? Прямо здесь и сейчас. — Его глаза сузились.

Ну и ну: хотя бы поздоровался сперва. Но не учить же взрослого мужчину элементарным манерам.

— Нет, — решительно заявила Клара. — Мне пора уходить.

— Я заплачу вам пять фунтов.

При других обстоятельствах она бы презрительно фыркнула и пошла дальше, однако сейчас решила, что пять фунтов определенно не помешают. Да и любопытство брало верх: зачем парню понадобилась ее фотография? Либо Гилберт был очередным пылким поклонником, либо намеревался использовать снимок в неблаговидных целях.

— Я не собираюсь раздеваться, чтобы вы потом продавали непристойные фотографии со мной в

так называемые художественные журналы.

Бледное лицо Гилберта окрасилось во второй цвет доступной ему скудной палитры — смущенно-розовый.

— Меня интересует платье. Это займет всего минуту, и никто не узнает, что это вы. Ваше лицо не попадет в кадр.

— Тогда я не вижу в этом смысла, милый.

— Понятно. — Он выглядел разочарованным. — Следовало догадаться, что деньги вам ни к чему.

Не желая уточнять, каково ее финансовое положение, Клара пересмотрела свое решение:

— Только сфотографируете платье, и все? И никаких глупостей?

— Вы не в моем вкусе, — покачал головой Гилберт.

— Взаимно.

Пару секунд они молча смотрели друг на друга.

— Ладно, только быстро, — наконец согласилась Клара, сообразив, что клаксона, возвещавшего прибытие ее компании, пока слышно не было. — И оплата сразу.

— Мне нужно кое-что взять.

Гилберт скрылся в гостиной тети Агги и вернулся с хрустальным бокалом для шампанского из набора разнородной посуды, который стоял

на буфете. Тетя позволяла жильцам заходить в эту комнату, когда им заблагорассудится. Она призналась племяннице, что жизнерадостное приветствие мистера Блэндфорда часто становилось для нее главным событием дня, и упомянула, что даже Гилберт иногда заглядывал сюда на чашку чая, хоть и выпивал его почти молча.

— Держите. — Фотограф сунул Кларе бокал. — И наденьте вот это. — Он подхватил ее абрикосового цвета фетровую шляпку-клош, небрежно брошенную на вешалку в прихожей.

Сосед повозился с камерой и велел девушке встать на лестничной площадке, подняв бокал и отвернув лицо.

— А не слишком ли высоко, милый? — усомнилась она.

— В самый раз, — отозвался Гилберт, опуская фотоаппарат к поясу и глядя в крошечное окошко видоискателя. — Не двигайтесь, — велел он и нажал на кнопку.

Тут с улицы очень кстати донесся гудок. Клара расслабилась, легко сбежала вниз и протянула руку, вопросительно приподняв брови. Гилберт не сразу сообразил, чего она требует. Он порылся в карманах, достал небольшой сверток банкнот и отсчитал пять купюр.

— С вами почти приятно иметь дело, — сказала она.

Ныряя в промозглую лондонскую ночь, Клара подумала, что, несмотря на уверения в обратном, бедняга явно без ума от нее, если ради того, чтобы заполучить ее фотографию, легко расстался с такой суммой.

***

Через час, после захватывающей поездки по центру Лондона в кабриолете Джека, Клара, Невилл, Митци и Джек прибыли в ночной клуб «Шестьдесят три». Порой, когда Невилл настаивал на своем, они отправлялись в «Розовую туфельку» — дивное место с золотыми стенами, розовыми греческими колоннами и огромными абажурами цвета фламинго. Там собиралась более эпатажная публика и косметикой пользовались не только дамы. Но Джек предпочитал «Шестьдесят три» — как минимум потому, что в респектабельном заведении Невилл вел себя более сдержанно.

Это был уже второй клуб, открытый скандально известной миссис Бейсвотер: первый закрыли за продажу спиртного без лицензии. Новое заведение на Джеррард-стрит, 63, что в Сохо, предлагало обилие алкоголя, танцы и эффектный черно-

белый интерьер. По мнению Клары, решение владелицы подавать завтраки, чтобы удержать посетителей до рассвета, было весьма хитроумным. Невилл нередко заканчивал ночь — или, правильнее сказать, начинал утро — копченой рыбой, чашкой кофе и ломтем хлеба с маслом.

Порой завсегдатаи увлекались весельем настолько, что вспыхивали драки: вечерние наряды вовсе не гарантировали принадлежность публики к сливкам общества. В «Шестьдесят три» захаживали гангстеры из Вест-Энда, театралы, английская знать и даже мелкие европейские аристократы. По слухам, тут видели Рудольфа Валентино, упокой Господь его душу, принца Христофора Греческого и даже Ивлина Во.

Они заняли столик, и Невилл сразу закружил Митци в танце, даже не дав бедняжке присесть и оставив Клару наедине с непривычно задумчивым Джеком. Девушка не могла понять, в чем дело: кавалер выглядел беспокойным, избегал ее взгляда и даже двигался сегодня иначе. Мало того, он не поприветствовал американского миллионера, с которым недавно сошелся, что было совершенно на него не похоже, ведь Джек любил появляться рядом с популярными людьми. Возможно, именно поэтому они с Кларой так хорошо

ладили. Оба стремились быть в центре внимания, и девушка подозревала, что как раз это и послужило причиной его увлечения ею — все взгляды неизменно устремлялись к неугомонной Кларе, а значит, и к Джеку тоже.

Между ними повисла неловкая пауза, пока не вернулась Митци, с кислым выражением лица тащившая за собой только что появившуюся Лили.

— Невилл ужасно себя ведет, — пожаловалась она. — Он бросил меня почти сразу и теперь строит глазки какому-то молодому виконту. Это все очень мило, когда мы в «Розовой туфельке», но никак не здесь. Наверняка по углам прячутся репортеры. Если он слишком явно продемонстрирует свои пристрастия, его отец нескоро получит вожделенный титул пэра.

В двадцатые годы любовь, о которой не смели говорить вслух, негласно принималась обществом, особенно среди богачей, умевших обходить запреты, вращаясь в нужных кругах. Однако закон оставался законом, и власть имущие должны были показывать, что соблюдают его. Пренебрегать осторожностью и выставлять свои предпочтения напоказ было рискованно. Неосмотрительный Невилл, который после

чрезмерных возлияний частенько шатался по темным городским улицам, горланя собственную версию песни «Все милые девочки любят моряка», запросто мог снова угодить за решетку.

— Ты ведь потанцуешь со мной, Джеки? — Митци надула ярко-красные губы и затрепетала ресницами, но Джек однажды уже оседлал эту лошадку и утратил к ней интерес.

Он был вторым в череде скоротечных женихов Митци. С тех пор она успела уже завести третьего и расстаться с ним.

— Не сегодня. Я хочу посидеть здесь и полюбоваться видом, — сказал Джек, глядя на Клару, и у той тревожно заныло под ложечкой.

— Ну почему вы все такие скучные? — спросила Митци. — Пойду припудрю носик. Кто-нибудь со мной? Лили? Клара?

Обе девушки покачали головами, прекрасно понимая, на что намекает их подруга, говоря «припудрить носик». Клара и сама изредка баловалась кокаином, но не любила неизбежные последствия: мигрень и приступы паранойи. Алкоголь ей нравился больше: голова потом болела так же, но он стоил куда дешевле, а веселое настроение длилось дольше. Митци же впала в зависимость от этой дряни, и ее обоняние почти

атрофировалось. По остроумному замечанию Лили, на нее не стоило тратить флакон «Шалимара» от «Герлен».

— Слыхала новость? — осведомилась Лили, сменив тему. — Старина Филипп торопится со свадьбой. Судя по объявлению в «Таймс», торжество состоится уже в следующем месяце. Я приняла приглашение. Невесту я не одобряю, но нельзя же упускать шанс пообщаться с особами королевских кровей, пусть даже и не первой важности. Ума не приложу, как им удалось все так быстро провернуть и к чему вообще поднимать суету. Чертова война давно закончилась.

Клара отлично знала, почему со свадьбой так спешили, — чтобы замять скандал, причиной которого была она. Однако девушка промолчала, стараясь не принимать близко к сердцу то обстоятельство, что не попала в список приглашенных, и прекрасно понимая, почему ее не позвали на торжество. Стараясь скрыть раздражение, Клара прикусила губу. Было очевидно, что к ней отнеслись как к игрушке, последнему веселому приключению перед тем, как мистер и миссис Филипп Хайгроув умчатся в пылающий закат навстречу респектабельной жизни и супружескому блаженству. Или, по крайней мере, убедят в этом

окружающих.

— Не понимаю, зачем добровольно надевать на себя эти пресловутые брачные оковы? — фыркнула Лили, схватив с подноса проходящей мимо официантки мартини с оливкой и залпом осушив бокал.

— Причина в любви, дорогая, все дело в любви, — пояснил Джек и снова посмотрел на Клару так, что у нее скрутило живот.

— Но почему именно Филипп? — скривилась Лили. — Я всегда считала этого парня пустоголовым, да и красавцем его, если честно, тоже не назовешь.

— Зато у невесты на пальце солидный камушек. Который всегда можно будет продать, если все пойдет прахом, — заметила Митци.

Клара задумалась, куда подевались три помолвочных кольца, которыми успела обзавестись их подруга. Наверное, превратились в ее любимый порошок. Лили поставила пустой бокал на стол, а Митци схватила клатч.

— Пойдем, Лили. Составишь мне компанию на террасе. — И обе поплыли в фойе пугающе шаткой походкой.

— Наконец-то мы одни, Клара, дорогая, — сказал Джек, взяв девушку за руку.

В ее кружившейся от шампанского голове зазвенели тревожные колокольчики. Она попыталась высвободиться, но Джек держал ее крепко.

— Я хотел поговорить с тобой кое о чем…

— Милый, ты слишком серьезен, а я хочу веселиться.

Джек кивнул официантке, ожидавшей неподалеку с ведерком, из которого торчала бутылка игристого марки «Айяла», и глянцевым белым подносом с двумя бокалами в форме чаши. Выставлять свое богатство напоказ было как раз в стиле Джека. Клара подозрительно покосилась на шампанское — уже не раз оно сбивало ее с пути истинного.

— История с Филиппом и Алисой навела меня на мысль, — объявил Джек. — Давай и мы тоже, старушка?

— Что — тоже?

— Наденем брачные оковы. Ты ведь само совершенство, а старина Джек всегда выбирает только лучшее.

У девушки екнуло сердце.

— Не говори глупостей, дорогой. Я не сделаю тебя счастливым.

— Может быть, это заставит тебя передумать, — произнес он громче обычного, вытащил из

кармана синюю бархатную коробочку и щелкнул крышкой.

Внутри сиял внушительный бриллиант в модной оправе геометрической формы. Камень был так прекрасен, что рука Клары невольно дрогнула. Девушке захотелось примерить кольцо, чтобы увидеть, как грани бриллианта отражают мерцающий свет. Джек Кларе, в общем-то, нравился: он был добродушным малым и видел ее в постыдные моменты, однако это его не отпугивало. Не самый плохой вариант для брака, но — увы! — Клара его не любила и знала, что никогда не полюбит.

Она оторвала взгляд от кольца и заметила, каким серьезным стало лицо Джека. Совсем не похоже на легкомысленного парня, которого все знали. Внезапно девушку осенило: он, вероятно, действительно ее любит. Клара прониклась сочувствием. Она накрыла его руку своей ладонью и слегка сжала пальцы:

— Прости, милый, но нет.

В этот миг какой-то слишком ретивый танцор налетел на стул Джека, потерял равновесие и рухнул прямо ему на колени.

— Тысяча извинений, старина, — раздался знакомый голос Невилла, который слишком усердно изображал неловкость и наслаждался моментом

куда дольше, чем следовало, — пока его взгляд не упал на бархатную коробочку. Невилл подскочил как ужаленный. — Господи, ты что, делал предложение? Ужасно извиняюсь! — Он вскинул руки и повысил голос: — Внимание! Джек собрался заковать в брачные кандалы нашу Клару! Вот так сюрприз! Всем шампанского — в первую очередь Джеку: он заслужил, раз решился приручить старушку!

Внезапно заметив выражение лица Клары, которая широко распахнула глаза, давая понять, что пребывает в ужасе, Невилл побледнел. Он ведь хотел как лучше, однако лишь усугубил катастрофу. Танцоры остановились, пьяные физиономии уставились на них с глупыми ухмылками. Послышались неуверенные аплодисменты. Если бы Клара согласилась, сцена вышла бы просто идеальной: в воздухе кружился серебряный серпантин, среди клубов дыма покачивались черные и белые воздушные шары, хлопали пробки от шампанского. Кругом царила атмосфера всеобщей радости и веселья.

— Вот видишь. — Джек поднялся на ноги, приободренный поддержкой Невилла, но явно раздосадованный тем, что его грандиозный спектакль пошел не по сценарию. — Все считают

мою идею великолепной. Даже твой отец. Когда я попросил у старика благословения, он чуть ли не бросился меня обнимать.

«Еще бы, — подумала Клара. — Папа так отчаянно хочет выдать меня замуж, что согласится на любого жениха, пусть даже самого неподходящего». До чего же легко было бы подыграть Джеку и принять его предложение, чтобы угодить отцу. Остепениться и завести семью. Слово «остепениться» вызвало у нее неприятные чувства. Такой компромисс никому не принес бы счастья.

— Извини, конечно, Джеки, но из этого ничего не выйдет. В глубине души ты и сам понимаешь, что я права. Я люблю тебя, но лишь как просто друга. И по-другому не полюблю никогда.

Из толпы послышался ропот, который быстро стих, когда сквозь липкие тела замерших завсегдатаев протиснулись две официантки, неся заказанное шампанское.

— Просто друг: надо же, как Джека понизили! — воскликнул Невилл, переключив на себя внимание публики, за что Клара была ему безмерно благодарна. — Вот это номер! Я поспешил с выводами. Придется отпраздновать то, что такой завидный холостяк и самая красивая девушка в зале по-прежнему свободны. За Клару и Джека,

которым никогда не быть вместе. И пожалуй, так даже лучше!

По кивку миссис Бейсвотер оркестр заиграл снова, и Клара ощутила в ногах настоящий зуд — так захотелось ей пуститься в пляс, позабыть о запутанных сердечных делах и сосредоточиться на танцевальных па. Митци уже вернулась с «припудренным носиком» и теперь скакала, как безумная; ее светлые кудри так и летали вверх-вниз, когда она кружилась с удвоенной энергией. Клара затушила сигарету в пепельнице и одарила озадаченного Джека примирительной улыбкой, а Невилл плюхнулся на стул рядом с отвергнутым женихом и похлопал того по спине:

— Не повезло, старина. Бывает.

Бедняга Джек. Он не мог понять, что эффектного предложения и обещания роскошной жизни, на которые купились бы другие девушки, было мало. Сердце Клары трепетало от жалости, когда она присоединилась к бесшабашной Митци, отплясывающей фривольный вариант танца «Черное дно» — с размашистыми движениями рук и частыми шлепками по ягодицам.

12

Письмо от отца, которое Клара получила два дня спустя, было кратким и осуждающим. Плохие новости всегда распространяются быстрее хороших. Ультиматум был предельно ясен: или она выходит за Джека, или отец умывает руки. Клара не сомневалась, что он сдержит слово, и перспектива остаться без гроша в кармане и без крыши над головой ужасала ее. Оказалось, что некоторые грехи отец простить не мог. Однако судьба тети Агги доказывала, что женщина вполне способна выжить без мужской поддержки и защиты. Она принесла любовь в жертву долгу и вела в целом сносное существование. Но только была ли тетушка счастлива? Вот в чем, по мнению Клары, заключался вопрос.

Девушка отложила письмо в сторону, подошла к высокому окну с подъемной рамой и посмотрела из своей комнаты на третьем этаже на оживленную площадь внизу. День снова выдался чудесный, а в доме было душно и тяжело дышать. Летние запахи врывались сквозь распахнутое окно, а растерянный шмель бестолково бился о стекло. Снаружи было светло и радостно, а внут-

ри — мрачно и угнетающе. Схватив зажигалку и серебряный портсигар, Клара спустилась по лестнице, не заботясь о том, что шагает босиком, и с наслаждением ощущая себя представительницей богемы. Какой-то строгий господин поглядел на нее, ужаснулся отсутствию обуви, коснулся шляпы и поспешил прочь. Клара улыбнулась. Нарушать правила было забавно.

Усевшись повыше на каменные ступени, чтобы любоваться видом, не общаясь при этом с толпой, она закурила как раз в тот момент, когда на улице появилась Джемайма — та самая молодая соседка, с которой Клара познакомилась ранее. Женщина толкала перед собой детскую коляску, на капюшоне которой балансировала корзина с продуктами. Две девочки прыгали у ног матери, словно щенята. Девушка наблюдала, как Джемайма тщетно пытается открыть калитку перед лестницей в подвал, пока старшая дочка засыпает ее сотней вопросов, а младшая недовольно хнычет из коляски.

Она вскочила и поспешила на помощь, ведь тетя Агги хотела, чтобы племянница училась думать о других и замечать нужды окружающих.

— Давайте я помогу.

— Я справлюсь.

— Не сомневаюсь, милочка, но будет проще, если вы позволите мне помочь.

Клара сняла с капюшона корзину и придержала девочек.

— Где же ваш муж? — спросила она как можно более небрежным тоном.

Джемайма нахмурилась:

— Сегодня пятница. В отличие от представителей привилегированного класса, с которыми вы, несомненно, общаетесь, Николас вынужден зарабатывать на жизнь. Он работает на муниципальном транспорте, водит городской трамвай. Смены там довольно длинные. И не называйте меня милочкой. Это звучит снисходительно, а наличие денег не делает вас лучше меня.

Клара вскинула брови — она не привыкла, чтобы ее отчитывали, особенно если, по ее убеждению, она не сделала ничего дурного. И почувствовала, как запылали щеки. Кто-то потянул ее за подол. Опустив глаза, девушка увидела два румяных личика. Малышки внимательно смотрели на нее.

— Вы кинозвезда? — спросила старшая дочь Джемаймы.

— Только в собственном воображении, дорогая, — ответила Клара.

— Вот как. — Девочка посмотрела на ее ноги. — А почему вы босиком? Вы такая бедная, что не можете купить обувь?

— Я нуждаюсь, скорее, не в деньгах, а в сочувствии. Жизнь бывает ужасно сложной, а люди — жестокими без всякой причины, — сказала Клара, стараясь не смотреть на Джемайму, но услышала, как та неодобрительно поцокала языком, будто не в силах представить, зачем кому-то вроде мисс Гудвин понадобилось сочувствие. — А еще очень трудно быть женщиной. Мы так сильно зависим от мужчин…

Последнее замечание было туманным намеком на раздражавший Клару миропорядок, с которым она, однако, никогда не пыталась бороться.

Молодая мать сразу оживилась.

— Совершенно верно, — согласилась она и пояснила старшей дочери: — Мужчины решают, кто управляет страной, и пишут законы, которым обязаны подчиняться оба пола. Но ни мисс Гудвин, ни я не имеем права голоса. Ллойд Джордж предоставил эту привилегию женщинам старше тридцати, да и то владеющим имуществом. Возможно, война вынудила его это сделать. И все равно мы далеки от равенства с мужчинами… Но ничего, мы восстановим справедливость, —

продолжала Джемайма, теперь уже обращаясь к Кларе. — Я в этом уверена. Почему мужчина в двадцать один год считается достаточно зрелым, чтобы выбирать членов парламента, а женщина того же возраста — нет? Большинство молодых людей, кого я знаю, думают лишь о еде, которую им даже не приходится готовить самим. Они не умеют ни гладить рубашки, ни распоряжаться деньгами без помощи своих молчаливых и заботливых жен. Мужчины и женщины дополняют друг друга, и ни один пол не должен обладать абсолютным преимуществом.

Большинство молодых мужчин и женщин, которых знала Клара, не обладали ни рабочими навыками, ни умением вести домашнее хозяйство. Джек, например, даже не представлял, сколько стоит фунт масла, и не знал, как вывести с рубашки пятно от красного вина; он не умел ни наточить нож, ни починить автомобиль. Невилл, при всей своей доброте, проявлял незаурядный эгоизм, когда дело касалось его собственных желаний. Клара не сомневалась, что его возмутительное поведение однажды обязательно втянет их компанию в неприятности. Но разве она сама была лучше? Она не стирала свою одежду и не готовила себе еду, разве что наскоро делала бу-

терброд в три часа ночи, чтобы унять головную боль и тошноту после веселой вечеринки. Тетушка Агги была права: даже обеды мистеру Горски она относила без особого усердия.

Клара внезапно испытала стыд из-за отсутствия у себя твердой политической и социальной позиции в поддержку женщин. Она обладала куда большей силой и влиянием, чем Джемайма, но никогда не пыталась воспользоваться своим преимуществом и ни разу не заступилась за угнетенных сестер, опираясь на знатное происхождение. Вместо этого она жаловалась на финансовую зависимость от отца, не задумываясь, что вполне могла бы обеспечивать себя сама.

— Вероятно, для получения права голоса стоило бы ввести экзамен, как для мужчин, так и для женщин. И допускать к выборам лишь тех, кто понимает, за что голосует, — предложила Клара, радуясь, что наконец нащупала тему, небезразличную соседке снизу, и желая продемонстрировать солидарность.

Ведь лучший способ завести друзей — это найти общие интересы.

— Абсолютно каждый должен иметь право голоса, — отрезала Джемайма, и ее темные глаза

снова сверкнули, когда она подняла младшую дочь из коляски. — Экзамены сдавать, еще чего не хватало! А что делать неграмотным, скажите, пожалуйста? Умным, трудолюбивым людям, которые вряд ли процитируют Сократа, но зато смогут освежевать кролика или починить сломанный плуг? Это куда более полезные навыки. Вы умеете чинить плуг? — с вызовом уточнила она.

«Весьма любопытно», — подумала Клара, глядя, как раскрываются истинные чувства этой резкой на язык женщины.

Она покачала головой: практических навыков у нее было мало. Отец предпочитал использовать наемный труд.

— Во время войны мы показали мужчинам, на что способны, однако, вернувшись с фронта, они снова загнали нас на кухню. Но раз уж ящик Пандоры открыт, его содержимое теперь не запрятать обратно, — заявила Джемайма, спускаясь по ступенькам с коляской.

Клара вела старших девочек следом.

— Но ведь Пандора выпустила в мир беды, а не женщин, — возразила она. — Вообще-то, женщины — это, скорее, благо.

— Ничего, мы себя еще покажем, — заявила

молодая мать, бросая через плечо на спутницу пылающий взгляд. — Мы перевернем мир и разрушим старый порядок, только дайте нам шанс.

— Какая чудесная мысль, — поддержала ее Клара, представив на миг, что обрела цель и борется за что-нибудь — неважно за что.

— Мамочка, а можно эта красивая леди посмотрит мою железную дорогу? — попросила старшая девочка, которой явно наскучили непонятные разговоры.

— У тебя есть железная дорога? Восхитительно! — искренне улыбнулась Клара. — Игрушки мальчиков куда интереснее, правда? Я всегда мечтала о такой, но мой папа был против.

Джемайма фыркнула, но, похоже, смягчилась при виде воодушевления, с которым Клара отнеслась к просьбе ее дочери, и вставила ключ в дверной замок.

— Николас был уверен, что у нас родится мальчик, и еще до появления на свет Матильды купил этот набор. Когда дочка подросла, я настояла, чтобы она получила подарок, который столько лет пылился на полке, пока я рожала девочек одну за другой. Почему, скажите на милость, ей нельзя играть в железную дорогу? Ум у Матильды не менее пытливый, чем у мальчика.

— Ну да, — согласилась Клара, с любопытством наблюдая, как разговорилась женщина, которая при муже едва произносила три слова.

Джемайма тяжело вздохнула, как будто смиряясь с неизбежным.

— Заходите. Посмотрите на поезд Тилли, если вам интересно. А я пока заварю нам по чашке чая. Будет приятно поболтать с кем-нибудь, кроме Матильды… Если я вас не задержу, конечно.

— Вовсе нет. У меня нет никаких важных дел.

— Восхитительно! — воскликнула Матильда, повторяя словечко Клары, и горячими липкими пальчиками вцепилась в руку своей новой любимицы.

Девушка торопливо затушила сигарету, пожалев о столь поспешном согласии. Ей ведь придется разговаривать с детьми. По телу пробежала волна тревоги. Какая же скука! Или она опасалась, что Матильда невзначай ее раскусит? Дети порой бывают пугающе проницательными — из-за склонности задавать прямые вопросы, на которые взрослые из вежливости не решаются.

***

Через пять минут Клара уже сидела на краю небольшого дивана и смотрела вниз, на восторженное личико Матильды, которая тянула

вереницу ярко раскрашенных деревянных вагончиков по кольцу рельсов.

— Чух-чух! — сказала младшая сестренка.

Ей надоело ходить, цепляясь за мебель, и она предпочла более быстрый способ передвижения — на четвереньках. Джемайма суетилась на кухне: разбирала продукты и ставила на плиту бледно-зеленый эмалированный чайник, почти в тон плите, покрытой такой же эмалью. Клара окинула взглядом обстановку просторного помещения: слева располагалась кухонная зона, у открытого камина стояли кресла, а справа — круглый обеденный стол. Громоздкий диван делил пространство на две половины. В глубине виднелись две двери, которые, как предположила Клара, вели в спальни. В подвале было темнее, чем в остальных комнатах на Бёрлингтон-сквер, потому что маленькие окна находились почти у потолка, а бóльшая часть помещения располагалась под землей. Но все равно здесь чувствовались домашнее тепло и уют. На спинках кресел лежали разноцветные вязаные покрывала, а перед камином раскинулся изготовленный вручную ярко-оранжевый коврик. В воздухе витал запах свежеиспеченного хлеба.

— Какая красивая у вас брошка, — заметила

Матильда.

Клара посмотрела вниз, туда, куда указывала девочка.

— А, эта. Я и забыла, что надела ее. Просто дешевая бижутерия. Мне она даже не нравится.

Брошь и впрямь казалась Кларе слишком скромной и невзрачной. Украшение, доставшееся от бабушки, приходилось надевать ради приличия на семейные сборища, чтобы угодить старой грымзе.

Глаза Матильды расширились.

— Это самое красивое, что я видела в жизни. Если, конечно, не считать вас, — поспешно добавила она.

— На, возьми. — Клара отстегнула брошь и протянула девочке.

— Вы мне ее и правда отдаете? Навсегда-навсегда?

— Если хочешь, — пожала плечами девушка.

— Спасибо!

Матильда вскочила, разметав игрушечные вагончики, и обняла свою благодетельницу. Та в ужасе бросила умоляющий взгляд на Джемайму.

— Ну-ну, Тилли, отпусти бедную леди, — велела мать, ставя на низкий столик рядом с Кларой чашку с дымящимся чаем. — Вот бессовестная

девчонка, выпросила подарок.

— Неправда, я сама захотела подарить Матильде брошку. Только осторожнее с булавкой — она очень острая.

— Приколю ей на выходное пальто. Спасибо.

Их взгляды встретились, но тут же снова разошлись. На щеках Джемаймы вспыхнули едва заметные розовые пятнышки.

«Она не доверяет мне, — подумала Клара, — и правильно делает».

Обе женщины устроились поудобнее, а девочки играли на полу возле их ног. Неловкая пауза затянулась на целых пять минут. В голове у Клары вихрем пронеслась сотня тем, чтобы завести разговор, но домашние хлопоты интересовали ее так же мало, как Джемайму шумные вечеринки или рецепт коктейля «Манхэттен». Хозяйка тоже не находила нужных слов. Клара поймала на себе ее взгляд — похоже, молодая мать рассматривала макияж гостьи или поражалась в душе ее смелой стрижке, но поспешно отвела глаза, как только поняла, что Клара заметила столь пристальное внимание.

— У нас ничего не выйдет, — объявила наконец Джемайма. — Мы пытаемся подружиться, но наши миры слишком разные.

Клара задумалась. Должно же у них быть хоть что-то общее? Они ведь почти ровесницы.

— Моя подружка Джойс любит рисовать и знает названия разных цветов и растений — ее папа научил, — сообщила Матильда, когда молчание стало особенно тягостным. — А я больше люблю лазать по деревьям и играть в железную дорогу. Но мы все равно дружим.

— Ну надо же! Какая мудрость для твоих лет! — воскликнула Клара. — Верно, самая прочная дружба возникает между теми, кто учится друг у друга.

Она вспомнила, как утомляли ее Митци и Лили. Когда друзья во всем повторяют тебя саму, разговоры становятся ужасно скучными.

— Расскажите что-нибудь о себе, — попросила она хозяйку. — Чем вы занимаетесь в свободное время?

Джемайма кашлянула:

— Вы шутите? Какое свободное время? Я поднимаюсь с малышкой в шесть утра, а потом моя жизнь превращается в бесконечный круговорот кормления, готовки и уборки.

— Но Николас, наверное, водит вас куда-нибудь? На танцы или в кино?

— Весь его заработок до последнего пенни

расписан, — ответила Джемайма. — У нас нет лишних шиллингов, чтобы тратить их на пустяки. Хотя… я всегда любила танцевать. — Клара уловила едва заметное движение ее тела, хранившего память о том, что разум старательно вытеснил. — Но мы не ходили на танцы с тех пор, как родилась Тилли.

— По словам Агнес, Николас почти каждый вечер заглядывает в паб выпить пинту пива.

В Кларином мире развлечений хватало и для мужчин, и для женщин: у папы был клуб, а у мамы — участие в различных комитетах и походы по магазинам.

— Не смейте осуждать то, чего не знаете. Вы ведь понятия не имеете, как живут простые люди, правда? — Глаза Джемаймы сузились. — Мой муж трудится, и ему необходима возможность расслабиться.

— Но вы, вообще-то, тоже трудитесь, — возмутилась Клара. «Эта бедняжка крутится как белка в колесе от рассвета до заката», — подумала она и спросила: — Когда же вы отдыхаете?

— Все меняется, когда становишься матерью. Ваша жизнь тоже изменится с появлением детей. Ах да, я забыла. За вашими детьми присмотрят няня и гувернантка, а вы будете видеть своих

малышей по полчаса вечером в воскресенье. Вряд ли они хоть как-то повлияют на ваш распорядок дня.

Клара не привыкла к такому тону — особенно в устах женщины, которая, как она считала, должна бы проявлять почтение к образованию собеседницы и ее положению в обществе. И все же ей нравились прямота Джемаймы и ее готовность бросать вызов.

— Материнство не для меня, — убежденно заявила она.

— Прекрасно, когда есть выбор.

— Выбор есть у всех, — отрезала Клара.

— Нет, не у всех, — возразила ее собеседница, понижая голос. — По воле властных семей некоторые девушки, мечтающие о независимости и свободе, вынуждены выходить замуж за неподходящих людей. Их уговаривают связать жизнь с мужчиной, которого они едва знают, лишь потому, что он симпатичный и имеет стабильную работу. — Джемайма явно намекала на собственного мужа. Было любопытно узнать, что она вступила в брак не по любви. — Моя тетя была суфражисткой, верила во всеобщее равенство независимо от пола и боролась за то, чтобы женщины, как и мужчины, могли получить

образование и работать. Мои мечты поддерживала только она. Когда вскоре после войны тетя умерла, я лишилась последней опоры. Вы даже представить себе не можете, каково это.

Слова слетали с языка женщины почти со злостью, а ее взгляд был откровенно вызывающим. Клара прекрасно понимала чувства Джемаймы, но, не желая спорить и опасаясь сболтнуть лишнее, спустилась на пол и принялась ставить вагончики на рельсы. Матильда пришла в восторг оттого, что на нее снова обратили внимание, и щебетала без умолку добрых полчаса. От Клары требовалось лишь кивать и время от времени соглашаться. Едва не утонув в потоке слов, она неожиданно для себя пообещала сходить в воскресенье с шестилетней девочкой в парк. Только вдвоем — на прогулку, которую ее восторженная поклонница окрестила «временем для леди».

Обрадованная Матильда снова обняла Клару, которая во второй раз застыла, не зная, как ответить на проявление нежности со стороны ребенка. Первое впечатление не обмануло девушку: Матильда Смит почти не уступала ей в смекалке и хитрости.

13. Хрустальный валик для смачивания марок

Своего отца — человека, который дарил миру радость веселым нравом и привычкой тихо напевать себе под нос, — Агнес обожала всем сердцем. Она прекрасно понимала, почему мать влюбилась в него, и даже спустя много лет после его смерти улыбалась, вспоминая, как отец называл вещи по их назначению: стулья — «держателями для зада», окна — «гляделками наружу», а валик для смачивания марок, стоявший на его внушительном письменном столе, — «лизатель для писем».

В детстве этот «лизатель для писем» ее завораживал. Агнес восхищалась хитроумным устройством валика, который, вращаясь в воде, смачивал клей на конвертах и марках. В ее обязанности входило подливать в емкость воду, и она относилась к делу со всей серьезностью, словно бы ухаживала за цветком. Девочке нравилось думать, что ей доверили пусть и весьма скромную, но ответственную задачу. К сожалению, тогда она еще не знала, сколько забот ей вскоре

предстояло взвалить на себя.

Когда Агнес было двенадцать, она молча сидела в углу кабинета, пока отец писал одно письмо за другим. Он больше не напевал себе под нос, тишину нарушал только далекий плач младенца, доносившийся с верхнего этажа. Агнес не нравилась кормилица, но папа сказал, что пока придется довольствоваться ее услугами, ведь от этой женщины зависела жизнь слабенькой новорожденной Дафны. Он толком не спал пять суток, то бродя по парадной гостиной, то дежуря у постели умирающей жены. Увы, тревожное ожидание завершилось трагически. Теперь ему оставалось лишь писать скорбные письма и рассылать траурные карточки.

Агнес получила заказанный набор конвертов и бланков с траурной окантовкой и спрятала одну из карточек в свой альбом, но, даже увидев слова, напечатанные на ней, не смогла поверить в случившееся.

Вечная память
ХЕЛЕНЕ ФЛОРЕНС ХАМФРИС,
скончавшейся 21 мая 1878 года
в возрасте 35 лет,
возлюбленной дочери, жене и матери

Когда Агнес было почти двадцать один, она сидела за тем же самым столом и смотрела во двор. По городу разгуливала весна, и на голых ветках деревьев набухли крошечные зеленые почки. В воздухе витало ожидание новой жизни, однако для Агнес перемен не предвиделось.

«Дорогой Джеймс…» — так начиналось ее письмо. За приветствием следовал поток слов, терзавших ее, как разъяренные кошки. Дважды она начинала заново и оба раза сминала листки с неудачными вариантами, бросая маленькие комки бумаги в расписную металлическую корзину для мусора под столом. Изображение галеона на боку корзины напоминало о том, что вместе с этим письмом она отказывается от надежд путешествовать и увидеть дальние страны.

Спустя тринадцать лет после той сердечной травмы ее постигла самая тяжелая утрата: Агнес использовала оставшиеся траурные бланки, чтобы известить о смерти отца. Он прожил гораздо дольше, чем предсказывали врачи, и ей бесконечно твердили, что это результат ее терпеливого и заботливого ухода. Агнес было трудно подобрать нужные слова. Томас Хамфрис, всего за десять лет преодолевший путь от конторского служащего до состоятельного коммерсанта и женившийся

необычайно поздно, был для старшей дочери всем. Хелена, мать Агнес и Дафны, была вдвое моложе мужа, однако составила ему прекрасную партию. Супруги беззаветно любили друг друга, однако преждевременная смерть Хелены стала настоящей трагедией. Судьба умеет играть в жестокие игры и ломать привычный порядок вещей. Томас знал об этом чересчур хорошо, ведь именно рискованные вложения принесли ему состояние.

Отправив последнее письмо, Агнес повернула обратно на Бёрлингтон-сквер, наблюдая, как осенние листья кружатся у ее ног.

«Жизнь продолжается, — подумала она тогда, глядя на средних лет полную даму в очках, которая целеустремленно шагала вперед. — Эта женщина кому-то нужна. Возможно, у нее есть работа. А что есть у меня? Теперь — ничего».

Агнес пришла домой и несколько часов просидела в кабинете отца, ощущая, как давит на нее тишина пустых комнат. Не зная, чем себя занять, она крутила валик увлажнителя для марок так яростно, что тот забрызгал настольный коврик для писем. Прямо на глазах у Агнес капли воды испарялись и исчезали, словно их никогда и не было.

14

Клара неторопливо сошла вниз по лестнице, довольная тем, что встала сегодня с постели до полудня. Девушка твердо вознамерилась доказать Джемайме, заявившей, что она, дескать, и понятия не имеет о том, как живут простые люди, сколь необоснованны ее обвинения. Сегодня был день стирки, и девушка вызвалась помочь тетушке. Агнес подняла глаза от медного чана, стоявшего в каморке, и критически оглядела элегантную одежду племянницы.

— Ты явилась, чтобы демонстрировать наряды или помогать мне? — уточнила она. — Судя по твоему виду, я скорее поверю в первое.

Клара пожала плечами:

— У нас этим занимаются слуги.

— Да, твоя мамочка удачно вышла замуж и может позволить себе прислугу, — отрезала Агнес. — Я же веду хозяйство сама, а ведь мне уже немало лет. Это каторжный труд: у меня едва хватает сил перетаскивать тяжелое мокрое белье в цинковый таз. Честное слово, я чуть не сдала комнаты молодой вдове, которая предлагала взять на себя часть домашних обязанностей.

— Какое странное совпадение: я недавно столкнулась с этой женщиной. Она гуляла в саду на площади.

— Миссис Мейвезер? — удивленно приподняла брови тетя, и Клара кивнула.

— Ты права, она немного нервная, но, похоже, довольна новым жильем. Может, в следующий раз, когда зайду в «Пембертон» за чулками, загляну к ней. Она мне даже понравилась.

— Мне тоже, — заверила собеседницу Агнес. — Поэтому не заставляй меня пожалеть о своем решении, иначе я сама отправлюсь в «Пембертон» подыскивать новую жиличку. Ты молодая, здоровая, и у тебя полно свободного времени, которое ты проводишь в праздности. Пора бы уже научиться чему-то полезному. — Она одарила племянницу многозначительным взглядом. — Думаю, с Дафной я допустила ошибку. Я слишком жалела сестренку, она ведь росла без матери. Вот и разбаловала ее.

— Тетушка, только не пытайся убедить меня, будто умение накрахмалить воротничок сделает девушку лучше, — закатила глаза Клара.

— Еще как сделает. — Агнес уперла руки в бока, давая понять, что не намерена терпеть всякие глупости. — Если сегодня ты поможешь мне со

стиркой, а на это уйдет весь день, дорогуша, то, возможно, в следующий раз, переодеваясь, не будешь разбрасывать где попало свои платья. К тому же никто не знает, что ждет его впереди. Когда я была моложе, у нас тоже имелась прислуга, но обстоятельства изменились, и теперь я сама чищу камины и драю медные кастрюли. Лучше быть готовой к любому повороту судьбы.

Клара понимала, что стоит на распутье. Подчинившись воле отца и выйдя замуж за Джека, можно было сохранить привычный уклад жизни, тогда как ослушаться его означало лишиться всего этого. Ей хотелось оставаться верной себе. Возможно, для этого требовалось начать новую жизнь, где-нибудь вдали от дома, и даже самой стирать собственную одежду.

— Ладно, показывай, что делать. — Клара смирилась и закатала рукава оранжевого шелкового платья.

Тетя Агнес и Джемайма напомнили ей о привилегиях, которыми она пользовалась с детства, и Клара устыдилась того, что никак не использовала свои преимущества. Она задумалась, что бы сказали друзья, увидев ее по локоть в грязном белье. Митци пришла бы в ужас, а Невилл непременно сострил бы, что она скатилась в ряды

пролетариата.

— Джек Ригби сделал мне предложение, — вырвалось вдруг у Клары.

Было в тете Агги нечто такое, что располагало к откровенности. Возможно, секрет заключался в ее умении видеть ситуацию с разных сторон, хотя Агнес порой не хватало такта.

— Он попросил моей руки в клубе «Шестьдесят три». Устроил целое представление с шампанским на глазах у толпы, хотя я всегда была против публичности в таких вопросах. Разумеется, Джек заранее поговорил с папой и был уверен, что мой ответ предрешен…

— Но? — По ее тону тетя сразу поняла, что у истории есть продолжение.

— Ты наверняка сочтешь меня глупой эгоисткой, но я не хочу замуж.

Клара поникла, опершись бедром о кирпичную кладку вокруг медного чана.

— Дафна упоминала об этом в последнем письме, но я понимаю: подобные вещи не всегда бывают простыми. Она тоже сочла меня глупой, когда я отказалась от предложения руки и сердца, и все же я поступила так, как считала нужным.

— Но ты ведь уговаривала меня не превращаться в старую деву. Ты же сама говорила…

— Я пыталась направить тебя туда, куда, как мне казалось, ты и сама стремишься, — вздохнула Агнес. — Но теперь ясно: то, что могло подойти мне, для тебя совершенно не годится. — Она уперла руки в широкие бока и пристально посмотрела на племянницу. — Я ошибочно полагала, что яркий макияж и все твои прочие глупости нужны, чтобы заполучить мужа…

Клара покачала головой.

— Нет, я просто дрейфую вслед за ветром, как красивая парусная лодочка без рулевого. Папа устал ждать и выдвинул ультиматум. Если я не выйду за Джека, он лишит меня содержания, — жалобно протянула она.

— Милая Клара, будущее в твоих руках. Времена изменились, и теперь девушкам твоего возраста дозволено работать. Взгляни на миссис Мейвезер. Может, она снова выйдет замуж и обретет смысл жизни в роли жены и матери. А может, посвятит себя работе в универмаге и дослужится до заведующей отделом. — (Даже Клара понимала, что бедняжка вряд ли сможет совместить одно с другим.) — Но в любом случае решать ей. А чего хочешь ты?

— Делать что-то для себя. Не зависеть от других, даже если мысль о самостоятельности меня и

пугает.

— Тогда прокладывай свой путь, дорогуша, — мягко сказала тетя, проведя рукой по волосам девушки с такой трогательной нежностью, что у Клары сжалось сердце. Никто не прикасался к ней так уже много лет. — У тебя есть выбор. Взвесь все доводы за и против, выслушай советы, но решай сама: ведь в конечном итоге жить с последствиями решения придется тебе, и только тебе.

Утонув в теплых объятиях тетушки, Клара поняла, почему так сильно любит эту прямолинейную женщину. Та всегда говорила, что думала, но при этом выслушивала и учитывала разные мнения, в отличие от ее отца. Девушка подумала, что, пожалуй, переезд на Бёрлингтон-сквер был лучшим событием в ее жизни за последнее время.

***

Когда наступил сентябрь и прохладный воздух напомнил всем, что лету пришел конец, Клара отважилась окончательно отказать Джеку. Щедрый банк Реджинальда Гудвина захлопнул двери перед строптивой дочерью, но поддержка тети Агнес придавала ей сил.

Желая занять себя чем-то полезным, Клара ре-

шила снова навестить семейство Смитов. Нечто в характере молодой матери завораживало ее. Энергия и пыл Джемаймы — пусть даже они частенько выплескивались на соседку не самым дружелюбным образом — заставляли Клару почувствовать себя живой и полной бодрости. Впервые со времен детства, когда можно было без труда побеждать драконов и покорять неприступные горы, Клара задумалась: а вдруг она тоже способна изменить мир и бороться за то, во что верит?

Она постучалась в дверь подвала, держа в руках охапку платьев. Ей открыла угрюмая Джемайма и устало спросила:

— Вам чего?

— Я тут собрала одежду, которую уже больше не ношу.

Соседка скривилась. Возможно, жест со стороны Клары вышел неловким, но неужели нельзя хотя бы улыбнуться? Девушка была уверена, что Джемайма с ее утонченными чертами лица стала бы еще красивее, если бы иногда улыбалась, вместо того чтобы хмуриться. Каждый чувствует себя лучше, когда хорошо выглядит. По крайней мере, в этом Клара пыталась убедить себя последние десять лет.

— Мне не нужны ваши обноски. У меня есть в чем ходить.

— Дорогуша, жизнь была бы ужасно скучной, если бы мы имели только самое необходимое. Нельзя забывать о желаниях и капризах — именно их исполнение приносит счастье. К тому же вы сделаете мне одолжение: некоторые из этих вещей просто ужасны.

— Вы вообще себя слышите? — сдвинула брови Джемайма.

— Ужасно выглядят на мне, — поспешила уточнить Клара. — На вас они будут смотреться просто великолепно. У нас с вами разные цветотипы.

Джемайма недоверчиво покачала головой, но все же распахнула дверь, позволяя Кларе войти. В тот же миг младшая дочка Смитов разразилась плачем. Молодая мать тяжело вздохнула.

— Я поставлю чайник. — Она показала Кларе на сосновый стул, куда та могла положить платья. — А вы пока займитесь Фрэнсис.

Соседка подняла с пола младшую дочь и сунула ее ошарашенной гостье. Красная от крика малышка тут же принялась хлопать Клару по щекам липкими ладошками. Джемайма, уперев руки в бока, уставилась на девушку, будто бросая той вызов: «Только попробуй отказаться и не успо-

коить ребенка». Их взгляды встретились. Клара сглотнула, собралась с духом, прижала Фрэнсис к себе и начала слегка покачиваться из стороны в сторону, воображая, что находится на танцполе. В голове зазвучала мелодия шлягера «Если бы вы знали Сьюзи», и, к облегчению Клары, девочка притихла. Удовлетворенная Джемайма повернулась к плите, чтобы вскипятить чайник.

— Извините, что не поблагодарила вас за одежду. У нас нет лишних денег на наряды, мы все тратим на девочек, поэтому я признательна за ваш жест. Просто мне все равно некуда ходить в этих платьях.

— А пошли вместе на танцы! — предложила Клара.

Как же здорово было бы вытащить эту молодую женщину в ночной клуб! Они бы от души повеселились, а кавалеры позаботились бы о них. Джемайма могла бы привлечь немало мужских взглядов, если бы прихорошилась. Клара представила, как они берутся за руки и кружатся, а мир вокруг размывается, теряя значение. Увы, тут же выяснилось, что она снова сказала что-то неуместное.

В голосе Джемаймы зазвучали резкие ноты.

— Замужние женщины не ходят танцевать без

мужей. По крайней мере, порядочные женщины.

— Тогда надевай платья дома, а я организую музыку, — по-свойски перейдя на «ты», предложила Клара. Она была слегка обескуражена отказом, но по-прежнему желала отвлечь молодую соседку от домашней рутины. Можно одолжить у Невилла переносной граммофон. — Мне бы хотелось увидеть тебя в новых нарядах. Ты очень красивая, Джемайма. Каждая женщина заслуживает того, чтобы хоть изредка почувствовать себя принцессой, пусть даже в тишине тускло освещенного подвала.

Джемайма покраснела и коснулась щеки рукой, после чего снова занялась приготовлением чая.

— Можно притвориться, что мы находимся в клубе «Шестьдесят три», молодые и беззаботные… Матильда наверняка обрадуется, увидев нас нарядными, — не унималась Клара. — Кстати, где это милое дитя?

Она смутилась, сообразив, что только сейчас заметила отсутствие девочки.

— Твоя самая пылкая поклонница в школе. Тилли очень расстроилась из-за того, что ты больше не приходила.

— Я была страшно занята… — замялась Клара. — Э-э-э… Ой, Фрэнсис вся покраснела…

Малышка дергала ее за волосы и корчила странные гримасы.

— Ей, наверное, нужно отрыгнуть воздух после кормления.

Клара не поняла, о чем речь, но через несколько секунд произошло сразу два ужасных события: Фрэнсис с неприятным звуком срыгнула молоко ей на плечо, а средняя дочь, имя которой Клара никак не могла вспомнить, повалила цветок на деревянный пол, и керамический горшок с грохотом разбился, рассыпав повсюду землю.

Как раз в этот момент вошел Николас. Его взгляд сразу упал на взволнованную гостью. Муж Джемаймы снял фуражку и провел рукой по блестящим волосам. Форма вагоновожатого — темно-синий двубортный мундир с сияющими пуговицами и фуражка с козырьком — придавала ему лихой вид, о чем он прекрасно знал.

— Ну здравствуйте.

Вместо того, чтобы проявить себя умелой и обворожительной, — хотя разве возможно преуспеть во всем? — Клара выглядела беспомощной и лишенной очарования: волосы растрепаны, на одежде — пятна от молока. А ведь она спустилась в подвал, желая показать Джемайме заманчивую альтернативу унылому быту. Помочь ей найти

отдушину. Доказать, что женщина способна быть чем-то большим, чем жена, мать и уставшая домохозяйка. И, если уж начистоту, она пришла сюда, чтобы развлечься самой.

— Что тут у нас творится? — спросил Николас, глядя на Клару.

Та поспешно схватила кусок марли, чтобы вытереть плечо, и усадила Фрэнсис обратно на пол. Малышка ничуть не сожалела о потере молока и казалась довольной. Клара торопливо ущипнула себя за щеки, чтобы они зарумянились, и пригладила волосы.

— Полный хаос, — промурлыкала она. — Катастрофа грандиозных масштабов. У вас очень бойкие дочери.

— Девочки бывают сущим наказанием, — улыбнулся Николас.

— Ну, я-то уж точно такая, — согласилась Клара, скользнув языком по губам.

— Не сомневаюсь.

Джемайма решительно прошла между ними и подняла Фрэнсис.

— Ей пора спать. Может, ты сам уложишь свою дочку? — резко бросила она. — Или хотя бы подметешь? О боже, Эллен только что сунула землю в рот…

— Даже не надейся, любимая. Я забежал, потому что забыл взять свой ланч. Домой вернусь поздно. После смены мы с парнями заглянем в «Безумный Шляпник».

— Но у нас на этой неделе нет лишних денег, Ник. Мы и так уже задолжали арендную плату.

— Не переживай из-за ерунды, милая, — сказал Николас жене, наблюдая, как та уносит Фрэнсис в дальнюю комнату. — Верно я говорю, Клара? Жить надо в свое удовольствие. В конце концов все так или иначе уладится. — Он указал на гостью: — Эта девушка знает толк в жизни. Вот с кого тебе следует брать пример. — Затем глава семейства посмотрел на карманные часы и приподнял брови. — Мне и правда пора. Начальство с меня шкуру спустит, если опоздаю на рейс. Очень жаль, что я спешу, — заметил Ник, позволив себе еще один взгляд на Клару, откровенно рассматривая ее длинные ноги.

Он схватил бумажный пакет с сэндвичами и вышел. Уложив Фрэнсис, Джемайма вернулась со щеткой и совком.

— Тебе лучше уйти, — произнесла она нарочито спокойным тоном.

— Но мы же так и не выпили чая, — запротестовала Клара, подходя ближе к соседке в надежде

уловить лимонную свежесть, что всегда исходила от этой молодой женщины.

Ее сердце бешено колотилось. Все пошло наперекосяк, и она снова умудрилась рассердить Джемайму.

— Я знала, что от тебя будут одни неприятности, с первой минуты, как только увидела тебя. Как ты смеешь флиртовать с моим мужем, строить ему глазки и выставлять напоказ свою нежную обнаженную кожу? Надеешься, что тебя неизбежно сравнят с постылой женой — с ее пересохшими от вечной стирки пеленок руками, красными от недосыпа глазами и телом, далеким от совершенства после рождения целой оравы детей? Мне это ни к чему. Теперь я прекрасно понимаю, зачем ты решила со мной подружиться. Как ты смеешь притворяться, что хочешь проводить время со мной, если на самом деле нацелилась на моего мужа? А я-то думала, что нашла… подругу. Но такие, как ты, всегда думают лишь о себе.

— Ты ошибаешься… — попыталась объяснить ей Клара, но молодая мать даже и слушать не стала.

— Я не желаю больше видеть тебя в своем доме. Не хочу, чтобы ты смотрела на меня свысока и швыряла мне свои ненужные тряпки, как мило-

стыню попрошайке. Нечего тут крутиться перед Ником и стрелять глазками. Ты способна заполучить любого мужчину, так оставь же моего мужа в покое.

Клара встретила гневный взгляд Джемаймы и задумалась: понимает ли та, насколько ошибочны ее предположения? Неужели, когда Клара шагнула вперед, Джемайма все-таки догадалась, что сейчас произойдет? Или она по-прежнему оставалась в неведении, заблуждаясь относительно истинных причин ее дружбы? Воздух между ними казался наэлектризованным. Он был густым и одуряющим, Клара почти ощущала на языке вкус ожидания… словно бы зигзаг молнии вот-вот прорежет тяжелое, низко нависшее небо и озарит все вокруг. Грудь сдавило тугим кольцом, бедра дрогнули, колени ослабли, от жаркой пульсации между ног перехватывало дыхание. Она шагнула вперед и решительно опустила ладони на дрожащие от ярости плечи прекрасной женщины с пылающим взором и дерзкими суждениями, которая не раз вторгалась в ее сны. Женщины, достойной восхищения и сочувствия. Той самой, которую Клара так желала.

«К черту осторожность! — подумала она. — Папа точно не станет поднимать из-за этого шум».

Ее чувства к Алисе послужили причиной скандала, потому что та была помолвлена с Филиппом Хайгроувом, состоявшим в отдаленном родстве с королевским домом. Но Джемайма была замужем за человеком ничтожным — да к тому же весьма неприятным. Не задумываясь о последствиях, Клара склонила голову набок и мягко коснулась своими губами губ Джемаймы. Она грезила об этом с их первой встречи. Молодая мать выронила щетку и совок, и те с грохотом упали на пол.

15

Пощечина жгла щеку всего несколько минут, однако сожаление о содеянном не проходило часами. Джемайма наговорила ей немало резких слов, но Клара слыхала и похуже. Обычно не в свой адрес, ведь немногие знали о ее романтических предпочтениях. Изредка, на шумных вечеринках, где позволялось больше свободы самовыражения, раздавались ядовитые замечания в адрес женщин, которые одевались по-мужски, коротко стриглись, зачесывая волосы за уши, и глядели на окружающих с вызовом. Ах, если бы можно было махнуть в Париж, заглянуть в «Монокль»[3] и выпить коктейль среди тех, кто ее понимает, или — еще лучше! — перебраться в сладостно свободный Берлин, где издавались

[3] Примечания: 3

«Монокль» — известный в 1920–1930-е гг. парижский ночной клуб, располагавшийся в районе Монпарнас. Был популярен среди лесбийской публики, отличался свободной атмосферой и эксцентричным стилем посетительниц, часто носивших смокинги и монокли.

журналы типа «Подруги»[4], рассчитанные на женщин вроде Клары. Но нет, она застряла здесь, с отцом, который считал ее больной, в мире, где любовь подчинялась правилам, а прекрасный миг близости между двумя женщинами считался преступлением — мог быть прерван, осужден и заклеймен. Что сказать в свое оправдание, когда собственная мать застает тебя голой, в постели для гостей, в объятиях невесты Филиппа Хайгроува? «Я перепутала спальню с ванной комнатой?» Такой отговоркой уж точно никого не обманешь, особенно в родительском доме. Мамочка тогда даже вскрикнула от потрясения, а потом ее шок обернулся негодованием.

Клара никогда не любила мужчин — в том самом, общепринятом смысле. О чем вообще думал Господь, приделывая уродливый кусок плоти в столь нелепое место и наделяя его властью управлять всем остальным? Для Клары это служило еще одним доказательством (если таковые вообще требовались) того, что Бога не существует. Или же, эта мысль казалась особенно дерзкой,

---

[4] Примечания: 4

«Подруга» (*нем.* Die Freundin) — берлинский журнал, издававшийся в 1924–1933 гг. и адресованный главным образом лесбийской аудитории. Считается одним из первых и самых известных периодических изданий подобного рода, отражавших атмосферу свободы и экспериментов, царившую в Веймарской республике.

на самом деле Господь — женщина, обладающая весьма своеобразным чувством юмора.

В детстве у Клары не было близких подруг: она предпочитала компанию мальчишек. Потом, лет в двенадцать, у нее завязалась тесная дружба с девочкой из конного клуба. Слишком тесная, как в итоге решили родители. Однако целый восхитительный год они переписывались почти ежедневно, намекая на свои чувства, облекая их в завуалированную форму и наслаждаясь свободой.

Клара, несомненно, была трудным ребенком и постоянно добивалась внимания окружающих глупыми выходками — возможно, чтобы отвлечь их от того, что действительно имело значение. Сначала ее мало интересовали куклы и красивые платья, но в подростковом возрасте все изменилось. Она грезила красавицами-актрисами вроде Лили Элси и Глэдис Купер и мечтала, чтобы женщины прониклись к ней теми же чувствами. Мамочка вздохнула с облегчением, когда дочь наконец начала вести себя, как положено девушке. Сама же Клара обнаружила, что особенно привлекательные женщины обладают властью, и впервые за свою бесправную жизнь ощутила себя сильной. Флиртуя, кокетничая и изображая

интерес к мужчинам, она создавала дымовую завесу, за которой можно было скрывать чувства, вызывавшие стыд, и гнать прочь те мысли, что неизбежно привели бы ее к разбитому сердцу.

Ради матери Клара старалась соответствовать родительским ожиданиям, но бесконечная фальшь делала ее несчастной. Она вела бурную светскую жизнь, активно посещая вечеринки, потому что притворное веселье было для нее единственной заменой настоящему счастью. Клара вела себя вызывающе, желая внимания и подтверждения собственной значимости — пусть даже лишь потому, что праздник не начинался без такой искрящейся и жизнерадостной особы, как она. Играя роль сильной личности, Клара могла защищать настоящую себя — испуганную, растерянную девушку, которая не знала, где ее место, и не могла быть собой из страха перед осуждением и неизбежной расплатой. После войны мир изменился, и по мере того как атмосфера в двадцатые годы становилась все более раскрепощенной, Клара начинала осторожно склоняться к тому, что перспективы в целом не такие уж и мрачные. Возможно, всеобщая раскованность приведет к терпимости — и, пожалуй, в светских кругах так уже и произошло. Стивен

Теннант[5] и Сесил Битон[6], например, не слишком старались скрывать свои предпочтения. Открыто не осуждали даже Невилла — хотя того терпели скорее ради забавы, чем из уважения к его подлинному «я».

Но теперь Клара своим неосторожным поступком оттолкнула Джемайму — женщину, к которой испытывала настоящие чувства с момента их первой встречи на каменных ступенях дома. Энергичная молодая мать воплощала все то, чего Клара не находила в других женщинах: страсть, трудолюбие и принципиальность. Агнес рассказывала племяннице, как самоотверженно миссис Смит заботилась о дочерях, жертвуя ради них всем и неизменно отодвигая собственные интересы на второй план. В хрупком личике Джемаймы чувствовалась решимость, которая не позволяла относиться к ней пренебрежительно.

---

[5] Примечания: 5

Стивен Теннант (1906–1987) — английский аристократ, эксцентричная фигура лондонской богемы 1920-х гг.; пробовал свои силы в литературе, но известен главным образом как светский лев и представитель золотой молодежи.

[6] Примечания: 6

Сесил Битон (1904–1980) — британский фотограф, художник по костюмам и декорациям. В 1920-е гг. начинал как светский портретист, впоследствии сотрудничал с журналами «Vogue» и «Vanity Fair»; во время Второй мировой войны был официальным военным фотографом, работавшим на министерство информации. Позднее работал в киноиндустрии и трижды получил «Оскар» за костюмы и декорации.

Ее утонченная красота не нуждалась в румянах и пудре. Ее редкую улыбку было нелегко заслужить, но, когда это случалось, ты ощущал себя властелином мира, а внутри все кружилось в ослепительном и безумном вихре. Увы, Клара сама все испортила. Она всегда была слишком порывистой. Слишком избалованной. И сейчас показала себя во всей красе.

Утром она вышла на кухню и положила на сосновый стол конверт:

— Это арендная плата за неделю от Смитов. — Повеселившись ночью в обществе Невилла, Клара проснулась сегодня с твердым намерением исправить содеянное. В отличие от Джемаймы, у нее были деньги — хотя без поступлений от отца они таяли с каждым днем. Клара сделала первый, неуклюжий шаг к примирению. — Вчера соседка попросила тебе передать.

— Очень мило с ее стороны, — отозвалась Агнес. — Я знаю, как трудно приходится этой бедной семье. Иногда я даже отказывалась брать с них плату, когда у Николаса было совсем уж туго с деньгами. Он так много и усердно работает.

«Да уж, и кутит он тоже усердно», — подумала Клара, но ничего не сказала. Она готова была поспорить, что сосед разжалобил тетушку вы-

мышленными историями о своих бедах, однако хозяину «Безумного Шляпника» Ник платил вовремя.

— Будь любезна, отнеси этот поднос мистеру Горски, когда еда будет готова, — попросила тетя и, помолчав, уточнила: — Все в порядке, дорогая? Ты прямо вся горишь.

Клара знала, в чем дело: она нарумянила правую щеку, чтобы след от пощечины на левой не бросался в глаза. Тем не менее она изобразила ослепительную улыбку и кивнула. Может, она даже посидит с пожилым джентльменом. Удивительно, однако девушка начинала получать удовольствие от его язвительных замечаний, невольно питая уважение к тем, кто смел ей перечить, как Джемайма. Именно этого Кларе не хватало в Джеке, который неизменно ей во всем уступал.

— Вчера я задержалась с Невиллом допоздна. Старалась вести себя тихо, когда вернулась.

После пощечины Клара позвонила Невиллу и уговорила его пойти в ночной клуб. Она никогда не обсуждала с ним свои романтические предпочтения, но полагала, что лишь такой необычный друг способен увидеть подсказки и разгадать ее секрет. Однако они не затрагивали щекотливую

тему. Даже после истории с Алисой. Рядом с Невиллом Клара чувствовала себя в безопасности — и не только потому, что тот не пытался ее соблазнить. Все обстояло сложнее. Невилл тоже был сломлен и потерян. Их связывали теплые узы товарищества: они болтали обо всем и ни о чем, потягивая из хайболов коктейли «Джин Рики» и «Мэри Пикфорд», а под конец — «Оживитель трупов» с лимонной цедрой, потому что Невилл обожал абсент. Сейчас Клара вспомнила лакричный запах коктейля, и ее чуть не вывернуло.

— Будь добра, присмотри за яйцами, пока я нарежу хлеб. Мистер Горски предпочитает тонкие тосты.

Тетя протянула племяннице деревянную ложку со сточенным за долгие годы краем — очередное свидетельство неумения Агнес расставаться с вещами, имевшими для нее особое значение. Клара поглядела на желтую густую массу на дне алюминиевой кастрюли.

— Помешивай, ради всего святого, а то у нас получится омлет.

Дверь в кухню распахнулась, и вошла Джемайма. Заметив Клару, чье сердце бешено заколотилось при воспоминании о поцелуе, она на долю секунды замешкалась. В тот бесконечно корот-

кий миг близости все казалось правильным, но теперь Клару угнетала мысль, что эта молодая женщина не испытала того волшебства, которое обожгло каждый нерв ее тела.

— Вот наш долг за квартиру. — Джемайма протянула Агнес горсть монет.

Домовладелица нахмурилась:

— Но Клара только что передала мне ваши деньги.

Молодые женщины уставились друг на друга. Клара попыталась вложить в мимолетный взгляд очень многое: «Прости, пожалуйста. Позволь мне помочь. Можем ли мы остаться подругами?» Но Джемайма взирала на нее со сдержанной злостью. Неужели Клара своими действиями лишь усугубила положение? Джемайма была гордой, а вмешательство Клары, пусть даже вызванное благими намерениями, объяснялось чувством вины.

— Да как ты смеешь думать… Ой…

Монеты упали на пол и покатились по плитке, а Джемайма согнулась пополам, вцепившись в спинку кухонного стула.

— Боже мой, девочка. Что-то не так с ребенком? — Агнес отбросила нож, подбежала к беременной жиличке и погладила ее по спине.

Джемайма выпрямилась, но волна боли заставила ее снова наклониться вперед и вскрикнуть.

— Не может быть. Еще слишком рано. Срок подойдет лишь через несколько месяцев.

Но все понимали, что это схватки. Увы, такая внезапная и резкая боль не сулила ничего хорошего.

— Тетя, отведи ее вниз и уложи в постель, — сказала Клара, выключив газ. Ее сознание вдруг прояснилось, а похмелье растаяло в жарком и душном воздухе кухни. — Я вызову врача.

***

Самые худшие опасения оправдались менее чем через час, хотя доктора по-прежнему не было. Дочек Джемаймы отправили к соседке из дома 22, а Гилберт, прибежавший на шум, вызвался разыскать Николаса, надеясь застать мистера Смита в депо или хотя бы оставить ему там весточку. Клара и Агнес под руководством самой Джемаймы, которая еще до замужества закончила курсы медсестер, сделали все, что смогли. Но развязка была предрешена. Им оставалось лишь утешать несчастную женщину и быть рядом.

Клара раньше и не представляла, до чего же невыносимо смотреть, как любимый человек проходит через подобные страдания. Казалось,

каждый мучительный крик Джемаймы разрывал ее саму изнутри, но хуже всего, что облегчить страдания роженицы было нечем. Почему женщины по всему миру снова и снова подвергали свои тела такому жестокому испытанию, оставалось для Клары непостижимой загадкой. Это лишь подтверждало, что сама она не была создана для материнства, хотя и испытывала огромное уважение к тем, кто вставал на этот нелегкий путь.

Крохотное тельце, вышедшее из чрева Джемаймы, легко умещалось на ладонях Клары. Блестящая кожа оказалась темнее, чем она ожидала, голова — непропорционально большой, а конечности — болезненно тонкими. Вне всяких сомнений, мальчик родился мертвым. Агнес протянула полотенце, и Клара завернула в него кукольное тельце, оставив открытым личико с так и не открывшимися глазами. Она повернулась к Джемайме, но та лишь покачала головой и потупилась:

— Это моя вина. Я вытолкнула его из своего тела. Я никогда не хотела этого ребенка, и Господь это знал.

— Тише, тише, успокойся.

Агнес протирала ей лоб влажной тряпицей,

а Клара прижала сверток к груди в страхе, что младенец, пусть и мертвый, может почувствовать себя нежеланным. Она ничего не знала о рае и загробной жизни, но была полна решимости отнестись к малышу с уважением и любовью. Хотя ее собственная вера была шаткой, Клара была готова поступиться убеждениями на случай, если душа этого крохотного человечка все еще находится в комнате, задержавшись, чтобы проститься с убитой горем матерью.

Они услышали, как отворилась входная дверь, и через несколько мгновений в тесную спальню вошел Николас. Агнес и Клара отступили в тень.

— У тебя что, роды начались? В депо прибежал тот странный парень из мансарды. Я сказал ему, что еще рано — срок подойдет только после Нового года. Что случилось?

— Прости. — Глаза Джемаймы наполнились слезами, трагический исход был очевиден без слов.

— Кто был на этот раз?

— А не хотите сперва поинтересоваться, как ваша жена себя чувствует? — Клара была до глубины души возмущена подобной черствостью.

— Мальчик, — прошептала Джемайма.

— Господи, почему ты его не сберегла? — вы-

палил Николас и осекся, ощутив, как в него впились сразу три пронзительных осуждающих взгляда. — Прости, милая, я так расстроился, что сморозил глупость. Впрочем, теперь мы хотя бы знаем, что ты способна рожать мальчиков. Будем надеяться, что сумеешь выносить еще одного. В следующий раз все у нас непременно получится, правда? — Он оглядел комнату, заметил Клару со свертком и отпрянул в сторону. — Мне тут больше нечего делать, да и ты выглядишь довольно бодрой, дорогая. А я, пожалуй, вернусь на работу. Уверен, женщины и без меня прекрасно справятся. Я все равно ничем помочь не могу.

Клара метнула в него яростный взгляд. Неужели Николас думал, что слово «дорогая» все сгладит? Его жена только что потеряла ребенка, а он рассуждает о том, как выносить и родить следующего. Кларе хотелось подойти и встряхнуть его за плечи. «Я все равно ничем помочь не могу». Разумеется, это была неправда. Он мог сказать жене, что любит ее и что она ни в чем не виновата, мог подержать ее за руку хотя бы несколько минут.

Николас тихо вышел из комнаты, и Агнес вернулась к Джемайме:

— Вот видишь, какой у тебя заботливый муж:

даже с работы отпросился, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

«Благослови, Господи, тетушку, — подумала Клара, — за то, что она всегда пытается видеть в людях хорошее, даже если его там почти нет».

В комнате вновь воцарилась тишина — никто не знал, что сказать. Клара не могла, уподобившись Невиллу, похлопать Джемайму по спине и бросить: «Жаль, конечно, что так вышло, старушка, но ты все равно держи хвост пистолетом». Беременность должна была завершиться криком новорожденного, довольным чмоканьем младенца, прильнувшего к материнской груди, и его тихим сопением. Но в комнате висела тишина, и эта пустота заставляла острее ощущать неприятные детали: металлический привкус крови в воздухе, сладковатый запах излившихся вод, легкий дух пота от общей усталости. Кларе хотелось раздвинуть на окнах занавески, чтобы впустить свет и жизнь, но она уважала желание Джемаймы отгородиться от мира.

Клара покрепче прижала маленький сверток к груди и присела на край низкого викторианского кресла для кормления, не в силах представить, что переживает сейчас бедная женщина, свернувшаяся клубочком на кровати. Джемайма

отвернулась к окну и с головой накрылась одеялом, пока Агнес хлопотала с кувшинами горячей воды, вытирая кровь и наводя порядок.

Медленно и неуверенно, Клара тонким голосом едва слышно пропела начальные строки песни «Лицо младенца»[7]. Дома у нее была пластинка Бенни Дэвиса, и именно эта песня первой пришла на ум, пока девушка разглядывала крошечные ушки, носик и закрытые веки. Осторожно развернув полотенце, она отыскала маленькую ладошку размером едва больше ногтя и вложила свой палец в пальчики малыша, напоминавшие спички. К ее удивлению, хрупкое тельце все еще было теплым.

В дверь спальни постучали. Агнес открыла ее и увидела на пороге Гилберта, который, однако, внутрь не зашел. Мужчине сейчас здесь было не место.

— Чем еще я могу помочь миссис Смит? — прошептал он.

— Поторопите доктора, — попросила Агнес. — Джемайма считает, что поскольку все равно уже ничего поделать нельзя, то врач не нужен. Но мы

---

[7] Примечания: 7

«Лицо младенца» — популярная американская песня, написанная в 1926 г. и ставшая хитом; композитор Гарри Акст, автор слов Бенни Дэвис.

с племянницей не имеем медицинской подготовки, и я хочу, чтобы бедняжку все-таки осмотрел специалист.

— Я пытался привести врача, но на Леопольд-стрит женщина сейчас рожает двойню, и роды очень тяжелые. Доктор знает, что произошло, и обещал навестить миссис Смит, как только освободится.

Что ж, врачу действительно следовало сосредоточиться на младенцах, у которых был хоть какой-то шанс. Даже если бы медик оказался здесь с самого начала, сына Джемаймы он бы все равно не спас.

— Спасибо, Гилберт, — поблагодарила молодого человека тетя Агги.

— Пустяки. Ни одна мать не должна терять ребенка. — Гилберт коротко кивнул и добавил загадочно: — Я видел, какой непоправимый урон причиняет подобная утрата.

16. Ящик с детской одеждой

В нижней части пузатого комода, стоявшего в комнатах Агнес, имелся глубокий ящик, который она открывала редко, хотя и частенько вспоминала о его содержимом. Там хранилась детская одежда Дафны: множество белых хлопчатобумажных распашонок и платьиц, набор кружевных чепчиков и — среди прочего — крошечная пара мягких розовых пинеток.

— Теперь наша маленькая семья полностью укомплектована, — пошутил отец, передавая двенадцатилетней дочери сверток с новорожденной сестренкой, аж покрасневшей от крика.

Мамочка выглядела неважно, но улыбнулась детям и крепко сжала руку мужа. Они долго еще в тот день сидели все вместе на большой двуспальной кровати, обсуждая планы на будущее и гадая, какой вырастет маленькая Дафна.

Поздний ребенок был долгожданным чудом и — со слов бабушки по отцу — даром милосердного Господа. Мать никогда не теряла надежды снова зачать, хотя такие вещи не обсуждали открыто, особенно в присутствии девочки. Молодая миссис Хамфрис всегда была болезненной женщиной

— даже рождение Агнес далось ей с трудом. Но у милосердного Бога были свои замыслы: идеальная семья Томаса Хамфриса просуществовала всего пять коротких дней — после чего жена его умерла, так и не оправившись после родов.

Таков уж был порядок вещей: чтобы дать жизнь новому существу, женщины часто жертвовали своей собственной. В детские годы Агнес высокая смертность среди младенцев и гибель рожениц были обычным делом. Даже в ее молитвеннике чин благословения новоиспеченных матерей начинался со слов благодарности за «благополучное разрешение от бремени и избавление от великих опасностей родов». После войны многое улучшилось, но не сразу, а постепенно. Рождение детей по-прежнему было сопряжено с риском.

Когда Дафна выросла из одежды для младенцев, Агнес сохранила на память ее детские вещи, переложив их в ящик комода в гостевой комнате. Отец девочек, красивый мужчина и уважаемый коммерсант, даже в свои пятьдесят мог без труда подыскать молодую жену детородного возраста. Но Томас Хамфрис был столь же сентиментален, как и сама Агнес. Он потерял свою единственную любовь, и с годами Агнес поняла: мачехи у них не будет. Отец обожал дочерей и довольствовался

этим.

Время от времени Агнес перебирала содержимое ящика: встряхивала и заново складывала вещи, меняла резко пахнущие нафталиновые шарики, надеясь, что насекомые пощадят бесценную ткань. Когда в ее жизни появился Джеймс, девушка провела целый вечер, разглядывая старую одежду и шепча, что вскоре она снова понадобится. Агнес не сомневалась, что за годы забот о младшей сестренке многому научилась. Но уже через несколько месяцев ей пришлось совершить трудный выбор — и он исключал материнство.

Когда Дафна сама стала матерью, то брезгливо отвергла затхлые старомодные вещи. Она ведь могла купить для малышки Клары все самое новое. Поэтому Дафна взяла только крестильное платьице с чепчиком — семейную реликвию, соответствовавшую ее новому, более высокому статусу.

Сорок с лишним лет одежда хранилась в комоде, и Агнес задавалась вопросом, не пролежит ли она там еще столько же. Клара ее не возьмет, ведь мода кардинально изменилась. После войны мальчиков одевали как маленьких бойцов — в рубашки с военными нашивками, а девочек — в

простые платьица из новых синтетических тканей вроде вискозы, с круглыми воротничками. В глубине души Агнес понимала: старая детская одежда больше уже никому не понадобится, но правда заключалась в том, что эти драгоценные реликвии были нужны ей самой… Потому что в тягостные одинокие ночи, когда в доме стояла тишина, а стены тонули в тени, она выдвигала заветный ящик, доставала хлопчатобумажное платьице, покачивалась в лунном свете из стороны в сторону и напевала во тьме колыбельную, теша себя надеждой: «А вдруг?..»

17

Хотя после выкидыша, случившегося у Джемаймы, прошло несколько дней, однако сон Клары до сих пор оставался прерывистым и тревожным. Ей снились крошечные пальчики. Совершенные, словно у куклы, и такие же безжизненные. Эти ручки никогда не будут гонять деревянный поезд по рельсам, как это делает Матильда. Клара не могла выбросить из головы мысли о потерянном ребенке. Если даже она так переживала, то что же испытывала бедная мать?

Иногда, в мимолетных снах, Клара забиралась к Джемайме под одеяло, прижимала к себе убитую горем женщину, покрывала милое лицо нежными поцелуями и баюкала ее так же бережно, как недавно укачивала мертвого младенца. Лишь этот образ приносил ей успокоение.

Со стороны Клары было весьма опрометчивым проявить свои чувства, но она понимала, что сейчас неподходящее время для объяснений. Джемайме нужно побыть одной. Девушка не могла понять, что соседка думала о том эпизоде. Сохранит ли она тайну Клары? Или рассердилась настолько, что выдаст ее секрет? Пожалуй, ра-

зумнее всего было бы пресечь угрозу в зародыше и честно признаться, кто она на самом деле. Хотя бы тетушке Агги.

— Почитай мне сказку, — попросила Клара Агнес. — Как раньше.

Они сидели в гостиной. Тетя задернула шторы, прикрыв «гляделки наружу». Она удивилась словам племянницы, но подошла к книжному шкафу и достала томик братьев Гримм, по пути погладив желтые перышки на головке Санни.

— Только обязательно со счастливым концом, — заявила Клара, вытягивая ноги на диване.

Сиденье было бугристым, но чертов диван начинал ей нравиться. Наверное, воспоминания о том, как она в детстве уютно устраивалась на нем, ночуя у тети, пока мамочка смотрела в Вест-Энде спектакль, или приезжала на Бёрлингтон-сквер одна во время длинных летних каникул, и подтолкнули девушку к этой странной просьбе. Привычные вещи, как известно, приносят нам утешение, а именно его Клара сейчас и жаждала.

— Хм… Тогда, пожалуй, эта книга не подойдет, — сказала тетя Агнес, возвращая том на полку. — В ней сказки частенько заканчиваются смертью. Фамилия братьев Гримм говорит сама

за себя[8]. — Она улыбнулась. — Почитаем лучше Андерсена.

В комнату вошел Инки, обнюхал Клару, но предпочел взобраться на полные колени Агнес, когда та уселась напротив племянницы и принялась читать ей «Принцессу на горошине». Когда дело дошло до счастливого финала, она на мгновение замолчала. Клара сглотнула, чувствуя, как сжимается сердце, и размышляя, как лучше преподнести неудобную правду.

— Я хочу прожить свою сказку, тетя. Хочу быть счастливой.

— Многие сказки не имеют счастливого конца. Но знаешь, почему я их люблю, несмотря ни на что? — Пожилая дама закрыла тяжелый том и положила его на подлокотник кресла.

Клара покачала головой.

— Они бросают вызов установленному порядку: принцессы — сильные, а те, кто не похож на других, побеждают. Помнишь, как девушки спасают своих братьев или возлюбленных? А эта магия! — Агнес всплеснула руками, так и просияв от восторга. — Как часто я мечтала о летающем сундуке, который унес бы меня в дальние страны,

---

[8] Примечания: 8

Фамилия братьев Гримм созвучна английскому слову «grim» — «мрачный».

или об огниве, чтобы призывать огромных псов, исполняющих мою волю.

Клара улыбнулась:

— Насколько я помню, в сказке «Огниво» собаки посреди ночи доставили в каморку солдата принцессу. Жаль, что нельзя так просто обрести любовь…

— Ах, мое дорогое дитя, будь у меня огниво, я бы велела привести тебе красивого принца.

Клара фыркнула:

— Моя жизнь напоминает сплошной кавардак, так что толика волшебства точно не повредила бы. А что до принца… Тут все гораздо сложнее.

— Мне известно больше, чем ты думаешь. Дафна проговорилась, что молодой человек, с которым ты крутила роман, дальний родственник королевы Марии. Я не собираюсь тебя осуждать, милая. Я понимаю, что времена изменились, но вполне разделяю желание твоих родителей избежать публичного скандала.

— Нет, тетя, — мягко возразила Клара, взяв пожилую женщину за руку, покрытую пигментными пятнами. У нее аж дух захватило, словно она в три часа ночи мчалась по Мэллу[9] в «мор-

---

[9] Примечания: 9

Мэлл — улица в лондонском районе Вестминстер, соединяющая Букингемский дворец с Трафальгарской площадью.

рис-оксфорде» Джека. — Моим прегрешением был не Филипп, а его невеста. — Она сделала паузу, чтобы собеседница успела осознать ее слова. — Мужчины — принцы они или нет — меня не интересуют. Невилл — само очарование, а к Джеку я очень привязана, но желания… сблизиться с ним у меня нет.

Агнес сумела хорошо скрыть свое потрясение, хотя принадлежала к поколению, для которого подобное было невообразимым. Клара наблюдала, как брови тетушки то поднимались, то опускались, пока она старалась сопоставить полученные от Дафны сведения и поведение племянницы с неожиданным признанием последней. А потом — точно так же, как прежде и ее сестра, — попыталась найти объяснение.

— В юности многое сбивает с толку. Глупое ощущение свободы кружит голову. Курение, выпивка, ночные кутежи… Это пройдет, — уверенно заявила тетя Агги и осторожно погладила девушку по руке.

Клара вздохнула, спустила ноги на пол, потянулась к маленькому серебряному портсигару на столике и закурила.

— Нет, не пройдет. Вот ты, например, не любишь рубец, никогда его не любила и с детства

знала, что не полюбишь. И здесь то же самое. — Прямой и серьезный взгляд, которым она одарила любимую тетю, не оставлял сомнений в искренности ее слов. — Я не способна изменить свою природу так же, как зебра не может содрать с себя полоски. Ради мамы я всегда буду вынуждена жить во лжи, чтобы окружающие ничего не заподозрили. Но пришла пора открыть близким правду, как бы они на нее ни отреагировали. Мне до смерти надоело притворяться.

Жизнь на Бёрлингтон-сквер напомнила Кларе о бесстрашной девочке, которой она когда-то была, и о том, что тетя Агги, как никто другой, всегда на ее стороне. Она по-прежнему стремилась к тому, чего хотела, но, в отличие от той девочки, повзрослевшая Клара испытывала страх. Она опасалась безоговорочного осуждения, а также того, что причинит боль близким, но так и не найдет свою истинную любовь.

Несколько мгновений пожилая дама пыталась осмыслить признание племянницы. Клара видела, как тетя задумчиво сузила глаза и наморщила лоб. Наконец она подалась вперед и погладила девушку по колену:

— Знаешь, отчасти я даже чувствую облегчение. Я подозревала, что с тобой случилось что-то

ужасное. Боялась, что у тебя проблемы со здоровьем или ты оказалась в интересном положении. Но твоя ноша слишком тяжела, чтобы нести ее в одиночку. Надо было сказать мне раньше. Пусть я не все понимаю, но осуждать не стану.

— Я… я думала… ты же верующая, христианка, и это может поставить тебя в затруднительное положение.

Тетя Агги фыркнула и скрестила на груди руки:

— Библия многое осуждает. «Левит» высказывается на этот счет особенно строго, но я знаю, что Иисус вкушал трапезу с мытарями и питал особую симпатию к Марии Магдалине, которая, как всем известно, была женщиной весьма сомнительной репутации. Вера важна для меня, но в Священном Писании столько противоречий, что мне пришлось проложить свой собственный путь и держаться заветов, которые действительно имеют значение. Почитать отца и мать, поступать с людьми так, как я хотела бы, чтобы они поступали со мной, и доверить право суда одному лишь Господу. Если Он прощает грешников, кто я такая, чтобы обвинять? К тому же Бог сотворил все живое, в том числе и тебя, моя дорогая, как бы несовершенна ты ни была. Я не

могу поверить, что творение Господа подлежит осуждению.

По лицу Клары покатились слезы, и она отчаянно заморгала, стараясь их сдержать. Ей следовало помнить, что тетя всегда слушала голос сердца, а не рассудка. Достаточно было взглянуть на ее дом, забитый хламом. Агнес не могла избавиться от старого бугристого дивана потому лишь, что тот был с ней целую вечность. Или взять, например, переходивший из поколения в поколение чайный сервиз, который приходилось дополнять разрозненными предметами взамен утраченных или разбитых. Пожилая дама любила вещи, несмотря на их несовершенства, а может — именно поэтому. Она свято верила, что, если люди или вещи были к тебе добры, ты обязан ответить им тем же. Одним словом, тетя Агги являлась олицетворением преданности.

— Я так сильно тебя люблю, Клара, — сказала она. — Ты мне как дочь. Пусть я не понимаю тебя, но не вынесу, если ты будешь несчастной. — Она вздохнула. — Что до моей веры, то мне кажется, когда я встречусь со святым Петром, переговоры будут долгими и утомительными. Под моей крышей долгие годы жили заблудшие души, люди, далекие от совершенства. Даже у мистера Блэнд-

форда были свои пороки. Но я надеюсь, что моя преданность отцу, жертвы, принесенные ради него, и старания помочь тем, кому повезло еще меньше, чем мне, перевесят мои проступки. Если меня не пустят в рай только потому, что я любила и поддерживала бедную запутавшуюся девушку вроде тебя, ну что ж… Значит, Люциферу придется выделить для меня уголок в аду. А сейчас давай спать, утро вечера мудренее.

Клара едва не рассмеялась в голос. Тетя Агги по-прежнему считала ее необычные наклонности временным состоянием, полагая, что племянница просто запуталась, и надеясь исправить положение здравыми доводами и полноценным сном. Но, по крайней мере, она постаралась понять Клару, в отличие от родителей, которые с треском провалили миссию.

— Я… я хочу подарить это тебе, — смущенно пробормотала Клара, снимая с шеи аквамариновый шарф и набрасывая его на плечи тетушке.

Ей было проще выразить свою огромную благодарность этой удивительной женщине поступком, чем словами. Нахлынувшее облегчение грозило сломить Клару, а ей хотелось оставаться сильной и смелой девушкой, которой Агнес всегда так восхищалась. Клара поцеловала тетушку

в обе щеки, и пожилая дама залилась румянцем.

— Тебе очень идет этот шарф. Носи побольше ярких вещей.

— Ах, на меня уже никто не смотрит.

— Ну, я бы не сдавала позиции, дорогая. Помнишь сказки? На свете нет ничего невозможного. Спящей красавице пришлось ждать сто лет. Да ты и сама в красивой одежде будешь лучше себя чувствовать. Вот почему я слежу за своей внешностью — это маска, которая создает впечатление, будто все в порядке.

— Да, хотя иногда ты выглядишь как проститутка, милая.

Клара рассмеялась, услышав подобное заключение.

— Может быть. И пожалуй, мне нужно исправиться. Не стоит вводить мужчин в заблуждение, верно? — Она подмигнула тетушке и крепко сжала ее ладони. — Спасибо тебе.

— За что?

— За твою неизменную честность.

Она так боялась открыть правду тете, а та оказалась невероятно доброй и отзывчивой. Впервые в жизни Клара почувствовала настоящую поддержку, и это придало ей мужества. Пришло время быть честной и с остальным миром. Или

хотя бы с теми, кто ей по-настоящему дорог.

18

Клара улыбнулась, наблюдая, как Невилл швыряет куски черствого хлеба равнодушным лебедям и перекормленным уткам. По недовольному изгибу его губ и явному отвращению, с которым юноша выбирал, куда ставить ноги, было ясно, что он предпочел бы провести утро в кафе «Лайонс Корнер-хаус» на Ковентри-стрит, потягивая кофе в компании симпатичных незнакомцев, а не тащиться в Кенсингтонские сады кормить водоплавающих у Круглого пруда. Официантки обычно усаживали Невилла и ему подобных отдельно, и, пока те вели себя сдержанно, никто не возражал против их присутствия в заведении.

Клара подняла лицо навстречу скупым лучам осеннего солнца и позволила птичьему гомону и запаху сырой земли омыть себя. Осознание того, что тетя Агги на ее стороне, придавало девушке сил.

— Несомненно, лучшее время дня — это позднее утро, — заявила она.

— Не согласен, — буркнул Невилл, все еще сердитый из-за вынужденной прогулки в парке. — Лучшее время наступает между пятью и

шестью часами утра, когда ты полон бодрящего пойла и мечтаешь о копченой селедке. В этот момент ты видишь, как солнце медленно поднимается в небо, словно пылающий воздушный шар, и понимаешь, что ночь удалась.

— Тебе же нравится Круглый пруд, — напомнила девушка, удивляясь скудости воображения тех, кто дал декоративному озеру такое имя. Строго говоря, оно даже не было круглым.

— Только когда мы плещемся в нем нагишом. — В глазах Невилла промелькнул озорной блеск.

Клара вдруг поняла, что Невилл со временем превратился в утрированную версию самого себя. Это становилось особенно заметным после пары бокалов в компании друзей. Он был полной противоположностью Клары. Если она прятала свое истинное «я», то Невилл выставлял его напоказ, словно бросая окружающим вызов: вот он, настоящий я, увеличенный во сто крат, сможете ли принять меня такого? Вероятно, это тоже была форма самозащиты — подобно тому, как сама Клара отчаянно оборонялась, изображая роковую женщину. Оба они прятали собственную неуверенность за дерзкой маской. При этом Клара действительно чувствовала себя неполноценной. Ведь если она не вписывалась в пресловутую

норму, значит была неудачницей.

— При виде такого лица мой огурчик оживает, — прошептал Невилл, когда мимо прошел мужественный красавец, ведя под руку томную девушку.

— У тебя одни огурчики на уме, — закатила глаза Клара.

— Ах, дорогая, так оно и есть.

Однако улыбка вышла у Невилла усталой: в душе он и сам не верил в свои слова. Клара понимала, как тяжело постоянно носить маску. Юноша вздохнул и сменил тему:

— Джеки устраивает исторический, а точнее — истерический уик-энд. Очень хочет, чтобы и ты тоже в этом участвовала. Скажи, что придешь, дорогая. Без тебя веселья не жди.

— Мне сейчас не до вечеринок, Невилл. У человека, который мне дорог, только что умер ребенок. Это заставляет взглянуть на все иначе.

— Не повезло. Мне очень жаль и все такое. Но, собственно, именно в этом-то и смысл вечеринок — радоваться жизни, а не скорбеть о смерти. Амелии Фаррингтон в воскресенье исполнился бы двадцать один год, если бы эта глупая кобыла не разбилась в июне, после чего все жутко приуныли. Митци придумала тему — исторические

персонажи с трагической судьбой, хотя бедняжка Амелия вряд ли войдет в историю. Я вот подумываю явиться в образе Цезаря — обожаю тогу.

Теперь они шли под руку, направляясь к мосту, разделявшему Кенсингтонские сады и Гайд-парк. Если полностью обойти озеро Серпентайн, может, у нее хватит времени затронуть тему, которую она отчаянно хотела обсудить?

— Я почти не знала Амелию, — призналась Клара.

— Я тоже видел Амелию всего пару раз, и последний — как раз в ночь ее смерти. Мы гостили в загородном поместье Алисы с субботы до понедельника. Мог бы получиться просто шикарный уик-энд, да вот только эта тупая корова даже до воскресного утра не дотянула. Совсем окосела — уж не знаю, то ли от выпивки, то ли от наркотиков. — Невилл пожал плечами. — Потом разругалась с Алисой и умчалась прочь. Уперлась как ослица, что сама поведет машину в Хэмптон, хотя дождь лил стеной. Я не вмешивался: стоило задеть Амелию, и она превращалась в злобную кошку. Не хватало мне еще оскорблений и язвительных шпилек. В итоге ее намотало на фонарный столб в двух милях от дома. — Невилла аж передернуло. — По рассказам, зрелище было

мерзкое.

Теперь, когда он упомянул об этом, Клара вспомнила заголовок на щите газетчика: «Наследница из Хэмпшира погибла в автокатастрофе».

— Но ведь мы все так живем, Невилл, — пускаемся вразнос, словно нам ни до чего нет дела. Не идем ли и мы той же дорогой, что Амелия? Излишества рано или поздно дадут о себе знать, и последствия могут оказаться столь же катастрофическими. Митци точно не доживет до старости, если станет продолжать в том же духе.

Клара обхватила себя тонкими руками и потерла плечи. Водоем выглядел прекрасным даже в серый осенний день.

— Разве лучше погибнуть, рванув через грязное поле с примкнутым штыком и криком «Да здравствует король!», чем разбиться вдребезги в автомобиле? — задумчиво спросил Невилл.

— Ну, такая смерть, безусловно, благороднее. И все же должна существовать золотая середина между молчаливой жертвенностью тети Агги и безумием моей нынешней жизни. Выйти за Джека — это правильный и безопасный выбор, но я этого не сделаю.

Клара вопросительно посмотрела на Невилла. Что ему известно? Наверняка больше, чем осталь-

ным. И уж точно больше, чем Джеку.

— Ты ведь знаешь Джека, он просто так от тебя не отстанет. — Невилл искоса взглянул на нее и пнул гравий носком ботинка.

— Тогда мне придется сказать ему правду. Джеки ведь всегда был с тобой мил, да? — спросила Клара, и парень кивнул.

— А… — Он не договорил.

Повисла пауза.

— Ты ведь наверняка и сам уже обо всем догадался?

— Ну да, недаром ведь ты всегда относилась ко мне куда терпимее, чем остальные. Но все же подумай хорошенько, старушка. Едва только правда выйдет наружу, как ты сразу же столкнешься с предубеждениями. Люди нашего круга лояльнее прочих, но даже Битона в прошлом месяце сбросили в реку в Уилтон-хаусе. Когда все вокруг на тебя ополчаются, это весьма неприятно. — Его лицо вдруг просветлело. — А может, нам пожениться? Вита[10] ведь вышла за этого

[10] Примечания: 10

Вита Сэквилл-Уэст (1892–1962) — английская писательница и поэтесса, известная также своими отношениями с Вирджинией Вулф.

парня, Николсона[11], и все тут же отстали, а их соглашение не мешает любовным интрижкам. Мы можем тайком предаваться своим шалостям, а на публике соблюдать приличия.

— Великодушное предложение, но нет, спасибо.

Для Клары брак с Невиллом был бы еще хуже, чем с Джеком, но она не стала говорить правду, не желая огорчать этого милого юношу.

— Я хочу покончить с этой ужасной комедией и поэтому наконец-то призналась тете. Она не все понимает, но любит меня. Ты прав: честность влечет за собой сплетни и осуждение, но, если те, кто мне дорог, любят меня несмотря ни на что, я искренне верю, что сумею выдержать.

— Молодец, старушка. И все же мир меняется. Взгляни, как далеко такие, как мы, ушли со времен Оскара Уайльда! По крайней мере, смертную казнь за наши противоестественные склонности отменили. Хотя, признаться, мне всегда казалось, что нет ничего более естественного, чем любовь, — печально добавил Невилл. — Мужчин вроде меня уже почти сто лет не вешают. Ну а женщины, подобные тебе, никогда не подверга-

---

[11] Примечания: 11

Гарольд Джордж Николсон (1886–1968) — британский дипломат, писатель и политик.

лись уголовному преследованию.

«Как печально, — подумала Клара, — что мы оба считаем себя чужаками, которые не принадлежат этому миру». Выражение «такие, как мы» отделяло их от прочих людей.

— Только потому, что политики считают это невозможным и боятся, что в неискушенных девичьих умах зародятся опасные мысли, — заявила она с негодованием.

Лишь случайно наткнувшись на стихи Сафо, Клара начала понимать себя и собирать утешительные крупицы надежды, что она не одинока. Однако романов, где бы описывался ее опыт, не существовало. И уж точно не было литературных произведений, где подобных ей изображали в положительном свете. Даже среди отважных героинь Андерсена не было ни одной принцессы, возжелавшей и заполучившей другую принцессу.

— Если о чем-то не говорить, то можно убедить себя, что этого нет вообще, — подытожила Клара.

Как странно, что мужчины всю жизнь пытались защитить женщин от реального мира, а сами не могли вынести суровой правды о родах или изнурительной зависимости новорожденного от матери. Став свидетельницей выкидыша,

случившегося у Джемаймы, Клара узнала, какой пол на самом деле сильнее.

— Значит, ты скажешь старине Джеку правду — и что потом?

— Думаю уехать за границу. В Берлин. Может, в Париж. Комнаты на Бёрлингтон-сквер я всегда рассматривала как временное пристанище.

— Бежишь, старушка? Не похоже на тебя. Я всегда считал, что ты из тех, кто остается, чтобы принять бой.

— Вообще-то, я бегу навстречу… независимости и честности, потому что начала осознавать их важность, Невилл. И это как раз очень даже на меня похоже…

***

Вечеринка, которая планировалась в конце месяца, начала казаться Кларе заманчивой. Там она сможет рассказать Джеку правду и помириться с Алисой. Ее тяготили незаконченные дела, а история с Алисой определенно относилась к их числу. В голове все чаще вертелись мысли о Берлине. Посаженное семя дало крошечные зеленые ростки, тянувшиеся к солнцу. Отвергнутая Алисой и Джемаймой, Клара держалась на плаву только благодаря пониманию тетушки Агги, напоминавшей племяннице, что и она достойна

любви. Разве это не значило, что Клара обязана отыскать свою истинную любовь? Берлин мог стать началом новой жизни — в стране, негласно терпимой к сексуальному поведению, запрещенному законом. Даже Алиса рассказывала о провокационной, лишенной цензуры немецкой киноиндустрии, тамошних кабаре и протестном искусстве, подрывавшем устои традиционного общества. С одной стороны, Клару, которую на вечеринках всегда привлекали самые скандальные моменты, вдохновляли такие перспективы, однако с другой — было страшно совершить решительный шаг и так круто изменить свою жизнь.

Поднимаясь наверх с подносом для мистера Горски, она все еще ломала голову над переездом за границу. Старик заметил, что в последнее время девушка стала больше помогать тетушке по хозяйству, и поинтересовался, уж не превратилась ли она в трудолюбивую пчелку.

— Можно, я лучше буду полезной бабочкой? — кокетливо проворковала Клара. — Пчелы такие некрасивые.

— Вы, очевидно, никогда не рассматривали их вблизи. На самом деле пчелы необычайно красивы. Но оставайтесь бабочкой, если угодно.

Во всяком случае, я рад, что вы вернули краски в жизнь мисс Хамфрис. Она сказала, что в доме снова появилось ощущение тепла.

Клару пронзило чувство вины.

— Вообще-то, я думаю уехать за границу, — призналась она. — Строю планы.

— Какая жалость. Ваша тетя будет скучать, я уверен. Ее очень ободрило ваше появление здесь. Семья может быть благословением.

— И проклятием тоже, — ответила Клара, вспомнив отца.

Папа никогда ее не примет. В его глазах наклонности дочери были противоестественными. А теперь и мистер Горски заставлял ее чувствовать себя виноватой за то, что она покидает Бёрлингтон-сквер. Клара мысленно пообещала себе навещать тетю как можно чаще.

— Мне самому очень недостает семьи, — продолжил старик. — Я овдовел много лет назад и ни разу не видел своего сына.

Клара нахмурилась:

— Я думала, ваша жена не могла иметь детей.

Брови мистера Горски удивленно приподнялись.

— Ну, просто тетя Агги что-то такое упоминала, — смутилась она.

— Еще до жены у меня была девушка… и мы, как бы это выразиться, скосили траву еще до венчания. Я узнал о ребенке лишь много лет спустя.

— Какая пикантная история, — восхитилась Клара. — У вас был внебрачный ребенок?

Мистер Горски пожал плечами:

— Я ведь говорил, что меня трудно шокировать. Моя жизнь была небезупречна и полна горечи. Я жалею, что мне не хватило мужества следовать своим убеждениям. Надо было жениться на Алине, когда мы впервые встретились, но меня отговорили. — Старик посмотрел Кларе прямо в глаза и чуть подался вперед, чтобы подчеркнуть то, что сказал далее. — Никогда не позволяйте другим диктовать, как вам жить, дитя мое. Ведь именно вам предстоит разбираться с последствиями. Увы, моя собственная жизнь, похоже, подходит к концу.

«Ох уж эти старики и их одержимость смертью!» Клара закатила глаза, но успела отвернуться. Старик не проявил к ней сочувствия, когда она только приехала сюда. Теперь же она не сочувствовала ему.

— Что ж, вы сделали свой выбор, мистер Горски, а я — свой. — Не таилась ли в словах Клары доля злорадства оттого, что человек, критиковавший

ее поведение, не имел права выступать в роли судьи? — Не завидую вам, если на том свете вас встретят две ревнивицы. — Впрочем, в загробную жизнь девушка не верила.

— Пожалуй, сейчас я выберу Алину. Она ждала меня полвека, и ее ожидание подходит к концу. Я слышу, как она зовет меня…

Но у Клары не было времени жалеть соседа или подбирать банальные слова утешения. Сегодня мистер Горски предается унынию, но завтра наступит новый день. Хороший сон вернет старику бодрость, а у Клары и без него на уме была тысяча дел.

— Что ж, передавайте ей от меня привет, а потом поведайте нам с помощью доски Уиджи, как выглядит сонм небесных ангелов. — Девушка взяла поднос, оставшийся после предыдущей трапезы, и направилась к двери, с привычным легкомыслием бросив на ходу: — Хотя, подозреваю, куда вероятнее, что, когда пробьет наш час, мы с вами оба угодим в ад. Может, увидимся там?

***

Наутро Клара постучала в дверь мистера Горски, с трудом удерживая одной рукой поднос с завтраком. Накануне бедняга был мрачен, и

девушка чувствовала вину за то, что не уделила ему внимания. Особенно после того, как узнала, что сегодня у старика день рождения — тетя замочила в миске на кухонном столе сухофрукты для праздничной выпечки. Клара решила расспросить его о жизни, внимательно выслушать и проявить искренний интерес. Может быть, бывший музыкант даже расскажет ей что-нибудь о Берлине, ведь он так много путешествовал.

Если последние недели на Бёрлингтон-сквер чему-то и научили Клару, так это тому, что мир не крутится вокруг нее одной. Удивительно, но это ей даже нравилось. Жизнь становится проще, если не нужно каждую минуту быть остроумной, обольстительной и красивой. Помогать окружающим было приятно. Даже дети оказались не такими уж утомительными созданиями, какими Клара их себе представляла.

Ответа из комнаты не последовало, что было вполне заурядным явлением — старик порой засыпал в самое неподходящее время. Поэтому Клара постучала громче, распахнула дверь и весело поздоровалась:

— Доброе утро, мистер Горски! Сегодня у нас особое угощение — копченая рыба. Вы не поверите, но сегодня я сама испекла хлеб!

Тетя Агги была полна решимости обучить племянницу всем премудростям домашнего хозяйства.

Тишина в комнате, несмотря на нескончаемый стук дождя, хлеставшего в оконные стекла, была зловещей. Клара поставила поднос на знакомый столик и отправилась на поиски хозяина. Может быть, старику нездоровилось и он остался в постели? По утрам ему иной раз бывало тяжело вставать из-за артрита, который вел себя непредсказуемо.

Девушка постучала в приоткрытую дверь спальни и заглянула внутрь. В тенях притаилась тревога, полное отсутствие звуков почти оглушало.

— Тетушка сказала, что у вас день рож…

Слова застряли у нее в горле, когда она увидела мистера Горски на кровати — глаза закрыты, умиротворенное лицо обращено к потолку. Без кресла с высокой спинкой он выглядел маленьким и напоминал спящего ребенка. Морщины, выдававшие возраст, исчезли. Губы отливали синевой, руки были скрещены на груди, будто их нарочно так уложили. Подойдя ближе, Клара заметила прижатую к груди выцветшую фотографию молодой женщины.

Ее шаги замедлились. Проверять пульс не было нужды. На тумбочке у кровати лежало доказательство того, что решение воссоединиться с Алиной старик принял сам. Это был не конец пути, а сознательный шаг в сторону.

Горло перехватило, из него вырвался судорожный всхлип, но Клара быстро взяла себя в руки. Слезы не вернут мистера Горски. Оставалось лишь надеяться, что теперь он бежит, держа любимую за руку, по ковру из цветущих колокольчиков — ну или как там он представлял себе рай. На мгновение ей захотелось поверить в Бога. Но потом Клара вспомнила, что Господь не одобрил бы поступок старика, да и соседи тоже. Лучше скрыть правду. Ни покойный, ни ее тетя не заслужили пересудов и осуждения. Поэтому Клара сунула пустой флакон в карман платья, накрыла ледяные пальцы мистера Горски своими и прошептала:

— Ах ты, глупый, милый человек. Что же ты наделал?

Не было смысла сразу же поднимать тревогу. Клара воспользовалась возможностью посидеть рядом — хотя это следовало делать, пока старик был жив, — и подумать о том, какая же она все-таки эгоистка. Накануне была так поглощена

собой, что слышала слова мистера Горски, но не вникала в их смысл.

Клара сжала его пальцы. Жест был, конечно, нелепым — ведь несчастный мертв, — но девушке хотелось, чтобы он знал: она рядом, и ей жаль, что все так обернулось. У Александра Горски не осталось родственников, а ослабевшее тело лишило беднягу возможности заниматься любимым делом. Он чувствовал себя одиноким и был уверен, что жить больше незачем. Клара сожалела, что не нашла времени убедить его в обратном.

Дождь по-прежнему барабанил по стеклам, а плывущие по небу тучи окрашивали комнату в серый цвет, словно весь мир скорбел по усопшему. Минутная стрелка каминных часов размеренно поднялась от нижней отметки циферблата к верхней, прежде чем Клара спустилась вниз, чтобы сообщить тете печальную новость: мистер Горски скоропостижно скончался минувшей ночью.

19

Тетя Агнес восприняла смерть мистера Горски на удивление спокойно, утешаясь мыслью, что, стало быть, пришло его время. Клара облегченно вздохнула: никто, включая уставшего и вечно занятого доктора, не усомнился, что смерть наступила в силу естественных причин. По крайней мере, ее действия обеспечили старику достойные похороны по христианскому обряду, хотя это служило слабым утешением и не искупало ее вину.

— Я написала мистеру Томпсону, что комнаты освободились, — через неделю сказала Агнес племяннице, когда они стояли во дворе, складывая пополам широкую льняную простыню. — Он так хотел поселиться у нас, но, как только я упомянула о печальной кончине мистера Горски, его интерес моментально угас.

— Может, он не желает спать в комнате, где кто-то умер? — предположила Клара, испытав облегчение оттого, что мистер Томпсон не собирается к ним переезжать.

Девушке хотелось, чтобы ни одна ниточка в Лондоне не связывала ее с Хартфордширом. Она сняла с веревки наволочку и положила ее

в корзину, стоявшую возле ног. День выдался на редкость сухой и ветреный, и белье быстро высохло.

— Но ведь это его не смущало, когда он претендовал на комнаты мистера Блэндфорда.

Позднее в тот же день Клара попросила Невилла высадить ее у «Пембертона». Денег на покупки у нее не было, но она решила сообщить миссис Мейвезер, что комнаты на втором этаже освободились. Тете понравилась Мерси, и Клара чувствовала, что забота и тепло Агнес пойдут на пользу молодой вдове — точно так же, как и ей самой. История Александра напомнила, что люди, чувствующие себя одинокими, способны на глупости.

Суета в большом универмаге странным образом успокаивала, к тому же Клара любила толпу: та дарила ощущение жизни и принадлежности к чему-то большему. Здание высотой в четыре этажа поражало размахом, а интерьер его мог соперничать с любым загородным особняком. Перед глазами открывалось великолепное зрелище: белые греческие колонны, изящные лепные потолки, высокие окна и роскошные люстры. В воздухе витали ароматы дорогой косметики и парфюмерии. Клара прошла мимо безупречно

чистых витрин, где ровными рядами лежали изысканные товары, и остановилась возле группы безжизненных манекенов, демонстрировавших модные новинки. Внезапно ее осенило, что до переезда на Бёрлингтон-сквер она представляла собой такую же красивую вешалку, чьей единственной целью был показ новейших изделий от прославленных кутюрье.

Клара нашла отдел перчаток, но Мерси там не оказалось. Ее встретила угрюмая рыжеволосая девушка.

— Я ищу миссис Мейвезер, — сказала Клара.

Продавщица раздраженно вздохнула.

— Она здесь больше не работает. Все произошло так неожиданно. По слухам, среди ночи к ней нагрянула родня и увезла обратно в деревню. Мисс Коупли в полной растерянности. Меня перевели сюда из отдела чулок, пока не найдут замену. Я хорошо относилась к Мерси, но было видно, что она что-то скрывает. Вечно держалась особняком. Похоже, у нее были неприятности, которые ее настигли, — заключила девушка, пожав плечами.

«Как грустно», — подумала Клара, уверенная, что сварливая свекровь разыскала-таки сбежавшую невестку и заставила ее вернуться к жизни, которая той не нравилась.

— А Мерси не оставила своего нового адреса?

— Скорее старого, раз уж она вернулась домой, — ответила продавщица, явно довольная собственной шуткой, но, вспомнив, что находится на работе, посмотрела на Клару: — Желаете приобрести перчатки, мисс?

Клара покачала головой и отступила в сторону, чтобы стоявшая слева дама смогла купить зеленые сафьяновые перчатки. Выйдя из магазина и направляясь на Бёрлингтон-сквер, она вдруг поняла, как ей повезло, что у нее все-таки есть выбор, даже если этот выбор и сводится к компромиссам.

***

Под палящим сентябрьским солнцем Клара поставила чемодан у подножия крыльца. Вскоре должен был приехать Невилл, чтобы отвезти ее в Сомерсет на уик-энд. Поскольку до его появления еще оставалось несколько минут, девушка спустилась в подвал и постучала, не зная, как ее встретят. Она сознательно дала Джемайме время, чтобы оплакать утрату и прийти в себя.

Молодая мать наконец открыла дверь, и ее потускневший взгляд впился в Клару. Женщины стояли друг напротив друга, не находя слов.

Потеря ребенка затмила все, но теперь, когда

накал драмы угас, перед Кларой вполне могли захлопнуть дверь. Она понимала, что зашла чересчур далеко. Если бы с ней так поступил Джек, она бы сочла его поведение навязчивым и оскорбительным. Пытаясь найти себе оправдание, Клара вспомнила тот короткий миг, когда поверила, что ее знаки внимания будут вознаграждены. Увы, она неверно истолковала замешательство Джемаймы, приняв ее шок за робость.

Почувствовав, что отчасти понимает Джека, Клара снова взглянула на стоявшую перед ней смелую и непреклонную женщину. Это была любовь, пусть и без надежды на взаимность. К счастью, в отличие от Джека, Клара знала, когда следует отступить.

Секунды тянулись. Джемайма продолжала пристально смотреть на незваную визитершу, отчего у Клары сводило желудок. Оставалось надеяться, что соседка смягчится, вспомнив, с какой добротой Клара ухаживала за ней, когда она потеряла ребенка. Клара и впрямь старалась быть менее эгоистичной. Но не слишком ли поздно она спохватилась?

В конце концов гостья пробормотала «прости» — ровно в тот момент, когда хозяйка произнесла «спасибо».

— Вы с Агнес были очень добры, — продолжила Джемайма. — Мне было так страшно.

Клара с облегчением поняла, что, несмотря на ее опрометчивый поступок, молодая женщина сумела оценить искреннюю заботу и участие.

— Мы очень старались, но, боюсь, ни одна из нас толком не знала, что нужно делать в таких ситуациях. Это ты нами руководила.

— Но если бы я не поднялась к Агнес, чтобы расплатиться за аренду, то, вероятно, прошла бы через все это одна. Или рядом с Тилли, а это просто немыслимо. Так что я говорю «спасибо» от чистого сердца. — Джемайма принялась нервно теребить свои тонкие пальцы, давая понять, что передала эстафету разговора Кларе.

— Как ты себя чувствуешь? — осведомилась та.

— Нормально. А как же иначе? Николас велел мне не хандрить и возвращаться к обычной жизни. С женщинами такое случается постоянно. К тому же я нужна девочкам.

В который раз уже Клара подумала, что этому придурку, муженьку Джемаймы, не помешало бы вправить мозги.

— То, что другие переживают то же самое, не умаляет твоего горя. Тебе следует заботиться о себе и побольше отдыхать.

Клара хотела предложить соседке помощь, но решила, что ее заботу сочтут неуместной. Слишком свежо все было в памяти — и потеря ребенка, и роковой поцелуй.

Тут из-за маминой спины выглянула Матильда. Увидев на пороге свою любимицу и почти что кинозвезду, она просияла.

— Ой, какая вы красивая! — восхитилась девочка.

— Это потому, что я еду к друзьям, которые живут в большом доме за городом.

Джемайма фыркнула, а Матильда заинтересовалась:

— А там можно ночевать?

— Конечно. Я останусь на целых две ночи. Смогу наряжаться и развлекаться до понедельника. Представляешь, как там будет весело?

Повисла пауза.

— Но вы же обещали, что в воскресенье мы пойдем в парк, — жалобно протянула Матильда, и Клара испытала укол вины: она напрочь забыла о своем легкомысленном обещании ребенку, ловившему каждое ее слово.

— Очевидно, у нашей соседки появилось предложение получше, дорогая, — сказала Джемайма, явно собираясь захлопнуть ворота своей крепо-

сти. — Взрослые — они такие. Кажутся одними, а на деле оказываются совершенно другими.

Женщины обменялись взглядами: в глазах Джемаймы читалось недоверие, а в глазах Клары — молчаливое извинение.

— Обещаю, что, когда вернусь, мы непременно устроим пикник в Гайд-парке и покатаемся на лодке по Серпентайну.

— Хм! — Девочка скрестила на груди руки. — Вы один раз уже обещали.

И, топая ножками, она ушла обратно в глубину квартиры.

— Послушай. — Клара сделала глубокий вдох и понизила голос. — Я прошу прощения за то, что произошло, перед тем как… тебе стало плохо. Это было глупо с моей стороны, но ни в коей мере не оскорбительно для тебя. Считай это комплиментом. Ты потрясающая женщина, Джемайма. Я просто неверно тебя поняла и приношу свои извинения.

— Я не из таких, — сказала соседка. — И понятия не имела, что ты — одна из них. Честно говоря, думала, будто ваши носят костюмы, цилиндры и стараются походить на мужчин.

Клара тяжело вздохнула. Ну что за стереотипы? Ей, например, всегда нравились красивые

наряды и общество женщин в элегантных платьях.

— Я не мужчина и не притворяюсь им. Я такая же женщина, как и ты.

— Неправда, ты отличаешься от меня. — Джемайма плотно сжала губы и решительно покачала головой.

Клара подняла руки в знак капитуляции:

— Ладно, я все понимаю и обещаю: это больше не повторится. Но, может, мы хотя бы останемся подругами?

— Я принимаю твои извинения, но не думаю, что дружба — хорошая идея. Мы принадлежим к разным мирам, и у нас мало общего. У меня — муж и дети; времени на болтовню и глупые развлечения нет. Но меня учили быть вежливой и не судить других, а Тилли к тебе привязалась, поэтому я не против твоих визитов, особенно если ты готова закатать свои модные рукава и предложить конкретную помощь. Но если в следующий раз что-то пообещаешь моей дочери — выполняй. Ты — моя соседка. А подруга мне не нужна.

Клара кивнула, хотя знала, что Джемайма делает себе хуже из чистого упрямства. Она понимала, что молодой матери нужно время, чтобы восста-

новиться физически, и тишина, чтобы оплакать утрату. Но ведь друзья нужны всем, и ее соседка не исключение. Клара решила, что после возвращения из Сомерсета снова попытается наладить отношения с семьей Смитов, ведь, вопреки всему, она привязалась к Матильде и твердо намеревалась вернуть доверие Джемаймы.

20

Сердце Клары принадлежало большому городу. Ее восхищали ночные клубы и театры, и она наслаждалась изысканным обществом космополитичной публики. Однако деревенская жизнь тоже имела свои преимущества: охота, рыбалка, да и репортеров в такой глуши нет. Многие состоятельные друзья Клары думали так же и придерживались довоенной традиции выезжать за город с субботы до понедельника, убеждая себя, что ничего не изменилось. Такие сборища были популярны отчасти потому, что давали возможность продемонстрировать остатки былого богатства, предаться доступным порокам и заодно — в ходе неформального общения — подобрать подходящую партию для неженатых и незамужних отпрысков семейств.

Родителям Джека Ригби повезло: их наследник оказался слишком молод, чтобы участвовать в войне, и теперь они стремились поскорее женить мальчика, чтобы обеспечить продолжение рода и сохранность поместья в Сомерсете. Поэтому отец и мать позволяли Джеку часто устраивать приемы в загородном семейном особняке в на-

дежде, что это поможет ему найти подходящую супругу. К счастью, они так и не узнали о краткой, продлившейся всего четыре дня, помолвке сына с Митци.

У Клары скрутило живот, когда Невилл мчался по обсаженной деревьями аллее, ведущей к великолепному особняку времен короля Якова, который однажды достанется Джеку. Садовник, стоявший в стороне, снял шляпу, приветствуя гостей.

«А ведь все это, включая и садовника, могло бы принадлежать мне», — подумала Клара.

Они остановились у вычурного фонтана, и из дома, словно муравьи, хлынули слуги, готовые выполнить любую прихоть гостей. Клара чувствовала себя неловко: лишившись отцовского содержания, она приехала без горничной, с поношенным гардеробом и сомневалась, хватит ли у нее денег на чаевые прислуге. Чтобы избежать пересудов, тетя Агги любезно переделала несколько платьев племянницы: заменила отделку, добавила бусин и слегка укоротила подол. В качестве наряда для вечернего маскарада Клара выбрала костюм Эвридики, жены Орфея, дриады с трагической судьбой: здесь, к счастью, требовались лишь простыня, ветки и муляж змеи, прижатой

к груди. Недостаток финансов ощущался все острее. Отказавшись от выгодного брака, Клара понимала, что вскоре ей придется искать работу.

Хотя, может быть, это не так уж и страшно. Помнится, Митци рассказывала, что многие девушки из аристократических семей, оказавшись в стесненных обстоятельствах, открывали модные лавки, пробовали себя в журналистике и даже на сцене. К работающим женщинам теперь относились куда более снисходительно. Оставалось лишь придумать, какое именно занятие подошло бы для Клары.

Девушка глубоко вздохнула и вышла из автомобиля, преображаясь в очаровательную Клару.

Следующие несколько часов оказались вполне терпимыми, хотя ей не нравилось, что днем женщин и мужчин держали порознь, предоставляя им, так сказать, уместные для каждого пола занятия. На самом деле Клара отлично стреляла, однако даже она признала, что доступ к оружию, когда рядом находилась Алиса, которая даже не смотрела в ее сторону, — идея не из лучших.

Постепенно вечерние развлечения подошли к концу. Теперь собравшиеся на маскарад исторические персонажи — от Анны Болейн до самого Иисуса — падали в кресла, предавались утехам в

спальнях, совершенно не заботясь о том, чтобы соответствовать исторической правде (Юлий Цезарь и Наполеон, например, оказались весьма любопытным сочетанием), или же бесцельно бродили по дому. Сейчас одежды на гостях было куда меньше, чем в начале вечеринки.

Ближе к четырем часам утра Невилл решил, что будет ужасно весело, если достать доску для спиритических сеансов.

— Отличная мысль! Я бы с удовольствием пообщалась со своей двоюродной бабушкой Эльспет! — восторженно воскликнула Митци, давно сбросившая парик Марии-Антуанетты. — Я ведь все хотела выяснить, было ли ее падение с лестницы несчастным случаем или нет.

Она набросила жаккардовую скатерть на круглый стол в гостиной, а Джек позвонил в колокольчик, чтобы попросить горничную принести свечи и еще шампанского.

— Знаю, некоторые думают, что это вздор, но родители Амелии Фаррингтон действительно установили с ней связь, — сказала Алиса, пытаясь отыскать в тумбочке доску Уиджи. — Это очень помогло ее матери. Все опасались, что бедняжка с горя угодит в сумасшедший дом, но она пошла к медиуму, и теперь у них есть фотография

призрака Амелии, представляете? Какой-то тип заснял ее на пленку во время спиритического сеанса. Бики Мейтленд видел снимок: мистер и миссис Фаррингтон, объятые горем, держатся за руки, а над ними парит Амелия в шляпке-клош и с бокалом шампанского в руке. Вы же знаете, как она любила выпить.

Клара пыталась сложить разрозненные факты в единую картину, но тщетно. Невилл заметил ее нежелание участвовать в забаве и похлопал по стулу рядом с собой.

— Сядь со мной, дорогая, и расскажи, с каким безвременно почившим родственником тебе не терпится поговорить.

— Я не хочу играть в глупые салонные игры, — ответила она, вспоминая свою легкомысленную фразу про доску Уиджи, брошенную мистеру Горски накануне его смерти, и не желая давать старику шанс пожурить ее с того света. — И вообще, мне нужно на воздух.

Интересно, что бы сказала об этом Джемайма? Избалованные молодые люди, по уши в долгах, по-прежнему заказывают шампанское ящиками и заигрывают с мертвецами. Смерть не шутка. Клара убедилась в этом, дважды в последнее время увидев ее собственными глазами.

— Играть в глупые салонные игры, дорогая?! Ты не права! Мы вовсе не играем, а общаемся с нашими дорогими усопшими, — настаивал Невилл. — Внимаем их предостережениям и купаемся в словах утешения.

Но Клара не желала ничего слушать. Пока все суетились, готовясь к новому развлечению, она вышла на темную улицу. Джек, как всегда, следовал за ней по пятам. Ночи уже стояли холодные, поэтому девушка прихватила со скамьи у окна небольшой шерстяной плед и накинула его на плечи. Оранжевые прямоугольники света от окон ложились на террасу, из дома в темноту доносился визгливый смех.

— Клара… дорогая… с тех пор как ты приехала, я все пытаюсь остаться с тобой наедине. Я хотел снова просить, умолять…

— Нет, Джек, — вздохнула она, решительно положив руку ему на локоть, заметив, что молодой человек собирается опуститься на одно колено. — Можешь просить хоть сотню раз, но мой ответ не изменится.

— Ну вот. А я уж подумал, раз ты согласилась приехать, значит передумала, — нахмурился он. — Невилл, который, как мы оба знаем, умеет хранить секреты не лучше болтливой домохозяй-

ки, намекнул, что ты хочешь мне что-то сказать.

— Ах, Джеки. — Клара шагнула вперед и обхватила ладонями его лицо. Луна осветила красивые черты молодого человека. — Ты любишь вовсе не меня, а мой образ. Ты даже не знаешь, кто я на самом деле.

— Ну разумеется, знаю. Ты веселая девушка, которая высоко ценит свою независимость, и меня это вполне устраивает. Нам вовсе не обязательно обзаводиться ребенком прямо сейчас. Давай поживем для себя. Может, попутешествуем. Разве это не чудесно?

— Ты — просто прелесть, но не та прелесть, которую я хочу.

Джек шагнул ближе, схватил ее за запястья и рывком притянул к себе, заставив смотреть ему прямо в глаза.

— Черт возьми, Клара, кто же тебе нужен? Мужчина побогаче? Занимающий более высокое положение в обществе? Я стану для тебя кем угодно.

В горле у нее пересохло, и она с трудом сглотнула.

— Мне нужна женщина, Джек. А в нее тебе не превратиться, как бы ты ни старался. Да и, полагаю, ты вряд ли захочешь.

Повисла пауза, пока слова Клары оседали в его голове. Точнее, они топтались на пороге его сознания, плясали, вертелись и кривлялись, не давая понять, что она имеет в виду.

— Ты хочешь сказать, что тебе нравятся женщины… в романтическом смысле?

Клара кивнула.

— А мужчины?

Она медленно покачала головой:

— В отличие от Невилла, я не питаю страсти к огурчикам.

Клара попыталась разрядить тяжесть признания шуткой, но страдальческое выражение на лице Джека причинило ей боль. Он напоминал маленького мальчика, которому запретили носиться по детской, и он вдруг понял, что няня говорит всерьез.

Джек осел у низкой стены, ограждавшей террасу, и прислонился к шероховатым кирпичам, даже не задумавшись о том, что может испортить свои модные брюки. Клара шагнула к нему и протянула руку, но он резко дернул плечами, словно бы не мог вынести прикосновения. Это ранило девушку куда сильнее, чем ей хотелось признать. С каких это пор она стала прокаженной?

— Только не смей, черт возьми, говорить, что

ты все это придумала в нелепой попытке смягчить удар после отказа — это было бы верхом дурного вкуса.

У нее скрутило живот, словно бы темные силы разрывали ее изнутри. Все должно было пойти иначе. Джек всегда был душкой, и Клара надеялась, что он проявит понимание. Он ведь так лояльно относился к Невиллу.

— Иногда, — сказала Клара, вспоминая свою неудачу с Джемаймой и то, что отец никогда ее не примет, — иногда мне хочется, чтобы это оказалось неправдой, ведь быть собой невероятно трудно. Но, увы, я и впрямь такая — неуравновешенная, невротичная и испорченная… Разве не так говорят о девчонках вроде меня? — Она выдавила слабую улыбку.

Джек вглядывался в ее лицо, ища признаки того, что все это лишь глупая шутка, но он слишком давно знал Клару и понял: девушка говорит серьезно. Так что его обаятельная улыбка, преданность, внимание и огромный загородный особняк не помогут добиться успеха — глухой номер, как выражается Невилл.

Глаза Джека сузились.

— Боже мой. Все это время ты манила мужчин, как сладкоголосая сирена, надувала губки, стре-

ляла глазками и хлопала ресницами, кокетливо вертела ножкой — только чтобы посмеяться, глядя, как мы, ослепленные, налетаем на скалы. Я думал, что знаю тебя, Клара Гудвин… Более того, я думал, что люблю тебя. Я все спланировал… — Он осекся.

Неужели в этом была вся суть? Делая эффектное предложение в клубе «Шестьдесят три», Джек считал, что согласие Клары уже у него в кармане. Теперь же она самым непостижимым образом вставила ему в колеса палки — огромные и уродливые. Ни деньги, ни эмоциональное давление не могли устранить эту помеху. Кларе нравились женщины, и бессилие, которое ощущал Джек, было невыносимым. Он явно чувствовал себя обманутым и, возможно, немного стыдился собственной глупости. Клара заметила, как у него напряглась челюсть.

— Ты могла сказать мне это еще месяцы назад, а вместо этого держала меня на коротком поводке, дергая за ниточки, как марионетку, чтобы я продолжал плясать. А остальные знают правду? Небось шептались за моей спиной и хихикали?

— Никто из нашей компании не в курсе, кроме Невилла. Я лишь недавно осознала, кто я есть на самом деле.

Клара решила не приплетать сюда Алису. Не стоит опускаться до столь мелочной мести.

— Кто ты есть на самом деле? Сапфическая девица, играющая с сердцами невинных мужчин, — резко бросил он.

— Ах, Джеки, — устало ответила она. — Пострадало вовсе не твое сердце. В тебе говорит уязвленная гордость.

— И что теперь? Ты всем расскажешь, какой я дурак, а остальные от души посмеются над этим? Ты противна мне, Клара, — брезгливо скривился молодой человек. — Если ты ждала от меня понимания, то не получишь его, даже не надейся.

— Но ты ведь всегда был добр к Невиллу, ходил в «Розовую туфельку»…

— Потому что это было важно для тебя. Неужели не ясно? Все это было только ради тебя.

И тут она поняла окончательно: Джек Ригби оказался таким же непримиримым, как и ее родители.

— Ты водила меня за нос. Играла со мной. Каковы бы ни были причины твоего поведения, тебе должно быть чертовски стыдно.

Когда Джек стремительно вернулся в дом, Клара не могла не признать, что в его словах заключалась определенная доля правды.

21

На следующее утро Клара сидела в большой залитой солнцем оранжерее, потягивала лимонад и собиралась с духом, чтобы заговорить с Алисой, которая устроилась напротив, среди последних цветов пышной розовой бугенвиллеи. Они были одни, и, разглядывая свою бывшую возлюбленную, Клара поняла, что красота той уже начала увядать, как и цветы вокруг. Алиса, будучи старше ее почти на семь лет, кутила дольше и с куда большим размахом, чем даже Митци. Вероятно, поэтому она и выходила замуж за Филиппа. Ничто не вечно, а уж тем более молодость.

Они впервые оказались наедине после того скандального случая, и Клара прекрасно знала, что Алиса ее избегала. Атмосфера была такой холодной, словно они сидели в викторианском леднике поместья Ригби.

Клара мысленно сравнила эту самовлюбленную светскую львицу с Джемаймой — первая явно проигрывала. Привлекательная внешне, но пустышка внутри. С уст Алисы срывались только жалобы, ко всему-то она придиралась: «Ну разве это не скучно до ужаса? Как только им всем еще

не надоело до смерти? И кто вообще позволил Невиллу надеть такие вызывающие туфли?»

— Зачем так спешить под венец? — наконец нарушила молчание Клара.

После неприятного разговора с Джеком ей отчаянно хотелось вернуться на Бёрлингтон-сквер, но до понедельника она отправиться в Лондон не могла. Клара уже пожалела, что приехала сюда. Ей страшно не хватало утешительных слов и теплых объятий тети.

— Это я настояла, чтобы Филипп перенес наше бракосочетание на более раннюю дату. Клара, дорогая, ну подумай сама: если решение принято, нет смысла медлить. К тому же погода в Каире сейчас великолепная, а Филипп обещал показать мне пирамиды.

— Но ты ведь его не любишь.

— Я и тебя не люблю, если ты к этому клонишь, — холодно ответила Алиса. — Это было просто развлечением, дарившим чувство свободы, а вовсе не тем, что соответствует моему вкусу. Когда я была ребенком, то вела себя как ребенок, но теперь, став женщиной, должна оставить детские забавы, — заявила она, слегка исказив

цитату из Послания к Коринфянам[12]. — Боюсь, Клара, это касается и тебя тоже. Тебе пора вернуться на свое место, дорогая. И давай больше не будем об этом.

Алиса поднесла к идеально очерченным розовым губам мундштук из слоновой кости и глубоко затянулась. Да, она подвела черту под всей этой историей, но ее отстраненность ранила не так сильно, как боялась Клара.

— Я категорически не могу допустить, чтобы Филипп узнал об этой глупой истории.

— Разумеется, дорогая. — Клара прищурилась. Все, что заботило Алису, — это ее пропуск в обеспеченную жизнь. — Для твоего отца станет катастрофой, если свадьба вдруг расстроится.

Девушки обменялись взглядами.

— Ты угрожаешь мне, Клара Гудвин?

— Ни в коем случае. Я не думаю, что ты была моей судьбой, и пойду дальше. Беги в объятия Филиппа, если это сделает тебя счастливой, но лично я не соглашусь на второсортный вариант, потому что стою большего. Я найду настоящую любовь. — Она понизила голос. — И мы с моей

---

[12] Примечания: 12

Цитата из Первого послания к Коринфянам (13: 11) гласит: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

избранницей будем счастливы. Я слишком ценю себя, чтобы идти на компромиссы — в любой области. Я добьюсь всего в жизни своими собственными силами и оставлю о себе память: может, открою свое дело или совершу что-нибудь безумное и смелое, например пересеку пустыню на автомобиле. — Не то чтобы Клара всерьез подумывала о столь безрассудной затее, но идея показалась ей удачной. — Слишком многие женщины довольствуются тем, что остаются в истории как жены премьер-министров или любовницы королей. А я хочу быть Эдит Кэвелл[13], Марией Кюри или Лилли Лэнгтри...[14]

Алиса рассмеялась:

— Ты сама себе противоречишь. Лилли запомнят не как актрису, а из-за ее любовных похождений. Если тебе хочется открыть шляпную лавку и жить на чердаке — на здоровье. Но лично я предпочитаю, чтобы Филипп осыпал меня подарками и поселил в своем великолеп-

---

[13] Примечания: 13

Эдит Кэвелл (1865–1915) — британская медсестра, известная тем, что в годы Первой Мировой войны спасала жизни солдат всех воюющих стран.

[14] Примечания: 14

Лилли Лэнгтри (1853–1929) — британская актриса и светская красавица, прославившаяся прежде всего романом с будущим королем Эдуардом VII.

ном поместье, где я проживу скучную и ничем не примечательную жизнь, но не опущусь до торговли. — Она аж поморщилась от отвращения. — И все это только ради нелепой демонстрации своей независимости.

Алиса скрестила и снова разомкнула ноги так, что Клара поняла — этот нарочитый жест был призван соблазнять. Затем она закурила еще одну сигарету, не сводя глаз с собеседницы.

— А что ты вообще умеешь, дорогая? Твой единственный талант — быть красивой и привлекать красивых людей. Если ты и правда хочешь быть счастливой, тебе нужно окружить себя вещами, которые заставляют твою душу петь.

И в этот момент Клара вспомнила миссис Бейсвотер, владелицу клуба «Шестьдесят три». Та вечерами пила шампанское и вела беседы с богатыми и знаменитыми посетителями. У нее был уютный дом в Челси, небольшой коттедж в Девоне, а обе дочери удачно вышли замуж за представителей мелкой знати, покровительствовавшей ее заведениям. Клара лихорадочно соображала. Она уже решила вкусить свободу Берлина, но тут ее осенила потрясающая идея. Если получилось у миссис Бейсвотер, то получится и у нее.

Да, вот именно: она создаст свой ночной клуб и назовет его «Высший шик».

22

Сентябрь услышал, как сзади подкрадывается октябрь, и любезно посторонился, уступая место темным вечерам и опадающей листве, покрытым инеем лужайкам и наваристым мясным супчикам. Кларе не давала покоя мысль о том, что она подвела Матильду. Поэтому в следующее воскресенье девушка спустилась в подвал с чувством облегчения: пусть день и выдался серым, но хотя бы сухим.

— Я готова идти на пикник, как и обещала, — объявила она, когда из-за дверного косяка показалось бледное лицо Джемаймы.

Клара указала на плетеную корзину, которую тетя Агги словно бы сотворила из воздуха. Для трапезы на природе время было уже неподходящее, и никаких сэндвичей с зеленью или клубники, разумеется, не предвиделось. Но тетя помогла наскоро приготовить хлеб с маслом, яйца вкрутую и ананасовый пирог-перевертыш — слава консервированным фруктам. Клара и сама в детстве была очень непоседливой и не сомневалась: девочка, которая играет в железную дорогу, наверняка не откажется от приключения, даже

если погода и не слишком к этому располагает.

— Спасибо, что в этот раз ты действительно пришла. Боюсь, Тилли не выдержала бы еще одного разочарования. Сегодня отец уже успел расстроить ее с утра пораньше. Если бы еще и ты подвела бедняжку, это было бы слишком. Извини за беспорядок — мы только что позавтракали.

Клара переступила порог и вдохнула легкий лимонный аромат, витавший в воздухе, отчего у нее едва не подогнулись колени. Джемайма и не подозревала, какую власть до сих пор имеет над ней. Проходя в комнату, Клара нарочно задела локоть соседки. Та дотронулась до локтя, но тут же опустила руку.

На каминной полке стояла яркая ваза с цветами. Было приятно увидеть что-то жизнерадостное на фоне общей унылой картины.

— Ник старается нас порадовать, — тихо сказала Джемайма, следуя за Кларой и заметив ее взгляд.

Николас сидел в кресле с газетой, а две младшие девочки устроились у его ног. На столе громоздились грязные тарелки, в комнате стоял дивный запах жареного бекона, и Кларе стало неловко, словно она нарушила семейную идиллию. Заметив гостью, глава семейства провел рукой по

волосам, вскочил и предложил ей стул.

— Завари чайку, милая, — велел он жене. — И Клара тоже выпьет с нами.

— Спасибо за приглашение, но я сейчас ухожу. Я заглянула только за Матильдой.

— Она надулась и убежала, совсем как маленькая, — пробормотал Николас, и ни одна из женщин не решилась указать ему на очевидное: Матильда в сущности и была маленьким ребенком.

Джемайма позвала старшую дочь, и та нехотя вышла из глубины квартиры с обиженным видом, глаза девочки покраснели от слез. Привыкшая к тому, что ее встречают сияющей улыбкой, Клара с болью в сердце смотрела на понурое личико. Она не была чадолюбивой, но эта малышка ей приглянулась.

— Почему ты такая грустная? — Клара взъерошила Матильде волосы.

— Папа забрал мою брошку, сказал, что это неподходящее украшение для девочки. Он дал за нее шестипенсовик. Но мне нужна не монета, а брошка. Я так хотела надеть ее сегодня.

Глаза Клары метнулись к Николасу, который неловко поерзал в кресле, шурша газетой, но глаз от страницы не оторвал. Даже Джемайма,

насыпавшая заварку в чайник, с удивлением обернулась к мужу, явно не зная подробностей ссоры.

— Я беспокоился из-за очень острой булавки. К тому же брошка слишком изысканная для Тилли, — пробормотал тот из-за газеты, словно этого было достаточно. — Она ведь золотая.

— Вот как? — Клара пожала плечами. Надо же, она и не догадывалась, что украшение золотое: думала, бижутерия. — Ну и что с того? Да хоть бриллиантовая! Я отдала брошь, потому что она нравилась Матильде, а мне нет.

— Как хорошо, когда не нужно думать о деньгах, — пробормотала Джемайма себе под нос, и тут как раз засвистел чайник.

— Вот именно, — согласился Николас и опустил руки, чтобы посмотреть на гостью поверх газеты. — Вам-то легко говорить: щеголяете в модных платьях и веселитесь ночи напролет, заедая шампанское устрицами…

Клара ненавидела устриц — склизкие соленые комочки, но дело было не в этом. Предположение, что у нее полно денег, выглядело почти смешным: средства таяли с каждым днем. Она не стала оправдываться, а лишь уставилась на Николаса — неприятное ощущение в животе подсказыва-

ло, к чему все идет.

— Тилли не нужна дорогая брошка. Ей всего шесть лет от роду.

Он снова встряхнул газету, делая вид, что вернулся к чтению, хотя явно был выбит из колеи и оправдывался.

— Но это же подарок. Брошка принадлежит Матильде, и ты не имел права ее забирать. Верни украшение, Николас, — вмешалась Джемайма. — Посмотри, как бедняжка расстроилась.

Девочка сверлила отца взглядом, скрестив на груди худенькие руки. Ее личико аж полыхало от возмущения.

Глава семейства хранил молчание.

— За сколько вы ее продали, Ник? — Клара первой сообразила, в чем дело.

— Ты продал брошку? — ахнула жена, замерев посреди комнаты с горячим эмалированным чайником в руках.

— Господи, женщина, не смотри на меня так. Мы из кожи вон лезем, чтобы заплатить за квартиру, а у нашей шестилетней дочери на лацкане пальто висит больше денег, чем я зарабатываю за неделю.

— Если цветы появились после продажи того, что тебе не принадлежало, то я не хочу иметь с

тобой ничего общего до конца дня.

Лицо Джемаймы стало суровым, и она отстранилась от мужа. Если бы взгляд мог убить, Николас уже лежал бы на кладбище рядом с мистером Горски.

— Вот и прекрасно, — заявил Николас, сообразив, что его поймали с поличным. Он бросил газету и направился к двери, прихватив по пути пиджак и кепку. — Я и сам не намерен здесь оставаться: не хватало еще, чтобы меня осуждали в собственном доме. Увидимся позже.

И он ушел, хлопнув дверью.

В комнате воцарилась тягостная атмосфера. Джемайма выглядела так, словно готова была расплакаться. Клара не могла оставить ее одну с двумя младшими дочерями, а сама отправиться в Гайд-парк веселиться с Матильдой.

— Давайте устроим девичник, — предложила она. — Пойдем на прогулку все вместе. Уверена, что мы сможем наскрести еще еды для пикника.

Матильда вздохнула:

— Я хотела пойти с вами вдвоем… но вижу, что мама расстроилась. Она в последнее время много плачет, так что, думаю, будет правильно, если она тоже отправится вместе с нами…

— Тилли! — Джемайма смутилась из-за откро-

вений дочери.

— А Фрэнсис обязательно брать? — продолжала девочка. — Ее дурацкая коляска все время мешает.

— Конечно, обязательно. Не можем же мы оставить малышку дома одну? Но ты же добрая девочка и наверняка все понимаешь, — ответила Клара, избегая взгляда Джемаймы.

Матильда явно расстроилась, что ей не достанется все внимание старшей подруги, похожей на кинозвезду, и потому Клара попыталась смягчить удар:

— В награду за свою доброту ты получишь еще более красивую брошь, которую никто никогда не отнимет.

— Правда? — Глаза Тилли стали круглыми, как блюдца.

— Правда, — подтвердила Клара.

— Нет, я с вами не пойду, — вмешалась Джемайма. — Пусть уж Тилли развлекается. А у меня сейчас нет сил болтать обо всякой ерунде и натягивать улыбку для окружающих.

Но Клара, уже подхватившая Фрэнсис на руки, не желала ничего слушать. Она усадила пухлощекую девочку в громоздкую коляску, радуясь, что Матильда ее поддерживает, торопливо кидая

в маленькую плетеную корзинку вещи, которые могут пригодиться.

Затем девушка быстро натянула на резвые ножки Эллен поношенные красные туфельки с Т-образным ремешком и скользнула взглядом по комнате, дабы убедиться: не забыли ли они чего-нибудь, а главное — кого-нибудь. Если перехватить инициативу и двинуться первой, рассудила Клара, то Джемайме волей-неволей придется за ней последовать.

Она развернула коляску и покатила ее к двери задом наперед. Тут уж молодая мать не выдержала:

— Ты вообще хоть понимаешь, что творишь? Нельзя сажать Фрэнсис в коляску, пока не выйдешь на верхнюю площадку, иначе бедняжка вывалится и скатится кубарем по ступенькам. Право слово, Клара, и о чем ты только думаешь? — возмущенно проговорила Джемайма, вынимая младшую дочь из коляски, но ее строгость была показной, потому что глаза улыбались. — Я бы тебе и плюшевого медведя не доверила.

— Я стараюсь, — попыталась оправдаться Клара.

— Да уж, оно и видно.

Их взгляды встретились, и женщины не удер-

жались от смеха: он лился легко, как вода из родника. Даже Матильда присоединилась к взрослым, хотя Клара сомневалась, что девочка понимала причину веселья. Впрочем, спустя пару минут Клара и сама растерялась. По щекам Джемаймы вдруг потекли слезы, и гостья не сразу осознала, что веселое настроение соседки сменилось грустью. Она неуверенно коснулась плеча подруги, ожидая, что та отпрянет или замрет, но Джемайма прильнула к протянутой руке, не отпуская младшую дочку, а затем уронила голову на плечо Клары, такой высокой и нарядной. Она затряслась от рыданий, которые долго не утихали. Обе женщины наслаждались этими объятиями — пусть и каждая по-своему, прежде чем Клара опомнилась.

— Ну что, девочки, идемте в парк, — сказала она. — И вот что, давайте пригласим особого гостя.

23

— Ну разве это не мило? — Тетя Агги, устроившись на скамейке, подставила лицо солнцу.

Возле ее ног на старом одеяле сидели Клара, Джемайма и две старшие девочки. День разгулялся, и они нашли местечко для пикника на подстриженной траве в Кенсингтонских садах: Джемайма не захотела обосноваться на берегу Серпентайна — боялась, что Эллен случайно упадет в воду. Для стороннего наблюдателя сцена выглядела как семейная идиллия: пожилая дама, две ее дочери и три внучки наслаждаются солнечным деньком в парке.

Мимо, ведя на поводке маленькую собачку, прошла беременная женщина, и Клара заметила, как рука Джемаймы невольно легла на живот, но унять ее боль было нечем.

— По-моему, тебя зовет Матильда, — шепнула девушка тете.

— Откуда мне знать, как развлекать детей? — Та встревоженно посмотрела на племянницу, пока девочка вновь и вновь просила, чтобы с ней поиграли.

— А уж я тем более этого не знаю, — заговор-

щицким тоном призналась Клара. — Ты ведь по сути воспитывала мою маму, так что в обращении с детьми у тебя куда больше опыта, чем у меня. К тому же с Матильдой не придется много разговаривать.

Глаза тети Агги заискрились радостью. Она с трудом поднялась со скамейки и направилась к Матильде, которая подбрасывала большой резиновый мяч ярко-красного цвета и безуспешно пыталась его поймать. Фрэнсис крепко спала, а Эллен семенила следом за старшей сестрой — ей хотелось участвовать во всех ее затеях, чтобы не упустить ничего интересного.

Несколько минут молодые женщины молча наблюдали за радующей сердце картиной. Агнес, несмотря на больные колени, умудрялась снова и снова кидать мяч смеющимся девочкам; тем пока не хватало ловкости, чтобы его поймать, но сама беготня доставляла малышкам удовольствие.

— Она так довольна. Только посмотри, как светится ее лицо, — заметила Клара, откинувшись назад и вытянув перед собой длинные ноги.

— Тилли легко рассмешить.

— Я говорю про свою тетю.

Джемайма наклонила голову к Кларе:

— Это было очень мило с твоей стороны — по-

звать ее с нами. Мне стыдно, что раньше я почти не общалась с Агнес, кроме редких случаев, когда она выручала меня с детьми. Твоя тетушка много для меня сделала за последние пару лет.

— Да, она удивительная женщина, хотя, наверное, довольно одинокая, несмотря на то, что в ее доме полно народу.

— Я тебя недооценила. Думала, ты эгоистка, но ошибалась.

Слова эти застали Клару врасплох и одновременно согрели ей сердце. Она и впрямь старалась стать лучше, и то, что это заметили — причем именно Джемайма, — значило для нее очень многое.

— Когда я еще только въехала сюда в августе, то действительно была эгоисткой, — признала Клара, достаточно самокритичная, чтобы разглядеть собственные недостатки. — Но я меняюсь. Переезд в дом на Бёрлингтон-сквер, воссоединение с тетей, знакомство с тобой…

Наступила пауза.

— Как думаешь, мой малыш знал, что он был нежеланным? — спросила Джемайма, не поднимая глаз.

— Не кори себя за то, что не в силах исправить, — мягко ответила Клара. — Ты хорошая

жена и любящая мать, просто очень устала. Неудивительно, что ты чувствовала раздражение, думая об очередном ребенке. Господи, да ты ведь начиная с медового месяца почти все время беременна. Твоему телу нужен отдых. Я же, в силу своих, как выражается мой отец, противоестественных наклонностей, по крайней мере, могу быть уверена, что не окажусь в такой ситуации.

Ее слова повисли в воздухе, словно белье на веревке, которую тетя Агги часто натягивала над кухонным камином. Через несколько мгновений Клара рискнула положить ладонь на плечо Джемаймы и с облегчением заметила, что та не отдернула руку сразу. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем молодая мать осторожно высвободилась из-под ее пальцев.

— Ты ставишь меня в неловкое положение. Рядом с тобой я напряжена и чувствую себя неполноценной…

— Я вовсе не хочу этого. Поверь, я оставила любовь к тебе позади и теперь мечтаю только о дружбе. Парень, который приезжает ко мне на красном автомобиле, еще летом сделал мне предложение… Но разве могу я сердиться на него за чувства, над которыми он не властен? Даже если сама их не разделяю.

Джек все еще злился из-за ее признания и после той вечеринки не давал о себе знать, но Клара была уверена, что он неплохой малый и скоро справится с уязвленной гордостью.

На лице Джемаймы отобразилась целая буря эмоций. Клара пыталась их прочесть, но за последние годы она так привыкла думать лишь о себе, что не всегда могла уловить чувства окружающих. В отличие от тети Агги, ведь именно это уникальное умение и делало хозяйку дома на Бёрлингтон-сквер особенной. Ее серые глаза на круглом румяном лице внимательно изучали каждого, и она неизменно ставила чужие нужды выше собственных. Клара радовалась, что нашла время поговорить с Агнес и все-таки смогла ей довериться.

— Было бы хорошо возобновить нашу дружбу, — наконец сказала Джемайма.

У Клары дрогнуло сердце. Как славно, что в ее жизни появилась эта честная и решительная женщина. Их отношения разительно отличались от фальшивой дружбы с богачами и были основаны на подлинных, земных вещах. На том, что действительно важно, а не на обсуждении фасона нового платья или бесконечных светских сплетнях, кого, где, когда и с кем видели. Даже

девочки начали многое значить для Клары, особенно Матильда. Искренние радость и обожание, с которыми этот ребенок смотрел на нее, стоили больше, чем разгульная ночь в компании Митци.

— Даже несмотря на то, что я вызываю у тебя такие чувства? — спросила она.

— Может, как раз из-за этого, — пожала плечами Джемайма.

Женщины обменялись улыбками, и у Клары участилось сердцебиение, пересохло во рту, а бедра непроизвольно напряглись. Но она понимала, что принимает желаемое за действительное: ищет в долгих взглядах соседки больше, чем та готова выразить, и упивается случайными прикосновениями к коже молодой матери. Отчего запах простого, купленного в лавке мыла казался таким пьянящим, а бесформенная хлопковая блузка дразнила очертаниями тела? В жизни Клары было немного случаев, когда она не могла получить желаемое, и теперешний опыт стал для нее одновременно мучительно-горьким и отрезвляюще-сладким.

Спустя некоторое время Агнес и девочки вернулись к скамейке.

— Вот тебе еще одна брошка. — Клара протяну-

ла Матильде полумесяц из бирюзовых стразов, переливавшихся на солнце.

Перед выходом из дома она забежала к себе наверх за украшением. Безделушка стоила сущие пустяки, но для девочки материальная ценность не имела значения. Эту брошь подарил Кларе кто-то из родственников, но девушка не отличалась сентиментальностью — то было прерогативой тети Агги.

Глаза Матильды чуть не выскочили из орбит от восхищения. Казалось, они вот-вот упадут на траву у ее ног.

— А эту папа точно не отнимет?

— Точно.

— Пожалуй, она мне нравится даже еще больше, чем первая. Спасибо!

Девочка бросилась Кларе на шею, и в этот раз она не осталась холодной и отстраненной, а обняла Матильду в ответ.

— Ну что, приколем новую брошку и отправимся на озеро? Тетя Агги и мама пока приготовят все для пикника, а мы с тобой покатаемся на лодке по Серпентайну.

— Значит, мы все же побудем наедине? — в полном восторге воскликнула девочка.

— Разумеется, — подтвердила Клара. — И ты

сможешь спросить у меня все, что захочешь.

Матильда схватила свою любимицу и почти кинозвезду за руку.

— Чудесно! А то я давно хотела узнать, откуда берутся дети…

24

Стоя на кухне у тети за деревянной гладильной доской, Клара возилась с вышитой хлопчатобумажной блузкой. Монотонная и кропотливая работа давала возможность подумать. Сразу после переезда на Бёрлингтон-сквер в мыслях девушки царило полнейшее смятение, но теперь в голове понемногу прояснялось — точно так же рассеивался дым у нее перед глазами, когда она курила. У многих обитателей этого дома мечты и надежды безвозвратно канули в прошлое, и Клара твердо решила, что не повторит их судьбу.

Было очевидно, что ни Джемайма, ни Алиса не питали к ней романтических чувств, но где-нибудь непременно найдется та, кто оценит ее и полюбит. Возможно, переезд в Берлин и новая жизнь окажутся лучшим способом найти любовь, которую Клара заслуживала. Она уже начала наводить справки и даже написала миссис Бейсвотер, надеясь, что владелица ночного клуба поделится с ней секретами бизнеса.

Выйдя из кухни со стопкой аккуратно выглаженных вещей в руках и крупицей оптимизма в душе, Клара столкнулась с Николасом. Тот сразу

поймал ее взгляд и привычно провел рукой по волосам.

— Я знаю, что происходит, — без лишних церемоний заявил сосед. — Знаю, зачем ты постоянно крутишься возле нашей квартиры и забегаешь к Джемайме.

— Правда?

Ее сердце забилось быстрее. Что могла рассказать мужу Джемайма? И как он воспринял дружбу такой, как Клара, со своей женой?

Николас небрежно облокотился о стену, преградив девушке путь. От него ощутимо пахнуло цитрусовым ароматом одеколона «4711». Невилл иногда пользовался таким же парфюмом и, подобно мужу Джемаймы, тоже не знал меры. Клара заметила, что волосы Николаса насквозь пропитаны бриллиантином и блестят, а подбородок, который он тер, — недавно выбрит.

— Ага. Это, в общем-то, очевидно: догадаться было нетрудно.

Он стремительно шагнул вперед и оказался в нескольких дюймах от ее лица. Теперь Клара поняла, куда клонит красавчик.

— Мне так тяжело приходится после этой досадной истории с выкидышем…

«Досадной истории с выкидышем?» Кларе с тру-

дом удалось скрыть возмущение, охватившее ее при этих словах. Неужели Николас так именует душераздирающую трагедию, которую пережила его жена? Да вдобавок еще и пытается вызывать к себе сочувствие?

— Джемайма с тех пор стала еще холоднее, хотя она и раньше-то не особенно горела желанием…

— Я не хочу это слушать…

— Да, конечно. Я понимаю, ты ее подруга и все такое. Но мы можем вести себя деликатно…

— Так… — Клара попыталась осмыслить его слова. — То есть ты предлагаешь мне снять для нас номер в гостинице, где-нибудь подальше отсюда, чтобы развлечься?..

Его глаза загорелись.

— Это было бы просто идеально. Я бы, конечно, и сам заплатил, но сейчас у меня туговато с деньгами… Да-да, где-нибудь подальше от этого дома. Просто развлечься, никаких обязательств с обеих сторон.

— По-твоему, я нахожу тебя настолько привлекательным, что готова утолить свою страсть на таких условиях?

Клара недоверчиво уставилась на молодого мужчину, на сей раз не в силах скрыть изумления и отвращения. На миг в ее смятенной душе

шевельнулось чувство вины. Она ведь и правда флиртовала с Николасом во время их первой встречи, пытаясь вызвать ревность у Джемаймы. Поэтому по большому счету не имела морального права смотреть на соседа свысока и осуждать его недостойное поведение. Ведь в глубине души она хотела того же — близости с чужой супругой. Как ни крути, а прелюбодеяние оставалось прелюбодеянием.

Глаза Николаса сузились, в них впервые мелькнула тень сомнения.

— Ты все понял неправильно, — покачала головой Клара. — Джемайма — моя подруга. И Матильда тоже. Я провожу время с ними, потому что хочу именно этого. А не потому что хочу быть рядом с тобой.

— Понятно. — Он снова прищурился. — Значит, ты просто играла со мной? Хотела меня подловить? А теперь побежишь к Джемайме, чтобы наябедничать ей?

— Я не собираюсь устраивать скандал.

Его верхняя губа презрительно скривилась.

— Чертова богачка, возомнившая о себе невесть что! Все вы одинаковы. Топчете простых людей. Но ничего, наше время еще придет. Наслаждайся роскошной жизнью, пока можешь, бездельница.

Потому что рано или поздно рабочие всего мира объединятся. Глядишь, мы доставим сюда парочку гильотин. — Он угрожающе наклонился к лицу Клары. — Ты понятия не имеешь, что такое честный труд. Где уж тебе оценить по достоинству рабочего человека, курица безмозглая!

«А ты не способен оценить по достоинству умную и порядочную, но глубоко несчастную жену и трех прекрасных дочерей, тебе непременно сына подавай», — подумала Клара, но ничего не сказала и просто прошла мимо, когда Николас наконец отступил в сторону.

***

Клара и Агнес все больше времени проводили с Джемаймой и ее девочками. Хотя ступеньки в подвал были столь же коварными, как и лестница в доме, тетушка Агги уверяла, что чувствует себя хорошо и спускаться вниз ей вовсе не трудно. Возможно, так оно и было. Сила внушения творит чудеса, а радость, озарявшая лицо пожилой дамы, когда утомленная Фрэнсис засыпала у нее на коленях, была очевидна для всех.

Однажды они в очередной раз вернулись обратно, и едва лишь переступили порог, как зазвонил телефон. Клара оставила тетю у аппарата, неторопливо поднялась к себе и рухнула на кровать.

Спустя пять минут раздался стук в дверь, и на пороге появилась взволнованная Агнес.

— Звонила твоя мать, — объявила она. — Предупредила, что леди Ригби разболтала всем твой секрет и, так сказать, выпустила кота из мешка.

— Точнее, кошку, которая предпочитает других кошек, а не котов? — уточнила Клара, приподнявшись на локтях. — Представляю, что теперь начнется.

— Ох, милая, неужели это Джек во всем виноват? А я считала его таким милым мальчиком.

Клара поняла, что Джек все-таки решил отомстить и теперь ей придется поскорее уехать в Берлин. Она надеялась, что Джек все-таки не станет распространять порочащую ее информацию, однако он, похоже, твердо вознамерился наказать ту, что не оправдала его ожиданий. Правда, когда Митци разорвала помолвку, он не почувствовал себя уязвленным и быстро утешился. Возможно, причина заключалась в том, что он не любил Митци, а вот Клара действительно разбила ему сердце.

Девушка наконец поделилась с тетушкой Агги своими планами открыть в Берлине клуб под названием «Высший шик».

— Ночной клуб? — скептически нахмурилась

пожилая дама, присаживаясь на край кровати. — А почему не приличное кафе или маленькую гостиницу? Это куда более респектабельно.

— Но не так весело, — рассмеялась Клара. — Как только я начну прилично зарабатывать, оплачу тебе поездку в Берлин.

— Я никогда не бывала за границей.

— Вот именно. А еще я куплю тебе самую шикарную шляпку, какую только смогу себе позволить. Может, даже заставлю тебя накрасить губы.

Агнес невольно улыбнулась, а ее племянница заключила:

— Поэтому, пока я не уехала, ты должна научить меня всем премудростям ведения хозяйства, чтобы подготовить к любым трудностям. Я непременно добьюсь успеха, тетя.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, дитя мое.

25. Потрепанный диван

Агнес обожала свой старый диван — честерфилд нежно-голубого оттенка. Слишком светлый и поэтому непрактичный, он много лет стоял возле стены в гостиной. Сидя на нем, можно было любоваться площадью Бёрлингтон и наблюдать за всем, что там происходит. Пухлый, обшарпанный, с округлыми подлокотниками и потертой обивкой, громоздкий и неказистый, диван этот во многом напоминал свою хозяйку. За долгие годы на нем образовались две глубокие вмятины — следы посиделок, а передние подушки так просели, что почти касались пола.

Пару лет назад Дафна обновляла обстановку у себя в гостиной и предложила сестре свой диван взамен старого. К ее удивлению, Агнес отказалась, хотя яркая цветочная обивка, несомненно, оживила бы комнату. «И о чем она только думала?» — недоумевала Дафна.

Однако старшая сестра не могла забыть, как в детстве сворачивалась на этом диване клубочком. Когда мама болела, а болела она часто, девочка пряталась за большим подлокотником и пыталась подслушать, что говорит доктор отцу

в прихожей. А когда матери не стало, диван служил местом, где можно было посидеть рядом с домашними, не говоря ни слова.

Агнес вспоминала, что, когда крики новорожденной Дафны становились невыносимыми, она спускалась ночью в гостиную, устраивалась среди мягких складок дивана, закрывала глаза и воображала, что любимая мамочка сидит рядом в кресле у камина. Хорошенько сосредоточившись, можно было уловить тихие звуки гимна «Ближе, Господь, к Тебе», плывущие по комнате. Когда собственное дыхание и тиканье часов заглушали пение, приходилось признать, что мамы с ними больше нет, она сейчас у ног Господа — наверное, показывает Ему свои вышивки. Так Агнес представляла себе занятия матери на Небесах: ведь теперь Хелена Хамфрис действительно была ближе к Богу, как и говорилось в гимне.

Агнес помнила, как спала на этом диване семь недель подряд, пока отец доживал свои последние дни. Сил подниматься по лестнице у старика не было, и его перенесли в гостиную, чтобы он мог смотреть из окна на Бёрлингтон-сквер и наблюдать, как ветер кружил рыжие листья, пока деревья не оголились. Когда его сознание изредка прояснялось, он звал старшую дочь, крепко

сжимал ее руку и, принимая зимнюю пору собственной жизни, повторял: «Я люблю тебя, моя дорогая девочка…» Агнес утешалась тем, что отец хотя бы ее узнавал.

Решительно отказавшись от предложения Дафны, Агнес сидела на старом диване, поглаживая большим пальцем бугорки на ткани и обводя края декоративных пуговиц.

«Здесь я оплакивала потерю мамы, отца и своего любимого, — думала она. — Сюда падали мои слезы. Они впитались в конский волос и обивку, стали частью дивана, и я сроднилась с ним. Я не могу расстаться со своим прошлым».

26

Закутавшись в меховое манто с прямоугольным воротником и надев лайковые перчатки, Клара бежала вниз по лестнице, направляясь на встречу с миссис Бейсвотер. Хозяйка ночного клуба не скупилась на советы и даже предложила познакомить девушку с одним человеком из Берлина, который поможет ей подыскать подходящее помещение. На площадке второго этажа Клара едва не столкнулась со взволнованной Джемаймой, которая поднималась наверх.

— Агнес сказала мне сегодня утром, что ты уезжаешь за границу.

Это был не вопрос, поэтому Клара не ответила, однако ее молчание послужило красноречивым подтверждением того, что так оно и есть.

«Боже милостивый! — подумала Клара. — Тетушка недолго хранила новость в секрете».

— Я… хотела… Есть вещи, которые я не… — сбивчиво заговорила Джемайма, что было совсем не похоже на ее обычную манеру изъясняться прямо и по существу. Наконец соседка взяла себя в руки, и ее взгляд снова стал грозным. — Ты что, даже не собиралась попрощаться?

— Я уезжаю не сегодня, дорогая. У меня, конечно, туго с деньгами, но не до такой степени, чтобы осталось одно только манто. — Клара развела руки в стороны. — Видишь? Я без чемоданов. И даже паковать вещи еще не начинала. Разве могу я уехать, не поговорив с Матильдой? Я очень привязалась к твоей милой дочери.

— А ко мне?

Клара не знала, что именно Джемайма хотела услышать в ответ. И просто сказала:

— Ты знаешь, что я к тебе чувствую.

Миссис Смит была одной из причин, по которой Клара надумала уехать в Берлин, но признаваться в этом она не хотела. Ей было трудно находиться рядом с той, кого она не могла получить, — цитрусовый аромат сводил бедную девушку с ума. Вероятно, когда слухи, распущенные Джеком, утихнут, она сможет наведываться в дом на Бёрлингтон-сквер, на пару часов вновь превращаясь в беспечную Клару — такое ей вполне по силам. Станет осыпать всех подарками, напоминая, какая она чудесная, а затем вернется в Берлин, к новой жизни. Она решила, что будет регулярно писать Матильде: девочка явно придет в восторг, когда у нее появится подруга по переписке, да еще в Германии!

— Так или иначе, я скоро уеду. Буду писать и, конечно же, навещать тетю Агнес. Джек ведет себя просто ужасно, распускает сплетни, и я не хочу, чтобы мама переживала. Однако причина не только в этом. Признаться, я намерена сделать себе в Берлине имя, заработать денег и жить настолько честно, насколько смогу.

— Ты же не собираешься открыто признаться в своих… наклонностях? — побледнела Джемайма. — Люди бывают жестокими. Веди себя осторожно.

— Не вижу смысла притворяться, — заявила Клара. — Пожалуй, это даже к лучшему, что правда открылась. Люди вроде меня воспринимают свою измененную природу как трагедию, нас жалеют, отправляют к врачам и изучают, как музейные диковинки. Разумеется, я не собираюсь давать объявление в «Таймс», но этот глупый мальчишка вынудил меня отказаться от лжи.

Месть Джека за ее мнимый проступок по-прежнему задевала. Клара прежде и не подозревала, что он такой мелочный.

— В последние недели я стала сильнее и не хочу быть одной из тысяч тех, кто живет в постоянном страхе, что их постигнет наказание… и все лишь потому, что моя любовь выходит за рамки того,

что считается приемлемым. Мой дорогой друг Невилл, будучи мужчиной, ежедневно рискует угодить в тюрьму. Хорошо еще, что мне как женщине подобное не грозит. Надеюсь, что в Берлине я встречу больше понимания.

В глазах Джемаймы вспыхнуло чувство, которое Клара не смогла распознать. Удивление? Паника? Но подруга быстро взяла себя в руки, провела языком по бледным губам, встретилась с собеседницей взглядом и более глаз уже не отводила.

— В прошлом веке к любви между женщинами относились гораздо терпимее. Может, когда-нибудь снова к этому вернутся? — сказала она. — Общество ведь в конце концов приняло дам из Лланголлена[15], когда выяснилось, что они не представляют угрозы.

— Вот видишь, дорогая. Значит, и у меня тоже есть надежда, — ответила Клара. А про себя подумала: «Благослови тебя Бог за попытку понять то, чего ты сама никогда не испытывала и не стремилась испытать».

— Ты ведь понимаешь, что власть имущие

---

[15] Примечания: 15

Имеются в виду Элеонор Батлер (1739–1829) и Сара Понсонби (1755–1831) — ирландские аристократки, которые, презрев условности, прожили вместе более 50 лет в валлийском городке Лланголлен.

осуждают подобное поведение, потому что опасаются…

Подруга выпрямилась, в глазах ее снова вспыхнул огонек, и Клара узнала прежнюю Джемайму, которая никогда не упускала возможность высказать свое мнение. Родись она двадцатью годами раньше, ее легко можно было бы представить прикованной к ограде на Даунинг-стрит в числе суфражисток, требовавших предоставить женщинам избирательное право. Клара чувствовала, что сейчас молодая мать произнесет целую речь, и не ошиблась.

— Мужчины — а ведь вся власть принадлежит только им — боятся, что мы обретем экономическую независимость. Их коробит от мысли, что мы перестанем в них нуждаться. Они думают, что если мы будем работать и станем самостоятельными в финансовом отношении, то разрушим общественный порядок. А уж представить, что некоторым женщинам они не нужны даже физически, для них совершенно невыносимо.

Клара вдруг поняла: Джемайма действительно осознала, с чем ей приходится сталкиваться, хотя подруге и понадобилось время, чтобы преодолеть брезгливость. *Господи, как же она любила эту неистовую женщину. Какой мощный союз они*

могли бы создать — в другой жизни. Сколько всего могли бы изменить.

«Надо же, — с восхищением подумала Клара о Джемайме, — с виду такая миниатюрная, но при этом необычайно сильная духом».

— Я понимаю, почему ты выбрала Германию, — продолжила между тем миссис Смит, нервно потирая руки и не позволяя соседке уйти. — Немцы проиграли войну, но куда больше нас, победителей, оценили значимость женщин. В Веймарской конституции прямо сказано, что все граждане республики равны перед законом, а женщины имеют такие же избирательные права, как и мужчины.

Клара снова устыдилась своего невежества. Ей следовало изучить политическую ситуацию в стране, куда она собралась переехать, а не думать только об удовольствиях и развлечениях.

— Каждое десятое место в Рейхстаге занимает женщина. Можешь себе представить? — Джемайма просияла, но тут же смущенно опустила глаза. — Ты из тех женщин, которые смогут по-настоящему раскрыться в такой обстановке.

— Верно, дорогая. И я бы непременно выпила за это, если бы не собиралась уходить, — произнесла Клара, поднимая воображаемый бокал.

— За женскую солидарность, — отозвалась Джемайма, делая вид, что чокается с ней невидимым бокалом.

— Во всех смыслах этого слова, — усмехнулась Клара. — Спасибо, что стала моей подругой и на многое открыла мне глаза. После нашей встречи я изменилась к лучшему.

— Думаю, ты всегда была хорошим человеком, просто немного запуталась, только и всего. Я никогда не забуду, как ты пела моему мертвому младенцу.

— Пожалуй, песня была не самой уместной…

— Зато она напомнила мне, что мой сын существовал и мне нужно увидеть его лицо хотя бы один раз. После твоего ухода я достала малыша из ящика, куда ты так бережно его положила, и прижала к груди. Спасибо тебе за это. Тогда я была сильно подавлена. — Джемайма сглотнула. — Я думала, что меня наказывают свыше.

— Мы ведь уже обсуждали это. Многие испытывают подобные чувства к нежеланному ребенку.

— Нет, я говорю не про наказание за то, что желала смерти младенцу, а про другой грех. Еще более тяжкий… Я имею в виду мысли, с которыми долго боролась…

— Что может быть хуже желания уничтожить

человеческую душу?

На лбу Джемаймы залегла складка. Подруга медлила с ответом, обдумывая свои слова. Было видно, что признание давалось ей с трудом.

— Наказание за то, что я хотела тебя. — Джемайма, не в силах смотреть на Клару, отвернулась и устремила взгляд на перила. — За то, что желала твое тело так же, как Николас желает мое.

Клару словно током ударило, по коже ее прокатилась ледяная волна — но не страха, а надежды. Неужели Джемайма намекала на взаимность?

— Ты… испытываешь чувства ко мне?

Ее трудно было чем-то по-настоящему удивить, но теперь Клара невольно вскинула голову от изумления. Она ведь не замечала ничего подобного со стороны соседки — только колкие слова и неловкие взгляды. Джемайма снова повернулась к ней, не поднимая глаз, растерянная и взволнованная. Уверенная проповедница, чьи слова только что звучали решительно и страстно, теперь как будто сникла, охваченная тревогой и сомнениями.

— Я никогда не хотела Николаса как мужчину, но ошибочно думала, что женское тело просто иначе устроено. Помню, как бабушка говорила маме, что от этого не ждут удовольствия: «Со-

ставляй в голове список покупок или меню на неделю. Не успеешь опомниться, как неприятное дело уже закончится». Я никогда и не ожидала, что мне будет приятно. Но после твоего поцелуя я почувствовала себя живой, более чувственной, чем когда-либо за все время брака.

У Клары от удивления аж рот приоткрылся. Так вот почему Джемайма была с ней столь резкой? Потому что боролась с собственными демонами и не могла принять правду о себе?

Обе женщины тяжело дышали. Джемайма почти незаметно придвинулась ближе, и ступенька жалобно скрипнула. Теплое дыхание подруги коснулось плеча Клары. С каждым вдохом грудь Клары сжималась, а голова кружилась. Ей отчаянно хотелось протянуть руку, но теперь все зависело от Джемаймы. Первый шаг должна была сделать именно она. И как же упоительно было позволить другому человеку взять ситуацию под контроль.

Не отводя взгляда, Клара спустилась на две ступени, став ростом ниже Джемаймы, и прижалась плечами к стене. Она приподняла подбородок и замерла в ожидании. Губы Джемаймы дрогнули и разомкнулись, пока женщина пыталась подобрать слова, которые давались ей с трудом.

— Ты должна понять, что этого не случится. Никогда. У меня есть муж, которому я дала обет любви и покорности. И я не сделаю ничего, что может причинить боль моим девочкам. Но я хочу, чтобы ты знала — прежде чем уедешь, — что я буду носить тебя в сердце всю жизнь. Если бы все сложилось иначе и мы встретились раньше, я, вероятно, отважилась бы стать твоей.

Кларе на миг пришла в голову мысль открыть Джемайме глаза на измены Николаса: может, тогда она уйдет от него. Но очень не хотелось опускаться до мести. К тому же мужская неверность, в отличие от женской, считалась в обществе вполне допустимой.

— Память о том поцелуе не покидала меня ни на секунду. — Джемайма с трудом сглотнула. — Возможно, тогда я боролась с собой, но в глубине души всегда знала правду. Надеюсь, что, если я разделю с тобой этот светлый момент, он останется со мной навсегда. Поцелуй меня еще раз.

Она наклонилась, чтобы их лица оказались на одном уровне. Клара обхватила своими ухоженными руками бледное лицо Джемаймы и внимательно посмотрела на подругу, не переставшую ее удивлять. Та обладала силой, какую Клара прежде не встречала.

Женщина, которая добросовестно исполняет свой долг, хотя и знает, что в жизни есть нечто большее. Можно ли убедить Джемайму бороться за свое счастье? Позволит ли ей судьба расцвести? Слезы, наполнявшие прекрасные серые глаза, подсказывали мучительную правду: их любовь невозможна. Обе закрыли глаза и медленно потянулись друг к другу, пока их губы не встретились. На этот раз пощечины не последовало.

Наконец Джемайма отстранилась. Она с трудом переводила дыхание, но улыбалась, несмотря на мокрые от слез щеки. Любые слова были сейчас ни к чему: не требовалось ни объяснений, ни обещаний, которых обе все равно не смогли бы сдержать. Миссис Смит повернулась и тихо спустилась по лестнице в подвал, возвращаясь к своей семье. Клара провела рукой по губам, солоноватым от слез, желая убедиться в том, что поцелуй ей не привиделся, а был настоящим. Пора было уже отправляться на встречу с миссис Бейсвотер. И тут вдруг на верхней площадке лестницы показалась фигура. Гилберт смотрел на нее сверху, и Клара поняла, что он видел и слышал все, что сейчас произошло.

27

Прошло три дня, но Гилберт до сих пор так ничего ей и не сказал, и все это время Клара не переставала гадать, когда же и в какой форме он нанесет удар. Будет ли это откровенный шантаж или просто ехидные замечания, чтобы насладиться ее смущением? Собственная репутация Клару уже не заботила, но она была готова на все, чтобы защитить женщину, которую любила, и ее дорогих дочерей. Неужели Гилберт собирался поразить ее, так сказать, ахиллесову пяту? Как же ситуация вдруг усложнилась, еще совсем недавно все было намного проще.

На четвертый день девушка не выдержала и сама постучалась в дверь мансарды. Гилберт открыл не сразу, и она решительно поднялась по деревянным ступеням, протиснувшись мимо соседа, пока тот раздраженно сопел, глядя ей в спину.

— Чего тебе, Клара? — спросил он усталым, но настороженным тоном. — Я проявляю фотографии, так что, пожалуйста, излагай покороче. — Сосед кивнул в сторону закрытой двери в глубине мансарды, где, как поняла Клара, находилась

фотолаборатория.

— Я знаю, что ты видел на днях меня и Джемайму…

Она осеклась, не зная, как продолжить, и вдруг заметила в комнате нагромождение довольно странных предметов. Помимо явных принадлежностей фотографа, на столике лежали различные инструменты, ножницы, удочка и, что совсем уж странно, бубен.

— И что? Ты думала, что после этого я начну вымогать у тебя деньги? Или побегу к журналистам в надежде продать им сенсацию?

Клара неловко уставилась себе под ноги: именно этого она и ждала.

— Мне не нужны твои деньги, и я твердо уверен, что каждый имеет право на тайны. Мои дела тебя не касаются, и наоборот. Жить самому, не мешая другим, — весьма недооцененный принцип. И уж точно мы не должны осуждать друг друга за чувства, над которыми не властны.

— Постой… — Клара запнулась, внезапно озаренная догадкой, и понизила голос почти до шепота: — Ты что… тоже повинен в любви, о которой нельзя говорить?

Она и Невилл предпочитали скрываться за маской раскованности и вести себя вызывающе,

но ведь были и такие, кто прятался в тени. Возможно, Гилберт старался не выделяться, чтобы избежать пристального внимания. Уязвленное самолюбие напомнило Кларе, что обитатель мансарды никогда не проявлял к ней романтического интереса.

— Прости, если разочарую, но мне всегда нравились только девушки. Просто я не считаю нужным судить других, вот и все.

— Значит, ты никому не расскажешь про Джемайму?

— Разумеется, нет. Ты не слишком высокого мнения обо мне, верно? Кажется, ты записала меня в злодеи, хотя я теряюсь в догадках, чем заслужил такую честь.

Кларе стало не по себе. Перед ней стоял человек, который был на ее стороне — или, по крайней мере, не собирался осуждать ее за то, что она не могла изменить, точно так же, как спелое яблоко не может противиться силе тяжести. И все же в присутствии Гилберта ее не покидало чувство тревоги. Она окинула взглядом скромное жилье и вспомнила сверток банкнот, который фотограф недавно достал из кармана. Его ремесло, очевидно, приносило хороший доход, но ни в одежде, ни в обстановке не было ничего лишнего.

Значит, у Гилберта наверняка имелась некая порочная слабость, требующая немалых расходов, — скорее всего, наркотики. Или азартные игры. Может быть, даже проститутки. Кто его знает. Клара нервно прикусила накрашенный ноготь. Впрочем, Гилберт был прав: это не ее дело. В ее интересах держать мрачного соседа в числе союзников.

— Спасибо за понимание, — поблагодарила она.

— Хотел бы и я сказать то же самое. — Молодой человек хмыкнул и пожал плечами.

28

Клара бодро шагала вместе с Джемаймой по насквозь продуваемому ветром Гайд-парку, кутаясь в шерстяные одежды, чтобы защититься от пронизывающего холода. До отплытия из Дувра оставался всего один день, и обе женщины без слов понимали, что хотят провести вместе как можно больше времени. Матильда была в школе, а тетушка Агги вызвалась присмотреть за двумя младшими девочками, и у подруг наконец-то появилась редкая возможность побыть наедине.

Знакомый миссис Бейсвотер нашел для Клары подходящее помещение, Невилл вложил в ее предприятие значительную сумму, благодаря чему дело быстро сдвинулось с мертвой точки. Кларе почти не верилось, что уже завтра ключи от заведения в берлинском районе Митте окажутся у нее в руках. Но, шагая рядом с подругой, она все равно чувствовала смятение: боялась дотронуться до Джемаймы, но еще больше боялась, что если не сделает этого, то последние минуты утекут, как песок сквозь пальцы. Невозможность получить то, чего она жаждала, стала для Клары новым, довольно мучительным опытом. Она так

и не привыкла к мысли, что Джемайма испытывает к ней чувства, и от осознания того, что им не суждено быть вместе, страдала даже сильнее, чем тогда, когда считала свою любовь безответной.

— А поехали со мной в Германию?

Глупая просьба. Ах, если бы все было так просто.

— Разве того, что я испытываю к тебе нежные чувства, недостаточно? Я замужем, а тебя ждет большое приключение. Ты помогла мне понять, кто я есть на самом деле, за что я всегда буду тебе благодарна. Но я не такая смелая, как ты, Клара. Я не выдержу злых пересудов и не смогу подвергнуть своих девочек такому испытанию.

— Но ты же не любишь мужа. Так почему бы не развестись? У меня есть друзья, которые освободились от неподходящих супругов. Сейчас это возможно, дорогая. Времена меняются.

И снова Клара не решилась рассказать о домогательствах Николаса. Подруга не нуждалась в доказательствах того, что ее брак — пустышка; это и так было очевидно.

Джемайма вздохнула:

— Ты по-прежнему не понимаешь, в каком мире я живу? Твои друзья могут развестись, потому что у них есть деньги. Развод — привилегия бога-

тых. Большинство из них сами ищут внимания прессы, их нисколько не смущает позор. Подумай о том, что у меня могут отнять дочерей. Я никогда этого не допущу.

— Но ты и девочки заслуживаете большего. Помоги мне открыть клуб в Берлине. Мы могли бы начать новую жизнь вместе. Я всегда знала, что муж мне ни к чему, но, вполне возможно, мне нужна жена. Ты станешь бесценной помощницей, обретешь финансовую независимость и сможешь дать девочкам хорошее образование. Не сомневаюсь, что у меня все получится. Впервые в жизни я действительно приложила усилия: все просчитала наперед, хорошенько изучила и…

— Это всего лишь мечта, — перебила ее Джемайма и остановилась. — Прекрасная, но несбыточная.

Подруги свернули в сторону от Серпентайна и углубились в рощицу, подальше от любопытных взглядов пожилых дам, которые сидели на деревянных скамейках, обращенных к воде. Они остановились под редеющими кронами деревьев. У их ног россыпью лежали огненно-красные листья. Резкие порывы ветра хлестали по щекам. Клара отчаянно хотела доказать, что ее планы осуществимы.

— Я нашла подходящее помещение и назову свой клуб «Высший шик». Там будет полно красивых вещей и красивых людей. Я знаю, какие деньги приносят такие заведения: к концу следующего года мы уже будем зарабатывать сотни фунтов в неделю. — Она схватила Джемайму за руки. — У девочек будет все самое лучшее. Они быстро выучат язык. Только представь, какие возможности откроются перед ними. Я желаю Матильде добра — ты ведь знаешь, как я к ней привязалась. И мы с тобой будем вместе — это самое главное. Можем вести себя скрытно или напротив — как скажешь. Хочешь, притворимся сестрами? Или откроем миру правду — и к черту всех. Решать тебе. Но, что бы ты ни выбрала, знай: я люблю тебя, по-настоящему люблю и помогу воспитывать девочек так, словно они мне родные.

— Но ты ведь совершенно не умеешь обращаться с детьми и никогда не хотела своих, — рассмеялась Джемайма.

— Я люблю твоих дочерей, потому что они — часть тебя самой. Да, я ничего не смыслю в материнстве, но могу научиться. К тому же у меня есть другие достоинства. Матильда любит меня, — добавила Клара в свое оправдание.

Повисла пауза. В животе Клары закружилась карусель тревожного ожидания. Эта женщина значила для нее все. Джемайма многому ее научила: тому, что деньги и красивые платья не так уж важны; что женщины во многом сильнее тех мужчин, от которых им приходится зависеть; и что сама Клара гораздо способнее, чем думала.

— Прости, милая. Николас далек от совершенства, но он меня любит. Я не могу так с ним поступить.

Неужели все закончится пшиком, как с Алисой? Клара наконец нашла ту, с кем могла бы быть счастлива, и снова на пути встал мужчина. Алиса любила Филиппа не больше, чем Джемайма Николаса. На самом деле обе женщины любили ее, хотя Алиса упорно это отрицала. Но потерять Джемайму было куда тяжелее. Она сделала Клару лучше, тогда как Алиса лишь потакала ее прихотям.

Девушка подняла руку и коснулась щеки Джемаймы. Почему она не сказала ни слова о домогательствах Николаса? Да потому, что Клара Гудвин теперь училась думать прежде всего о других. И в тот миг, под медными кронами деревьев, она смирилась с очевидным: ее желания и нужды Джемаймы не совпадают.

Когда они возвращались на Бёрлингтон-сквер, Клара вспоминала печали и радости, которые за короткое время пережила в доме тетушки. Она знала, что, уезжая в Берлин, поступает правильно. Ее пребывание принесло тете Агги немало счастья, но Клара не сомневалась, что в ее отсутствие семья Смитов позаботится о пожилой даме. Жизнь слишком ценна, чтобы тратить ее впустую. На Бёрлингтон-сквер Клара стала свидетельницей двух смертей: одной — сразу после рождения, а другой — в конце долгого жизненного пути. Это доказывало, что никто не знает, сколько ему отпущено. Взять хотя бы бедняжку Амелию Фаррингтон. Клара твердо решила добиться хоть чего-нибудь, пока не стало слишком поздно.

Она посмотрела на подругу и дала себе слово не сдаваться. Все произошло слишком быстро, и чем больше она об этом думала, тем яснее понимала: было наивно ожидать, что Джемайма сорвется с места и отправится вместе с ней в Германию, уедет в закат, прихватив трех маленьких детей. Однако некоторые люди стоят того, чтобы их ждать. Например, эта миниатюрная, своенравная и прекрасная женщина. Рано или поздно истинная сущность Николаса непременно проявится,

и жена разглядит в нем изменника и ловеласа.

Клара же добьется оглушительного успеха со своим ночным клубом — и вернется обратно.

29

Берлин, четыре месяца спустя

Клара удивилась, услышав стук в дверь квартиры. Она взглянула на часы, подумав, что фрау Мюллер сегодня пришла раньше обычного. Эта дальновидная женщина повела себя разумно, подавив неприязнь к англичанам: ведь сдача в аренду обветшалого мебельного магазина, ныне превращенного в роскошный ночной клуб, позволила ей поправить свое финансовое положение. Фрау Мюллер не питала особых симпатий к юной мисс Гудвин, владелице клуба, однако охотно принимала от нее деньги — за любые услуги, которые Клара желала оплатить. Одной из них были уроки немецкого, которые фрау Мюллер трижды в неделю давала ей по вечерам.

— Frau Müller, du bist sehr früh![16] — крикнула девушка из комнаты.

Или же тут все-таки следовало употребить дру-

---

[16] Примечания: 16
Фрау Мюллер, ты очень рано! *(нем.)*

гое местоимение и сказать «Sie sind»[17]? Новый язык был до ужаса запутанным, но Клара взялась за его изучение с непреклонной решимостью — как и за все, чем занималась в последние месяцы.

Ее современная квартира отражала дух возрождения поверженной страны, пытавшейся заново отстроить жизнь своего отчаявшегося народа. Клара обожала чистые линии, закругленные стены и геометрические формы, которые теперь ее окружали. Она впервые жила одна и находила тишину угнетающей, но благодаря урокам тетушки справлялась с домашними делами. После комнат на Бёрлингтон-сквер, загроможденных вещами тети Агги, девушка наслаждалась архитектурным стилем баухаус, футуристическим и слегка эксцентричным. После того как ее предприятие стало приносить доход, она приобрела несколько элегантных, но простых предметов мебели. В ее квартире не было ни чучела канарейки, ни фарфоровых безделушек.

Клара распахнула дверь и замерла. На пороге стояла Джемайма. Ее глаза по-прежнему сверкали, а подбородок был решительно поднят,

---

[17] Примечания: 17
Вы *(нем.)*.

что свидетельствовало о несгибаемом духе этой удивительной женщины. Клара почувствовала знакомый запах лимонов и стирального порошка, и у нее защемило в груди.

— Почему ты мне не сказала? — Голос Джемаймы звучал осуждающе. Ни тебе приветствия, ни объяснений, как она оказалась за семьсот миль от дома.

— О чем я тебе не сказала?

Клара слишком часто попадала в немилость к молодой матери и не могла сообразить, чем провинилась на этот раз. Видимо, проступок и впрямь был очень серьезен, если Джемайма отправилась в другую страну, чтобы упрекнуть ее.

— О том, что Николас пытался затащить тебя в постель!

Клара опешила. Джемайма наконец узнала правду о домогательствах мужа, но почему же виноватой оказалась она?

— Потому что не придала этому значения. Как ты вообще узнала?

— Всплыло во время ссоры в прошлом месяце. Он поздно вернулся из «Безумного Шляпника», причем сильно навеселе, а я объявила, что получила от тебя письмо и нам нужно серьезно поговорить.

Кларе понадобилось время, чтобы отважиться написать подруге. Тетю Агги она держала в курсе событий, а Матильде отправила из Берлина несколько открыток, ведь места на обороте хватало лишь для пары веселых строчек. Но подобрать слова для Джемаймы оказалось куда сложнее. Ей хотелось исписать весь лист фразой «Я изнываю без тебя», повторив ее бессчетное множество раз. Чтобы не превращать послание в эмоциональный шантаж, Клара решила подождать, пока клуб не заработает, чтобы поделиться с подругой подробностями.

— Ох, недаром говорят, что на воре шапка горит, — продолжала Джемайма. — Зная за собой вину, Ник начал нести чушь о том, что я не должна верить ни единому твоему слову. Решил, будто ты мне все рассказала, а потом резко дал задний ход, когда понял, что я ничего не знаю. Фактически сам себя закопал. Забавно было на это смотреть.

— Ну и ну…

Клара пригласила гостью войти, не желая вести такой разговор в общем коридоре. Фрау Мюллер прекрасно владела английским и могла появиться в любую минуту. Молодая мать переступила порог и закрыла за собой дверь, по-прежнему

цепляясь за сумочку, словно за щит.

— Целых четыре месяца без тебя! А потом я вдруг в один момент поняла, что напрасно пожертвовала всем, оставшись с мужчиной, который так мало меня уважает, что домогался племянницу нашей квартирной хозяйки. Хуже всего было то, что он стал перекладывать вину на тебя — заявил, что якобы это ты хотела его соблазнить, прямо в прихожей Агнес… Я не знала, злиться или смеяться, а потом сразила Ника наповал правдой. Заявила, что мужа выдала его же собственная ложь, поскольку инициатива никак не могла исходить от тебя, да и вообще никакие ухищрения не помогли бы ему уложить тебя в постель.

Глаза Клары расширились.

— Ты рассказала ему обо мне правду?

— Да. А заодно и о том, что я к тебе чувствую. Николас так опешил, что рухнул в кресло, а потом принялся орать, что я маленькая грязная шлюха, никудышная мать да вдобавок еще и извращенка. Он буквально разрывался между ненавистью, болезненным любопытством и нежеланием признать правду. А потом запаниковал: испугался, что окружающие узнают, что его угораздило жениться на особе, которая предпочитает од-

нополую любовь. Дескать, люди решат, будто и с ним самим что-то не так, если он не смог найти себе нормальную женщину.

Клара решила быть до конца честной и признать, что определенная долю ответственности лежит и на ней тоже.

— Николас действительно приставал ко мне, но я сама виновата: строила ему глазки в глупой попытке вызвать у тебя ревность. Ты же понимаешь, что в нашем любовном треугольнике все не без греха.

— В том-то и дело — мы все хороши. Я чувствовала себя ужасно: это ведь я мечтала уйти от мужа. Поэтому и пыталась наладить с ним отношения, во всем обвиняя лишь себя одну. Но потом задалась вопросом: а впервые ли Ник проявил свою кобелиную сущность? Небось и раньше ходил налево?

Клара снова промолчала. Похождения Николаса ее не касались.

— Наверное, в глазах церкви я плохая мать, а ты уж тем более не годишься на эту роль, — продолжила Джемайма, — но я вдруг отчетливо поняла, что справлюсь с воспитанием девочек куда лучше мужа. Последний месяц был сущим адом, зато теперь Николас хочет лишь одного: чтобы этот

кошмар закончился и ему можно было начать все с чистого листа, даже если ради этого придется отказаться от дочерей. Вероятно, он найдет женщину, которая родит ему долгожданного сына, но это точно буду не я. С меня хватит. С моим браком покончено.

У Клары закружилась голова. Неужели Джемайма приехала навсегда? Бросила своего никчемного супруга и проделала весь этот путь, чтобы они были вместе?

Джемайма шагнула вперед:

— В конце концов я предложила развестись, и, к моему удивлению, Ник согласился. Даже собрался нанять женщину для постановочной фотосъемки, потому что ему проще прослыть изменником, чем позволить миру узнать правду о своей жене. Сомневаюсь, что он будет скучать по девочкам.

Клара подозревала, что на самом деле Николас не был столь бессердечным, как его рисовала жена. Дочерей он любил, но бороться за них не собирался. Для мужчины они были шумными существами, лишавшими его сна и отдыха. К тому же дети — дорогое удовольствие, а лишних денег у него не водилось.

— Где же они? — Клара вдруг вспомнила, что

девочки тоже часть этой истории. — Ты же не оставила их с отцом?

— Сидят внизу в такси. Я протащила дочерей через всю Европу, пообещав величайшее в жизни приключение. Вырвала их из привычного мира… — Джемайма осеклась, будто только сейчас осознала смысл собственных слов. — Я совсем обезумела, правда? — Она приложила руку к губам. — И даже не написала тебе заранее, что приеду. Вдруг у тебя уже кто-то есть. Ты хочешь, чтобы я осталась?

— Как ты могла в этом усомниться? — сказала Клара, обнимая ее и целуя в макушку. — И, если уж на то пошло, ты ничуть не безумнее меня, сбежавшей в чужую страну, чтобы открыть там ночной клуб, имея лишь мечту и горсть монет. Я всегда буду бороться с миром, который считает меня странной и непокорной, но именно это и делает меня собой.

— Поэтому я и люблю тебя.

Джемайма вскинула голову, и женщины обменялись многозначительными взглядами.

— За тех, кто не подчиняется правилам! — Клара подняла воображаемый бокал, и Джемайма сделала вид, что чокается с подругой.

Через несколько минут все три девочки уже

оказались в прихожей: старшие сжимали ручки клеенчатых чемоданчиков, а Фрэнсис устроилась у матери на бедре.

«Господи, как же она подросла за последние месяцы», — отметила про себя Клара.

Матильда держала Эллен за руку и сияла улыбкой. К лацкану ее коричневого шерстяного пальто была криво приколота голубая брошка в форме полумесяца. Стеклянные камешки поблескивали на свету, когда малышка вошла в квартиру, задрав подбородок, словно миниатюрная копия своей матери. Сердце Клары подпрыгнуло и сжалось от волнения.

«Вся ее жизнь вскоре переменится из-за меня. Я не могу подвести Матильду. Не могу подвести Джемайму. Не могу подвести никого из них. Они теперь моя семья», — подумала девушка.

— Правда же, это чудесное приключение? — воскликнула Матильда. — Совсем как в историях из толстой книги мисс Хамфрис, которые она мне читала.

— Еще какое чудесное, милая, — ответила Клара, подхватывая чемоданчик Эллен и показывая девочкам свою скромную квартиру: она явно тесновата для пятерых, но зато теперь тут не будет пусто и тихо.

Эллен и Матильда бросились исследовать комнаты, а Клара обернулась к их матери. И задала вопрос, который просто не могла не задать:

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Теперь в любом случае уже поздно менять решение. Но, по крайней мере, на этот раз мой голос тоже будет иметь вес.

— Непременно, — подтвердила Клара и взяла Джемайму за руку.

Если бы не Фрэнсис, она поцеловала бы Джемайму прямо сейчас, ощутила бы вкус ее губ и вдохнула бы ее запах. Это был бы самый романтичный момент их жизни — когда две женщины дают друг другу обет любви и верности. Но чувства нельзя было выставлять напоказ, и Клара поняла, что их ждет: украденные мгновения и взгляды исподтишка. Однако, когда она ощутила тепло руки Джемаймы и подруга едва заметно сжала ее пальцы, по телу Клары пробежали тысячи искр.

«Так даже лучше, — решила она, представив, как после удачного вечера в клубе они стоят по разные стороны танцпола и обмениваются взглядами, которые говорят лучше слов. — Может быть, — размышляла Клара, перешагивая через брошенные на полу чемоданы, — лет эдак через

пятьдесят нас похоронят вместе, как дам из Лланголлена. Может, через полвека мир изменится и наш секрет уже не придется больше скрывать...»

Часть вторая. Стивен Томпсон

30

Пятница, 5 августа 1927 года

Агнес обмакнула перо в оловянную чернильницу и начала писать:

Дорогой мистер Томпсон!

По итогам нашей беседы и при условии, что Ваши рекомендации окажутся удовлетворительными, я рада предложить Вам комнаты в доме номер 23 на Бёрлингтон-сквер. Мы договорились, что питание Вам не потребуется, только стирка рубашек. Однако, если в дальнейшем Ваши обстоятельства вдруг изменятся, я охотно пойду Вам навстречу.

Мне будет приятно принять в своем доме человека столь уважаемой профессии, и я с нетерпением жду Вашего приезда – в любое время после полудня в воскресенье.

С искренним уважением,

Агнес Хамфрис

Она чрезвычайно гордилась тем, что приняла решение, руководствуясь разумом, а не чувствами. Дафна, конечно, рассердится, что сестра не отдала комнаты Кларе, зато мистер Горски наверняка одобрит ее выбор. Мистер Томпсон — банковский служащий, человек надежный и респектабельный. Он станет настоящим украшением не только дома номер 23, но и всей округи. Агнес любила Клару, однако недаром говорится, что «дурная слава по дорожке бежит». Пожилая дама беспокоилась, что отголоски разразившегося в Хартфордшире скандала с участием ее племянницы могут докатиться и сюда, в этот тихий и благонадежный уголок западного Лондона. Современные девушки своевольны и упрямы, не то что во времена молодости Агнес. Вдобавок Клара Гудвин привыкла думать лишь о себе. Нет уж, с ней спокойной жизни не жди.

Отказать застенчивой молодой даме из Суффолка оказалось еще труднее. Страх и тревога окутывали миссис Мейвезер, как саван. С одной стороны, сердце пожилой леди тянулось к Мерси, Агнес испытывала необъяснимое желание приютить бедную вдову и проявить к ней участие. Но с другой — рисковать не хотелось: вне всякого сомнения, эта женщина была напугана и что-то

скрывала — так зачем же самой впускать в свой дом неприятности? Агнес собиралась написать миссис Мейвезер сегодня, чуть позже, и порекомендовать пансион миссис Джонсон в двух кварталах отсюда. Возможно, стоило заодно упомянуть, что ей все еще нужна помощь со стиркой и готовкой. Если Мерси поселится в пансионе по пути к универмагу «Пембертон», то, наверное, согласится на подработку. Это хотя бы немного облегчит чувство вины, которое испытывала Агнес.

Составление письма мистеру Томпсону отняло совсем немного времени. Агнес услышала на лестнице шаги Гилберта, едва успев запечатать конверт и приложить марку к валику хрустального увлажнителя. Тот всегда, сколько она себя помнила, стоял на отцовском столе, хотя прежде там было куда меньше вещей. Теперь же на столешнице почти не осталось места для листа бумаги.

— Гилберт! — позвала Агнес, и жилец показался в дверях.

Молодой человек был не из числа болтливых и ничего не сказал, лишь вопросительно воззрился на домовладелицу. Его темные глаза, как всегда, смотрели угрюмо.

— Вы не опустите письмо в почтовый ящик? — попросила она. — Пожалейте мои бедные ноги.

Гилберт кивнул, торопливо схватил конверт и так же стремительно вышел, аккуратно прикрыв за собой входную дверь.

«Ох и странный парень, — подумала Агнес. — Ведет себя словно призрак. Бродит по дому и ни с кем не разговаривает».

Испытав облегчение оттого, что решение наконец-то принято, Агнес смогла заняться делами по хозяйству. Возможно, этой ночью ей удастся спокойно поспать. Выбор постояльца казался делом довольно простым, но, перехватив всевидящий взгляд Санни, пожилая дама вдруг поняла, что ощущает себя почти Господом Богом, который распоряжается судьбами этих людей.

31

Пять дней спустя Стивен Томпсон стоял на каменных ступенях дома номер 23 по Бёрлингтон-сквер. Опустив возле ног старомодный чемодан, он позвонил в дверь и нервно поправил галстук, понимая, как важно произвести хорошее впечатление и выглядеть респектабельно. Сегодня начинался новый этап его жизни. Он хотел оставить прошлое позади и начать все с чистого листа. Каждый человек заслуживает второго шанса, разве нет?

Стивену пришлось подождать, пока хозяйка, Агнес Хамфрис, распахнет дверь. Она слегка запыхалась, но на ее круглом лице сияла широкая улыбка, а вокруг внушительной талии был повязан желтый передник веселенькой расцветки. Эта милая женщина напомнила ему добрую школьную учительницу времен детства, что мгновенно подняло настроение. Как и душистый запах свежеиспеченного хлеба, смешанный со стойким ароматом корицы.

— Заходите, заходите, мистер Томпсон. Вы пришли раньше, чем я ожидала, зато я как раз испекла партию печенья с корицей — любимого

лакомства мистера Горски, — заодно и вас угощу. Считайте это моим подарком на новоселье.

— Как мило с вашей стороны.

У Стивена заурчало в животе от нетерпеливого предвкушения, и он улыбнулся в ответ. Вообще-то, Томпсон отвык улыбаться, но простое движение — приподнять щеки и изогнуть губы — согрело его сердце, хотя особо радоваться было вроде как нечему.

Он взял чемодан и шагнул вперед, но в последний момент зацепился ногой за порог и растянулся на полу.

— Боже мой, вы не ушиблись?

Ладони Стивена горели от удара о холодную желто-бордовую плитку производства фабрики «Минтон», но сильнее всего пострадало его самолюбие. Ну почему все вечно оборачивается против него? Вот и сейчас, вместо того чтобы произвести на новую хозяйку хорошее впечатление, он лежал, растянувшись посреди прихожей, с саднившими руками и ушибленными коленями. Неужели впереди его ждет череда сплошных унижений?

Томпсон с трудом поднялся на ноги и заверил, что все в полном порядке. Оставив чемодан в захламленной прихожей, он последовал за Агнес и,

заметив на вешалке цилиндр, решил, что у дамы, наверное, гость, но, войдя на кухню, понял, что они одни. На кухне, как и на всем первом этаже, царил уютный беспорядок. Стивен догадался, что любовь этой энергичной женщины к забавным безделушкам и украшениям не знала границ. Множество сувенирных тарелок из приморских городков почти скрывали под собой старомодные обои, а медные кастрюли и сковородки вместе с фарфоровыми статуэтками теснились на узких сосновых полках, поднимавшихся до самого потолка. Сквозь высокое окно над раковиной лился солнечный свет, а в воздухе витали аппетитные запахи домашней выпечки. В последние годы Стивену так не хватало этой уютной атмосферы, что на миг его охватила волна ностальгии. Каждому человеку нужно место, где можно почувствовать себя дома, а он уже давно нигде не ощущал себя своим. И от души надеялся, что Бёрлингтон-сквер станет для него прибежищем.

— Присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас заварю свежий чай. Приготовлю кипяток погорячее.

— Простите? — Томпсон нахмурился. — Кипяток погорячее?

— Ах, так говорил мой покойный отец! — Агнес улыбнулась своим мыслям. — Я только что

отнесла поднос мистеру Горски, и мои колени, конечно же, недовольны, что пришлось карабкаться по лестнице! — Она показала на ноги и закатила глаза. — Но этот джентльмен так любит перекусить после полудня.

Облезлый черный кот с одним ухом, свернувшийся калачиком на стуле в конце стола, спрыгнул на пол, когда незнакомый мужчина придвинул к себе ближайший сосновый стул. Стивен протянул было руку, пытаясь погладить питомца хозяйки, но тот зашипел, вскинул потрепанную голову и вышел из комнаты с таким негодующим и величественным видом, какой умеют напускать на себя только кошки. Запах выпечки заставил желудок Томпсона болезненно сжаться; он надеялся, что мисс Хамфрис не услышала предательского урчания. За весь день Стивен съел только кусок хлеба с салом. Экономить приходилось буквально на всем, а еда стояла в конце списка его приоритетов.

— А когда доставят остальные ваши вещи? — спросила Агнес, протягивая новому жильцу маленькое блюдце со светло-коричневым печеньем.

Он бы с удовольствием съел все, но из вежливости взял только две штуки.

— Э-э-э… других вещей у меня нет.

Домовладелица подала ему изящную чашку с блюдцем, наполненную дымящимся, слишком крепко, на его взгляд, заваренным чаем. Единственным светлым воспоминанием Стивена о недолгой службе на фронте были добротные эмалированные кружки, которые выдавали в армии. Чашка, стоявшая сейчас перед ним, была так мала, что едва ли могла напоить комара, и он осушил ее в два глотка.

— Боже мой! Вы хотите сказать, что все ваше имущество поместилось в один чемодан?

Агнес огляделась, вероятно прикидывая, сколько чемоданов понадобилось бы для ее собственных вещей. Думать об этом было неприятно.

— Кажется, я упоминал во время нашей первой беседы, что жил за границей. И всегда считал, что лучше путешествовать налегке, особенно если приходится часто переезжать. К тому же секрет счастливой жизни не в том, чтобы иметь много вещей, а в том, чтобы хорошо относиться к людям и чтобы они отвечали тебе тем же.

— Ах, как это верно, мистер Томпсон, — кивнула Агнес. — В юности я тоже мечтала о путешествиях. — Она на миг погрузилась в воспоминания. — Отец часто брал нас с сестрой в короткие поездки

в Маргит и Брайтон, — хозяйка указала на декоративные тарелки, — но мне всегда хотелось увидеть мир за пределами Британских островов, добраться до Америки или до африканских пустынь. Я много читала о дальних странах, но ведь фотографии и картины не передают подлинную атмосферу незнакомого места.

— Совершенно справедливо, — согласился Стивен, бросив быстрый взгляд на блюдце с печеньем.

— У меня в комнате справа от камина висит чудесная акварель с изображением кофейной плантации. Я как-нибудь покажу вам ее. Каждый раз, глядя на картину, я ощущаю тропический зной: наверное, все дело в ярких оранжевых оттенках словно бы выжженного солнцем неба. — Агнес подалась вперед и прищурилась. — Но вы-то бледны, как луна, и уж точно не бывали в жарких краях.

Еще в их первую встречу Стивен заметил, что мисс Хамфрис всегда говорит то, что думает. Тогда пожилая дама без стеснения высказывалась о других жильцах, и он быстро понял, что свои тайны ей доверять не стоит. Он уже знал, что в доме номер 23 живут молодой человек, который «выглядит так, будто восстал со сто-

ла патологоанатома в морге», и старый поляк, «необычайно приятный для иностранца, но с довольно странными привычками», а также — в подвале — молодая семья, причем «с тех пор, как они сюда въехали четыре года назад, жена постоянно находится в положении, бедняжка».

«Интересно, — подумал Стивен, — а что она скажет обо мне, когда пройдет некоторое время?»

— Увы, солнца я почти не видел: почти все время проводил в помещении. Понимаете ли, все мои поездки были связаны с работой.

Пребывание Томпсона за границей на самом деле было напрямую связано с его прежним источником дохода.

— Понимаю. Солидный банк в далеком городе, да? С мраморными стойками и деревянными панелями? — Стивен предпочел не опровергать предположение домовладелицы и позволил ей болтать дальше. — Сама я почти не покидала Лондон, разве что навещала сестру в Хартфордшире. Было бы чудесно повидать мир, но так уж сложились обстоятельства.

Она вздохнула и предложила постояльцу оставшиеся печенья, которые он с благодарностью принял.

— Полагаю, вам не терпится распаковать вещи

и обустроиться на новом месте, поэтому не буду вас задерживать. Если что-то понадобится — приходите сюда. Мне нужно приготовить ужин моим джентльменам: пирог с кроликом для мистера Горски и рагу из фасоли для молодого Гилберта.

У Стивена аж слюнки потекли, и он едва не уронил каплю на стол. Видимо, Агнес заметила его мечтательный взгляд, поскольку осведомилась:

— Вы уверены, что не хотите доплачивать за питание? Может, передумаете?

Он решительно покачал головой в ответ, из чего хозяйка ошибочно заключила:

— Ах, вы, конечно же, ужинаете в клубах для джентльменов и в ресторанах с друзьями. Или, может быть, банк обеспечивает вас обедом? Как у Хоара[18]. Вот уж где умеют заботиться о своих служащих.

— Да, — подтвердил Стивен. — Именно так. У нас такие великолепные обеды, что к вечеру я почти не голоден.

— Моя еда очень простая, ведь у мистера Горски слабый желудок, и он просил избегать острых специй и всяких приправ. Возьмите ключи, мистер Томпсон. Большой — от парадной двери, а

---

[18] Примечания: 18

Имеется в виду Банк Хоара — один из старейших частных банков Великобритании, основанный в 1672 г. Ричардом Хоаром.

маленький — от ваших комнат. Увидимся утром. Наверное, вам приходится вставать чуть свет?

— Да, мой рабочий день начинается рано и длится долго. Я заполняю учетные книги, проверяю и перепроверяю бесконечные столбцы цифр. Банк открывается в девять, поэтому я постараюсь уходить в восемь, ведь пунктуальность в моей профессии крайне важна.

Однако Стивен Томпсон солгал Агнес: в понедельник утром ему не нужно было никуда идти, потому что на самом деле ни в каком банке он не служил.

32. Акварель с изображением кофейной плантации

Агнес часто вспоминала, как много лет назад у нее появилась эта картина. Афиша на стене овощной лавки приглашала на небольшую выставку в частной галерее в Бэйсуотере. Экспозиция «Искусство Британской империи» предлагала посетителям «увидеть множество далеких стран глазами художников». Агнес редко делала что-то ради своего удовольствия, но не смогла противиться соблазну посмотреть на эффектные яркие полотна.

Теперь, когда Дафна пошла в школу, Агнес обрела наконец немного бесценного свободного времени и начала перебирать многочисленные книги на полках отца. Но тянулась она не к романам или поэзии. Первые казались ей слишком легкомысленными и не сообщали ничего полезного (к чему ей истории о красивых платьях, дрожащих губах и учащенном сердцебиении?), а в стихах она не улавливала образов, скрытых между строк в ритме слов. Агнес увлекали путеводители и путевые дневники, рассказывавшие

о далеких землях, необычных одеждах и удивительных обычаях. Особенно те, что вышли из-под пера женщин: например, «Англичанка в Америке» Изабеллы Бёрд или сочинения миссис Троллоп. Поэтому выставка, обещавшая наглядно показать дальние страны, казалась особенно заманчивой, давая надежду, что женская доля не сводится к роли хозяйки, матери и сиделки. Почти восемь лет Агнес вела в отцовском доме хозяйство и заменяла Дафне мать, предвкушая, что вскоре выполнит свою миссию и получит возможность повидать мир за пределами Бёрлингтон-сквер.

Поцеловав на прощание отца, который уже в третий раз за день спросил, куда направляется старшая дочь, она с трудом удержалась, чтобы не выдать растущую тревогу: память определенно стала подводить Томаса Хамфриса. Однако солнечная погода подняла девушке настроение, а сорокапятиминутная прогулка послужила бальзамом для ее смятенной души.

В галерее большие картины в позолоченных рамах висели на темно-красных стенах не строгими рядами, а группами, объединенные не по именам художников, а по названиям континентов и стран. Какой-то высокий джентльмен в

цилиндре и сюртуке разглядывал индийские пейзажи: колышущиеся на ветру пальмы и тощих быков, храмы с куполами в форме луковиц и людей в ярких тюрбанах и сари. Агнес остановилась немного поодаль, чтобы не мешать, и несколько минут молча любовалась картинами, пораженная их живостью и насыщенностью красок. Джентльмен изучал большое полотно с изображением рыночной площади, заслоняя девушке обзор. Но и того края, который был ей виден, оказалось вполне достаточно, чтобы пробудить интерес: позади шумной толпы высились пирамиды корзин с овощами и фруктами. Одни плоды она узнавала, другие — нет. Но, боже, какие яркие цвета!

Агнес украдкой рассматривала сосредоточенный профиль мужчины. Он не был красив по общепринятым меркам, но девушка решила, что лицо у него доброе и симпатичное. Из-под цилиндра выбивались светлые кудри, а уши комично торчали в разные стороны, как ручки у чайных чашек. Однако его манера держаться притягивала и завораживала. Агнес подошла ближе.

— Высокий рост, безусловно, дает вам преимущество, но, когда вы стоите так близко к полотнам, люди поменьше вроде меня не могут

ничего разглядеть.

— Прошу прощения, мисс, — сказал мужчина, снимая цилиндр и отходя в сторону. — Вы бывали в Индии?

— Нет, я не покидала берегов Англии, — призналась она.

— Значит, вы любите искусство? Быть может, сами художница?

Агнес хихикнула. Она не смогла бы ни написать пейзаж, ни исполнить арию, зато хорошо умела застилать постель, печь пироги и чинить одежду. Она не была творческой натурой, ее таланты лежали в иной плоскости.

— Вовсе нет. Если я попытаюсь что-нибудь изобразить, боюсь, мою работу примут за творение пьяной обезьяны. Да еще вдобавок державшей кисть пальцами ног.

Джентльмен улыбнулся шутке, его глаза заискрились, а лицо просветлело. Агнес невольно улыбнулась в ответ и заключила:

— Я всего лишь люблю искусство, но даже в этом — дилетантка.

— А в Национальной галерее вы бывали? — спросил он.

— Да, несколько раз.

— И какие у вас любимые картины?

— Уж точно не портреты чопорных богачей, которых запечатлели на полотне лишь благодаря их деньгам, а вовсе не потому, что они совершили что-то достойное. Картины на религиозные темы меня тоже не особо привлекают. Хотя позолоченные алтари с тщательно выписанными деталями, безусловно, прекрасны, однако со временем они начинают сливаться в одно целое. Видимо, я способна вынести лишь ограниченное число мучеников.

Мужчина снова улыбнулся, но не стал перебивать ее излияния.

— Пожалуй, я предпочитаю виды Венеции кисти Каналетто. Люблю все, что переносит меня в те места, где я никогда не бывала. Я мечтаю путешествовать по миру, но пока довольствуюсь иллюстрациями в книгах или полотнами, на которых изображены заморские пейзажи, другие народы или незнакомая мне архитектура. Возможно, в другой жизни я стала бы путешественницей… хотя сомневаюсь, что выдержала бы дорогу. — Агнес покачала головой. — Однажды я прокатилась по Темзе на прогулочном пароходе, и меня ужасно укачало. Так что, наверное, мне лучше ограничиваться чтением книг о незнакомых местах и осмотром их сокровищ в

музеях и галереях.

— О картинных галереях очень мудро выразился Чарльз Кингсли, сказавший, что горожанин может, не покидая комнаты, совершить прогулку по сельской местности, удалившись из мрачного мира железа и камня, дымных труб и грохочущих колес в мир прекрасного. Но прекрасное окружает нас повсюду. Вовсе не обязательно искать его на маленьком полотне, покрытом краской и вставленном в причудливую раму. Настоящий цветущий луг или величественное здание ничуть не хуже того, что пытается изобразить художник. По-моему, оригинал всегда предпочтительнее копии. — Незнакомец сделал паузу. — Как, например, лицо очаровательной женщины.

Абсолютно уверенная, что речь идет не о ней, Агнес даже не покраснела и решила развить мысль, высказанную собеседником:

— И мало того, вещи ведь не обязательно должны быть красивыми, чтобы быть интересными, правда? — Она склонила голову набок. — Вот вы, например, строго говоря, вовсе не привлекательны, и все же я заметила ваши добрые глаза. Ах да, и еще уши. Они, если можно так выразиться, вам к лицу, хотя у другого человека смотрелись бы смешно.

Джентльмен смущенно кашлянул, но тут же рассмеялся:

— Вы всегда говорите вслух то, что у вас на уме?

В этот раз Агнес покраснела, прекрасно понимая, что сболтнула лишнее, и кивнула в ответ.

Разговор сошел на нет, и они вновь обратились к созерцанию картин. Агнес прищурилась, разглядывая маленькое неприметное полотно с подписью: «Рабочие на плантации, Кург».

— Какой очаровательный пейзаж, — заметила она.

— Правда? Художнику удивительным образом удалось передать ощущение зноя. Я бывал на тех самых холмах, потому что у компании, где я работаю, там есть филиал, — пояснил джентльмен. — Мы ввозим кофе, кардамон и кору хинного дерева — последняя незаменима при лечении малярии. На тех склонах много всего растет. Видите, какие там зеленые и плодородные земли? Многие представляют себе Индию совершенно иначе. На этой картине запечатлен сбор плодов с кофейных кустов.

Агнес заметила на спинах у рабочих большие корзины, доверху наполненные какими-то ярко-красными ягодами.

— Так это кофе? — воскликнула она, а затем вздохнула. — Ах, как мало я понимаю в том, что вижу. Книги не всему могут научить.

— Тогда позвольте мне, мисс, стать вашим проводником. Надеюсь, вы не сочтете меня излишне навязчивым? Поверьте, я предлагаю это без всякой задней мысли, исключительно из дружеских побуждений и просвещения ради. Я, видите ли, много путешествовал и к тому же разбираюсь в искусстве, — добавил мужчина, словно бы желая подкрепить таким образом свои слова.

— Что ж, это было бы весьма кстати.

— Разрешите представиться: Джеймс Гаррисон Хант, эсквайр, к вашим услугам. — Он поклонился.

— Очень приятно. Мисс Агнес Хамфрис.

Агнес пожалела, что выставка занимала всего два зала. Возможно, когда-нибудь новый знакомый сопроводит ее в Национальную галерею или в менее консервативную и более современную галерею Гровенор, чтобы продолжить обучение. Но девушка была благодарна и за этот час, ведь она действительно узнала много нового.

— У вас не найдется еще пары минут, мисс Хамфрис? Я приобрел для вас это небольшое полотно с изображением кофейной плантации в качестве

сувенира. Будьте добры сообщить владельцу галереи свой адрес, картину доставят вам после закрытия выставки.

— Но я не могу принять такой подарок! — воскликнула Агнес.

Не окажется ли она таким образом в долгу? Хотя, чего уж греха таить, мысль об этом нельзя было назвать неприятной.

Джеймс Гаррисон Хант пожал плечами:

— Почему же? В этом нет ничего дурного. Молодой живописец, автор картины, оплатит жилье за неделю и купит новые краски, а вы сможете переноситься в Индию каждый раз, когда взглянете на акварель. За сравнительно скромную сумму я осчастливил сразу двоих. — Он склонил голову. — Было очень приятно познакомиться, мисс Хамфрис. Искренне надеюсь, что однажды вы отправитесь в путешествие и не забудете странного джентльмена, заговорившего с вами в этот солнечный июльский день.

Мистер Хант поклонился на прощание и зашагал по Хай-стрит. Вскоре его черный цилиндр уже покачивался вдали над толпой.

— Никогда не забуду, — прошептала Агнес ему вслед.

33

Первая неделя пребывания Стивена на Бёрлингтон-сквер прошла относительно спокойно. Он быстро обжился, но предпочитал лишний раз не высовываться из своих комнат, понимая, что не стоит навязываться другим жильцам. Дружить он не умел, с людьми сходился плохо и оставался одиночкой, хотя и вырос в большой семье. К тому же ему совсем не хотелось отвечать на назойливые вопросы о своем прошлом или о вымышленной работе.

Поскольку в банке Томпсон не служил, то обычно отправлялся в те части города, где было меньше шансов встретить знакомых. Иногда он шел пешком несколько часов — до Хакни или Стретема. Если позволяли средства, то садился на поезд и ехал дальше. В ясную погоду находил какой-нибудь уголок на природе или проводил утро в парке, глядя на то, как птицы начинают свой день. Предаваясь в тишине задумчивости, Стивен ощущал умиротворение. Он провел детство в сельской местности и очень любил природу, а наблюдение за птицами было одним из немногих занятий, доставлявших ему удовольствие. Томп-

сон даже составил скромную, но впечатляющую коллекцию, собирая яйца и выдувая их содержимое, однако, когда настали трудные времена, ему пришлось продать свои сокровища.

Стивен проводил дни, блуждая по улицам и пытаясь завести разговор с прохожими. Или же, полагаясь на удачу, заходил в пабы в дневные часы, когда разрешалось продавать алкоголь, и завязывал знакомство с завсегдатаями. Большинство заведений начинали предлагать спиртное в половине двенадцатого, и дела Стивена обычно шли успешнее, когда он беседовал с подвыпившими посетителями, которые были настроены более дружелюбно.

Сам он спиртное не любил, поскольку вырос в семье, где считалось, что пристрастие к алкоголю почти наверняка приведет в ад. Один из соседей испытывал пагубную слабость к джину, что погубило его репутацию и привело к тому, что их семья жила в бедности. Стивен заметил, что чем больше сосед пил, тем болтливее и рассеяннее он становился. Его хитрая жена пользовалась этим, чтобы крутить роман с бондарем, а бессовестные лавочники, уверенные, что бедняга ничего не заметит, нередко завышали счета. Пьяные, как известно, чересчур разговорчивы и лише-

ны здравого смысла — Стивен быстро научился извлекать из этого выгоду, применяя пару трюков, которые подсмотрел в пабах. Имея колоду карт и немного мелочи, он всегда мог заработать несколько шиллингов. Томпсон начал откладывать деньги на аренду комнат у Агнес. Вовремя и полностью расплачиваться с хозяйкой Стивен считал делом первостепенной важности, ведь переезд на Бёрлингтон-сквер сулил перемены к лучшему — он чувствовал это всеми фибрами своей утомленной души.

Каждый вечер Томпсон возвращался в тот час, когда, по его мнению, честные банковские служащие приходили домой после рабочего дня. Иногда его встречала хлопотливая Агнес — несдержанная на язык, однако неизменно заботливая. Стивен старался не сглатывать слюну, когда вслед за ним по лестнице поднимались дивные запахи готовящейся на кухне еды. Особенно мучительно было чувствовать ароматы жаркого и пудингов, ведь чаще всего его ужин ограничивался хлебом с маслом.

Он пока еще не был знаком с другими жильцами, но однажды вечером столкнулся возле дома с затюканной молодой матерью, окруженной маленькими детьми. Выражение ее лица ясно

давало понять, что лучше держаться подальше, но Стивен все же рискнул приветливо улыбнуться. В ответ женщина сердито сверкнула глазами, возможно приняв попытку проявить дружелюбие за насмешку над ребенком, капризничавшим у ее ног.

Томпсон посмотрел на часы — скорее от смущения, чем по необходимости, — и поспешно прошел мимо. Сзади послышался скрип двери, ведущей в подвал. Стивен уже поднимался по ступенькам крыльца к парадной двери, когда внезапно кто-то дернул его за полу пальто. Обернувшись, он увидел глядевшие на него снизу вверх глаза на маленьком румяном личике.

— Вы уронили, сэр, — сказала девочка, протягивая ему карманные часы.

— Спасибо, — ответил он и поспешно сунул часы в карман пиджака, не дав малышке рассмотреть выгравированные на крышке инициалы «Д. К.».

Еще утром вещица эта принадлежала некоему мистеру Кингу — человеку, уверенному, что он играет в карты лучше Стивена, и поставившему на кон свои часы. Томпсон гадал, как мистер Кинг объяснит супруге потерю ценной фамильной реликвии. Одним из немногих преимуществ

холостяцкой жизни было отсутствие необходимости вечно оправдываться. Правда, наряду с этим Стивен был лишен удовольствия возвращаться домой, где его ждали горячий ужин и теплые супружеские объятия.

— Матильда! — раздался женский голос. — Немедленно иди сюда!

Томпсон взъерошил девочке волосы и пожалел, что у него нет лишнего пенни, чтобы отблагодарить ее. Вместо этого он похвалил чудесные золотистые кудряшки, заметив, что они похожи на солнечные лучи, а для ребенка такие слова значат много.

Они обменялись улыбками, и Стивен почувствовал, как его сердце немного оттаяло. Мисс Хамфрис уверяла, что все обитатели дома 23 на Бёрлингтон-сквер — добрые люди. Стивен очень на это надеялся.

***

В конце первой недели Томпсона разбудил среди ночи громкий стук в парадную дверь. От духоты он спал плохо: воздух в комнате был спертый. Часы мистера Кинга показывали час ночи. Гости в такое время не сулили ничего хорошего. Стивен поднялся с кровати и подошел к окну, чтобы посмотреть на улицу. Фонарщик, гасивший

фонари, должен был появиться еще нескоро, так что их света вполне хватало, чтобы разглядеть какого-то полуголого мужчину — вроде бы в набедренной повязке, — который развалился на заднем сиденье автомобиля. Тент был опущен, и Стивен увидел у него в руке бутылку.

Значит, это абсолютно точно не полиция.

Шум между тем не стихал, но теперь к нему добавились еще смешки и шепот, доносившиеся из холла. Стивен накинул дешевый махровый халат, чтобы выглядеть прилично, если вдруг встретит кого-нибудь из соседей, и вышел на лестничную площадку, желая выяснить, в чем дело.

Внизу раздавались оживленные голоса:

— Потому что я надеялась раздобыть подходящие вещи, чтобы дополнить костюм, дорогая. Я же знала, что ты мне поможешь. У меня в отеле нет нужного реквизита, а у прислуги вряд ли найдется детская погремушка. Мы заехали в эту часть города, чтобы забрать Невилла, а ты ведь годами хранишь всякое барахло, наверняка у тебя завалялись мамочкины игрушки…

— Нет, Клара, не смей ее брать. Она слишком дорога мне. — Стивен узнал голос мисс Хамфрис.

Послышалось громкое исполнение песни «Три часа утра», явно фальшивое (это заметил даже

неискушенный в музыке Стивен), а затем — оглушительный грохот и протяжный стон.

— Джеки! Ну ты и растяпа! Только посмотри, что ты натворил!

— Ведите себя потише, — осадила хозяйка возмутителей спокойствия. — Этак вы всех моих постояльцев перебудите.

После короткой паузы дом содрогнулся: это распахнулась парадная дверь.

— Ой! А тот молодой человек в машине… он что, в детском подгузнике? — Мисс Хамфрис говорила гораздо тише незваных гостей, однако Стивен хорошо слышал ее голос.

Заинтригованный происходящим, он подошел ближе к перилам.

— Не будьте такой занудой, милая леди, — отозвался приятный мужской голос. — Если бы вы хоть раз побывали на новогодней вечеринке в старом добром клубе «Челси артс», то знали бы, что мы считаем своим долгом шокировать окружающих. И кстати, блестяще с этим справляемся. Вы удивлены тем, как выглядит Невилл? Ну, так это вы еще Лили не видели. Она нарядилась кормилицей из какой-то шекспировской пьесы и расхаживает повсюду, выставляя напоказ свои…

— Джеки! — снова одернул мужчину молодой

женский голос.

Бип-бип! — веселый сигнал клаксона напомнил, что еще один член компании ожидает снаружи.

— Ужасно извиняюсь, что мы подняли тебя с постели, тетя Агги, но нам пора. Веселье без нас не начнется.

Вот оно что! Значит, это та самая известная ему по рассказам мисс Хамфрис непутевая племянница, которая тоже рассчитывала снять комнаты. Взбалмошная избалованная девица с жиру бесится, пока остальным приходится вкалывать за гроши. Стивен понял, почему хозяйка предпочла сдать жилье именно ему. Старик со второго этажа явно не в восторге от шума посреди ночи.

— Можешь взять волчок, но леди Уинифред останется здесь, со мной, — решительно заявила мисс Хамфрис. — Это даже не обсуждается!

«Небось эта леди Уинифред пьяна в стельку, — подумал Стивен. — Ну и компашка у них там подобралась!»

34

Утром Томпсон наконец увидел молодого человека, жившего в мансарде. Спустившись вниз по последнему лестничному пролету, он встретил в коридоре бледного парня с глубоко посаженными глазами, который шел навстречу с большим деревянным подносом в руках. Мисс Хамфрис как-то назвала его ходячим мертвецом, и теперь Стивен понял, что она имела в виду.

Мужчины кивнули друг другу, не проявляя желания завести разговор.

«Бедняга, наверное, прошел войну. Это сразу чувствуется», — подумал Стивен, который провел на фронте лишь последние несколько месяцев. Его самого призвали, когда ему было уже за сорок, — тогда правительство настолько отчаялось, что повысило призывной возраст до пятидесяти одного года, — однако в боевых действиях Томпсон почти не участвовал. У парня из мансарды был вид человека, сломленного пережитым ужасом. Его явно преследовали тяжелые воспоминания. Стивен знал: пока сам не испытаешь подобного, не поймешь, как война заставляет отбросить любые сомнения и жадно хвататься за

жизнь, не думая о последствиях.

Он нашел хозяйку на кухне и вручил ей арендную плату. Мисс Хамфрис поблагодарила его и сунула конверт в карман передника.

— Хочу извиниться за вчерашний переполох, — сказала она. — Подруга моей племянницы выставила ее за дверь, и теперь девочка живет в каком-то отеле. Я чувствую себя виноватой за то, что не предложила ей комнаты, но вы сами слышали, какая она шумная. Слишком неугомонная для нашей тихой компании.

Стивен кивнул. Судьба девушки была ему глубоко безразлична, но он давно понял: когда проявляешь интерес к тому, кто дорог другому человеку, то и к тебе тоже начинают относиться с теплом.

— Меня не слишком побеспокоил шум, да и звуки, которые я слышал, были, скорее, веселые. Что поделаешь, молодость! — улыбнулся Томпсон. — Возможно, теперь ваша племянница призадумается, почему вы ей отказали, и постарается изменить свое поведение.

Мисс Хамфрис фыркнула:

— Очень сомневаюсь. Клара всегда была трудным ребенком. Такое чувство, будто она с детства считала, что весь мир настроен против нее и ей

постоянно нужно что-то доказывать. Порой мне кажется, что именно те, кто добивается всеобщего внимания и невольно притягивает к себе взгляды, как раз таки что-то скрывают. Возможно, эти люди несчастны. — Агнес покачала головой и погрустнела. — Взять хотя бы мистера Блэндфорда: обаятельный был человек, но иной раз как начнет болтать без умолку, когда у меня куча дел. И ведь даже не замечал, что мешает, а все потому, что был отчаянно одинок. Пил как сапожник, но, прошу заметить, никогда не буянил. Впрочем, у каждого из нас свои недостатки, мистер Томпсон. Я, например, понимаю, что чересчур откровенна. Что подумала, то сразу же и говорю; нет чтобы вовремя остановиться и подумать.

— Признаюсь, я не питаю особого уважения к тем, кто предается пьянству, ведь это путь к самоуничтожению. Но мне жаль, что вы потеряли мистера Блэндфорда. Его, наверное, многие оплакивали? — с искренним любопытством осведомился Стивен, желая узнать больше о человеке, чьи комнаты он теперь занимал.

— Родственников у мистера Блэндфорда не было, но все отзывались о нем тепло. Щедрый был до безрассудства. Все деньги либо спускал на выпивку, либо раздавал. Знаете, в чем его траге-

дия? Незадолго до смерти он, как мне кажется, действительно встал на путь исправления. Пару месяцев назад я бросила неосторожную фразу, и у нас завязался серьезный разговор. В результате он решил попробовать отказаться от проклятой выпивки. Мистер Горски даже убрал с глаз долой свои хрустальные графины и настоял, чтобы их посиделки проходили за чаем — настоящий подвиг с его стороны. Поэтому я искренне верю: бедняга пытался сойти с кривой дорожки, о которой вы говорили, и изменить свою жизнь.

— Значит, его погубила не выпивка?

— Ну, скажем так: вряд ли она помогла сберечь ему жизнь. Однажды вечером мистер Блэндфорд заглянул в «Безумный Шляпник», и какой-то щедрый господин принялся его угощать. В мгновение ока бедняга снова пал жертвой былой слабости. Вернулся домой пьяный вусмерть, да к тому же с перевязанной рукой. Я еще удивилась. «Ах, — говорю, — неужели вы ввязались в драку? Это совсем на вас не похоже». «Отнюдь, милая леди, — возразил мистер Блэндфорд, — просто нелепая случайность, поранил палец». Он сперва даже не насторожился, был уверен, что само заживет. Увы, вскоре рука распухла, и на ней появилась сыпь. Да и температура поднялась,

беднягу била жестокая лихорадка. Я обработала рану йодной настойкой и вызвала врача, но было слишком поздно — уже началось заражение крови, и он скончался. Все произошло слишком быстро: буквально за несколько часов сгорел.

Стивен проявил чуткость, заметив, что мистер Блэндфорд, по крайней мере, страдал недолго, и ловко сменил тему, видя, как тяжело мисс Хамфрис возвращаться к печальным воспоминаниям.

— Я только что встретил в коридоре Гилберта и очень хочу познакомиться с мистером Горски. Тогда я буду знать всех соседей. Как вы думаете, могу я его навестить?

При этих его словах лицо хозяйки озарила улыбка, глаза ее заискрились, а румяные пухлые щеки, казалось, округлились еще больше.

— Уверена, он будет очень рад с вами познакомиться. Мистер Горски в последнее время почти не двигается из-за артрита, а я все время занята. Я с удовольствием буду готовить для вас чай с выпечкой, если вы иногда сможете заглядывать к нему по воскресеньям.

Какой приятный сюрприз! Стивен и сам хотел познакомиться со стариком, а теперь его еще и накормят. Томпсон направился к парадной двери, удивляясь в душе: неужели удача наконец-то

повернулась к нему лицом? В уголке его глаза неожиданно выступила слеза, и он торопливо стер ее тыльной стороной кисти. Жизнь слишком долго была невыносимой, но Стивен чувствовал: переезд на Бёрлингтон-сквер стал переломным моментом, теперь все непременно изменится к лучшему.

***

— Если правильно укажете, где туз пик, выиграете шесть пенсов, — провозгласил Стивен, эффектным жестом выкладывая на стол пять карт.

Пожилой джентльмен уже выиграл пенни, сумев угадать карту, и теперь уверенно ткнул в среднюю. Стивен перевернул ее, зная, что выигрыш невозможен: туз лежал у него в кармане.

— Полагаю, это мое, — произнес он, забирая шестипенсовик, кивнул на прощание и направился к выходу.

Старик недовольно пробубнил что-то себе под нос, уткнувшись в кружку с пивом.

Было уже поздно. День выдался на редкость удачным, но Стивен решил не садиться в трамвай, а пройтись пешком — погода была чудесной. Он собирался побаловать себя в пабе мясным пирогом и заодно попросить там стакан воды.

Мучимый жаждой, он вошел в «Безумный Шляпник», за три квартала до Бёрлингтон-сквер.

Опершись о стойку и нетерпеливо ожидая еду, Стивен увидел свое отражение в большом зеркале за рядом ярких бутылок. Волосы у висков стремительно седели, и он чувствовал себя куда старше своих пятидесяти двух лет. А ведь его жизнь могла бы сложиться иначе, если бы он встретил хорошую женщину и завел семью. Возвращался бы сейчас домой, к шумным детям и ласковой супруге. Вместо этого он сидел в захудалом пабе, среди бесприютных и нелюбимых мужчин, ищущих ответы на дне полупустых стаканов.

«Вот куда ходят одинокие люди», — подумал Томпсон.

Несколько джентльменов — а также тех, кого вряд ли можно было назвать этим словом, — сидели поодиночке в полутьме за столами или выстроились вдоль стойки, как сам Стивен. Хозяин заведения, беседуя с каким-то красноносым типом, чьи плечи поникли под грузом тысячи бед, по-дружески коснулся его руки. Даже у пьяницы было с кем разделить горе. А у Стивена — нет.

Хмурая женщина небрежно поставила перед ним тарелку с пирогом. Томпсон взял еду и на-

правился в укромный уголок, но тут заметил за столом у дальней двери Гилберта, разговаривающего с молодым парнем. Стивен надвинул на глаза шляпу, чтобы его не узнали, и отошел, украдкой наблюдая за ними.

Встреча определенно была тайной. Гилберт говорил вполголоса, наклонившись вперед, а его глубоко посаженные глаза то и дело бегло оглядывали зал. Наконец он придвинул к собеседнику кучку монет — и тот исчез, покинув заведение через черный ход. Гилберт залпом допил свой стакан, поднялся и пошел к выходу. Стивен отвернулся, желая остаться неузнанным. Его одолевало любопытство: парня, с которым секретничал его сосед, звали Чарли Тейлор, и он был известен мелкими кражами. Что бы Гилберт ни замышлял, обсуждали эти двое явно не воскресную проповедь.

35

Дождь лил не переставая, и, когда Стивен вернулся на Бёрлингтон-сквер, от него пахло мокрой псиной. Он порадовался, что платит мисс Хамфрис за стирку рубашек, хоть это и было для него непозволительной роскошью. Однако экономить на внешнем виде, в отличие от питания, Томпсон никак не мог.

В прихожей он заметил черный зонт с красивой лакированной ручкой, с которого стекали капли дождя. В металлическом поддоне под стойкой собралась лужица воды. По пути на кухню Стивен услышал голоса и замедлил шаг.

— Ну почему ты сдала комнаты не мне, а какому-то чопорному банковскому служащему, который не имеет ни малейшего отношения к нашей семье?

— Мистер Томпсон вовсе не чопорный, — возразила мисс Хамфрис. — Может, немного странный, но в общении очень простой и не доставляет мне никаких хлопот. Его целыми днями нет дома, а вернувшись, он ведет себя тихо как мышка. И между прочим, он единственный не пожаловался, когда ты разбудила всех посреди ночи,

тогда как мистер Горски и Гилберт на следующий день высказали мне свое недовольство. Ты только посмотри на себя, Клара. Сама ведь утверждаешь, что обычно встаешь ближе к обеду, — представляю, как это выглядело бы здесь! Я не могу позволить, чтобы твой беспорядочный образ жизни мешал остальным жильцам. Я люблю тебя, милая, очень люблю, но думаю, что твои… — Агнес сделала паузу, подбирая подходящая слово, — привычки не придутся по нраву моим постояльцам.

Понятно, та самая непутевая племянница, чьи ночные выходки подняли на уши весь дом. Стивен намеренно не жаловался хозяйке: как говорится, «не судите, да не судимы будете». Тем более что сам он вовсе не в том положении, чтобы бросать в грешников камни.

— Ах, тетя Агги, как ты не понимаешь. Проживание в отеле обходится в целое состояние. Папа пригрозил лишить строптивую дочь содержания, если я не возьмусь за ум, и хотя я пока не бедствую, однако кошелек у меня не бездонный.

Пожилая дама испустила тяжелый вздох, кухонный стул заскрежетал по полу.

— А что стряслось, милая? Расскажи мне, в чем дело. Я ведь умею слушать, ты знаешь.

Повисла пауза.

— Я не могу.

Заинтригованный Стивен бесшумно подкрался поближе и смог заглянуть через порог, но кухонный стол стоял слева сбоку, поэтому женщин он не увидел — только раковину и деревянную сушилку для посуды.

— Тетя, я уже еле держусь, — пожаловалась племянница. — В отеле сказали, что я должна съехать завтра, поскольку у них наплыв посетителей, которые забронировали номера заранее. Не думаю, что у меня хватит сил на поиски нового жилья. Мама ужасно расстроилась, что ты отказалась приютить меня, мы ведь одна семья. Не представляю, как мне теперь быть. Остается один-единственный вариант — тот, который мне предложил Джек Ригби.

— Но ты не можешь сожительствовать с мужчиной! — воскликнула явно шокированная мисс Хамфрис.

Раздался сухой смешок.

— Я не настолько отчаянная и независимая особа, как думают некоторые. Нет, Джек предложил поселиться у его незамужней тетушки, но я не вынесу пустопорожних разговоров с толстой, назойливой и занудной старой девой, которая

только и знает, что совать нос в чужие дела. И уж тем более я не хочу быть в долгу у Джека.

— Если бы ты переехала на Бёрлингтон-сквер, то все равно бы делила кров с толстой, назойливой и занудной старой девой. Нас таких полным-полно…

— Ты вовсе не занудная, — ответила Клара, однако против двух других эпитетов возражать не стала, и Стивен с трудом удержался от смеха.

На какое-то время в кухне воцарилась тишина. Мисс Хамфрис, вероятно, задумалась, как она выглядит в глазах племянницы.

— Это весьма великодушное предложение со стороны Джека, а сам он — очень обаятельный молодой человек… когда трезв. Сразу видно, что он из аристократов: хорошее воспитание всегда заметно. Дафна сказала, что Джек к тебе неравнодушен. Клара, подумай хорошенько: его отец заседает в палате лордов, и я слышала, что у них чудесное имение в Сомерсете. Может, пора уже остепениться, выйти замуж и завести детей? Мне бы так хотелось стать двоюродной бабушкой. И это разом решило бы все твои проблемы — с деньгами, жильем и скукой.

— Ты полагаешь, будто мне скучно?

— Ну конечно! Твои бесконечные загулы —

лучшее доказательство того, что ты не можешь ничем заняться всерьез. Твои родители достаточно богаты, чтобы позволить дочери не работать, но при этом ты упорно не желаешь выходить замуж, хотя ведение хозяйства помогло бы тебе обрести в жизни смысл.

— Фу-у-у, тетя… — простонала племянница. — Стивен решил, что она в отчаянии опустила лицо на стол, потому что слова, прозвучавшие следом, были едва различимы: — Я так и знала, что ты не поймешь. Никто меня не понимает.

Вновь послышался скрежет стула по полу, и Стивен отступил в тень. По полу, выложенному плиткой, неторопливо прошла элегантная стройная девушка, взяла стакан и наполнила его водой из-под крана.

— Ох, Клара Энн Гудвин, что же нам с тобой делать? — вздохнула пожилая дама.

Стивен широко распахнул глаза. Фигура девушки не показалась ему знакомой, зато ее имя он знал большую часть своей взрослой жизни. Неужели и впрямь та самая Клара? Не может быть! В последний раз он видел ее двенадцатилетней девчонкой. Разумеется, с тех пор Клара изменилась, однако сейчас, разглядывая профиль племянницы мисс Хамфрис, пока та жадно пила

воду, Стивен убедился: да, это она. Упрямая линия подбородка, высокомерное выражение лица и, похоже, все та же раздражающая уверенность в собственной исключительности. Получается, Стивен снова столкнулся с несправедливостью общества, в котором рождение в той или иной семье определяло, кем ты станешь. Не прилагая ни малейших усилий, эта взбалмошная девица по праву рождения получила жизнь в роскошном доме, полном прислуги, тогда как многим достойным людям приходилось совершать отчаянные поступки, лишь бы накормить детей или похоронить близких.

Да, это несомненно была Клара Гудвин, что означало крушение всех его надежд. Стивен Томпсон сжал и разжал кулаки, а затем резко повернулся и ушел по коридору прочь.

Ну почему каждый раз, когда ему удавалось хоть немного продвинуться вперед, его неизменно отбрасывало назад? Воистину судьба — коварная дама, если решила вдруг вернуть на сцену фигуру из прошлого, которое он изо всех сил старался забыть. Теперь главное — ни при каких обстоятельствах не сталкиваться с племянницей Агнес Хамфрис, иначе все его тайны выйдут наружу и все, что он с таким трудом стро-

ил, рухнет. Окончательно и бесповоротно.

36

Лишь на следующей неделе, в воскресенье, Стивен решился заговорить с хозяйкой о Кларе. После той ее беседы с племянницей он либо сидел у себя в комнате, либо пропадал в городе, стараясь заработать побольше денег и притворяясь занятым банковским служащим.

Стивен внимательно осмотрел вешалку в прихожей, пытаясь понять, нет ли в доме гостей, в первую очередь девушки, способной ненароком его погубить. Интересно, в очередной раз задался он вопросом, кому все-таки принадлежит забытый цилиндр? И, убедившись, что мисс Хамфрис одна, постучал в дверь кухни.

— Мистер Томпсон! Как чудесно, что вы заглянули.

Агнес сидела за тщательно выскобленным сосновым столом, держа на коленях большую керамическую миску, полную ярко-зеленых стручков фасоли. Август был, несомненно, щедрым на урожай. Прижимая очищенный от волокон стручок большим пальцем, пожилая дама ловко разрезала его ножом и бросала в алюминиевую кастрюлю, стоявшую на столе. Из

духовки исходил божественно аппетитный запах запеченного мяса.

— Добрый день, мисс Хамфрис. Надеюсь, утро в церкви прошло приятно?

— Да, спасибо. Кстати, я давно собиралась сказать вам, что молодая вдова, тоже желавшая снять в этом доме комнаты, начнет помогать мне со следующей недели. Она заходила вчера, и я познакомила ее с мистером Горски. Не прошло и десяти минут, как она уговорила его снова включить граммофон. Удивительно, что могут сделать милая улыбка и толика мягкой настойчивости. — Агнес жестом пригласила Стивена сесть. — Эта женщина снимает жилье неподалеку, и я спросила, не хочет ли она подзаработать. Мне трудно ходить по лестнице вверх-вниз. Колени подводят. — Она с готовностью приподняла подол платья, доходившего до середины икры, и продемонстрировала крепкие ноги с опухшими коленями.

Стивен понимающе кивнул.

— И управляться со стиркой тоже становится все труднее, но отказываться я не хочу — ведь это деньги. Бедный мистер Горски и дня не справился бы без меня.

Он заметил, что Агнес всегда называла мистера

Горски «бедным». По слухам, это был человек с интересной судьбой, и Стивену больше всего хотелось познакомиться именно с ним.

— А разве жилец из мансарды не может вам помочь? У него, кажется, нет постоянной работы. — Томпсон сделал паузу. — На что он вообще живет?

Хозяйка нахмурилась:

— Кажется, Гилберт занимается художественной фотографией, но для меня это темный лес. Сегодня он уехал на поезде в Суррей к мистеру и миссис Фаррингтон, вроде бы по работе. Полагаю, он делает портреты, но вряд ли на это можно прожить, особенно не имея собственной студии, а у него ведь есть только темная комната наверху. Я однажды приоткрыла дверь, и он страшно рассердился: видите ли, пленку проявлял. Честное слово, этот мальчишка скоро покроется грибами — слишком уж много времени проводит в темноте.

— Понятно. Что ж, если я могу вам чем-то помочь — только скажите.

— Как мило с вашей стороны! — воскликнула Агнес. — Не могли бы вы отнести поднос мистеру Горски, когда я приготовлю ему обед? Вы настоящий христианин, мистер Томпсон. Гилберт

неверующий, но все равно довольно приятный юноша. Я надеюсь, что со временем он придет в лоно церкви. А где вы обычно молитесь? Я хожу в храм Всех Святых.

— А я в церковь Святого Петра. Она ближе к моему прежнему жилью, и я по привычке продолжаю ее посещать, — улыбнулся Стивен.

Церковная служба приносила умиротворение, если только викарий был не из тех, кто пугает верующих адом и серой. Тихая и спокойная обстановка, доверчивость и доброжелательность прихожан действовали на Томпсона подобно целительному бальзаму. Сразу же по приезде в Лондон Стивен познакомился в церкви с молодыми супругами, которые тоже увлекались орнитологией и пригласили его на чай. Он угощался чудесными сэндвичами и пирожными в компании приятных людей, разделявших его хобби. Однако ему было трудно вести беседу — ведь он не привык к такому общению. Стивен понимал, что заводить друзей необходимо, хотя это давалось ему нелегко. В глубине души он был почти уверен, что Бога не существует, однако все же решил, так сказать, поставить на эту лошадь и держаться поближе к верующим — на всякий случай.

На кухню к мисс Хамфрис Стивен заглянул сейчас не просто так, хотя их обмен репликами и напоминал обычную светскую беседу.

— Помнится, на днях в дом заходила юная леди. Эффектная особа, ничего не скажешь. Я даже подумал: уж не актриса ли? Внешность у нее для этого самая подходящая.

— Ах, это моя племянница Клара. Та самая, о которой я вам говорила. Моя сестра Дафна удачно вышла замуж за богатого землевладельца, который недавно подался в политику. У них небольшое поместье в Хекстоне, неподалеку от Хитчина. Вы бывали в Хартфордшире?

Стивен молча пожал плечами. Это было проще, чем откровенная ложь, а с мисс Хамфрис он хотел быть предельно честным. Да, он обманул ее насчет своей профессии, но лишь потому, что пытался выбиться в люди. Некоторые, вроде Клары Гудвин, родились под счастливой звездой, тогда как других жизнь не баловала.

— Из их поместья открывается чудесный вид на Чилтернские холмы. К сожалению, я навещаю сестру куда реже, чем хотелось бы. Вечно занята по дому. — Агнес обвела рукой кухню. — Да и колени уже не выдерживают долгой дороги.

— И как она? Я имею в виду Клару. Нашла себе

жилье? — Стивен осторожно подвел хозяйку к интересовавшей его теме.

Пожилая дама тяжело вздохнула и снова взялась за фасоль.

— Представьте себе, моя племянница поселилась в отеле, но вскоре выяснилось, что это слишком дорого. Теперь, по словам сестры, она живет в какой-то глуши — у престарелой тетушки одной своей подруги. Не думаю, что Клара долго выдержит чинные чаепития в обществе унылой старушки. Домой ее по-прежнему не пускают, а она наотрез отказывается каяться в своих грехах.

— Вот как?

Агнес наклонилась вперед и понизила голос:

— Я слышала, что Клара повела себя слишком вольно с одним молодым человеком, если вы понимаете, о чем я, и родители застали их вместе. Скандал, да и только. В былые времена даже кивнуть кому-нибудь без последствий было нельзя.

Она на миг замолчала, словно бы вспоминая кого-то из собственной молодости, но вскоре очнулась от задумчивости и ловко сняла волокна с очередного стручка фасоли, прежде чем нарезать его прямо в кастрюлю.

— А может, это все и к лучшему? Надеюсь, оказавшись вдали от соблазнов Лондона, девушка

остепенится и спустя некоторое время вернется домой. Семья — это настоящее благословение для тех, у кого она есть, — дружелюбно улыбнулся Стивен, стараясь скрыть облегчение от того, что Клара выбыла из игры.

— Да, — согласилась Агнес. — Семья — это важно. Но я иногда думаю: правильно ли ставить семейные интересы превыше всего? Ведь ради сестры и племянницы я чуть было не отдала Кларе ваши комнаты, хотя теперь сомневаюсь, что это пошло бы ей на пользу. А уж остальным жильцам это наверняка не понравилось бы. Вы верно подметили, мистер Томпсон: все к лучшему. Признаюсь вам по секрету: один достойный молодой человек проявляет к Кларе интерес, и Дафна, это ее мать, считает, что вскоре состоится помолвка. Так что вполне возможно, что жизнь моей племянницы вот-вот изменится самым чудесным образом.

Получив нужные сведения, Стивен почувствовал, как тяжелый груз упал с его измученных плеч. Каждый человек заслуживает второго шанса, а появись здесь мисс Гудвин, это могло бы поставить крест на всех его планах. Священник сегодня утром проповедовал с кафедры о прощении. В религии Стивену больше всего нравилась

возможность получить прощение за грехи. Взамен он старался не осуждать других, чтобы и его самого не судили слишком строго. Ведь на совести Стивена Томпсона было слишком много грехов, которые следовало отмаливать.

37

— Пожалуйста, входите, — отозвался из-за двери голос с сильным акцентом, и Стивен толкнул створку свободной рукой, балансируя подносом с воскресным обедом.

Граммофонная пластинка наполняла комнату приятными звуками фортепиано и скрипки. В кресле сидел пожилой мужчина. Лицо его обрамляли белые, как облака, волосы, а неестественно яркие голубые глаза словно бы пронзали гостя насквозь. Под этим пристальным взглядом Стивену на мгновение показалось, что старик видит как на ладони все те преступления и махинации, к которым он был причастен. Но почти сразу же Стивен осознал, что его опасения нелепы.

— Здравствуйте, мистер Горски, — с улыбкой произнес он. — Я ваш новый сосед с третьего этажа, моя фамилия Томпсон. — С этими словами он поставил поднос на маленький столик.

— Рад знакомству, молодой человек, — ответил старик, протягивая через столик искривленную артритом руку.

— Ну, не такой уж я и молодой, — пошутил Стивен.

Он очень остро ощущал свои годы. Большинство мужчин его возраста уже давно были женаты и имели взрослых детей, но его судьба сложилась иначе. За те четыре года, что Томпсон провел вдали от Лондона, у него было достаточно времени на размышления. Он тосковал по простой жизни — и, возможно, по небольшому дому в пригороде. Новые жилые кварталы вырастали на окраинах столицы один за другим. Взять хотя бы Уэлин-Гарден-Сити — проект, призванный объединить преимущества города и деревни, избегая их недостатков. В журналах и газетах Стивен видел фотографии аккуратных лужаек и одинаковых фасадов с прямоугольными окнами — настоящих сообществ добропорядочных граждан, решивших поселиться вдали от грязи и фальши столицы. Вот бы и ему туда! Сначала это казалось несбыточной мечтой, но годы скитаний убедили его: вера в себя — ключ к успеху. Когда у человека есть цель, какой бы недостижимой она ни выглядела, ему хотя бы есть к чему стремиться. А Стивен Томпсон умел быстро соображать и хватать удачу за хвост. Он был человеком невезучим, однако отнюдь не глупым. Готов был хорошенько потрудиться и рассчитывал, что его усилия принесут плоды. Вероятно, он даже сможет завести семью

и детей, если удастся найти жену помоложе.

— Для меня вы молоды, — ответил мистер Горски. — В моем возрасте даже пятидесятилетние кажутся молодыми. — Он вздохнул. — Ах, пережить всех, кого знал когда-то… до чего же печальная участь. Из моего детства уже никого не осталось. Жаль! Я ведь всю жизнь мечтал вернуться в Варшаву и наконец-то увидеть свою родину свободной.

Акцент был явно славянский, но более мелодичный, чем русский. Умение Стивена распознавать птичьи голоса оказалось полезным в различении акцентов, и он надеялся, что чуткий слух пригодится ему, когда образованный джентльмен заведет разговор о музыке.

— Какая восхитительная мелодия, — заметил Стивен, указывая на граммофон. — Что это?

— Чайковский, великий композитор. Вы любите классическую музыку?

— Если честно, сэр, я мало что понимаю в подобных вещах.

— Джентльмен, который до вас снимал комнаты на третьем этаже, — упокой, Господи, его душу — приходил ко мне по воскресеньям слушать пластинки. Ну, не то чтобы только слушать… Он сам производил больше звуков, чем граммофон.

Странный был человек, хотя и добрый. Прежде я не встречал ни одного мужчины, кто бы мог рассуждать так долго, не переводя дыхания. Я полагал, что это искусство более свойственно дамам. Но мне было не в тягость слушать его — как и ему меня. Порой так приятно побеседовать за бокалом-другим под чарующие звуки Бетховена.

Стивен увидел в этом свой шанс.

— По воскресеньям после обеда я обычно провожу время в одиночестве. По утрам хожу в церковь, а потом совершенно свободен. С удовольствием составлю вам компанию. Мне будет очень приятно ваше общество, я ведь в этих краях недавно и еще не успел завести друзей.

— Вы играете на каком-нибудь музыкальном инструменте, мистер Томпсон? — Старик оживился и подался вперед.

— Увы, нет. В детстве у меня не было возможности научиться. Хотя странное дело: мои сны часто наполнены звуками фортепиано и нотными записями, как будто музыка — это моя судьба. И, пожалуйста, зовите меня просто Стивен, раз уж нам предстоит подружиться.

— Тогда и вы называйте меня просто Александром.

Они пожали друг другу руки, и Стивен расплыл-

ся в улыбке, предвкушая начало новой чудесной жизни. Он чувствовал это каждой клеточкой своего тела.

***

В среду вечером Стивен вернулся на Бёрлингтон-сквер выжатый как лимон, после долгого неудачного дня, проведенного в Гринвиче за сомнительным ремеслом, и услышал веселые голоса, доносившиеся из длинного коридора. Из кухни вышла мисс Хамфрис с бутылкой дешевого хереса в руках.

— Ах, мистер Томпсон! — воскликнула она. — Заходите и присоединяйтесь к нам. Сегодня днем мне позвонила сестра и сообщила новость: Клара и ее молодой человек, Джек Ригби, официально обручены. Представьте себе, он сделал ей предложение прямо в ночном клубе! Разве это не замечательно?

Она скрылась в гостиной, и Стивен поставил свой небольшой чемоданчик у двери, решив принять приглашение. Один бокал не повредит — день, проведенный на ногах, выдался долгим, а за свои старания Стивен получил немного.

— Примите мои сердечные поздравления, — сказал он, следуя за хозяйкой. Томпсон очень надеялся, что грядущее супружеское счастье и

хлопоты по хозяйству удержат молодую женщину подальше от Бёрлингтон-сквер.

Пока мисс Хамфрис рылась в дубовом буфете, Стивен заметил Гилберта, бледного парня из мансарды, и какую-то молодую женщину: видимо, это и была та самая вдова, помогавшая Агнес. Они сидели в разных углах помещения, неловко уставившись в пол, и, несомненно, оказались здесь не по своей воле, а уступив настойчивому приглашению восторженной хозяйки.

— Мистер Томпсон, познакомьтесь с миссис Мейвезер — той самой бедняжкой, о которой я вам рассказывала.

Они вежливо кивнули друг другу, оба смущенные высказыванием пожилой дамы.

— Мистер Блэндфорд всегда был не прочь пропустить бокал хереса после полудня, — продолжила Агнес, внезапно меняя тему. — Хотя при мне ограничивался одним лишь стаканом. А остальное — гораздо больше — выпивал в «Безумном Шляпнике»…

— Так вот где я вас видел, мистер Томпсон: в «Безумном Шляпнике», — внезапно нарушил молчание Гилберт, чем вызвал всеобщее удивление. — Так и знал, что встречал вас раньше.

— Что ж, это вполне вероятно, хотя, вообще-то,

я не любитель выпить, — признал Стивен, ломая голову, что именно мог видеть сосед. В глубине души он был поражен тем, что парень признался, что посещает паб. «Ох и странный тип. Похоже, с ним надо держать ухо востро!» — Это заведение находится недалеко от моего прежнего жилища, и у них подают неплохие пироги.

— Наверное, вы встречали там мистера Блэндфорда? — предположила мисс Хамфрис. — Славный такой джентльмен, с головой как яйцо. Носил бархатные жилеты ярких цветов: красного, зеленого или горчичного — весьма приятного оттенка. Не раз платил мне за то, чтобы я пришивала новые пуговицы: жилеты с трудом сходились на его внушительном животе.

— Возможно. — Стивен потер подбородок. — Кажется, припоминаю, что именно господин в бордовом жилете посоветовал мне искать жилье в этом районе. Он расхваливал здешние удобства и близость к паркам. Забавно, если я теперь живу в его комнатах.

Гилберт подозрительно прищурился, но Агнес наконец-то нашла бокалы, и разговор сменил русло.

— Это фужеры моей покойной матери, — пояснила она, приподняв два бокала. — Мне было все-

го двенадцать, когда она умерла. В моей памяти мама навсегда осталась веселой и жизнерадостной. Я ощущаю связь с ней, когда пользуюсь ее вещами. Может, она и сама пила из этих бокалов, когда праздновала свою помолвку с моим отцом.

Пробка вышла с хлопком, и Агнес улыбнулась. Она разлила темно-коричневый херес по четырем фужерам конической формы и раздала их присутствующим. Щеки Гилберта порозовели, и он пробормотал, что уверен: миссис Хамфрис сейчас незримо присутствует в этой комнате и за всем наблюдает. Растроганная Агнес просияла.

— За Клару и Джека! — провозгласила она, подняв свой бокал, и остальные последовали ее примеру. — За законный брак! Пусть бедная заблудшая девочка обретет счастье.

— За законный брак, — повторил Стивен, который никогда не был женат, однако не сомневался, что это хорошее дело, если, конечно, у человека есть желание обзавестись семьей.

— За счастливый брак, — тихо добавила миссис Мейвезер, не поднимая глаз.

— Дафна сказала, что в эти выходные в Хартфордшире будут официально праздновать помолвку. Вы оказались правы, мистер Томпсон: короткий период раздумий вдали от родитель-

ского дома пошел девочке на пользу. Клару вновь приняли в семью и простили ей все былые прегрешения.

— Замечательно. Вы поедете на семейное торжество? — спросил Стивен.

— Я? Нет, что вы, я не могу оставить мистера Горски.

— Мы присмотрим за ним, — отозвался Гилберт с другого конца кухни. — Обязательно поезжайте. Вам ведь так редко выпадает случай куда-нибудь выбраться.

Мисс Хамфрис покачала головой, как будто отгоняя нелепую мысль, и Стивен понял, что бедная женщина прикована к Бёрлингтон-сквер и вряд ли хоть раз надолго покидала дом.

— Я тоже помогу, — предложил он. — Мне будет приятно посидеть вечером с мистером Горски.

— А я могу готовить. Вы же знаете, я неплохая хозяйка, — добавила миссис Мейвезер.

— Ну, разве что на один день… — неуверенно протянула Агнес, и все поняли, что она колеблется.

— Пожалуйста, — Стивен положил руку ей на плечо, — позвольте нам сделать это для вас. Проведайте родных и отпразднуйте помолвку племянницы. Уверен, мы справимся и без вас.

В поисках поддержки он посмотрел на Гилберта и миссис Мейвезер, и оба кивнули в ответ. Они хорошие люди, понял Стивен. Со своими странностями и секретами, как и он сам, но хорошие и добросердечные. Как приятно находиться в их обществе. В его жизни так долго не хватало доброты. К тому же это был шанс сблизиться с соседями, а заодно и с молодой вдовой.

— Надо обязательно сохранить сегодняшнюю газету, — сказала мисс Хамфрис, с довольным выражением лица опускаясь на старый диван. — День помолвки Клары — это дата, которую я непременно хочу запомнить.

38. Стопка пыльных газет

Томас Хамфрис выписывал «Таймс», что очень радовало его старшую дочь, которой нравилось ежедневно быть в курсе мировых событий, пусть даже сама она почти не имела отношения к тому, что происходило за порогом их дома.

— Посмотрим, что пишут сегодня, Агги, — говорил отец, разворачивая газету и всматриваясь сквозь очки в мелкий шрифт.

Агнес, как и все женщины, чьи дни проходили в бесконечной рутине готовки, уборки и стирки, была рада любой отдушине — будь то обрывки сплетен, подслушанные от соседки через забор, или пикантные скандалы, которые освещались в «Таймс». Старые газеты либо использовали для растопки, либо, когда денег совсем уж не хватало, рвали на квадратики, нанизывали на веревочку и вешали на крючок в уличном туалете. Агнес ратовала за всяческую экономию, лишь бы только Дафна ни в не чем нуждалась.

Но некоторые выпуски Агнес бережно хранила, складывая в стопку возле зеркала на туалетном столике. Ей нравилось думать, что в те дни, которые она хотела запомнить по причинам личного

характера, в большом мире происходили важные события национального и международного масштаба. В газете, к примеру, могли сообщать о кончине какого-нибудь известного писателя или общественного деятеля, но для Агнес это был день, когда неуверенно стоявшая на ногах крохотная Дафна сделала свой первый шаг.

Через несколько недель после визита в картинную галерею в Бэйсуотере Агнес решила пролистать за кухонным столом утреннюю газету, прежде чем положить ее на поднос с яйцами всмятку и копченой рыбой для отца. И совершенно случайно наткнулась на заметку, где среди гостей пышного благотворительного бала, состоявшегося в прошлые выходные, упоминался некий Джеймс Хант, эсквайр, служащий компании «Палмер и Дрейтон». Она сразу же поняла: это *ее* Джеймс. Он был ее — пусть только в мыслях — с того самого дня, как подарил ей картину, хотя Агнес и сомневалась, что, после того как они расстались, мистер Хант хоть раз вспомнил о странной, слишком непосредственной девушке. Сама она помнила все: его дружелюбие, широкие познания и трогательные уши. Агнес, которой редко выпадала возможность пообщаться с молодыми людьми, восприняла встречу с Джеймсом

как совершенно новое и увлекательное событие и страстно желала пережить нечто подобное снова. Общество престарелого отца и капризной восьмилетней сестры порой тяготило ее, как бы сильно она их обоих ни любила.

Агнес выяснила, что центральный офис компании «Палмер и Дрейтон» находится на Лиденхолл-стрит, что было довольно далеко от дома. Тем не менее она пару раз ездила туда на автобусе в надежде случайно встретить Джеймса — может быть, он как раз будет входить в здание, когда она пройдет мимо. Разумеется, этого не случилось.

Прошло почти четыре месяца, и однажды, в дождливый ноябрьский день, когда Агнес, не зная, чем заняться, потащила недовольную Дафну в Национальную галерею, он нашел ее сам. Агнес сидела на одном из деревянных стульев, расставленных для удобства публики, и любовалась «Портретом четы Арнольфини» кисти Яна Ван Эйка. Дафна рядом жаловалась, что у нее болят ноги.

«Будь здесь мистер Хант, — думала Агнес, — он бы объяснил, что означают изображения собаки, апельсинов на подоконнике и одинокой свечи в люстре». Она была уверена, что во всем этом кроется некий тайный смысл.

И тут, словно бы в ответ на мысли девушки, кто-то окликнул ее с другого конца зала:

— Мисс Хамфрис!

Агнес, не отличавшаяся легкомыслием своих сверстниц, с удивлением почувствовала, что у нее по необъяснимой причине дрогнуло сердце и перехватило дыхание.

— О боже… Это же тот самый добрый джентльмен с ушами! — вырвалось у нее прежде, чем она успела подумать, что говорит. — Ой! — Девушка тут же спохватилась и зажала ладонью рот.

Он улыбнулся:

— Неужели вы знаете много мужчин, которым не посчастливилось иметь пару слуховых придатков?

Агнес ответила с улыбкой:

— Думаю, вы прекрасно поняли, что я имела в виду. Простите, пожалуйста, сдержанность не входит в число моих достоинств. Я так рада, что наши пути снова пересеклись. — Улыбка на ее лице стала еще шире. — Я все это время искала вас, даже читала о вас в газете и выяснила, что вы работаете в торговом доме «Палмер и Дрейтон».

Дафна толкнула старшую сестру в плечо и пробормотала:

— Ну зачем ты призналась, глупая? Теперь он

подумает, будто ты за ним охотилась.

Дафна постоянно смущалась из-за бесхитростной прямоты Агнес и даже перестала приглашать подружек домой после того, как сестра без обиняков заявила ее приятельнице Вере, что та на редкость невежлива.

— Но я ведь и правда за ним охотилась, — заметила Агнес, оставаясь верной себе. — И наконец-то нашла. — Она повернулась к мистеру Ханту. — Я была так тронута, когда вы подарили мне картину с изображением кофейной плантации, что…

— Пожалуйста, не нужно ничего объяснять, — перебил он. — С моей стороны было глупо не попросить у вас адрес, чтобы навестить, или не оставить свою визитку, не договориться о новой встрече. Но порой подобное поведение может показаться нескромным, а тогда я еще не знал, как сложится мое будущее. Поэтому я ходил на всевозможные выставки и в Национальную галерею — разумеется, избегая скучных парадных портретов и картин на религиозные сюжеты, — в надежде случайно встретить вас снова. Так что я тоже охотился, мисс Дафна, — добавил он с улыбкой, глядя на девочку. — И похоже, оказался удачливее вашей сестры…

Агнес сохранила газету за тот день, несмотря на мрачный заголовок об убийствах в Уайтчепеле, ведь после долгой прогулки по галерее мистер Джеймс Гаррисон Хант, эсквайр, пригласил ее на свидание. И Агнес охотно согласилась.

39

В конце концов Агнес Хамфрис все же поехала к сестре на два дня. Сначала она не хотела принимать помощь постояльцев. За свою долгую трудную жизнь Стивен заметил, что добрые люди часто стесняются заботы со стороны чужих людей. Однако, решившись, пожилая дама словно бы разом переменилась: в походке ее появилась легкость, а в глазах — озорная искорка. Даже колени, казалось, перестали болеть.

Жильцы дома номер 23 на Бёрлингтон-сквер с энтузиазмом взялись за выполнение новых обязанностей. Молодая вдова следила, чтобы Александру трижды в день приносили подносы с домашней едой. Поскольку она работала посменно в «Пембертоне», Гилберт носил мистеру Горски бутерброды на ланч, но, будучи парнем неразговорчивым, надолго у него не задерживался. Вечерами старика навещал Стивен: слушал с ним граммофон, познавая мир музыки и утонченных вкусов, о котором прежде мог только мечтать.

В воскресенье, вскоре после того как Стивен пришел к Александру, в дверь постучали. На пороге стояла молодая вдова, которая принесла

на подносе жаркое. К слову, для Гилберта она — исключительно по доброте душевной — приготовила ореховые котлеты. Стивен жестом пригласил старика поесть и получил в ответ благодарный кивок. Он заметил, что Мерси — та настояла, чтобы ее называли просто по имени, — заботливо нарезала на кусочки еду для его нового друга.

— Надеюсь, мисс Хамфрис как следует отдохнет за эти дни, — сказал Александр.

— Похоже, у нее камень с души свалился оттого, что племянница устроила свою жизнь. Мне самому так и не довелось жениться, но, возможно, еще не поздно. Поживем — увидим, — задумчиво произнес Стивен.

Мерси взяла из стопки на буфете чистую салфетку.

— Я слышал, вы вдова? — осторожно поинтересовался Томпсон.

Он прикинул, что ей было лет тридцать или немного меньше, и заметил, что Мерси очень привлекательная, хотя и слишком худая. На пальце у нее красовалось обручальное кольцо, однако ничего удивительного в этом не было: после гибели супругов на войне многие женщины продолжали носить кольца. При вопросе Томпсо-

на на ее нежном лице промелькнуло испуганное выражение.

— Я потеряла мужа во время войны, в восемнадцатом году… — ответила Мерси, тщательно подбирая слова.

Ей явно было не по себе, и Стивен сразу же пожалел о своей бестактности:

— Простите.

— Ничего. Мы с моим будущим супругом жили на соседних фермах, и обе семьи с давних пор считали, что мы поженимся, объединим земли и родим детей — в общем, будем жить да радоваться. Однако все, увы, обернулось иначе. Я слишком долго горевала о том, чего уже не вернуть, и решила, что лучше начать все заново вдали от дома. Судьба обошлась со мной… очень жестоко, — заключила Мерси.

— Но вы еще молоды и вполне можете снова выйти замуж, — произнес Стивен.

— Нет. — Она решительно покачала головой, сцепив руки в замок, и опустила глаза. — Нет, это исключено.

— Ах, как все это печально, — вмешался Александр, пережевывая кусочек мяса. — У вас доброе верное сердце — я это чувствую. Я и сам, помнится, думал, что никогда не забуду свою первую

любовь, но потом встретил и полюбил другую женщину. Да, это было далеко не то же самое, но тем не менее. Все лучше, чем провести жизнь в одиночестве.

Мерси покачала головой:

— Чтобы пережить горе, нужно время, и я справилась. Я действительно счастлива с тех пор, как приехала в Лондон. Ничего подобного я не испытывала много лет. Я не хочу от жизни ничего большего — и уж точно не собираюсь снова вступать в брак.

На лице ее появилось такое решительное выражение, что Стивен понял: эта женщина очень любила своего мужа.

— Как жаль, что у вас нет детей, — продолжил Александр. — Они послужили бы вам утешением. Моя жена не могла забеременеть и всю жизнь несла этот крест, хотя я никогда не винил ее.

От этих его слов Мерси внезапно разрыдалась и попятилась к двери.

— Простите, джентльмены. Пожалуйста, извините меня. — И она почти выбежала из комнаты, оставив обоих в смятении.

— Боже, мне не следовало этого говорить. Я старый болван, который не умеет держать язык за зубами, — огорчился мистер Горски.

Стивен похлопал его по искривленной артритом руке:

— Не вините себя понапрасну. Вы ведь хотели поддержать Мерси. Но, думаю, за этим скрывается своя история. Нам не стоило так настойчиво давать ей советы. Возможно, она потеряла ребенка или они с мужем были вместе слишком мало времени. Печально, конечно. Мне кажется, из нее получилась бы прекрасная мать.

— Согласен, — кивнул старик.

— А из вас, уверен, вышел бы замечательный отец.

Повисла неловкая пауза, и Стивен уже во второй раз за сегодняшний день пожалел о своих словах. Фраза вырвалась сама собой, в продолжение беседы, но он понял, что неуместно говорить такие вещи, когда дружба еще только завязывается. Слишком уж это личное.

— Вообще-то, у меня был сын, — промолвил Александр, — но, чтобы рассказать об этом, мне понадобится что-нибудь покрепче чая. Если вы никуда не торопитесь и не возражаете против спиртного, то я поделюсь с вами своей печальной историей.

Стивен кивнул, и старик махнул рукой в сторону орехового буфета, где стояли рядом два

пузатых стеклянных графина с гравировкой в виде папоротника. На горлышке каждого из них висели на цепочках серебряные ярлычки с надписями «мадера» и «портвейн».

— Налейте нам мадеры, будьте добры. Бокалы в шкафчике внизу. Помню, в былые времена считалось хорошим тоном предложить гостю херес и печенье, вот я и пристрастился к креплеными винам, хотя все почему-то полагают, что в силу своего славянского происхождения я предпочитаю водку.

— Я не любитель алкоголя, поэтому лишь пригублю.

— А я думал, что вы завсегдатай клубов.

— Моя профессия наводит на такую мысль, но я, видите ли, родился не в аристократической среде. У меня нет ни денег, ни нужных связей.

— Вот как? Но я знаю многих джентльменов и мог бы устроить вам необходимые знакомства, если хотите.

— Надо подумать, — уклончиво ответил Стивен, доставая два небольших бокала и ставя их на серебряный поднос.

Он вынул из графина пробку, которая тихо звякнула. Раздалось приятное бульканье, и в бокал заструилась густая янтарная жидкость. В

воздухе повис сладковатый аромат. Стивен не привык к подобным изыскам, но был не против приобщиться к тому, что принято в приличном обществе. Один бокал принесет не больше вреда, чем причастное вино в церкви по воскресеньям. Он подал бокал Александру и повторил его движения: покрутил бокал и вдохнул аромат, хотя и не знал, что именно следовало уловить.

— Что ощущает ваш нос теперь? — спросил Александр на своем слегка ломаном английском.

— Кофе? — предположил Стивен. — Карамель?

Он сделал глоток, вновь подражая хозяину комнаты.

— А на вкус? — осведомился тот.

Стивен сосредоточился. Выставит ли он себя невеждой, если ошибется? Существует ли вообще в данном случае правильный ответ? Он закрыл глаза, стараясь уловить едва различимые оттенки.

— Пожалуй, шоколад? Финики?

— Отлично. Просто отлично. У вас тонкий вкус, сэр, — улыбнулся Александр. Стивену было приятно видеть его довольным: он знал, что боль — постоянная спутница его нового друга, и отвлечь старика хотя бы на минуту было маленькой победой. — Так на чем мы остановились? — Ми-

стер Горски жестом пригласил Стивена вернуться на место.

— Мы беседовали о детях. Но мне не следовало делать замечаний личного свойства, — произнес Стивен, усаживаясь обратно в кресло.

— Все в порядке. У меня действительно был ребенок, и я часто о нем думаю, особенно теперь, когда годы стремительно уходят. Я задаюсь вопросом, как мой сын выглядит, чего он добился в жизни, и мне грустно, что мы с ним так и не встретились.

— Но… вы же говорили, что ваша жена…

— Ребенок родился еще до того, как я встретил свою будущую жену. Вне брака. В юности у нас с его матерью была любовь, однако я не был на ней женат. Это вас шокирует?

Стивен покачал головой. Такое бывает сплошь и рядом, просто об этом не принято говорить.

— Это случилось в Германии, задолго до того, как я прославился благодаря музыке. Я был тогда студентом. Мы были молоды, влюблены и потеряли голову, не думая о последствиях, — усмехнулся старик. — Знаете, как бывает, когда кровь кипит, а разум молчит? Ах… — Он махнул рукой. — Мы понимали, что поступаем неправильно, но собирались пожениться. Она была моей первой и, как

я тогда искренне верил, единственной любовью.

Стивен сделал еще глоток и поудобнее устроился в кресле:

— Вам не обязательно делиться со мной этим. Я вовсе не хотел лезть к вам в душу.

Александр пожал плечами:

— В последние годы мне все больше хочется об этом поговорить. Я слишком долго хранил молчание. Моя жена знала о внебрачном ребенке, но не выносила даже упоминаний о нем. После ее смерти я перестал гнать от себя эти воспоминания.

Александр залпом допил мадеру и аккуратно поставил бокал на низкий столик перед собой. Искривленные артритом пальцы двигались неуверенно. Стивен наблюдал, как старик с трудом гонял по тарелке кусочек жареного картофеля, безуспешно пытаясь поддеть его ложкой.

— Мою возлюбленную звали Алина, — начал он, — у нее была сестра-погодка, Эрна. Внешне и по характеру они были совсем не похожи, но очень дружны. Я встретил обеих девушек под конец учебы в Лейпциге — их семья держала кафе, куда я часто заходил. Алина была тише и скромнее, именно она покорила меня своей застенчивой улыбкой. Я знал, что мои родные вряд ли одобрят наш союз, из-за социального

положения и национальности Алины. Вскоре я отправился с оркестром на гастроли по Европе, которые продолжались целый год, поэтому мы отложили помолвку, но поклялись во время разлуки хранить верность друг другу.

Рассказчик на миг замолчал, и Стивен понял, что впереди его ждет печальная часть истории.

— Мы решили не переписываться, ведь я должен был постоянно переезжать с места на место, а год казался недолгим сроком. Я рассчитывал вернуться с деньгами, укрепив свое финансовое положение, и тогда мы бы смогли пожениться. Но когда я вновь приехал в Лейпциг, то свою Алину там не нашел. Кафе сменило владельцев, а ее семья уехала. Соседи сказали, что одна из сестер якобы умерла за границей. В любом случае было очень странно, что мне ничего даже не сообщили об отъезде. Никто точно не знал, кто именно из девушек скончался, и я, признаюсь, молился, чтобы это оказалась Эрна, хотя и понимал, сколь эгоистично мое желание. Потом выяснилось, что, увы, это все-таки была Алина. Она умерла одна, в Лондоне.

Боль, отразившаяся на лице старика, лишила Стивена дара речи. Он не знал, как себя вести: похлопать ли друга в утешение по руке или

произнести какую-нибудь банальность? И в результате не сделал ни того ни другого, надеясь, что его взгляд выражает сочувствие.

— Чтобы справиться с горем, я целиком отдался карьере, гастролировал по всему миру, давал концерты, писал музыку, в которой изливал свою скорбь. Возможно, это и сделало меня выдающимся музыкантом. — Александр пожал плечами. — А потом, когда я стал известен, Эрна сумела меня разыскать. Спустя несколько лет она пришла ко мне, вся дрожа от гнева, и потребовала объяснений: почему я бросил Алину, когда той была нужна помощь и поддержка? Почему проигнорировал ее письмо, в котором она писала, что едет в Англию? Я был потрясен. Я никогда не получал такого письма и до сих пор не знаю, что произошло и куда оно подевалось.

Мистер Горски неловко поерзал в кресле с высокой спинкой, его морщинистое лицо болезненно исказилось, а яркие глаза затуманились.

— Алина опоздала всего на две недели… Но я все равно не понимал, зачем она отправилась за мной в Лондон, пока ее сестра не открыла мне правду, которая перевернула весь мой мир. Алина ждала ребенка. Боясь осуждения семьи, бедняжка, вероятно, надеялась узаконить наш

союз. Но мальчик родился раньше срока, начались осложнения. Она прожила после родов всего лишь два дня…

Эмоциональный рассказ Александра смутил Стивена. Он не умел утешать тех, кто открыто выражал свои чувства. Не находя нужных слов, он нервно потирал руки, понимая, что его собеседник страдает, но не зная, как тому помочь. Томпсон решил подружиться с этим ранимым стариком, надеясь, что его общество сможет хоть как-то восполнить потерю мистера Блэндфорда, но для такой дружбы необходимо сблизиться с человеком, а у Стивена не было подобного опыта.

— Мне очень жаль, — только и смог он сказать. — Извините, что заставил вас об этом вспоминать.

— Нет, вы тут ни при чем. Это я, глупый старик, все ворошу былое. Прошлого не изменишь. Наверное, зря я затеял этот разговор. Поляки — гордый народ, мой отец счел бы такую откровенность проявлением слабости, но возраст и одиночество разрушают любые заслоны.

Александр вытер влажные щеки скрюченными пальцами. Наступила короткая пауза, оба мужчины ненадолго задумались.

— Расскажите лучше о своей семье, — попросил

мистер Горски.

Стивен покачал головой. Ему требовалось время, прежде чем поведать свою историю: сперва следовало получше узнать собеседника. Все должно идти по плану.

— Непременно расскажу, но в другой раз. А сейчас давайте погрузимся в мир музыки. Мисс Хамфрис говорила, что у вас сохранились граммофонные записи ваших довоенных выступлений.

На лице старика появилась улыбка, печаль отступила, а в глазах снова мелькнул прежний блеск.

— Ах да, Королевский театр в Ковент-Гардене. Я выступал там несколько раз, исполнял фортепианный концерт Грига. Сейчас объясню вам, где лежит пластинка с этой записью. Для искушенного слуха, пожалуй, темп слишком быстрый, но надо было уместить все произведение на одну восковую пластинку, поэтому пришлось ускориться. Только надо сменить иглу: будьте добры, у вас рука тверже. Это тонкая работа, и мои бесполезные пальцы с ней не справляются.

Старик указал на большой деревянный шкаф и на граммофон у окна, и они приятно провели время после обеда. Александр предложил научить Стивена играть в криббедж, и тот очень обрадо-

вался, что пожилой музыкант проникся к нему доверием. Томпсон собирался вскоре поделиться с новым другом своей собственной историей, и это в равной степени пугало и вдохновляло его.

40

Мисс Хамфрис вернулась на Бёрлингтон-сквер поздно вечером в воскресенье и сказала Стивену, что планирует устроить на следующий день ужин, дабы отблагодарить всех, кто поддерживал в доме порядок в ее отсутствие. И пригласила его тоже прийти, если у него найдется время.

— Я возьму у мясника хороший кусок грудинки и буду долго томить его на медленном огне. Рецепт подсказала Мерси — она прекрасно готовит, даже мои постные блюда для Гилберта умудрилась сделать вкуснее. На втором этаже есть большой обеденный стол из красного дерева, оставшийся после моего отца. Мистер Горски сказал, что мы можем поужинать там. После знакомства с вами и молодой Мерси, к которой он, кажется, питает особую симпатию, наш пожилой джентльмен явно повеселел — впервые после кончины мистера Блэндфорда. Надеюсь, вы тоже сможете прийти. Получится настоящий семейный ужин.

Мысль о грудинке заставила Стивена сглотнуть слюну, но также напомнила о том, что в карманах у него пусто. Однако следовало и даль-

ше разыгрывать из себя вполне благополучного банковского служащего.

— Как чудесно. С удовольствием приду и послушаю ваш рассказ о поездке. Запишите еду на мой счет. В банке я ограничусь скромным обедом, чтобы не портить аппетит.

— Нет-нет, даже не думайте о деньгах, — отмахнулась Агнес. — Вы так много для меня сделали — позволили отпраздновать знаменательное событие вместе с сестрой. Так что я хочу вас угостить. И кстати, спасибо за то, что проводите время с мистером Горски. Как приятно, что в его комнате опять звучит музыка.

В понедельник вечером, к семи часам, на втором этаже собрались все, кроме Гилберта. Мисс Хамфрис принесла извинения от его имени и сказала, что молодой человек поужинает у себя.

— Он слишком застенчив, — пояснила хозяйка, — особенно в присутствии молодых и привлекательных женщин.

Мерси тут же залилась краской и принялась внимательно рассматривать столовые приборы.

— Не смущайтесь, дорогая. — Агнес похлопала ее по руке. — Девять лет в одиночестве — долгий срок, а вы такая красавица. Знаю, из Гилберта трудно вытянуть больше пары фраз, если толь-

ко ты не хочешь слушать про фотоаппараты, экспозицию и выдержку, зато манеры у него превосходные. И он всего на два года младше вас. Возраст не преграда для любви.

Стивен подумал, что хозяйка слишком спешит, пытаясь свести двух тихонь на основании того лишь, что они практически ровесники. Мерси нервно водила пальцами по краю стола. Свет из высокого окна ложился на отполированную поверхность, и было видно, как струйки пара поднимаются от овощного рагу. Рот Стивена от нетерпения наполнился слюной.

— Как прошло торжество в честь помолвки вашей племянницы? — спросил он, чтобы сменить тему и позволить бедняжке Мерси оправиться от смущения.

— Клара вела себя на удивление тихо, — ответила мисс Хамфрис, которая уже раздала тарелки и с облегчением опустилась на стул. — Понимаю, вы ее не знаете, но обычно моя племянница — душа общества. Возможно, девочка наконец-то готова остепениться. Правда, курит по-прежнему, как паровоз, но ее привычной живости на сей раз не было и в помине. Она совсем не походила на счастливую невесту. Зато ее жених напоминал кота, которому достались сливки, и без умолку

говорил о своих планах на будущее. Мне он показался хвастуном, но, имея деньги, наверное, можно позволить себе покрасоваться. — Пожилая дама пожала плечами. — В жизни каждого должен быть человек, который глядит на тебя с таким же обожанием, как молодой Джек на нашу Клару. — Она помолчала. — И все же мне видится в этой истории что-то неправильное. В Кларе как будто свет угас.

— Брак может сделать с человеком и не такое, — едва слышно заметила Мерси. — Я рада, что у нее было время насладиться молодостью. А я вышла замуж слишком рано и только теперь начинаю понимать, чего хочу от жизни. В одиночестве есть свои плюсы.

— Говорят: поспешишь жениться — всю жизнь потом будешь раскаиваться, — вставил Стивен, за обе щеки уплетая восхитительное угощение и размышляя, прилично ли будет взять еще тушеной моркови. Он долгие годы питался скудно и теперь, сидя за роскошно накрытым столом, должен был соблюдать осторожность.

— Ну, не знаю, — сказала мисс Хамфрис, — я вот, например, уже не одно десятилетие живу, как хочу, не советуясь с мужем, и это не всегда благо. Было бы приятно, если бы иногда кто-ни-

будь принимал решения за меня или хотя бы вместе со мной.

— А я до конца своих дней буду жалеть, что решил повременить с женитьбой, — признался Александр. — Причины были веские, но в итоге все обернулось трагически.

Все на мгновение замолчали, понимая, что пожилой джентльмен имеет в виду. Даже Мерси, пусть она и не слышала историю мистера Горски из первых уст, знала ее в пересказе мисс Хамфрис.

— Скоро ли свадьба? — поинтересовался наконец Стивен, чтобы нарушить тишину.

— Реджинальд, мой свояк, настаивает, чтобы она состоялась на Рождество, но сама Клара не спешит, — покачала головой Агнес. — Богатство Ригби превосходит пределы моего воображения, но я не думаю, что для Клары оно что-нибудь значит. Если бы только я была уверена, что девочка выходит замуж по любви. Ведь счастье куда важнее богатства.

Стивен ощутил внезапный прилив сочувствия к хозяйке. Ее сестра удачно вышла замуж, улучшив свое положение в обществе и благосостояние, а племянница с детства пользовалась привилегиями и жила в комфорте. А вот бедная

мисс Хамфрис осталась одна и с трудом сводила концы с концами. Его собственное происхождение было еще более скромным, и Стивен начинал сомневаться, что когда-нибудь сможет выбиться в люди. Ну разве это справедливо?

— Со стороны Клары на церемонии в церкви почти никого не будет. У нас очень мало родственников. А у вас есть семья, мистер Томпсон? — осведомилась мисс Хамфрис, откладывая в сторону столовые приборы. Любопытство, которое она проявляла к новому постояльцу, было вполне естественным.

— Настоящей семьи у меня нет. Наверное, кровные узы крепче связывают людей, делают их терпимыми и любящими. Те же, кто меня растил, были строгими и не слишком добрыми: я ведь им не родной. Что касается жены… До войны я встречался с барышнями, но тогда все мои мысли были о работе. Я думал, что времени устроить личную жизнь еще полным-полно, но потом мне помешали… определенные обстоятельства.

Вдохновленный теплой дружеской беседой и понемногу приучая себя расслабляться, наслаждаясь моментом, Стивен понял, что ему нравится быть частью этой разнородной компании. Он сблизился с этими людьми из корыстных

соображений, надеясь улучшить свое положение, но общение с ними оказалось неожиданно приятным.

И тут ему пришла в голову новая мысль. Лето заканчивается, и в ближайшие дни обещали хорошую погоду.

— Начиная с завтрашнего дня и до самой субботы мне не нужно ходить на работу в банк. Нам полагается длительный отпуск, поэтому я взял четыре выходных подряд, но никуда уезжать не собираюсь. Может быть, вам понадобится моя помощь на Бёрлингтон-сквер, мисс Хамфрис? Или я выведу мистера Горски прогуляться? — Не желая показаться фамильярным, он не стал называть старика по имени.

— В кладовой надо бы передвинуть несколько ящиков, если вам не трудно, — отозвалась хозяйка.

— А я был бы рад снова выйти на улицу и подышать свежим воздухом, — заметил Александр. — Чувствую, что засиделся в четырех стенах, и это пагубно сказывается на моем настроении.

— Прекрасно, — кивнул Стивен и потянулся за морковью. — В таком случае я к вашим услугам.

***

Последний день августа выдался солнечным.

Стивен раздвинул шторы и увидел чудесную панораму. Его окна находились выше деревьев, и крошечный уголок Лондона, где он поселился, был виден отсюда как на ладони. Томпсон понимал, как ему повезло с жильем. Никогда прежде ему не доводилось обитать в таком великолепии. Архитектурное богатство столицы было проще оценить именно сверху: ведь, семеня по многолюдным тротуарам, не получается отойти на нужное расстояние, чтобы разглядеть здания целиком.

Больше всего Стивену нравились деревья: одинокий ясень, ряды могучих платанов и редкие стройные березы с серебристой корой. Они служили пристанищем для его любимейших созданий — пернатых. Будучи уникальными существами, не знающими границ, птицы без труда парили над водой и сушей. Даже диких лошадей сдерживали моря и реки. С самого детства Стивен мечтал вырваться на свободу и подняться ввысь, к небесам.

Особенное родство он ощущал с зарянкой — одинокой, ревниво охраняющей свою территорию птичкой, способной свить гнездо где угодно. Стивен помнил, как во времена его детства пара зарянок вывела птенцов в старом ботинке, бро-

шенном во дворе. Сколько раз он и сам устраивал себе новое гнездо? Теперь его пристанищем стал дом на Бёрлингтон-сквер, но кто знает, где он окажется в будущем?

Через десять минут Стивен уже помогал Александру спуститься по лестнице, а мисс Хамфрис стояла в прихожей, заламывая руки и бормоча: «Осторожнее! Только, пожалуйста, осторожнее!» Артрит не позволял старику проходить большие расстояния, хотя по комнате он кое-как передвигался, держась за спинки стульев или опираясь на трость. Бывали дни лучше, бывали хуже. От холода и сырости боль и отеки усиливались. Мисс Хамфрис как-то упомянула, что суставы мистера Горски чувствуют приближение бури. Мягкое тепло последнего летнего дня было как нельзя кстати, и вскоре Александра усадили в плетеное кресло-коляску, которое Стивен выкатил на улицу. Хозяйка заботливо укрыла колени старика тонким пледом, настаивая, что даже в такую погоду следует остерегаться простуды.

Александр поднес искривленную руку к глазам, заслоняясь от солнца. Они остановились, пропуская зеленый спортивный автомобиль, переполненный подвыпившими гуляками в маскарадных костюмах.

— Порой мне кажется, будто только вчера я разъезжал по Европе. Возможно, мне не хватало беспечности и веселья этих молодых повес, зато я стал своего рода новатором. Моя музыка была на удивление смелой для своего времени, — сказал Александр, глядя, как автомобиль исчезает за углом.

Стивен читал об избалованной золотой молодежи. Пресса без конца писала об их безумных и порой противозаконных развлечениях, ночных игрищах на городских улицах и последующих скандалах. От мисс Хамфрис он слышал, что Клара Гудвин тоже примкнула к их обществу, однако подозревал, что после помолвки ее жизнь стала менее бурной.

— Вы, наверное, много путешествовали и встречали немало интересных людей? — спросил Стивен у своего пожилого друга.

— Разумеется. Было время, когда я буквально колесил по Европе, каждый месяц посещал новый город. Но в конце концов обосновался в Лондоне, ведь здесь похоронена Алина. Потом я женился на англичанке и объездил весь мир со своей музыкой, пока тело не стало меня подводить. Теперь я снова один, и все, что останется после меня, — это мои мелодии.

— Но это куда больше, чем останется от меня. Ваша музыка будет жить и после вашей смерти.

Александр усмехнулся:

— А ведь отец никогда не одобрял мой выбор профессии. Он хотел, чтобы я пошел по его стопам и стал врачом. Но мать любила музыку и убедила его позволить мне следовать за мечтой. Вы знаете, что самое мое удачное произведение — это рождественская песня? — И старик напел мелодию, которую Стивен сразу узнал.

— Неужели это вы написали? — изумился он. — Она прекрасна.

Стивен осторожно скатил коляску с бордюра и пересек улицу, на противоположной стороне которой находился сад.

— Эта красивая мелодия принесла мне на удивление солидный доход. Ах, богатство — это замечательно, но плохо, когда его не с кем разделить. У нас с женой не было детей, да и расточительностью мы не отличались, поэтому средств осталось еще много. Ну и кому все это достанется? Мы с Натаниэлем Блэндфордом даже обсуждали, каким благотворительным учреждениям стоит помогать, когда… — Его голос затих. — Он был слабым человеком, раз позволил спиртному взять над собой верх, но я ужасно

скучаю по нему.

— Деньги — это еще не все, — осторожно заметил Стивен.

— Согласен. Музыка была для меня смыслом существования.

— Я не музыкант, но ценю мелодии, созданные природой. Больше всего мне нравится пение птиц.

— Ах да, многие композиторы черпали вдохновение, слушая птиц. Взять хотя бы Шестую симфонию Бетховена: флейта — это соловей, кларнеты выводят задорное «ку-ку», а гобой подражает перепелу.

И Александр негромко запел себе под нос, размахивая руками в воздухе. Стивен, толкавший кресло, видел только лысеющую макушку старика, седые бакенбарды и пару искривленных рук, порхающих, словно осенние листья, подхваченные ветром. Он не видел лица мистера Горски, однако не сомневался: глаза музыканта были закрыты.

Они вошли в сад и миновали пожилую пару, сидевшую слева на деревянной скамье. Стивен приветливо кивнул им. Они улыбнулись, наблюдая за жестикуляцией пианиста, и тот улыбнулся в ответ. Чужая радость оказалась на удивление

заразительной, и утренний час, проведенный в обществе старика, стал для Стивена одним из самых приятных за долгое время. Его сердце переполняла надежда на светлое будущее. Бог, несомненно, простил ему грехи, и теперь его жизнь напоминала вычищенную до блеска грифельную доску в ожидании первых штрихов мела.

Однако, покинув сад и переходя улицу по пути к дому, Томпсон заметил на углу площади подозрительную фигуру. Правда, мужчина поспешно надвинул шляпу на лоб, чтобы скрыть глаза, но было уже поздно. Стивен почти не сомневался, что узнал его. А это значило, что за ним следят.

41. Чучело канарейки

Агнес было года три или четыре, когда отец принес домой канарейку по имени Санни. Мама уже несколько месяцев чувствовала себя плохо и днем часто лежала на диване в гостиной, пока дочь играла на полу. Громкое пение ярко-желтой птички развлекало обеих, а у Агнес появился новый собеседник, с которым она разговаривала, когда мать засыпала, как это нередко случалось.

У Санни был удивительно мелодичный голос. «Норфолкская канарейка», — пояснил отец, отмечая крепкое телосложение и крупную голову птицы.

Клетку поставили у окна гостиной, и Санни провел девять лет жизни, глядя на Бёрлингтон-сквер, но так ни разу и не вылетев на улицу, не поднявшись в чистое голубое небо. Девочка задавалась вопросом: видит ли он собратьев, порхающих с ветки на ветку, жаждет ли присоединиться к ним? Осознает ли, что у него отняли свободу? Или же доволен своей изящной клеткой из красного дерева — красивой тюрьмой, которая оберегает его от опасностей, но лишает простора и воли? С другой стороны, Агнес ведь тоже жила

на Бёрлингтон-сквер, как в клетке, но ее это не тяготило.

— Санни скучает, — заявила восьмилетняя Агнес. — Ему нужна еще одна канарейка, чтобы играть.

— Эти птицы одиночки, — ответил отец. — Если подселить вторую канарейку, они подерутся. А Санни дружит с нашей мамой.

Агнес не могла представить, как живое существо может быть счастливо на Божьем свете без себе подобного. И все же между ее матерью и канарейкой и впрямь существовала некая особая связь. Мама могла позвать Санни — и он слетал на ее палец, склоняя набок крошечную лимонную головку, словно бы внимая каждому слову молодой женщины.

Однажды, менее чем через год после смерти матери, Агнес вошла в гостиную, увидела на дне клетки маленький комочек перьев и горько разрыдалась. Казалось, частички любимой мамочки ускользают от нее одна за другой, и это было невыносимо. Тогда отец отнес крошечное тельце к таксидермисту, хотя Агнес сомневалась, что сделать чучело — хорошая идея. Безжизненные стеклянные глаза Санни отныне следили за всем и видели, как юная Дафна огрызалась на сестру,

отказываясь выполнять ее вполне разумные просьбы и требования, и как Агнес горько плакала после этого. Как уставшая Агнес вечером падала на диван, слишком измотанная, чтобы подниматься по лестнице в спальню. Как отец возвращался с работы, нежно целовал спящую дочь и относил ее наверх, в постель.

Блестящие черные бусины также были свидетелями того, как в один ноябрьский день мистер Джеймс Хант, эсквайр, явился на Бёрлингтон-сквер, чтобы официально представиться Томасу Хамфрису. Глаза канарейки заметили, как участился пульс Агнес при виде обаятельного молодого человека; как порозовели ее щеки, когда дорогой отец назвал ее своей опорой; и как Джеймс смотрел на открытое, искреннее лицо непосредственной девушки, словно та была самым интересным и прекрасным созданием на свете.

— Вы хотите взять Агнес на прогулку? — вдруг переспросил отец, с раздражением подаваясь вперед. — Что за вздор! Ей же всего одиннадцать лет. — Он повернулся к дочери. — Честное слово, Хелена, мне следовало бы выгнать этого парня из дома тростью.

Агнес сжала дрожащие руки отца: увы, разум

все чаще уносил его в те времена, когда супруга была еще жива. Она радовалась хотя бы тому, что в такие минуты Томас Хамфрис возвращается не к горестным, а к счастливым воспоминаниям. Она знала, что после нескольких глотков чая папа снова будет самим собой, словно бы ничего не случилось. Однако временные помрачения рассудка вызывали тревогу, и девушка понимала, что пора обратиться к врачу, даже если и сам отец будет против этого возражать.

Когда Джеймсу пришло время уходить, мистер Хамфрис проводил гостя в прихожую. Агнес осталась в комнате, сердце готово было выскочить у нее из груди. Она подошла к окну, чтобы увидеть, как молодой человек покидает дом. Но внезапно дверь распахнулась.

— Я забыл…

— Я люблю тебя, — сказала она, словно только сейчас осознала неоспоримую истину и не видела смысла скрывать свои чувства.

— Я знаю, — ответил он, не сводя с нее взгляда, четырьмя широкими шагами пересек комнату и заключил девушку в объятия.

Оба застыли, не двигаясь. Глаза Джеймса пронзали ее, как булавка энтомолога, который прикалывает бабочку к доске. По рукам Агнес,

лежавшим на его крепких плечах, струилось тепло — от кончиков пальцев до самых пят, останавливаясь на каждом промежуточном рубеже и разжигая внутри такой жар, что ей показалось, будто она может вспыхнуть. Их губы постепенно сближались, перемещаясь на четверть дюйма, пока Агнес наконец не позволила его устам прижаться к своим в смелом, коротком и невообразимо страстном поцелуе.

Санни видел и это тоже.

42

После стольких лет отсутствия — сперва из-за войны, а затем по причинам, от него не зависящим, — Стивен наконец-то вернулся туда, где прошло его детство, и попытался вписаться в прежнюю жизнь, но вскоре понял, что ему больше нет места среди этих людей. Он стал другим: одиночкой, вороном-падальщиком. Умный, но замкнутый, Томпсон выживал за счет случайных крошек, пока его не поманил к себе Лондон — не потому, что улицы в столице были вымощены золотом, а потому, что люди, сновавшие по этим улицам, не знали его. Там он мог начать все заново. Стать кем угодно. Хоть банковским клерком.

В жизни Стивена было мало людей, которыми он дорожил; тут поневоле призадумаешься: а не упустил ли ты что-то важное, отгородившись от окружающих? Например, дружба с Александром теперь значила для него все больше, и Стивен тревожился, что старику осталось не так много лет. Их прогулка по площади оказалась куда приятнее, чем Томпсон ожидал, и теперь он отчаянно хотел сблизиться с этим опустошенным человеком, всемирно известным пианистом,

жизнь которого была лишена радостей.

«Что могло бы сделать старика счастливым? — размышлял Стивен. — Что-то, напоминающее о родине? Ужин в изысканном ресторане? Что-нибудь, связанное с музыкой?»

— Вам случается бывать на концертах? — спросил он во время второй прогулки, состоявшейся в конце той же недели, когда сентябрь уже уверенно вступал в свои права, а Стивен продолжал притворяться, что находится в отпуске.

На этот раз он вывез Александра подальше, решившись покинуть пределы площади. Старик наслаждался прогулкой, показывал на двери разных домов и утверждал, что знаком с их обитателями. Судя по всему, пианистов часто приглашают на ужины — по крайней мере, пока их слушаются ноги.

— Ах, я уже много лет никуда не выбирался. Когда я еще только-только поселился на Бёрлингтон-сквер, то уговорил мисс Хамфрис сходить со мной на пару местных концертов, но теперь такие вылазки, увы, невозможны. К счастью, у меня есть пластинки. Недавно я приобрел записи Лондонского симфонического оркестра. Но, разумеется, это не то же самое, что сидеть в концертном зале, — вздохнул мистер Горски. —

Каждое исполнение отличается, и я получал огромное удовольствие, прислушиваясь к нюансам игры.

— Я мало что понимаю в классической музыке, — признался Стивен. — Хотя, оглядываясь на свою жизнь, вижу, что некая незримая сила постоянно влекла меня к музыке, а не, скажем, к литературе. Услышишь вдохновляющую мелодию, и будто душа откликается, правда?

— Для меня музыка и есть душа, — ответил Александр. — Она необходима мне, как само сердце.

— Может быть, если бы я вырос в более музыкальной семье… Ах, кто знает, — с горечью произнес Стивен.

— Никогда не поздно научиться слушать музыку. Радость, которую дарит концерт, не измерить ни фунтами, ни шиллингами, ни пенсами. Сердце бьется ровнее, тревоги отступают. Вы не поверите, но артрит причиняет мне меньше боли, когда рядом звучат Шопен или Бетховен — их мелодии словно бы текут по моим жилам. Музыка обладает огромной целительной силой.

Стивен понимал старика, как никто другой.

— Я чувствую то же самое, когда наблюдаю за птицами. Гляжу, как они перелетают с дерева на

дерево, бродят по мелководью или парят высоко в небе, и моя душа наполняется покоем… Смотрите-ка, воробьи.

Он остановил кресло-коляску, и оба мужчины на несколько мгновений замерли в молчаливом созерцании. На нижних ветвях платана, росшего у дороги, собралось множество воробьев.

— Расскажите мне о них, — попросил Александр.

— Это стайные птицы, — начал Стивен. — На мой взгляд, их оперение всех оттенков коричневого довольно красиво. Мне всегда казалось несправедливым, что их считают вредными. Есть даже клубы охотников на воробьев, где вручают ежегодные призы тому, кто убьет больше птиц, лишь потому, что их развелось слишком много.

Речи друга о музыке Томпсон понимал плохо, зато, рассуждая о птицах, чувствовал себя уверенно. Теперь его вежливый интерес к музыке был вознагражден ответной любезностью, как будто собеседники перекидывали друг другу мяч в словесном теннисе. Александр Горски, без сомнения, умел располагать к себе людей. Стивен снова толкнул кресло вперед, и птицы разлетелись.

— Нам повезло увидеть этих воробьев: многие уже улетели туда, где есть живые изгороди и поля,

чтобы вдоволь полакомиться зерном и семенами. В птичьем мире август — время восстановления и отдыха, особенно для перелетных видов, которым предстоит преодолеть тысячи миль.

— Жаль, что представители нашего собственного вида подчас не задумываются о восстановлении и отдыхе. Я слышал, бедная женщина из подвала опять ждет ребенка, и мисс Хамфрис не стесняется высказывать свое мнение по этому поводу.

Александр повернулся в кресле и посмотрел на Стивена, в глазах старика блеснула лукавая искорка.

— Вдобавок она почему-то решила, что молодая вдова и Гилберт составят прекрасную пару, и ищет повод свести их вместе. Ничего хорошего из ее вмешательства не выйдет, но она действует из лучших побуждений: душа у нашей хозяйки добрая, — уточнил старик. — Никогда не допустит, чтобы кто-нибудь голодал или страдал от несправедливости.

— Я так и думал, но рад получить подтверждение своим догадкам, — отозвался Стивен.

Добросердечность хозяйки стала для него настоящим подарком, и под ее влиянием он также начинал тепло относиться к соседям по дому.

Он сделал правильный выбор, поселившись на Бёрлингтон-сквер, и был бесконечно благодарен за то, что его приняли, предпочтя другим претендентам. Все сложилось бы иначе, окажись на его месте взбалмошная племянница, отличающаяся склонностью к безрассудным выходкам. Томпсона тревожило лишь одно: что собственные грехи настигнут его и здесь. Придет беда в облике людей с жестоким взглядом и тяжелыми кулаками.

К тому времени, когда Стивен повернул назад, на Бёрлингтон-сквер, они с Александром уже успели обсудить множество тем и смеялись, словно давние друзья.

— У меня скоро день рождения, мне исполнится семьдесят два, — сообщил мистер Горски, оказавшись у подножия каменной лестницы, ведущей в дом. — Обычно мисс Хамфрис печет для меня маленький фруктовый кекс, и мы тихо отмечаем все за бокалом хереса, но в последние дни я чувствую прилив сил. Слышал, теперь модно ужинать в ресторанах, а в Сент-Джеймсе открылось несколько великолепных заведений. Может быть, вы присоединитесь ко мне в ресторане французской кухни? Лучшие блюда в своей жизни я ел в Париже. Или же вы предпочитаете Италию? Я вас приглашаю. Признаюсь, мотив у

меня эгоистичный: я не доберусь туда без посторонней помощи, а вы уже доказали, что умеете ловко управляться с моим дряхлым телом и громоздкой коляской. Если возьмем кэб, то, опираясь на вашу сильную руку, я, пожалуй, обойдусь без нее. Что скажете?

Стивена охватило беспокойство: он понятия не имел, как правильно вести себя за столом, да еще в элитных заведениях. Он был уверен, что в подобных местах существует особый язык еды и питья, совершенно чуждый ему. Томпсон вычитал в книгах, что столовые приборы следует брать от края к центру, однако его нынешний рацион был до предела прост, а в годы скитаний — и вовсе скуден. Справится ли желудок с изысканными блюдами и сумеет ли их оценить? Тем не менее такую возможность никак нельзя было упустить. А потому Стивен ответил:

— С величайшим удовольствием приму ваше предложение.

— Превосходно, — обрадовался Александр. Румянец залил его щеки, а глаза, обычно печальные и потухшие, заискрились под седыми бровями. — Мы будем есть, пить и веселиться.

— Все приготовления я возьму на себя, — сказал Томпсон, уже зная, как сделать этот день по-на-

стоящему особенным для старика.

43

В субботу Стивен вышел из дома рано утром, намереваясь подзаработать. Проводить время с Александром было приятно, но теперь ему как никогда требовались деньги, особенно если он собирался сделать на день рождения старику сюрприз. Вернувшись спустя несколько часов, Томпсон заметил, что в доме стоит непривычная тишина. Обычно из кухни, где хлопотала мисс Хамфрис, доносился шум. К тому же хозяйка всегда выглядывала в коридор, чтобы поздороваться. Однако сейчас ее нигде не было.

Стивен поднялся по лестнице, испытывая разочарование: значит, сегодня не будет ни чайника, который «вот-вот закипит», ни свежей выпечки. Доставая ключ из кармана возле своей двери, он услышал наверху шаги. Мгновение спустя на площадке появился Гилберт.

— Женщина из подвала потеряла ребенка, — произнес он с присущими ему лаконичностью и «обаянием».

Стивен прищурился, не сразу уловив смысл. Неужели этот молчаливый парень думает, будто он украл младенца? Или полагает, что ему известно,

куда тот делся?

— У меня его нет, — нахмурился Томпсон. — Вы вызвали полицию?

— Нет, я имел в виду, что сегодня утром у нее начались преждевременные роды. Произошел выкидыш.

Только теперь Стивен понял.

— Могу я чем-то помочь? — спросил он, желая оказаться полезным.

Гилберт покачал головой:

— Разве что убедить ее мужа проявить хоть каплю сострадания, но у вас это вряд ли получится. За ней присматривает мисс Хамфрис. Я просто подумал, что вам стоит знать. — Он развернулся и поднялся к себе.

Больше говорить было не о чем. Оба мужчины не считали себя вправе — да и не желали — обсуждать столь тягостную тему.

***

Всю свою жизнь Стивен настороженно относился к людям и неохотно заводил друзей. Даже с женщинами у него все складывалось как-то напряженно и неловко. Но теперь он внезапно ощутил в себе перемены. Ему нравилось общество Александра, и, возвращаясь домой, он все чаще искал встреч с мисс Хамфрис — не только

в надежде, что ему предложат печенье. Хозяйка тоже чувствовала себя в его обществе непринужденно и настояла, чтобы он называл ее Агнес.

Однажды вечером они сидели рядом на ее потертом диване. Томпсон сетовал на то, как неудачно сложилась его жизнь, а пожилая дама уверяла, что Стивен еще достаточно молод и его ожидает прекрасное будущее.

— На свете нет ничего невозможного, — повторила Агнес утверждение из детских книжек с волшебными сказками.

Стивен начинал понимать, что друзья способны многому научить. Может, ему стоило получше узнать также Гилберта и жильца из подвала? Кажется, тот водил трамвай и, по словам Агнес, любил делать ставки. А еще — выпить.

Окрыленный оптимизмом хозяйки, Стивен решил, что пора действовать самому, чтобы ускорить перемены к лучшему.

— Это вам, — сказал он на следующий день, положив на сосновый кухонный стол небольшой букет.

По пути домой Томпсон остановился у лотка цветочницы, думая о бедной миссис Смит, но, поддавшись порыву, взял заодно и второй букет — для мисс Хамфрис.

— Ах, как мило. Спасибо. Мне уже много лет никто не дарил цветов. — И Агнес внезапно расплакалась.

Это была не совсем та реакция, которую Стивен ожидал, однако он понял: розовые, сиреневые и бледно-желтые георгины оказались мудрым вложением средств, закрепившим перемены в отношениях с домовладелицей. В благодарность за несколько минут беседы, пару уместных вопросов и внимательных реплик он получал доброту. Агнес всего лишь хотела, чтобы кто-то составил ей компанию, пока она хлопотала на кухне, помешивая кривой деревянной ложкой содержимое алюминиевых кастрюль, и с готовностью слушала, как у Стивена прошел день. Он сочинял истории о работе в банке, придумывал персонажей, чтобы позабавить пожилую даму, а иногда старательно подмечал детали городской жизни, о которых мог ей поведать: растения, птиц, последние газетные заголовки на уличных щитах или модные новинки, особенно шляпки — Агнес питала к ним явную слабость. Оказалось, что дружба — это взаимный обмен, двусторонний процесс. Стоило лишь Стивену это понять, и дело пошло как по маслу.

Затем он спустился в подвал и постучал в дверь,

держа в руках большой букет хризантем. Агнес очень обрадовалась цветам, и, по его мнению, миссис Смит тоже не помешала бы такая поддержка. К удивлению Стивена, молодая соседка встретила гостя сама. Видимо, с маленькими детьми ей было некогда ни лежать, восстанавливая силы после выкидыша, ни оплакивать потерю ребенка. Муж целыми днями на работе, родных поблизости нет. Так что позаботиться о дочерях, кроме нее, некому. Мисс Хамфрис регулярно навещала бедняжку, но у нее также были свои дела, и времени на трех малышек не хватало.

Женщина выглядела бледной, и на лице ее ясно читались следы горя.

— Да?

— Это вам. Мне очень жаль… что так случилось, — сказал Стивен, протягивая цветы как раз в тот момент, когда за плечом миссис Смит появился ее муж.

— С какой это стати ты вдруг даришь цветы моей жене? — спросил Николас, с подозрением щуря глаза.

— Это от всех нас, — пробормотал Томпсон, не желая, чтобы агрессивно настроенный супруг усомнился в его намерениях. Перед ним явно

стоял человек из числа тех, кто предпочитает чуть что пускать в ход кулаки, и Стивену сразу расхотелось познакомиться с ним поближе. — Мы скинулись на букет, чтобы ваша жена знала: мы все очень за нее переживаем.

— Хм. Ну и какой прок от этих чертовых цветов? Их не съешь, на бутерброд не положишь. Постоят пару дней и завянут. Деньги гораздо полезнее, — буркнул муж и ушел.

— Ник чувствует себя виноватым, потому что сам не догадался купить цветы, — прошептала Джемайма, принимая букет. — Спасибо. Я поставлю их в воду. Мне очень приятно ваше внимание.

— Я рад… то есть мы рады. Ой, мне пора, — проговорил Стивен, бросая взгляд на карманные часы. — Я обещал Александру партию в криббедж, а время неумолимо.

***

Здесь, в грязном переулке на задворках района Голдерс-Грин, за дверью без всякой вывески, предлагали любые услуги. Стивен прошел за мрачным ирландцем по длинному коридору и подождал, пока тот постучит условным стуком четыре раза.

Дверь распахнулась, и Томпсон увидел Беккера,

внушительного вида типа, напоминавшего Билла Сайкса[19]. Тот занимался ростовщичеством, не имея лицензии, и вообще не дружил с законом.

Беккер сидел за большим круглым столом, который, как воображал себе Стивен, не раз служил местом для нелегальных карточных игр. Мерцающий свет лампы над головой делал обстановку еще более зловещей.

— Мне опять нужны деньги, — сказал Стивен.

— Ты еще не выплатил предыдущий заем, — возразил ростовщик, потирая грязную бороду и размышляя, стоит ли доверять такому клиенту.

— Но я же своевременно вношу платежи. Дела у меня идут в гору. Я переехал в новые комнаты.

— Мы в курсе, следим за тобой. Красивое местечко. Процент тот же, что и раньше: пенни с шиллинга. Сколько нужно?

Стивен заранее подсчитал, сколько денег потребуется, чтобы устроить Александру день рождения, который запомнится надолго, и без раздумий назвал сумму. Чем скорее он выберется отсюда, тем лучше.

Беккер издал гортанный звук, который, как

---

[19] Примечания: 19

Билл Сайкс — персонаж романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста»; один из главных антагонистов, жестокий преступник и убийца, воплощение грубой силы и звериной жестокости.

догадался Стивен, означал смех.

— Ну и аппетиты! Ты ведь знаешь, что мы найдем тебя, из-под земли достанем, если возникнут проблемы?

Стивен кивнул, показывая, что все прекрасно понимает, однако он не хотел, чтобы неприятности коснулись Бёрлингтон-сквер. Это ведь был его дом. Первый за многие годы.

— Не волнуйся, я рассчитаюсь сполна, — заверил он. — Сейчас дела идут не так бойко. Люди начинают откладывать деньги, чтобы запастись на зиму углем и отметить Рождество, но вскоре все наладится. Это краткосрочный заем, под конкретную цель.

— А разве бывает иначе?

— Я имею в виду, что на сей раз деньги нужны мне для инвестиции, — пояснил Стивен и многозначительно коснулся пальцем носа.

Беккер усмехнулся.

— Ладно, — кивнул он, наклоняясь вперед. — Давай обсудим…

***

В день рождения Александра дождь лил не переставая. Стивен провел утро, помогая хозяйке и ведрами таская из сарая уголь, а после обеда поднялся в комнаты именинника. В такую погоду

птиц в парке не было: людей дождь загнал под крышу, а пернатых заставил прятаться в кронах деревьев.

Он сказал старику, что взял еще один день в счет отпуска, и тот не стал задавать лишних вопросов. Пока они пили чай, Стивен удивлялся, сколько народу пришло сегодня, чтобы поздравить его друга. На втором этаже побывали все жильцы дома 23: Гилберт — с бутылкой неожиданно дорогой мадеры, мисс Хамфрис — с кексом, миссис Смит и ее дочери — они вручили виновнику торжества рисунок, который сделала старшая девочка. Признаться, Стивен так и не понял, что именно было изображено на бумаге, но Александр принял подарок с энтузиазмом. Приходили коллеги-музыканты и члены польской общины, а также разнообразные знакомые, которых мистер Горски приобрел за свою долгую и насыщенную жизнь. О последнем дне рождения Стивена никто даже и не вспомнил, и он встретил его в одиночестве.

Ближе к вечеру они вдвоем отправились в ресторан, столик в котором Стивен забронировал заранее, увидев рекламу в газете. Пока они ждали, когда их отведут к столику, на лбу Томпсона выступили капельки пота. Неужели проница-

тельные глаза метрдотеля видят его насквозь? Догадывается ли тот, что посетитель вовсе не привык к подобным изыскам?

Заказывая еду, он выбрал знакомые и не слишком дорогие кушанья: густой суп с почками, жареную камбалу, бараньи котлеты в качестве основного блюда и десерт «Персики Мельба». Стивен пристально наблюдал за каждым жестом Александра, повторял его движения и во всем руководствовался примером друга: какой бокал взять и куда положить льняную салфетку. Когда он заметил, что сотрапезнику трудно управляться с приборами, то деликатно помог ему, нарезав мясо, как когда-то делала Мерси.

Во время ужина старик, расслабившись после бокала вина, снова рассказал трагическую историю своей первой любви. Грустно было видеть, что он до сих пор не может избавиться от чувства вины, которое усиливалось с каждой беседой.

— Нельзя позволить ошибкам прошлого поглотить нас, — мягко сказал Стивен. Он и сам только начинал этому учиться.

— Я ценю вашу попытку избавить меня от привычки жалеть себя, сынок, — ответил Александр, наклонившись вперед и похлопав его по руке. Разумеется, слово «сынок» не стоило понимать

буквально — Стивен не раз слышал, как старик называл так любого, кто был значительно моложе его самого, но у него все равно перехватило горло. — И благодарю вас за дружбу. После смерти мистера Блэндфорда я чувствовал себя совершенно потерянным. У меня сегодня было много визитеров. Но есть разница между человеком, который раз в год заходит поздравить тебя с днем рождения, и тем, кто жертвует каждым воскресеньем, чтобы скрасить твое одиночество.

Александр замолчал, и его взгляд затуманился, как будто он смотрел сквозь Стивена. А затем продолжил:

— Покойный Натаниэль искренне интересовался людьми и относился к ним с любовью. Мог заговорить со случайным попутчиком в автобусе или с незнакомцем у барной стойки. Вечно болтал без умолку, но мне это нравилось. Светлая натура. «Не зацикливайтесь на проблемах, мистер Горски, — советовал он. — Ищите решения». Единственный минус заключался в том, что, стремясь к общению, Натаниэль порой не позволял собеседнику вставить хоть слово, — усмехнулся Александр. — Не все обладают избытком времени, как я. Боюсь, люди иногда избегали Натаниэля, пытались отделаться от

него, чтобы не увязнуть в долгой беседе, которой конца и края не предвидится. Но он никогда не обижался. — Старик улыбнулся, цепляя вилкой картофель. — И это мне особенно в нем нравилось. Натаниэль стал мне почти как родной.

Стивен подумал, что сейчас самое время для того, чтобы более откровенно рассказать о себе. Естественная пауза в разговоре позволила ему сменить тему.

— Мое детство было трудным, — начал он. — И дело тут не только в стесненных финансовых обстоятельствах, но и в отсутствии в доме любви. Дети всегда чувствуют, любят их или нет, и я остро ощущал, что нелюбим. Увы, я так и не сроднился со своей приемной семьей. Наверное, ваш мистер Блэндфорд сказал бы, что во всем надо искать плюсы. У меня ведь были еда и крыша над головой, а в мире полно людей, у которых нет ни того ни другого. Ну а потом, попав на войну, я видел, как рядом постоянно погибали мужчины моложе и достойнее меня, поэтому грех жаловаться на судьбу. Я гордился тем, что служил своей родине.

— По крайней мере, у вас есть родина — та, что омывается морем и имеет границы. Польша же до Мировой войны существовала лишь в памяти.

Россия, Пруссия и Австро-Венгрия разделили ее, как пирог между тремя голодающими. О стране моих предков рассказывали в семейных легендах, но живых свидетелей ее былого величия не осталось. Она была стерта с карты на целое столетие, однако жила в наших сердцах. — Старик поднял искривленную артритом руку и несколько раз ударил себя кулаком в грудь. — И теперь Польша снова существует, хотя мы все еще спорим о ее границах.

— Вы собираетесь вернуться на родину? — спросил Стивен, но Александр покачал головой.

— Думаю, часть моего сердца навсегда останется у Вислы: ее притоки объединяют людей, формируют ландшафт, экономику и саму душу страны. В детстве я играл на песчаных берегах этой великой реки, у меня сохранились светлые воспоминания о готических замках и дворцах вдоль ее русла… Но теперь там не осталось никого, кто помнил бы меня, а ведь в этой стране я прожил больше лет, чем где бы то ни было. Если дом там, где находится твое сердце, то, пожалуй, мой дом здесь. Те, кто был для меня дороже всех на свете, покоятся в английской земле: жена, первая любовь и, возможно, даже сын.

— По крайней мере, у вас есть место, которому

вы принадлежите. Вы знаете, где ваши корни. А вот я вряд ли узнаю тайну своего происхождения, — заметил Стивен. — Моя родная мать либо не захотела меня воспитывать, либо не могла содержать и потому отдала в чужие руки.

Александр едва не поперхнулся десертом:

— Вы были подкидышем?

Стивен кивнул:

— Да. Я не говорил об этом раньше, потому что не хотел бередить ваши раны.

— Напротив, — возразил собеседник, — это вселяет в мое сердце надежду, что и мой ребенок, как и вы, тоже достойно живет где-нибудь в этом мире. Несмотря на нелегкий старт, вы получили профессию, занимаетесь уважаемым делом. К тому же вы добрый и чуткий человек. — Старик улыбнулся и промокнул уголок рта огромной льняной салфеткой. — Какой чудесный ужин! Я не позволю себе сказать ни одного дурного слова о кулинарии дорогой мисс Хамфрис, но здешняя кухня превзошла все мои ожидания.

— Я очень рад, что вам понравилось, но это еще не все, — ответил Стивен. — Праздник продолжается.

Теперь он наконец понял, что волнение в предвкушении вручения подарка может затмить

даже радость от его получения. С тех пор как Стивен задумал сюрприз ко дню рождения друга, он весь аж изнывал от нетерпения.

— Праздник продолжается? — озадаченно переспросил пожилой джентльмен.

— Ну да, мы идем на концерт.

На лице Александра отразилось искреннее удивление, быстро сменившееся недоверием, а затем восторгом. Стивен понял, какую силу дает материальное благополучие: с его помощью можно изменить день — а порой и целую жизнь — того, кто тебе дорог. Неподдельная радость, которую испытал именинник, стоила всех рисков, связанных с новыми долгами.

Они поймали кеб и покинули центр столицы, отправившись в один из небольших концертных залов.

Здание было построено в неоклассическом стиле, пояснил Александр, когда они стояли в главном вестибюле восьмиугольной формы, любуясь архитектурой. Вокруг царило оживление: дамы в вечерних платьях обмахивались веерами, джентльмены щеголяли в смокингах. Часть взятых у ростовщика денег Стивен потратил на такой же смокинг, сочтя это необходимым вложением в будущее, ведь он надеялся, что впереди

у него еще много подобных вечеров в обществе Александра.

— Мне не удалось достать билеты в более респектабельное место, вроде Альберт-холла, но знающие люди горячо рекомендовали мне этот квартет, — пояснил он.

Заранее все разузнав и прикинув свои возможности, Стивен надеялся, что старик останется доволен.

— Как бы ни был прекрасен Альберт-холл, его купольный потолок вызывает неприятное эхо, которое никто до сих пор не смог устранить. Роскошное не всегда значит лучшее, — заметил мистер Горски, беря в руки программку. — Фортепианный квартет. Очаровательно. Камерная музыка, вне сомнения, предназначена для близких друзей.

Стивен испытал облегчение: подарок пришелся имениннику по душе.

Всего прозвучало восемь произведений, среди них — сочинения Мендельсона и Бетховена, о которых Стивен по крайней мере слышал. В целом ему понравилось, хотя он прекрасно понимал, что не улавливает всех нюансов. Однако Александр был в восторге — не из-за искусной игры (выяснилось, что пианист слишком волновался,

и это сказалось на исполнении), а потому что вновь оказался в концертном зале, видел, как музыканты ласкают инструменты, и чувствовал, как звуки наполняют пространство.

— Увы, когда я слушаю граммофон, треск иглы, бегущей по дорожке, становится частью мелодии, — посетовал Александр, пока Стивен поддерживал его под руку в ожидании кеба. — Акустика моей спальни на втором этаже не способствует глубине звучания. Но сегодня… сегодня я закрыл глаза — и снова растворился в музыке. — Он повернулся к спутнику. — Не знаю, как вас и благодарить. Вы сделали старика по-настоящему счастливым.

— Жаль, что масштаб мероприятия был весьма скромен.

— Дорогой мой, да я бы с радостью послушал сейчас и уличного скрипача, играющего народные песни, — усмехнулся Александр. — Вы вывели меня из дома и вернули в большой мир. Ваша забота не знает равных.

— Ну что вы, право. Мне и самому приятно видеть, что вы счастливы.

— О, посмотрите-ка, вон идет мистер Кармайкл. Он управляющий в одном из крупных инвестиционных банков. Давайте попробуем его догнать.

Возможно, у вас есть общие знакомые. Вы в каком банке служите?

Стивен отвернулся, пробормотал что-то невнятное и притворился, что завязывает шнурок. Когда он снова выпрямился, почтенный джентльмен уже исчез из вида. Это был опасный момент: если бы разговор коснулся банковских дел, обман бы мигом раскрылся. Мысль о том, что Александр мог разочароваться в нем, заставила сердце Томпсона гулко забиться в груди.

Что ж, это ему урок на будущее: не стоит лишний раз показываться на людях, особенно в обществе мистера Горски, который, похоже, знает всех вокруг. Делать добро, безусловно, приятно, но как бы это его не погубило.

44

«Ну, наконец-то все начинает складываться, как надо», — подумал Стивен, покидая наутро Бёрлингтон-сквер. Пусть на нем и висел новый долг, денег хватало, чтобы вносить платежи ростовщику и даже заранее рассчитаться за квартиру с Агнес. Она постоянно подкармливала жильца, позволяя экономить пенсы, которые он иначе потратил бы в закусочных или чайных. Кроме того, Томпсон неплохо зарабатывал на подвыпивших и самоуверенных завсегдатаях пабов. В тот день, вопреки обыкновению, он решил попытать счастья в центре города. Ему хотелось вернуться через Хаттон-Гарден и заглянуть к одному господину на Гревилл-стрит. Дело в том, что в руки к нему попал дорогой перстень, украшенный тройной композицией из рубинов и бриллиантов, ценность которого Стивен, в отличие от прежнего владельца, прекрасно знал.

Он зашел к ювелиру, которого ему порекомендовали еще прежде, во время постоянных скитаний с места на место. С тех пор как Стивен оказался в Лондоне, тот периодически покупал у него карманные часы и прочие вещи, добытые

с помощью хитроумных трюков у незадачливых игроков, которые ставили на кон свое имущество. На сей раз Томпсон не стал продавать перстень, а заложил его, причем на необычных условиях: взял меньше истинной стоимости, но договорился, что ювелир придержит украшение на полгода. Стивен надеялся сейчас поправить свои финансовые дела, а затем, если удастся собрать за шесть месяцев нужную сумму, выкупить драгоценность и вернуть ее прежнему владельцу.

Постепенно пробуждавшаяся в сердце сострадательность была Томпсону в новинку. Делать людей счастливыми оказалось сродни наркотику, от которого он начал зависеть. Стивен и сам не заметил, как жильцы дома 23 на Бёрлингтон-сквер пробрались в его пустое, но, как выяснилось, удивительно большое сердце и растопили лед. И теперь он искренне переживал буквально за всех: от бездомных кошек, рыщущих по улицам в поисках объедков, до одноногого ветерана, просившего милостыню на углу в Ковент-Гардене. Стивен даже бросил пенни в фуражку бедняги, ведь у него самого все-таки были кров и обе ноги.

Ну а потом… Возможно, все дело было в пружинистой легкости шага или же он проявил

неосторожность, когда достал пачку банкнот, расплачиваясь за салат с говяжьим языком и помидорами в кафе «Лайонс Корнер-хаус». Как бы там ни было, возвращаясь тем октябрьским вечером на Бёрлингтон-сквер, Томпсон, уже неподалеку от дома, понял, что за ним следят.

Он перешел на другую сторону улицы, и, конечно же, худощавый мужчина в шерстяном костюме и кепке последовал за ним. Остановившись у обувной лавки, Стивен сделал вид, что разглядывает витрину, но краем глаза наблюдал, как незнакомец прячется в дверных проемах и избегает его взгляда.

Только свернув в узкий переулок, которым он часто пользовался, чтобы срезать путь, Стивен заметил на другом его конце второго мужчину, широкоплечего и тоже в шерстяной кепке. Слишком поздно он сообразил, что эти двое действуют заодно. А ведь сейчас все его деньги были при нем. Если их отнимут, у него совсем ничего не останется. Он замедлил шаг, услышал, как преследователь приближается, и резко обернулся, встретившись с ним глазами. Стивен был выше обоих грабителей, но значительно их старше, и, когда первый подошел ближе, он увидел, как тот вытащил из-под пиджака кочергу. Неужели

его собирались избить таким заурядным предметом?

— Джентльмены, подумайте хорошенько, действительно ли вам это нужно? — взмолился он.

Ответом стал резкий удар в живот, который нанес второй мужчина, внезапно оказавшийся рядом.

— Ты никак деньгами разжился, старик, да? — усмехнулся один из бандитов. — Может, поделишься с нами удачей?

Однако это был риторический вопрос: слушать ответ Стивена никто не собирался. Град ударов обрушился на его скорчившееся тело, а затем последовал подлый пинок в пах. Когда грабители убедились, что жертва не окажет сопротивления, Стивен окончательно и бесповоротно расстался со своей удачей.

45. Платье из голубого шелка

Оно висело в глубине ее огромного викторианского шкафа. Еще одна вещь, за сохранность которой Агнес особенно переживала: как бы моль не добралась. Голубое шелковое платье с парчовыми вставками на лифе и нижней юбке, с нелепым турнюром — таким огромным, что на нем можно было расставить целый чайный сервиз. Как же она в свое время ненавидела надевать кринолин. Агнес улыбнулась: нынешние женские наряды были куда более практичными и гораздо менее вычурными.

Она взяла деревянную вешалку и повесила платье на карниз, сравнивая его силуэт со своим отражением в зеркальной дверце шкафа.

Конечно, в ту пору она была молоденькой девушкой и, хотя никогда не отличалась худобой, все же не такой полной, как теперь. Дафна не понимала, зачем сестра хранит старую безвкусную вещь, которая ей не по размеру и, как она беспощадно замечала, уже никогда не будет впору. Лишний вес всегда был врагом Агнес. Возможно, с годами она привыкла заедать одиночество. Запертая дома с отцом, не имея возможности часто

выходить в свет, она утешалась едой. Особенно ей нравились сыр и мучное. Она сама любила печь и делала это вдохновенно, правда ее изделия вряд ли можно было назвать вершиной кондитерского искусства. И хотя под конец жизни аппетит у отца угасал, еда оставалась одной из немногих нитей, связывавших Агнес с рассеянным разумом Томаса Хамфриса. Мир вокруг все чаще пугал и смущал его, но, когда старика удавалось усадить за стол, к нему возвращались ясность ума и душевное равновесие.

После смерти отца осталась привычка устраивать поздние ужины в тишине большого дома, в компании путеводителей и чучела канарейки. Когда же число жильцов стало расти, кулинарные способности Агнес вновь оказались востребованы и, что гораздо важнее, оценены по достоинству. Теперь она понимала, почему отец любил шутить, что худых поваров не бывает.

Такими, на ее взгляд, пустяками, как красивые наряды, Агнес начала интересоваться, лишь когда в ее жизни появился Джеймс. Сейчас она сняла платье с вешалки и приложила к себе: его ширины едва хватало, чтобы прикрыть половину ее нынешней фигуры. В юности проклятые корсеты изо всех сил старались придать ей, в

соответствии с модой, осиную талию, но даже тогда это было непосильной задачей для нескольких полосок хлопка, пары косточек и прочной шнуровки. Агнес прищурилась, глядя на свое отражение в зеркале и вспоминая события почти сорокалетней давности.

Тогда она гуляла по городу под руку с Джеймсом. Они проходили мимо магазина тканей. Ее привлекло красивое голубое шелковое платье на манекене. Джеймс уловил мечтательный взгляд своей спутницы.

— Представляю тебя в платье из такой роскошной ткани, — сказал он, переводя взгляд с нее на витрину. — Давай зайдем и спросим, сколько она стоит?

— Ой, это ни к чему. Такой изысканный шелк слишком наряден для дневного времени, а по вечерам я почти никуда не выхожу.

— Тогда мы это исправим. Такая очаровательная юная леди заслуживает красивой жизни, должна посещать балы и театры. Ты достойна того, чтобы за тобой ухаживали по всем правилам.

Агнес покачала головой. Очаровательной она себя не считала. Ее склонность без обиняков говорить все, что придет в голову, порой забавляла, но куда чаще оказывалась неуместной. Джеймс

просто дразнил ее.

— Я не могу надолго оставлять отца. Он болен. Выходы в свет возможны, только если найдется тот, кто посидит с ним.

— Расцениваю это как согласие и обещаю сводить тебя в театр. Но при условии, что ты позволишь мне купить несколько ярдов шелка и закажешь точно такое же платье. Мы должны впускать в жизнь то, что приносит радость: от произведений искусства до красивых нарядов.

Новый мир, который открывал перед Агнес Джеймс, одновременно восхищал и пугал девушку. Он рассказывал ей, в каких кругах вращался, какие приемы посещал и в каких дальних странах побывал. Похоже, и ей тоже предстояло стать частью этого мира.

Агнес нашла подходящую портниху и, когда платье было готово, впервые отправилась вместе с Джеймсом в один из театров Вест-Энда. В последний раз она ходила на спектакль с отцом, но теперь он уже не мог сопровождать дочь.

Холодным декабрьским вечером они вышли из театра и остановились под светом фонаря. Их дыхание превращалось в пар и смешивалось. И тут к ним вдруг подошел какой-то плотный мужчина.

— Хант! — воскликнул он. — Это и есть та самая юная леди, что вскружила тебе голову? — Он окинул Агнес взглядом, и его глаза засверкали, как звезды над их головами. Безоблачное небо сулило морозную ночь, и девушка тревожилась, как их семья переживет суровую зиму: хватит ли денег на все необходимое? — Этот парень так околдован вами, юная леди, что не может толком сосредоточиться на работе: все про вас думает.

Агнес залилась румянцем, но с удовлетворением заметила, что Джеймс не покраснел. Он редко смущался, и уж точно не из-за прямоты своей спутницы. Иногда девушке казалось, что он проводит с ней время лишь потому, что она его забавляет. После того безрассудного поцелуя в гостиной на Бёрлингтон-сквер они больше не целовались, хотя Джеймс по-прежнему приглашал ее на прогулки.

— Так и есть, — отозвался он. — Позвольте представить вам мисс Агнес Хамфрис. А это мистер Джордж Палмер.

Лишь через мгновение она вспомнила, что Джеймс работает в компании «Палмер и Дрейтон».

— Очень приятно, — сказал джентльмен, пожимая ей руку и кивая. — Я бы с радостью

задержался, но, кажется, меня зовут.

И новый знакомый помахал рукой какой-то женщине на другой стороне улицы. Собираясь уйти, он жестом показал Джеймсу, что хочет сказать ему пару слов наедине.

Они отошли, и мистер Палмер понизил голос, однако Агнес все же расслышала:

— И помните, Хант, я жду вашего решения насчет назначения в Индию к концу месяца.

После чего мистер Палмер направился к женщине, которую Агнес сочла его женой.

Так вот в чем дело! Джеймс, оказывается, собирался уехать за границу и просто коротал с ней время до начала новой жизни в другой части света? Джеймс, который, в отличие от Агнес, не чувствовал потребности делиться каждой мыслью, ничего ей не сказал, но внутри у девушки все сжалось.

Когда они устроились в кебе, он посмотрел на нее и взял за руку. Агнес, не питавшая слабости к глупым романам, не привыкла к подобным знакам внимания. Когда ее спутник наклонился ближе, она не сразу поняла, что происходит.

— В этом платье ты просто неотразима, — промолвил Джеймс, на миг посерьезнев. — Я знал, что так и будет.

— Я очень рада, что у меня появилась возможность надеть его. В театр я не ходила уже много лет, и, хотя кое-что в спектакле осталось для меня непонятным, я искренне благодарна тебе за…

— Агнес Хамфрис, перестань тараторить и позволь мне занять эти удивительно притягательные губы куда более важным делом, — произнес Джеймс с притворной серьезностью, и ее сердце подпрыгнуло.

Он собирался поцеловать ее снова. Агнес застыла, не успев прикрыть рот, а он наклонил голову, обнял девушку за талию, обтянутую голубым шелком, и заставил ее замолчать на целую минуту. Для Агнес это было немалым достижением.

46

Сидя в переулке на земле, привалившись спиной к грязной стене и корчась от боли, ошеломленный Стивен гадал: напали ли на него люди Беккера, напомнив таким образом, что следят за каждым его шагом, или же это было случайное ограбление — расплата за неосторожность, с которой он выставил напоказ свое мнимое благополучие? Стивен не знал ответа на этот вопрос, однако прекрасно понимал: если в ближайшее время не получится наскрести денег, чтобы начать выплаты, его ждет новая взбучка, и в следующий раз дело может не ограничиться парой треснувших ребер и пинком в пах.

— Я прощаю вас за то зло, что вы мне причинили, — пробормотал Томпсон себе под нос, глядя вслед уходящим грабителям. Он не был уверен, что говорит искренне, но изо всех сил старался стать лучше. Эти люди увидели легкий способ поживиться и без колебаний им воспользовались. Он и сам много раз поступал так же, разве что не прибегая при этом к насилию. — Пусть и Господь милосердный тоже вас простит.

У Стивена были своеобразные отношения с

верой. Церковь Святого Петра стала первым за долгие годы местом, где он получил хоть какое-то утешение и, к своему удивлению, понял, что религия ему по душе. Правда, он испытывал некоторые сомнения относительно того, что Бог существует, но, будучи заядлым игроком, решил рискнуть и, так сказать, сделать ставку. На случай, если там, на небесах, кто-то действительно ведет счет нашим деяниям, Стивен держал в голове что-то вроде гроссбуха с перечнем добрых и дурных поступков, убежденный, что, пока добро перевешивает зло, ему все простят. Иными словами, каждый грех можно искупить. А что, если, простив сейчас этих грабителей, он сумеет погасить долги перед своей собственной совестью?

***

Спустя какое-то время Стивен понял, что у него нет иного выхода, кроме как вернуться домой. Но как объяснить Агнес, что случилось, если, судя по боли, которую он испытывает, у него сломано ребро, на белой рубашке алеют пятна крови, а шляпа теперь годится разве что для пугала?

Хозяйка услышала, что дверь хлопнула, и, как повелось в последнее время, крикнула, чтобы Стивен зашел в кухню: чайник недавно вскипел.

— Не сегодня. Я поднимусь к себе. Мне что-то…

Но Агнес, слегка переваливаясь с ноги на ногу, уже вышла из кухни с тарелкой печенья.

— У меня печальные новости… Ах, мистер Томпсон! — воскликнула она. — Что с вами?

Стивен держался за перила лестницы, согнувшись почти пополам. Хозяйка поставила тарелку на буфет, потеснив безделушки и щетки для одежды, и бросилась к нему.

— На вас напали? — спросила она, в очередной раз подтвердив, что самое очевидное объяснение и есть верное.

— Да, меня подстерегли и ограбили, — признался он.

— Нужно немедленно вызвать полицию, — заявила Агнес и повернулась, чтобы пойти в гостиную, где стоял телефон.

Стивен в ужасе схватил ее за руку. Он не мог допустить, чтобы всплыла неприятная правда, а это неизбежно произойдет, если привлечь к делу полицию.

— Нет! Пожалуйста, не надо. — Он судорожно пытался придумать причину, почему случившееся следует держать в тайне. — В банке не должны ничего узнать. Видите ли… в одном из заездов лошадь носила имя моей бывшей возлюбленной. Я не любитель азартных игр, но тут не удержался

и сделал ставку. Выиграл порядочную сумму.

— Бедняга! Мгновение слабости, случайный выигрыш, и теперь удачу вырвали у вас из рук.

Ирония заключалась в том, что, хотя Стивен Томпсон оказался не столь уж безупречным, хозяйка прониклась к нему еще большим доверием. Такова была Агнес: она любила людей и вещи за их несовершенства.

— Ничего, синяки заживут, хотя очень жаль, что с выигрышем пришлось распрощаться: я собирался купить сладости дочерям Джемаймы, может быть, новую шляпку для вас, а еще хотел устроить прогулку для мистера Горски. Но на работе не должны знать о моей слабости, пусть даже и случайной. Ах, какая глупость! — простонал он. — Пожалуйста, никому ни слова.

Хотя причину, по которой у него якобы появилась крупная сумма, Стивен выдумал, однако, говоря о своих планах насчет того, как хотел ею распорядиться, не соврал. Он занял деньги у Беккера вовсе не с целью потратить их себя, но желая порадовать Александра и прочих друзей с Бёрлингтон-сквер, а то, что он получил от ювелира под залог перстня, покрыло бы первый взнос. Однако, несмотря на благие намерения, судьба в очередной раз обошлась с ним несправедливо.

Но Агнес не успокаивалась:

— У меня аж кровь закипает при мысли, что в мире есть люди, готовые отобрать деньги силой, вместо того чтобы честно трудиться. И мне совсем не нравится, как выглядит ваш глаз. Давайте я хотя бы доктора позову. Пусть осмотрит ваши раны: после того, что случилось с бедным мистером Блэндфордом, лучше подстраховаться.

— Нет, правда не стоит, я не хочу лишнего шума, — отмахнулся Стивен. А он и не заметил, что пострадал глаз, но, проведя по лицу пальцем, понял, что тот распух.

— Тогда пусть хоть Джемайма Смит посмотрит. Она в этом разбирается, — настаивала Агнес.

Хозяйка помогла постояльцу дойти до гостиной и усадила его на диван, заверив, что пятна крови на обивке волнуют ее меньше всего. Она сочувственно вздохнула:

— Я так волнуюсь за вас, мистер Томпсон. У вас ведь нет родных, так что некому о вас позаботиться.

— Меня тяготит не отсутствие семьи, — ответил он, пытаясь устроиться на бугристом диване. — Просто только жизнь наконец-то начала складываться, и вдруг…

Стивен поднял взгляд на пожилую даму. Сле-

зы сочувствия в ее глазах показывали, что она разделяет его боль. Отец всегда твердил Стивену, что проявлять эмоции на людях — это слабость, но сейчас он, как говорится, дошел до ручки. Месяцы отчаянных усилий, которые он прилагал для того, чтобы вырваться из безысходности и стать лучше, были перечеркнуты парочкой каких-то уличных грабителей. На Бёрлингтон-сквер он обрел настоящих друзей, но теперь, вероятно, придется расстаться с этими дорогими ему людьми.

— Похоже, таким, как я, просто не суждено преуспеть, — заключил Томпсон.

Агнес, осторожно, чтобы не причинить боли, положила руку ему на плечо.

— Жизнь умеет удивлять. Порой она наносит жестокие удары, но может также радовать и восхищать. Моя жизнь сложилась не совсем так, как я представляла, но мне нравится думать, что счастье ждет где-то рядом, за поворотом. Взять хоть Екатерину Первую, дочь литовских крестьян, ставшую императрицей России. Или Диккенса, который черпал материал для романов из своего тяжелого детства. В итоге у них все сложилось неплохо, правда? — улыбнулась она. — Не унывайте, мистер Томпсон. Уверена, что впереди нас

обоих ждет что-то хорошее и светлое.

С этими словами Агнес ушла за Джемаймой и буквально через несколько минут привела ее в гостиную, после чего сама вернулась на кухню, чтобы заварить крепкий чай: она свято верила в целебные свойства этого напитка.

— Мисс Хамфрис сказала, что вы серьезно пострадали, — произнесла молодая мать, окидывая Стивена взглядом. — Ого! — Она шумно втянула воздух. — Агнес не ошиблась. Давайте посмотрю. Я ведь до замужества, еще в те времена, когда надеялась сделать карьеру, закончила курсы медсестер.

При появлении женщины Стивен попытался было встать, как того требовали хорошие манеры, однако она махнула рукой:

— Не утруждайтесь. Николас давно уже этим не заморачивается.

— Спасибо, что откликнулись, миссис Смит. Я угодил в неприятную историю, но должен радоваться, что кочерга, которой злоумышленники размахивали, использовалась лишь для устрашения и они орудовали в основном кулаками… Хотя самым болезненным оказался прощальный пинок.

— Кочерга? — переспросила Джемайма, по-

бледнев. — Господь милосердный! Ну почему мужчины так жестоки? Все чаще ловлю себя на мысли, что думаю о сильном поле без особого почтения, не в обиду вам будь сказано, мистер Томпсон. Хотя, конечно, и среди нас встречаются так называемые гнилые фрукты. Но женщины редко пускают в ход кулаки, чтобы решить проблему. И уж точно не топят свое горе в выпивке… — добавила она с тоской.

Джемайма опустилась рядом с ним на колени и подняла брови в немом вопросе, можно ли осмотреть ушибы. Он кивнул.

— Еще раз спасибо за цветы. Мисс Хамфрис сказала, что на самом деле они были от вас, а не от всех жильцов дома. Вообще-то, ничего особенного со мной не произошло, выкидыши — обычное дело.

Стивен вздрогнул от ее прикосновения, но стойко терпел, хотя понимал: если ребро треснуло, тут все равно уже ничего не поделаешь.

— Ну да, как известно, такое случается сплошь и рядом. Но от этого ведь боль каждой конкретной женщины не становится меньше.

Она благодарно сжала его руку и слабо улыбнулась.

— Боюсь, мне предстоит пройти через это сно-

ва. Николасу непременно нужен сын, а я пока не смогла подарить ему наследника. Но раз уж я выбрала путь материнства, то должна стойко выносить все связанные с ним тяготы. — Джемайма покачала головой, как будто только что осознала, что слишком откровенна с почти чужим человеком. — Простите за прямоту. Эмоции у меня сейчас бьют через край. Я слишком много времени провожу с Агнес. Сегодня она сидела со мной и девочками, безутешная из-за того, что молодая вдова вернулась обратно в Суффолк.

Значит, вот о каких печальных новостях говорила хозяйка, когда он вошел в дом.

— Когда утром Мерси не пришла помочь, как обычно, Агнес позвонила в пансион и узнала, что поздно вечером за ней приехали родственники и увезли бедняжку домой. Она не хотела возвращаться и все время плакала. Мисс Хамфрис винит себя: твердит, что должна была проявить к ней больше участия. Бедный Гилберт еще ничего не знает. Мне кажется, он был неравнодушен к Мерси.

Джемайма опустилась на пятки и пристально посмотрела на Стивена:

— Наверное, у каждого на Бёрлингтон-сквер есть свои тайны. У меня так точно. Гилберт, слов-

но призрак, бродит по мансарде и никогда ничего не рассказывает. Мистера Горски мучает чувство вины за прошлое. Думаю, тайны есть и у вас тоже, раз вы не захотели позвать доктора. — Ее левая бровь многозначительно приподнялась. — Единственный человек в этих стенах, кому нечего скрывать, — это мисс Хамфрис. Даже если бы она вдруг кого-нибудь убила, то давно бы уже всем об этом рассказала.

Оба улыбнулись, и Стивен не стал возражать. Он знал, что его тайны были самыми мрачными.

***

После недели отдыха и восстановления сил (не без помощи говяжьего бульона мисс Хамфрис) Стивен снова отправился в Голдерс-Грин. Этот визит был ему неприятен, но подходил срок первого платежа по займу, а если он не придет вовремя, то Беккер — или, что еще хуже, его люди — явятся сами. Может, если он будет честен… и объяснит про нападение…

Ночь стояла холодная. Сгорбленные фигуры ютились в дверных проемах, ярко накрашенные женщины выходили из тени, предлагая услуги, которые Стивен не мог себе позволить. Дорога пешком заняла два часа в один конец, и от физических усилий грудь нестерпимо болела, но денег

на трамвай или автобус не было. Утешением служило разве что созерцание величественного небосклона: звезды мерцали огоньками надежды на черном покрывале пустоты. Чем дальше Томпсон уходил от Темзы, тем слабее становился зловонный запах.

— Я к Беккеру, — сказал он ирландцу.

Его снова провели по темному коридору. Ирландец четырежды стукнул в дверь, и та отворилась. Беккер сидел за круглым столом — на этот раз с женщиной на коленях. Завидев посетителя, она вскочила и растворилась во мраке.

— Ты принес мне деньги? — спросил Беккер.

— Нет, я пришел объяснить…

— Мне не нужны объяснения. Или плати, или будешь иметь дело с моими людьми. — Он потянулся к стакану виски. — Лайам, выведи его.

Похоже, на этом встреча закончилась: Стивена грубо схватили за воротник и потащили обратно в коридор.

— Но на меня же напали. — Глаза Стивена округлились, а голос сорвался на визг. — Двое громил подкараулили меня в переулке и отобрали все. У меня были при себе деньги, взятые у Беккера, и еще некоторая сумма, а теперь ничего не осталось. Разве вы не видите синяки? Меня

чуть не убили.

— Может, ты врешь, а синяки тебе жена наставила, — усмехнулся Лайам. — И, если честно, я слышал более оригинальные оправдания.

— Вы прекрасно знаете, что я не женат.

Любые возражения были бесполезны: эти люди не собирались слушать разумные доводы.

— Подумаешь, маленько избили его, — вмешался второй парень. Вида он был самого мрачного, а голос его напоминал рык. — Погоди, вскоре ты поймешь, что это еще цветочки. Имей в виду: Беккеру наплевать, что там с тобой случилось, его интересует только ваш уговор. Или принесешь деньги к концу следующей недели, или мы навестим тебя дома. — Он похлопал по револьверу «уэбли» у себя на поясе. — И еще накинем сверху два шиллинга за хлопоты. — Ну а коли ты и после этого не образумишься…

— Джентльмены, ну подумайте сами: какой вам прок от меня мертвого?

— Очень даже большой: злостных неплательщиков у Беккера сразу поубавится, когда они услышат, что бывает с должниками.

Прекрасно. Значит, его хотят проучить в назидание прочим. Стивен тяжело вздохнул. Что за напасть! Его ограбили как раз тогда, когда жизнь

стала потихоньку налаживаться. И теперь он снова скатывался в ту самую яму, из которой с таким трудом долго выбирался.

Томпсона бесцеремонно вытолкали за порог, захлопнув дверь и оставив его один на один с тягостными мыслями: бедняга понимал, что время на исходе, а шансов выкрутиться у него почти нет.

47

Стивен не мог позволить дурным людям творить зло, подвергая опасности жителей дома на Бёрлингтон-сквер. Чтобы уберечь их, он должен был немедленно уехать и начать все заново на новом месте, в каком-нибудь другом крупном городе, например в Манчестере, где можно было бы затеряться, но при этом продолжать работать. Как ни жаль было времени, впустую потраченного на тщательную подготовку, Стивен понимал, что отступление неизбежно.

Он не сомневался, что будет искренне скучать по Агнес и Александру, и это было весьма неожиданно. Хотя чему тут удивляться: ведь эти люди проявили по отношению к Стивену доброту и пробудили в его сердце сострадание. Покупка цветов для Агнес и Джемаймы доставила ему необъяснимую радость, как и явное удовольствие, которое испытывал Александр от общения с ним. Эти чувства — вдохновение от бесед со стариком, ком в горле, когда домовладелица похлопывала его по руке, и даже нежная забота Джемаймы — были для Томпсона в новинку, а ведь, покинув дом на Бёрлингтон-сквер, он на-

веки их лишится. Но, как бы то ни было, выбора нет: он просто обязан уйти.

Стивен начал собирать свои скромные пожитки и решил незаметно исчезнуть в воскресенье ночью. Так, говорил он себе, будет гораздо проще, чем придумывать оправдание внезапному отъезду; но истинная причина заключалась в том, что прощание могло оказаться слишком тяжелым. Однако он должен был еще раз увидеться с Александром, пусть даже тот и не знал, что их встреча окажется последней.

— Так, значит, на самом деле на вас напали грабители? — проговорил Александр, когда они слушали на граммофоне концерт классической музыки. — Вы на прошлой неделе сказали, что якобы вам в глаз угодил мяч для крикета, а теперь выясняется, что все было иначе.

Прихожане в церкви тоже интересовались, откуда взялся фингал под глазом, и Стивен отвечал им то же самое: мальчишка на поле неосторожно запустил мяч.

Томпсон вздохнул, понимая, что должен сообщить старику хотя бы долю правды, и подозревая, что тот уже знает больше, чем кажется.

— Ну да, на меня напали. Двое мужчин подстерегли меня недалеко от дома и забрали все, даже

карманные часы. Но я попросил мисс Хамфрис никому об этом не рассказывать. — Нетрудно было догадаться, откуда польский джентльмен узнал правду. — Слишком стыдно признаваться, что я не сумел защититься.

— Неужели у полиции нет никаких зацепок? — спросил Александр. — Наверняка это члены какой-нибудь банды. Они превращаются в настоящее бедствие: запугивают лавочников и содержат игорные притоны.

— Я не заявлял в полицию, — ответил Стивен. — Не хочу, чтобы в банке узнали.

— Мисс Хамфрис сказала, что у вас была при себе немалая сумма?

— Все произошло из-за моей собственной глупости. Наверное, я проявил неосторожность, когда убирал деньги в карман. За мной проследили от пивной, где я поужинал после тяжелого рабочего дня. Подкараулили в темном переулке и избили. Думаю, стоит возблагодарить судьбу за то, что все не обернулось еще хуже.

Стивен замолчал, вспоминая слова Агнес. А вдруг лучшие времена и правда близко? Может, стоит быть откровенным с новым другом и рассказать тому о своих обстоятельствах? Если уж он все равно собрался бежать, терять было нечего.

Томпсон с трудом сглотнул и признался:

— Если уж говорить начистоту, мое финансовое положение далеко от благополучия. После войны мне пришлось очень туго. Я получил место клерка в банке только благодаря одному человеку, которому когда-то помог. Потеря денег — страшный удар для меня.

— Да, мы с мисс Хамфрис подозревали нечто в этом роде. Вас выдала одежда, немного поношенная и старомодная.

Ну надо же! Стивен думал, что сумел всех провести, а эта проницательная парочка, оказывается, давно поняла, что дела его обстояли не так радужно, как он пытался показать окружающим. Однако же… осознание того, что Стивен не столь удачлив и в его жизни есть доля притворства, почему-то лишь еще больше располагало к нему и Агнес, и Александра. Воистину, люди странные создания.

— Я хочу, чтобы вы это взяли, — проговорил вдруг мистер Горски, протягивая ему плотный кремовый конверт.

Стивен приоткрыл клапан и вытащил целую пачку черно-белых банкнот. Он уставился на них, разинув рот, потрясенный до глубины души. Прокручивая в голове различные сценарии, он

даже в самых смелых мечтах не представлял себе ничего подобного.

Александр заметил его изумление.

— Мисс Хамфрис сказала, что при вас была крупная сумма. Этого хватит?

Стивен окинул взглядом пачку купюр, не в силах осмыслить поступок старика. Все в доме относились к нему с такой добротой, что это было почти невыносимо.

— Я не могу принять от вас деньги, — пробормотал он, и сам не веря, что эти слова слетают с его уст.

Очарование Бёрлингтон-сквер действовало на него слишком сильно.

— Вздор. Я понимаю, что гордость не позволяет. Но у вас есть приличная работа, и я знаю, что вы — парень надежный. Мне эти деньги без надобности, и я не могу смотреть, как хороший человек страдает оттого, что какие-то подонки силой отобрали у него честный заработок. Вы были очень щедры в мой день рождения и взяли все расходы на себя. — Александр пожал плечами. — Теперь моя очередь отплатить вам за добро. Потом вернете, если захотите. Но, если честно, мне все равно, увижу ли я эти деньги снова. Добрые дела не забываются.

Стивен был потрясен: он никак не ожидал такой щедрости после столь короткого знакомства. Агнес оказалась совершенно права, называя мистера Горски лучшим из людей. Может, Бог и правда существует и, видя, как отчаянно Стивен старается встать на ноги, вознаградил его за заботу об Александре.

— У меня просто нет слов, чтобы отблагодарить вас. И я непременно верну все, до последнего пенни, как только мои дела наладятся. Даю слово.

— Это ваш выбор, но, по-моему, вы уже отплатили мне временем и дружбой. Для одинокого старика это дороже денег. Насколько я знаю, у меня не осталось родни, поэтому давайте выпьем за дружбу. Ведь это почти то же самое, что и родство, верно? — И старик выразительно указал на буфет.

Стивен встал, налил им обоим по бокалу портвейна и вернулся к Александру. Мгновение назад он обдумывал ночной побег, его сердце сжималось от осознания необходимости искать себе новое жилье, сочинять очередную биографию и начинать все заново. А теперь его проблемы чудесным образом разрешились потому лишь, что он проявил немного доброты и участия к старику.

— Вы даже не представляете, — продолжал между тем Александр, — что сделали для меня. Признаюсь, в последнее время меня посещали очень мрачные мысли: я даже подумывал, что день рождения может стать подходящим моментом, чтобы уйти. А теперь я снова обрел друзей и смысл жизни.

Стивен понял, что сейчас самое время рассказать свою историю. Прежде он думал, что еще рано, да и риск слишком велик, но Александр оказался не менее сентиментальным, чем Агнес.

— За дружбу, — провозгласил он, чокаясь со стариком. — Ведь у меня, как и у вас, нет семьи, поэтому ваша дружба значит для меня не меньше. — Он прочистил горло. — Как вы знаете, я подкидыш. Почему меня бросили во младенчестве? Этого я никогда не узнаю. Понятия не имею, кто мои родители и откуда я родом. А то, что меня нашли именно под Рождество, придает истории особую горечь…

Бокал Александра застыл в воздухе, портвейн задрожал в его трясущейся руке. На лице старика отразилось смятение.

Стивен нахмурился и продолжил:

— Ну да, я подкидыш, как это ни печально. Я изо всех сил старался не пробуждать у вас воспо-

минаний о потерянном сыне и не желал уронить себя в ваших глазах, но при этом всегда был честен насчет своего происхождения. Довольно странное совпадение, но, с другой стороны, нас ведь таких много.

— Под Рождество, вы сказали? — переспросил старик.

— Да. Скорее всего, я появился на свет на день-два раньше, но меня оставили на пороге богатого лондонского дома как раз под Рождество. — Стивен невесело усмехнулся. — Детские приюты всегда переполнены, ведь каждую неделю рождаются сотни внебрачных детей. Возможно, мать не захотела отдавать меня в приют, зная, что младенцы там мрут как мухи, и понадеялась, что сумеет устроить мою судьбу лучше. Мне нравится так думать, хотя моя жизнь сложилась не так, как она, вероятно, мечтала.

Александр по-прежнему смотрел на собеседника, разинув рот. Бокал с нетронутым портвейном покоился у него на коленях, но старик подался вперед, словно боясь пропустить хоть слово.

— Позвольте спросить, а сообщили ли вам какие-либо подробности?

Стивен потер лоб и опустился в кресло, в котором сидел всегда, когда навещал соседа.

— Об этом трудно говорить. Простите мое волнение, но мне известно очень немного. Только то, что меня подбросили на порог одного из лондонских домов под Рождество, а родился я, скорее всего, за день-два до этого. При мне не было ничего, что помогло бы установить личность родителей. Считалось, что меня оставила мать. Если в одеяльце и был какой-то знак вроде медальона, мне об этом никогда не говорили — он мог легко затеряться или быть украден. Ни о какой записке мне также не известно. Насколько я знаю, имени мне тоже не дали.

Александр волновался все больше, ерзая в кресле. Выражение его лица не позволяло понять, что он чувствует.

— А в каком году вы родились? — Голос старика дрожал и был едва слышен.

— В одна тысяча восемьсот семьдесят седьмом. Мне скоро исполнится пятьдесят, — ответил Стивен и поспешил продолжить рассказ: — Если моя мать надеялась, что меня усыновят богатые владельцы особняка, то глубоко ошиблась. Им и в голову не пришло брать ребенка неизвестного происхождения, но, по крайней мере, они пристроили меня в приемную семью. В январе я обрел приют в сельской местности, в Хартфорд-

шире, в доме одной бездетной фермерской пары. Полагаю, они взяли меня в надежде получить помощника по хозяйству, ну и чтобы было кому оставить в наследство землю. Они не были особенно ласковыми, но и чрезмерной жестокости не проявляли. Если бы не вмешалась судьба, я, вероятно, жил бы вполне сносно.

Стивен вздохнул и сделал быстрый глоток портвейна: от долгих разговоров пересохло во рту.

— Видите ли, когда мне исполнилось пять лет, моя приемная мать неожиданно забеременела, хотя врачи и полагали, что это невозможно, и родила мальчика. И я вдруг оказался лишним. Мне постоянно напоминали, что я подкидыш, и с годами мое положение стало невыносимым. Мой названый брат откровенно ненавидел меня, и в конце концов я оборвал с ними все связи. С тех пор я сам прокладываю себе путь в жизни и, к счастью, сумел построить карьеру благодаря любви к цифрам.

К этому моменту Александр уже открыто плакал. Его рука потянулась вперед, словно он хотел прикоснуться к Стивену.

— Что случилось? Я вас чем-то огорчил? Что я такого сказал? — Стивен поставил бокал на столик и опустился на колени у ног друга.

Рука Александра легла ему на плечо, дыхание сбилось, а морщинистое лицо утратило краски. Неужели сердечный приступ? На мгновение Стивен запаниковал. Неужели он по глупости погубил старика своим рассказом?

— То, что вы говорите, мой мальчик, настолько невероятно, что я едва могу поверить собственным ушам. Алина последовала за мной в Англию, не зная, что я к тому времени уже перебрался в Париж, но ребенок родился на месяц раньше срока, и она произвела его на свет в одиночестве, а потом оставила на ступенях богатого лондонского особняка. После чего успела написать Эрне последнее письмо, в котором призналась сестре во всем и сообщила, что надежды больше нет. Вскоре она умерла в дешевом пансионе в Степни. А мальчик… мой сын… судьба его осталась неизвестной. Алина не назвала в письме адрес дома, куда подкинула младенца. Знаю лишь, что все это случилось под Рождество одна тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

48

В комнате повисла гнетущая тишина. Сердце Стивена Томпсона колотилось так же быстро, как, наверное, и сердце Александра Горски. Еще до того, как его друг снова заговорил, Стивен понял, что его жизнь вот-вот изменится самым невероятным образом.

— Неужели… Возможно ли… что ты — мой сын? — произнес старик, и его влажные глаза недоверчиво заморгали в отчаянной попытке удержать слезы. — В наших историях слишком много совпадений, чтобы это могло быть простой случайностью. Мне трудно поверить, что ты стоишь передо мной, мой мальчик. Подумать только: из всех домов Лондона, где сдают комнаты, ты оказался именно здесь. Вероятность этого так ничтожна, что только высшая сила могла свести нас вместе. Иначе как чудом это и не назовешь.

Александр поднял глаза к небу и пробормотал: «Dzięki Bogu!»[20], протягивая руки к Стивену. Тот приблизился и позволил обнять себя. В хрупких

---

[20] Примечания: 20
Слава богу! *(польск.)*

на вид руках старика таилась неожиданная сила, хотя пальцы почти не слушались его. Теплая влага просочилась за воротник Томпсона, когда Горски уткнулся заплаканным лицом ему в шею. Стивен тоже позволил себе заплакать. Он никогда не отличался чувствительностью, но понимал: если когда и стоило пустить слезу, то именно сейчас.

Он отстранился и покачал головой:

— Ни у вас, ни у меня нет доказательств. Лишь совпадение даты и схожая история. Я не могу ни назвать адрес того дома, куда меня подбросили, ни обратиться с вопросом к приемным родителям — те давно умерли, а с их родным сыном я связи не поддерживаю.

— А нужны ли доказательства? — спросил старик. — Разве ты не видишь в этом руку Господа? Разве в душе не чувствуешь, что это знак свыше?

Стивен вновь опустился на колени:

— Вероятно, вы правы. Музыка всегда манила меня, и с тех пор как наши пути пересеклись, я ощущал необъяснимую связь с вами. — Он покачал головой. — Может быть, это действительно зов крови. Но, если это правда… отец… — Он попробовал произнести это слово, и оно прозвучало непривычно, однако приятно. — Ты должен

знать, что до встречи с тобой я жил вовсе не безупречно, и…

— Замолчи! — велел Александр. — Все мы далеки от совершенства, а ты сумел многого добиться, несмотря на простое происхождение. Я горжусь тобой, сынок. Нет нужды говорить о прошлом. Главное, что ты выжил и сейчас здесь. Мы больше не одиноки в этом мире. Как вспомню, какой пустой казалась моя жизнь еще несколько недель назад. А теперь у меня вдруг появилось ради чего жить… — Его голос дрожал от избытка чувств. — Ну не чудо ли это: мой сын вернулся ко мне. «Бог в своих небесах — и в порядке мир!»[21]

— Господи, помилуй, и слава Всевышнему, вот это новость! — воскликнула Агнес, когда ей все рассказали. Изумление пожилой леди было так велико, что она плюхнулась на стоявший в кухне стул и едва не раздавила спящего там Инки. — Подумать только, ведь если бы я не выбрала вас, мистер Томпсон, чтобы сдать комнаты, вы бы, возможно, так никогда и не нашли друг друга.

Дальнейшие события развивались стремительно. Поразительное сходство между печальной историей Стивена и сведениями, которые Эрна

---

[21] Примечания: 21

Цитата из поэмы Роберта Браунинга «Пиппа проходит» в переводе Николая Гумилева.

сообщила о своей сестре, убедило Александра в том, что потерянное дитя вернулось к нему. Долги Стивена были погашены, а здоровье пожилого джентльмена заметно улучшилось. Человек, которого теперь называли отцом, готовился искупить свою вину перед сыном не только деньгами, но и сердцем.

Однако удивительное известие обрадовало не всех. Стивен случайно подслушал, как Гилберт в кухне допрашивал Агнес, подозревая, что та могла рассказать мистеру Томпсону подробности трагической истории Алины. Но хозяйка яростно это отрицала.

— Единственным, кому мистер Горски по-настоящему доверял, был мистер Блэндфорд, — настаивала она. — Думаю, с мужчинами ему было проще откровенничать о своих любовных похождениях. Мне он только сказал, что у него был внебрачный ребенок, чья мать умерла.

— Слишком уж удивительное совпадение, — фыркнул Гилберт. Он сомневался, и Стивен не мог его за это осуждать. — Я всегда настороженно отношусь к совпадениям.

— И все же они случаются, — возразила Агнес. — Взять хотя бы «непотопляемую» Вайолет Джессоп, которая благополучно пережила аж

три страшных кораблекрушения: «Олимпика», «Титаника» и «Британника». Или Марка Твена, который родился и умер в те дни, когда на небе появилась комета Галлея. Попробуйте-ка это объяснить…

Стивен был благодарен Агнес за поддержку и не сомневался, что вечно бледный и угрюмый молодой человек, у которого в жизни были только стеклянные фотопластинки и проявитель, страшно ему завидует. Стивен отчасти даже жалел Гилберта; хозяйка посетовала, что с исчезновением Мерси из его жизни ушла радость. Стивена так и подмывало сказать: «Что-то я не замечал, чтобы этот мрачный тип хоть раз чему-нибудь порадовался!» — однако он благоразумно оставил резкое замечание при себе. Бедный парень явно питал нежные чувства к молодой вдове, хотя неудача в любви не давала ему права вымещать свою злость на более удачливом соседе.

Александр и Стивен провели несколько ночей, разговаривая до рассвета. Подобно влюбленным, жаждущим знать друг о друге все, они делились историями своих жизней. Стивен хотел начать с чистого листа — подальше от Беккера, от лжи о своей работе, от риска встретить неприятных людей из прошлого. Он знал, что возвращение

на родину обрадует Александра, да и его самого полное обновление жизни вполне устраивало. К тому же впервые за много лет он искренне заботился о том, чтобы другой человек был счастлив. Они договорились переехать в Польшу и снять квартиру на окраине Варшавы, чем сильно огорчили Агнес.

— Ну вот, теперь придется снова давать объявления о сдаче комнат, и это меня тревожит. В прошлый раз принять решение оказалось нелегко, а теперь освободятся сразу и второй, и третий этажи. Я буду очень по вам скучать, мистер Горски. Вы прожили здесь так долго и стали мне как родной.

Они снова сидели за обеденным столом в комнате Александра. Гилберт нехотя присоединился к прощальному ужину.

— И все же вы до сих пор так и не называете меня по имени. — Александр улыбнулся хозяйке. — Как бы то ни было, мы настаиваем, чтобы вы обязательно навестили нас, когда мы устроимся на новом месте. Вы ведь всегда мечтали о путешествиях.

— О да, в сердце у меня все еще живет желание попробовать овечий сыр в Закопане, посидеть на песчаных пляжах на берегу Вислы и увидеть

прекрасные замки, — призналась Агнес. — Но я не уверена, что мои колени выдержат испытание. Присылайте побольше открыток, я добавлю их в свой альбом. Сейчас в доме все вверх дном, особенно после исчезновения Мерси, так что мне не до поездок за границу.

Три пары глаз одновременно обратились к Гилберту, который теребил в руках вышитую льняную салфетку и старательно избегал встречаться взглядом с кем-либо за столом.

— Я попросила Джемайму помочь мне с готовкой и стиркой, — продолжила Агнес, — ведь я по-прежнему буду предлагать жильцам эти услуги. Честно говоря, не знаю, почему не подумала о ней раньше. Наверное, потому что она постоянно была беременна, да и язычок у нее острый. Но бедняжка с каждым днем выглядит все несчастнее, и я подумала: может, ей не хватает общения со взрослыми, она ведь проводит все время с детьми. Разумеется, это лишь временное решение проблемы. Уверена, оглянуться не успеешь, как окажется, что Джемайма опять ждет ребенка… — Пожилая дама вздохнула. — Может, Николас наконец получит сына и успокоится. Но как же чудесно будет видеть девочек здесь, на кухне. Неутомимая энергия молодости почти

заставляет забыть о боли и усталости.

— Если свадьба в декабре, то вполне вероятно, что к весне ваша племянница тоже будет ждать ребенка, — заметил Александр, наклоняясь к тарелке и поднося ко рту ложку супа из лука-порея и картофеля. — Так что в обозримом будущем у вас появится внучатый племянник или племянница.

— Уверена, материнство пойдет Кларе на пользу. Она отчаянно ищет чего-то, да вот только, похоже, сама не понимает, чего именно. Жаль, что у нас не было больше времени, чтобы поговорить. Мне всегда казалось, будто девочка хотела чем-то со мной поделиться, но не смогла подобрать правильные слова.

— Как досадно, что мне не довелось встретиться с вашей племянницей, — посетовал Стивен.

— На следующей неделе Клара с матерью приедут в Лондон, чтобы готовиться к свадьбе, — ответила Агнес. — Я пригласила их обеих на ужин во вторник. Дафна хочет показать мне каталог, по которому они выбрали приданое. Буду очень рада, если вы тоже заглянете.

Стивен откашлялся:

— Очень любезно с вашей стороны, но, боюсь, у меня на этот вечер планы. Столько всего нужно

уладить, прежде чем мы с отцом покинем берега Англии. Какая жалость. Я бы очень хотел познакомиться с вашей сестрой и племянницей.

— За семью! — Сидевший во главе стола Александр поднял бокал. — И за Агнес, которая приютила нас всех и превратила в подобие семьи.

— За семью, — отозвались все.

На короткий миг Стивен Томпсон вспомнил свою настоящую семью: мать, отца и четверых братьев, живших в Хекстоне, графство Хартфордшир, в поместье Реджинальда Гудвина. Потом он отогнал эти мысли как не заслуживающие внимания. Родня отвернулась от него, когда он угодил в тюрьму, и вычеркнула из своей жизни. И вот теперь он смеялся последним, ибо оказался умнее всех. Когда судьба подкинула шанс, он ухватился за него. После случайного разговора с болтливым пьяницей в «Безумном Шляпнике» потребовалось лишь немного ловкости и сообразительности, чтобы убрать глупца со сцены, вселиться в комнаты мистера Блэндфорда и стать кукушонком в неожиданно уютном гнезде.

Он улыбнулся доверчивому богатому старику напротив, который так жаждал искупить свою вину, что предпочел не докапываться до правды. Александр Горски видел то, что хотел видеть, и, в

сущности, был от этого только счастливее.

Агнес всегда говорила, что счастье важнее богатства. А у Стивена и того и другого вскоре будет в избытке.

Часть третья. Мерси Мейвезер

49

Пятница, 5 августа 1927 года

Мисс Хамфрис обмакнула перо в оловянную чернильницу и начала писать. Ох, недаром Дафна всегда говорила, что доброта ее погубит: отзывчивое сердце и впрямь не раз приносило ей страдания. С другой стороны, это также подарило Агнес и немало радости. Взять хотя бы Инки. Как-то утром бездомный кот появился на пороге ее дома — голодный, блохастый, с переломанной лапой и без уха. Сосед предлагал избавить беднягу от мучений и усыпить его, но Агнес не могла этого допустить. Она должна была дать несчастному шанс, даже когда пришедшая в ужас Дафна предложила купить старшей сестре, если уж ей так отчаянно нужна компания, пекинеса — питомца куда более подходящего, чем какой-то облезлый, замученный паразитами кошак. Однако Агнес настояла на своем и приютила Инки, потому что сердце оказалось сильнее разума.

Вот и сейчас разум подсказывал ей, что следует сдать комнаты банковскому клерку. Мистер

Томпсон был человеком респектабельным и регулярно ходил в церковь. Такой жилец будет исправно вносить арендную плату и не станет устраивать скандалов. Но, будучи сентиментальной дурочкой, Агнес ощущала особую привязанность к женщинам. У нее-то теперь было право голоса, а многие молодые женщины им еще не обладали. Ее так и подмывало проявить солидарность. О мужчинах беспокоиться нечего: они в этом мире не пропадут.

Приверженность семье подсказывала, что лучше сдать комнаты племяннице, но Агнес снова и снова спрашивала себя: а кто, если не она, позаботится о молодой вдове? Мистер Томпсон без труда найдет себе подходящее жилье. У Клары есть родители и состоятельные друзья, на которых можно опереться. Да, девочка допустила оплошность, но скоро страсти улягутся и эта нелепая история забудется. А вот миссис Мейвезер явно напугана и одинока. Именно одиночество тревожило Агнес больше всего.

— Она ведь понравилась тебе, Инки? — обратилась пожилая дама к коту, устроившемуся на потертом диване.

Клара была равнодушна к животным, а сам Инки не проявил ни малейшего интереса к мистеру

Томпсону. Но вот к миссис Мейвезер кот сразу проникся особой симпатией, а Агнес верила, что у животных особое чутье на хороших людей. Она посмотрела на черный комочек, свернувшийся на диване: отсутствие уха сразу бросалось в глаза, а шерсть так и не обрела должного блеска и густоты, как хотелось бы хозяйке.

— Имей в виду: я делаю это ради тебя, — сказала пожилая дама своему спящему питомцу.

Дорогая миссис Мейвезер!

Я рада сдать Вам комнаты на Бёрлингтон-сквер и пригласить к заселению в любое удобное для Вас время. Как мы обсуждали, я также с удовольствием предлагаю Вам несколько часов работы по дому – помощь со стиркой и готовкой, и обязуюсь вычесть сумму заработка из оговоренной платы за жилье.

С уважением,

Агнес Хамфрис

Едва она провела конвертом по хрустальному увлажнителю, как услышала шаги Гилберта, спускавшегося по лестнице, и позвала его:

— Не сочтете за труд опустить это письмо в почтовый ящик и уберечь мои ноги от лишней

ходьбы?

Агнес приклеила марку и закрепила ее на конверте. Молодой человек кивнул, как всегда молча.

— Комнаты мистера Блэндфорда вскоре займет молодая вдова, — сообщила ему хозяйка. — Тихая, скромная, чем-то похожая на вас. Она будет помогать мне по хозяйству, так что я попрошу ее заодно относить вам подносы, ведь она будет подавать еду мистеру Горски.

На лице Гилберта мелькнула тревога.

— Спасибо, но я бы предпочел, чтобы меня не беспокоили.

— Как хотите, — пожала плечами Агнес.

Ей так и не удалось понять самого младшего своего постояльца. Скрытный и неразговорчивый, он, казалось, избегал дневного света. Агнес знала, что он вечно возится с фотоаппаратами и проявляет пленку, но своей студии у него не было, поэтому он не мог зарабатывать портретной съемкой или чем-то подобным. И все же источник дохода у парня явно имелся: квартплату Гилберт вносил вовремя, одежду носил новую, и на извозчика у него деньги тоже всегда находились, хотя он редко выбирался из мансарды на Бёрлингтон-сквер — каждый раз прихватив

большой чемодан и треногу. Гилберт не щеголял достатком и не производил впечатления человека с бездонным кошельком, но и бедствующим тоже не выглядел. Ему определенно хватало на вполне комфортное существование. Да, по мнению Агнес, это было именно существование, ибо жизнь холостого двадцатипятилетнего мужчины должна быть совсем иной. Ну разве дело в таком возрасте прозябать в одиночестве?

Неутомимая сваха невольно усмотрела шанс для двух одиноких и застенчивых людей, которые вскоре будут жить в одном доме на соседних этажах, и задумалась: а вдруг общество привлекательной молодой женщины сможет хоть немного развеять мрачную тоску загадочного постояльца? Пожалуй, она все же попросит Мерси относить Гилберту подносы с едой, несмотря на его возражения…

50

Мерси встала посреди своего нового жилища и трижды покрутилась вокруг собственной оси. Ну до чего же ей повезло, даже не верится! По правде говоря, претендовать на эти комнаты было опрометчиво с ее стороны: платить за них будет трудно. Но сад на площади выглядел таким красивым, а сам район казался куда благопристойнее того, где она жила прежде. Стремясь как можно быстрее устроиться в Лондоне, Мерси сделала неудачный выбор и вскоре начала чувствовать себя неуютно на улицах, по которым ходила на работу и обратно. В дверных проемах и подворотнях вечно ошивались какие-то подозрительные личности, а ведь совсем скоро дни станут короче и ей предстоит возвращаться домой в темноте. Бёрлингтон-сквер — район куда более респектабельный, и к тому же до «Пембертона» отсюда вдвое ближе.

Мерси бросила на кровать старомодную соломенную шляпку и с тоской подумала, что неплохо бы обновить гардероб. Работая в универмаге, она могла лишь мечтательно смотреть на стильные шляпки-клош и ослепительные, расшитые бисе-

ром вечерние платья с заниженной талией. У нее никогда не было ничего подобного, да жизнь в сельской местности и не располагала к моде, там были в ходу вещи прочные и практичные.

Когда Мерси, прихватив маленький чемодан с пожитками, прибыла ночным поездом на лондонский железнодорожный вокзал Ливерпуль-стрит, у нее не имелось никакого определенного плана. Денег тоже почти не было, зато сердце переполняла надежда: здесь она наконец-то сможет вздохнуть спокойно: уж хуже, чем дома, где столько всего пришлось вынести, в большом городе ей точно не будет. Десятилетие несчастий тяжелым грузом лежало на хрупких плечах молодой женщины. Свекровь всегда обращалась с ней плохо, обвиняя буквально во всем: и в том, что случилось на войне с ее сыном, и в бедственном состоянии фермы, и в том, что сама она так никогда и не станет бабушкой.

— Ах ты дрянь неблагодарная! — кричала старуха. — Довела парня до такой тоски, что ему жить не захотелось, вот он опасности и не заметил! Водила его за нос, задурила голову, а потом вдруг охладела!

Это было несправедливо, но долгие годы Мерси верила, что действительно виновата. И лишь

недавно осознала, что свекрови просто нужен был кто-то, на кого можно взвалить ответственность. Тихая и покорная невестка оказалась идеальной мишенью. Ведь собственного сына обвинять было нельзя, а до кайзера не докричишься. Вот старуха и нашла в ее лице козла отпущения.

Мерси присела на край кровати и достала из сумочки кошелек. Несколько месяцев перед побегом она экономила на повседневных расходах и откладывала понемногу, да еще взяла в долг у жены школьного учителя, единственной своей настоящей подруги. Денег хватило, чтобы купить билет на поезд, и осталась еще пара фунтов на новую жизнь. По рекомендации все той же подруги Мерси устроилась на работу в универмаг и теперь едва сводила концы с концами. Это была та часть правды, которую она поведала мисс Хамфрис. Мисс Коупли, женщина с заостренными чертами лица, проводившая собеседование в «Пембертоне», сразу решила, что Мерси подойдет на вакансию продавщицы в отделе перчаток: симпатичная, неглупая, говорит правильно. На вопрос о семейном положении претендентка ответила, что потеряла мужа на войне. Эта деталь вкупе с возрастом — двадцать семь лет — обеспечила ей место. Мисс Коупли полагала, что такая

женщина вряд ли бросит работу ради замужества через пару дней после трудоустройства.

Работа в магазине до сих пор считалась занятием не вполне респектабельным, но Мерси она даже нравилась. К тому же деревенской девушке, не имеющей нормального образования, в большом городе выбирать не приходилось. По крайней мере, в отделе перчаток она в основном обслуживала женщин, а рабочий день в универмаге был куда короче, чем на ферме. Хотя Мерси и удивилась, как утомительно, оказывается, с утра до вечера стоять на ногах и вести вежливые разговоры с покупательницами.

Прежде она даже и не предполагала, что перчатки могут быть такими изысканными. На ферме это был всего лишь практичный предмет одежды: дабы защитить руки при грубой работе и согреть их в зимние холода. Разумеется, у нее имелась нарядная пара для похода в церковь, однако многообразие фасонов, расцветок и тканей, представленное в фешенебельном столичном универмаге, совершенно ошеломляло. Продавщиц поощряли рекомендовать самые дорогие модели и учили, что главное — как перчатки сидят на руке. Ведь именно перчатки определяли общественный статус.

За короткое время работы в «Пембертоне» глаза у Мерси открылись на многое — не в последнюю очередь на то, что усердный труд может вознаграждаться и деньгами, и добрым словом. Раньше она была практически лишена и того и другого. В жизни Мерси вообще было так мало хорошего.

Ее мысли неизбежно вернулись к Роланду, юноше, за которого она вышла замуж, едва достигнув восемнадцатилетия. Высокий, самоуверенный и, безусловно, красивый, он еще в школе мог без труда покорить любую девушку, но, когда пришло время определиться с возлюбленной, выбрал именно ее: Мерси Ламмис, маленькую тихую девчушку с большими голубыми глазами и длинными светлыми волосами… Она повертела на пальце золотое кольцо, и из уголка глаза скатилась слеза, оставив горячий влажный след на щеке.

Побег был безрассудным поступком, и странно, что он увенчался успехом. Ее единственным козырем было то, что никто этого не ожидал, хотя Мерси прекрасно знала: миссис Мейвезер-старшая не успокоится, пока не разыщет неблагодарную невестку. Однако, растянувшись сейчас на широкой кровати в спальне на Бёрлингтон-сквер, Мерси впервые после безумного

бегства в Лондон почувствовала: возможно, у нее действительно получится ускользнуть.

***

В понедельник ей, как всегда, предстояло улыбаться покупательницам и раскладывать перчатки в стеклянных витринах. Однако Мерси встала на два часа раньше, решив до начала рабочего дня в универмаге всерьез взяться за обязанности по дому, которые она отныне делила с мисс Хамфрис.

Сбегая по лестнице и направляясь на кухню, молодая женщина услышала стук во входную дверь. Чтобы сберечь ноги Агнес, она открыла сама и осторожно выглянула за порог. На крыльце стоял мужчина средних лет, с висками, тронутыми сединой; на нем были деловой костюм и котелок.

— Могу ли я видеть мисс Хамфрис? — спросил он.

— Конечно. Как вас представить?

— Мистер Томпсон.

Мерси обернулась, чтобы позвать хозяйку, но та уже вышла в коридор, вытирая мокрые руки о край цветастого передника.

— Ах, неужели вы не получили мое письмо, мистер Томпсон? Я ведь уже сдала комнаты миссис Мейвезер, — сказала Агнес и указала на Мерси.

— Да-да, но я хотел лишь сообщить, что по-прежнему заинтересован, если вдруг молодая леди съедет или же освободятся другие комнаты. Признаться, я просто очарован столь прелестным уголком города. Не могу передать словами, как мне пришелся по душе этот дом и чудесный сад напротив. Я сейчас проживаю на прежнем месте и настоятельно прошу связаться со мной, если вдруг что-то изменится.

— Да, хорошо. У меня есть ваш адрес.

Мистер Томпсон кивнул, показывая, что понял, но явно не спешил уходить. Лишь когда неловкая пауза затянулась, он сделал шаг назад, спустился по ступеням и вышел на улицу.

Мисс Хамфрис закрыла за ним дверь и обернулась к Мерси:

— Уж больно настойчивый. Я и сама очень люблю Бёрлингтон-сквер, но таких пансионов в Лондоне хватает. Наверное, все дело в моем природном обаянии, — пошутила она. — Или же ему очень понравился мой кот. Хотя, насколько я помню, Инки особого расположения к мистеру Томпсону не испытывал. Коты бывают необъяснимым образом привередливы.

Мерси проследовала за хозяйкой на кухню и принялась помогать с завтраками. Ей приходи-

лось много готовить на ферме, и она неплохо управлялась со сковородкой. Мисс Хамфрис осталась довольна.

— У тебя ушло вдвое меньше времени, чем у меня, — заметила она. — Я устала, просто глядя, как ты вертишься юлой. Огромное спасибо. Когда отнесешь завтраки, обязательно поешь сама. Времени у тебя достаточно, милая. До «Пембертона» всего пятнадцать минут пешком. Я поджарю тебе яичницу, пока ты носишь подносы.

Мерси изо всех сил старалась скрыть, как тронула ее забота пожилой дамы. Она не помнила, когда ее в последний раз благодарили дома, не говоря уж о том, чтобы приготовить ей еду или посоветовать отдохнуть.

Мерси взяла первый деревянный поднос — с кровяной колбасой, беконом, почками, чайником и кружкой крепкого чая — и направилась в коридор. Поднявшись на второй этаж, она постучала в дверь мистера Горски и услышала: «Войдите!» Стараясь не уронить поднос, молодая женщина открыла дверь и увидела приветливого седовласого старика, сидевшего в кожаном кресле с высокой спинкой.

— О, сегодня на завтрак у меня не только изысканная еда, но и нечто прекрасное для

глаз, — сказал он с улыбкой. — Вы, должно быть, и есть та новая постоялица, о которой упоминала мисс Хамфрис. Как вас величать?

— Мерси Мейвезер, — ответила она, смущенно кивнув и протягивая руку.

Этот джентльмен был самым известным человеком, которого она когда-либо встречала, если не считать Люси Болдуин, жену премьер-министра, мельком замеченную в универмаге: да и то Мерси ни за что бы не узнала эту даму, если бы напарница не произнесла громким шепотом ее имя.

— Ну а я Александр Горски, тот самый ворчливый иностранец, о котором мисс Хамфрис наверняка сообщила, что он чрезмерно меланхоличен. Что поделать — время не щадит никого, а мои лучшие годы давно уже миновали.

Мерси предложила раздвинуть шторы, взбила старику подушки, обменялась с ним дежурными любезностями и вновь спустилась на первый этаж, на сей раз за подносом для обитателя мансарды. Его завтрак был куда скромнее: яйцо всмятку и гренки. Похоже, молодой джентльмен не отличался аппетитом и был разборчив в еде.

— Гилберт у нас с причудами: мяса он, видите ли, не ест, — неодобрительно хмыкнула Агнес. —

Ну прямо как эти индусы, что питаются овощами и считают корову священной. Не представляю, как можно жить без ростбифа. Но он говорит: если это устраивало великого Перси Шелли, то вполне устраивает и его тоже. Считает, что есть животных сродни каннибализму. — Пожилая дама закатила глаза. — Впрочем, парень он неплохой, — продолжила она. — Так что я, признаться, иногда тайком подкладываю ему в еду немного сала. Но только это строго между нами, ладно? Надо же ему откуда-то силы брать, а то на картошке с репой долго не протянешь, как их ни приготовь.

Мерси улыбнулась, поднимая второй поднос. Домовладелица чем-то напоминала ей покойного отца, которого она очень любила. Он тоже всегда называл вещи своими именами и терпеть не мог тех, кто использовал вычурные названия.

Теперь ей предстояло преодолеть целых три лестничных пролета, и она поняла, почему мисс Хамфрис становилось все труднее справляться с этой задачей.

Мерси постучала в узкую дверь, отделявшую вход в мансарду от остального дома, и услышала быстрые шаги по деревянным ступеням. Дверь распахнулась, и перед ней появилось испуганное

лицо мужчины примерно ее возраста. Мерси не ожидала, что Гилберт окажется таким молодым, и растерялась. Он выглядел удивленным и смущенным, его бледные щеки слегка порозовели.

Повисла неловкая пауза: они просто смотрели друг на друга.

— Ваш завтрак, — наконец сказала Мерси и протянула ему поднос.

Гилберт стоял на нижней ступени лестницы, ведущей в мансарду, и взирал на нее сверху вниз, хотя высоким не выглядел.

— Агнес знает, что я предпочитаю сам забирать еду, но спасибо, — кивнул он, принимая поднос.

Снова воцарилось молчание. Затем Гилберт повернулся и удалился в мансарду. Мерси закрыла дверь и спустилась обратно на кухню, думая, что мисс Хамфрис оказалась права: молодой сосед действительно не слишком разговорчив. Собственно, беседа с ним уложилась в дюжину слов.

51

Мерси быстро приноровилась к новому распорядку дня, который показался ей весьма удобным. Привыкнув вставать с петухами, она по утрам готовила завтрак для постояльцев Агнес, а затем бодро шагала к «Пембертону», где было необходимо на протяжении всей смены стоять на ногах и с улыбкой расхваливать мягкую лайковую кожу, соблазняя покупательниц манжетами с изящной вышивкой. Обеденный перерыв она предпочитала проводить в одиночестве. Не то чтобы Мерси чуралась общества, однако оживленная болтовня излишне эмоциональных коллег порой утомляла. Те обсуждали вещи, о которых она не имела ни малейшего представления: джаз, кинозвезд и коктейли. Кроме того, за долгие годы Мерси привыкла помалкивать и не смела высказывать собственное мнение, даже когда оно у нее было.

В конце дня она возвращалась на Бёрлингтон-сквер, радуясь возможности провести время с хозяйкой дома, которая стала для нее настоящей подругой. Да, Агнес была прямолинейной и острой на язык, но при этом доброй. Пожилая дама заботилась о Мерси, как наседка о цыпленке.

Это было новое и приятное чувство. Непринужденная болтовня мисс Хамфрис, пока они вместе хлопотали на кухне или доставали из медного чана тяжелое белье, успокаивала и ободряла. Вскоре Мерси знала о жильцах дома все, что только можно, и даже то, что знать ей вовсе не требовалось.

— Я слишком много говорю, — посетовала както Агнес. — Получается сплошной монолог, как с юным Гилбертом — он почти не поддерживает беседу, как и ты. Расскажи мне лучше про свою жизнь на ферме и про Суффолк. Я никогда не бывала в этом графстве.

Они сидели в гостиной. Мерси любила проводить вечера рядом с по-матерински заботливой мисс Хамфрис. Поджав ноги, она устроилась на потертом голубом диване. Тот был немного бугристый, но Мерси это даже нравилось.

«Если бы только диван умел говорить, — подумала она, — сколько историй он смог бы поведать!»

— Я не из болтливых, — сказала молодая женщина, опуская глаза. — В моем прошлом слишком много болезненных воспоминаний. Хочу оставить их позади.

Агнес понимающе кивнула, поглаживая од-

ноухого Инки. Тот вытянул передние лапы и перекатился на спину, подставляя живот, чтобы ему почесали брюшко. Кот безгранично доверял хозяйке, и было так трогательно это наблюдать.

— Я прекрасно понимаю тебя, дорогая. Ты приехала в Лондон, чтобы увидеть огни большого города, встретить новых людей и получить чудесные впечатления.

Почему же Мерси на самом деле приехала в Лондон? Возможно, потому, что все дороги вели в столицу, а больше податься было некуда. Она надеялась, что в большом шумном городе удастся спрятаться и найти работу, но никак не ожидала, что здесь могут открыться новые волнующие возможности. С того момента, как в прошлом месяце Мерси сошла с поезда на железнодорожном вокзале Ливерпуль-стрит, бедняжка жила в постоянном напряжении. Она вечно оглядывалась через плечо, ожидая, что ее найдут, пристыдят и заставят вернуться к прежней жизни. И в душе уже почти смирилась с неизбежностью этого.

— Жизнь не всегда складывается так, как мы представляли себе в юности, — вздохнула Агнес. — Однако нужно принимать ее во всех проявлениях, тем более что все может измениться в любую минуту. Я твердо верю, что на свете

нет ничего невозможного, даже если кажется, что надежда потеряна. Господь непременно воздаст праведникам по заслугам.

Мерси, в отличие от пожилой дамы, не особенно надеялась на Бога. Решение бежать она приняла сама, но, вероятно, в словах Агнес был определенный смысл. Праведники действительно заслуживали награды, даже если им приходилось добиваться ее собственными силами.

— О, в столице многое можно увидеть и сделать, а вокруг столько интересных людей! — продолжала хозяйка. — Лондон — это настоящий плавильный котел для самых разных культур и сословий. В твоем возрасте мне страстно хотелось путешествовать, но, увы, не сложилось, и я утешилась мыслью, что мир как бы сам пришел ко мне… — И она вновь пустилась в длинные рассуждения о том, что ее юношеские мечты о дальних странах не сбылись.

Слушая собеседницу, Мерси дала себе обещание. Рано или поздно ее все равно отыщут, это только вопрос времени. Но до тех пор она должна воспользоваться всей полнотой свободы. Жить так, будто каждый день — последний, ничего не бояться и ценить каждое мгновение.

***

В самую первую неделю на Бёрлингтон-сквер, в ночь с пятницы на субботу, Мерси разбудил грохот. Ей снилось, как красивый юный Роланд повел ее к южному лугу и собрался поцеловать. Сердце шестнадцатилетней девушки тогда воспарило в небеса вместе с ласточками. Это было одно из счастливейших воспоминаний Мерси, и оно часто возвращалось к ней в самые неожиданные моменты, мучительно напоминая о том, что могло бы быть, сложись обстоятельства иначе.

Губы Роланда почти коснулись ее, когда глаза Мерси распахнулись от шума, за которым последовали крики и хлопанье дверей. Звуки эхом поднимались по лестнице и проникали в ее комнату сквозь тонкие стены. Сначала беглянка испугалась: неужели ее нашли и сейчас увезут обратно в Суффолк? Однако, лежа в темноте и прижав покрывало к груди, она поняла, что это были звуки веселья: смех и пение.

Мерси накинула хлопковый халат и подошла к высокому окну, откуда открывался вид на площадь. Там в мягком свете газовых фонарей стоял автомобиль с открытым верхом, на заднем сиденье которого развалилась какая-то почти обнаженная фигура. У знакомых Мерси машин отродясь не водилось. Она осторожно приот-

крыла дверь и услышала доносившийся снизу властный голос молодой женщины.

Потуже затянув пояс халата, Мерси вышла в коридор и с ужасом, смешанным с облегчением, натолкнулась на полураздетого Гилберта, спускавшегося из мансарды. Ночь стояла теплая — все-таки август, однако изобилие полуголых мужчин могло напугать кого угодно. Гилберт и Мерси остановились, разглядывая друг друга: она — снизу, он — сверху.

Худое бледное тело, пусть и лишенное широких плеч и крепких мышц, как у Роланда, с детства таскавшего тяжести, копавшего и пахавшего землю, все же было мужским, и его вид подействовал на Мерси сильнее, чем она бы сама того хотела. На груди соседа темнел треугольник коротких волос, тонкая полоска которых тянулась от пупка вниз, ускользая под пояс полосатых пижамных штанов и еще больше смущая молодую женщину. У нее перехватило дыхание, и кончики пальцев правой руки невольно скользнули вниз по горлу.

— Черт, я совсем про вас забыл, — сказал Гилберт, внезапно осознав, что стоит голый по пояс.

Она отвела взгляд от завораживающей картины и вернулась в действительность. Конечно, при таком шуме внизу рядом с Гилбертом было

спокойнее, но Мерси устыдилась того, куда увели ее чувственные мысли. Не то чтобы она никогда не видела обнаженных мужчин, но ей мучительно не хватало прикосновений, хотелось, чтобы мужчина склонился над ней, упершись руками по обе стороны ее тела, и поцеловал. Она грезила о мгновении, когда возлюбленный соединится с ней, о двух горячих неловких фигурах, слившихся под влиянием пылкого и взаимного влечения. Иногда, к смущению Мерси, это была единственная мысль, которая приходила ей в голову при виде симпатичного представителя противоположного пола, и она была уверена, что пылающие щеки каждый раз выдают ее.

— Нет, Клара, ты не можешь забрать леди Уинифред! — донесся до них возмущенный голос Агнес.

Насколько Мерси могла судить, какие-то молодые люди заглянули в дом по пути на вечеринку, и среди них была леди Уинифред. Очевидно, Агнес их знала. Страх, что в дом вломились грабители или же какие-то развеселые гуляки ошиблись адресом, начал отступать. У гостей была вычурная манера речи, выдававшая богачей, совершенно равнодушных к остальным жильцам. Мерси слышала о так называемой золотой молодежи, о

довольно сомнительных, а порой и вступающих в противоречие с законом выходках богатых юнцов на улицах ночного Лондона. Интересно, каково это — иметь достаточно денег, чтобы не думать об окружающих и полностью игнорировать чужое мнение?

Гилберт вздохнул и зашагал вниз по лестнице. Мерси последовала за ним, нервно прижимая полы халата и желая выглядеть хоть немного приличнее. Когда они спустились на нижнюю площадку, их заметила самая громкая из незваных гостей.

— Боже мой, да мы никак перебудили весь дом? Я дико извиняюсь и все такое, — проговорила ослепительно красивая девушка в коротком детском платьице и с огромным желтым бантом в по-модному коротко остриженных волосах. — Она подняла взгляд и захлопала глазами, изображая раскаяние. — Мне остается только просить прощения, — промурлыкала девушка. — Особенно учитывая, что мы, похоже, прервали ваше ночное свидание. Бегите скорее обратно в постель, голубчики, и мы ни слова никому не скажем. — Она приложила накрашенный ноготь к губам. — Ведь тетушка Агги не одобряет, когда у нее под крышей творится нечто подобное.

Лицо Мерси вспыхнуло, словно огонь в топке, в которую подбросили уголь. Как раз в этот момент в конце коридора вновь появилась хозяйка, тоже в халате, накинутом на ночную сорочку. Она посмотрела вверх на Мерси и Гилберта, а затем уставилась на красивую молодую леди.

— Мы не… Я не… — начала Мерси, но Гилберт уже развернулся на пятках и сердито зашагал обратно по лестнице, стиснув зубы и не находя от возмущения слов.

— Ты потревожила сон моих жильцов, Клара. Так нельзя. Миссис Мейвезер — вдова, вполне уважаемая женщина, она помогает мне по хозяйству. А Гилберт… ну, я не уверена, что его вообще интересуют девушки. — Агнес подняла лицо к Мерси. — Мне остается лишь извиниться за неподобающее поведение моей племянницы, которая *как раз уходит*, — с нажимом на последних словах закончила пожилая дама.

Мерси только сейчас заметила у вешалки в прихожей красивого молодого джентльмена: он был одет, как школьник, и явно смущен поднятым шумом.

— Не стоит цепляться к прислуге, Клара, — небрежно произнес он, кивнув Мерси. — Прошу прощения за беспокойство, мисс Хамфрис, мы

не будем более вам досаждать. Пойдем, старушка, — обратился он к своей спутнице, — ведь ты знаешь, что без нас вечеринка не начнется.

Переполох завершился так же внезапно, как и начался: красавчик увел девушку к входной двери, и оба растворились в теплой августовской ночи.

***

Каждый раз, когда Мерси выходила из дома на Бёрлингтон-сквер, ее сердце наполнялось радостью и страхом одновременно. Последний месяц лета выдался невыносимо душным, и вид зеленого сквера посреди города поднимал настроение и заставлял тосковать по дому. Пейзаж здесь был совсем иной, нежели в Суффолке, где кругом простирались ровные поля и широкое небо, однако эта часть Лондона, бесспорно, отличалась своим очарованием. Роскошные георгианские особняки обрамляли площадь, их величественную архитектуру дополняли высокие деревья и кадки с цветами.

Мерси просто упивалась свободой. Никто не требовал объяснений, куда она идет, не бранил за опоздания и не упрекал в неблагодарности. На ферме ей приходилось нести груз чужой боли и принимать на себя удары чужого раздражения.

Здесь же, на Бёрлингтон-сквер, жильцы пока что были добры к ней. Даже Гилберт, хоть и немногословный, никогда не жаловался и не отчитывал соседку за мнимые проступки. Несмотря на отсутствие кровных связей, в доме ощущалось родство душ, а Агнес так и вовсе проявляла по отношению к ней материнскую заботу и щедро делилась своим временем.

Но каждый шаг по пути к «Пембертону» был полон тревоги. Мерси старательно избегала встречаться глазами с прохожими — вдруг попадется земляк? Она не поднимала головы, позволяя широкополой, давно вышедшей из моды шляпе заслонять лицо, пока не добиралась до работы. Там она облегченно вздыхала, надеясь, что простые сельские жители Суффолка никогда не заглянут в такой магазин, даже если будут искать беглянку.

Работа нравилась Мерси, но за прилавком она уставала почти так же, как на ферме от доения коров, стирки тяжелого белья и вскапывания огорода. Продавать перчатки не самое увлекательное занятие, но, по крайней мере, это куда чище, чем убираться в свинарнике или ощипывать птицу. Мисс Коупли постоянно твердила, что новой продавщице следует чаще улыбаться

и увереннее вести себя с покупателями, особенно с мужчинами. Иногда они подходили к ее прилавку, чтобы купить перчатки в подарок, и в такие моменты Мерси чувствовала себя крайне неловко. Прежде из мужчин в ее жизни были только родственники и сезонные работники, и, если честно, разговоры с ними сводились к обсуждению еды и тому, свободна ли уборная. В последние же годы за каждым ее шагом следили, и она почти не общалась с кем-либо за пределами фермы.

Отношения с Гилбертом тоже не складывались. Парня явно не радовало, что Агнес наняла ее в помощницы, и он настаивал, что будет сам забирать с кухни подносы. Поначалу Мерси думала, что причина в застенчивости, которой она и сама страдала, но на второй неделе ее пребывания на Бёрлингтон-сквер обитатель мансарды повел себя на удивление уверенно.

Дело было так. В кухне, где как раз находились она и Гилберт, появился жилец из подвала, чтобы в очередной раз объяснить Агнес, почему он не может вовремя внести арендную плату.

— У нас опять туго с деньгами, на этой неделе не получится заплатить за комнаты. Может, вы войдете в положение, возьмете чуть меньше или

дадите отсрочку? Вы же не хотите, чтобы детишки остались без куска хлеба…

— Ну, я не… — начала Агнес.

— Нет уж, любезный, извольте заплатить сполна, — заявил Гилберт, небрежно облокотившись о дверной косяк, вертя в пальцах сигарету и даже не поднимая взгляда. — Мисс Хамфрис, добрая душа, и так берет за аренду слишком мало. Если это жилье вам не по карману, ищите комнаты подешевле. А она без труда найдет вместо вас подходящих квартирантов.

— Не лезь не в свое дело! — грубо осадил его Николас. — Ты ничего не знаешь о нашей ситуации. Времена нынче тяжелые — для некоторых из нас, во всяком случае.

— Не настолько тяжелые, если ты можешь позволить себе заглядывать в «Безумный Шляпник». Я не раз там тебя видел. Если туго с деньгами, сиди дома и пей чай.

Взгляд, который мистер Смит метнул в Гилберта, был убийственным, но парень, похоже, нимало не смутился. Вероятно, только стеснительные двадцатисемилетние вдовы могли довести его до нервной дрожи. Неплательщик с мрачной гримасой вышел из кухни.

— Но я не хочу, чтобы малышки остались без

куска хлеба, — прошептала Агнес, когда за ним захлопнулась дверь.

— Не останутся. — Гилберт выпрямился, сунул сигарету за ухо и схватил свой поднос. — Я об этом позабочусь.

— Задержитесь ненадолго, Гилберт, — попросила хозяйка. — Вам все равно спешить некуда. А милая Мерси лишь недавно приехала в Лондон, к тому же она примерно вашего возраста. Может, вы покажете ей местные достопримечательности? Уделите нам несколько минут, чтобы посидеть за столом и поговорить о том о сем? Я поставлю чайник, и мы выпьем по чашечке чая…

— Извините, но я занят, — буркнул молодой человек.

Кончики его ушей стали свекольно-красными. Он поспешно удалился, кивнув на прощание Мерси. У нее по рукам побежали мурашки, и она уставилась на яйца, которые взбивала для мистера Горски. Гилберт ушел из-за нее, в этом она не сомневалась, хотя и не понимала, почему он вдруг так странно отреагировал. Вероятно, из-за неуклюжей попытки Агнес свести их.

Как бы неловко ни чувствовала себя Мерси, однако она не сердилась на мисс Хамфрис, понимая, что хозяйка действует из лучших побуждений.

После нескольких дней подобных намеков, становившихся все более прямыми и недвусмысленными, Гилберт решил, что легче перехватить Мерси у лестницы в мансарду, вдали от всевидящего ока Агнес, чем терпеть на кухне унижения. И разрешил ей носить ему подносы с едой.

— Э-э-э… не согласились бы вы мне попозировать? — спросил он однажды вечером, когда она протянула ему тарелку горячих макарон с сыром.

— Ни за что, — возмутилась Мерси и даже немного испугалась. — Только этого еще не хватало!

Что он там делает в своей мансарде? И зачем ему могла понадобиться ее фотография?

— Прошу прощения, видимо, я неудачно выразился… Это вовсе не то, что вы подумали. Я заплачу вам. — Гилберт поморщился и схватился за лоб. — Господи, так еще хуже звучит. Забудьте мои слова, миссис Мейвезер. Мне очень жаль, что так получилось.

Мерси кивнула в ответ и поспешила вниз по лестнице, а вдогонку ей донеслось еще одно «простите».

И все же, заметила она с некоторой иронией, Гилберт научился разговаривать с ней полными

предложениями.

52

Когда долгий рабочий день в «Пембертоне» наконец закончился и Мерси собралась домой, мисс Коупли снова отвела ее в сторону, чтобы пожурить за излишнюю скованность.

— Нынче перчатки уже не продаются так хорошо, как прежде, и мы не можем позволить себе терять покупателей из-за того, что вы недостаточно любезны. Людям нужны ваши советы, — подчеркнула начальница. — Вы должны подсказать им, какие именно перчатки следует купить. Разумеется, отдавая предпочтение наиболее дорогим моделям…

Мерси не привыкла к тому, чтобы кто-то интересовался ее мнением, и не чувствовала себя вправе его высказывать, но поняла: если хочешь сохранить работу, придется постараться. Она пыталась быть смелее и даже сделала над собой усилие, поддержав во время обеденного перерыва разговор с коллегами. Те пригласили ее сходить с ними в выходные в кинотеатр, и Мерси согласилась: после беседы с Агнес она решила, что должна приобрести в Лондоне побольше ярких впечатлений. Возможно, именно эти теп-

лые воспоминания поддержат ее дух в будущие одинокие годы.

Свернув за угол к Бёрлингтон-сквер и радуясь предстоящему тихому вечеру, Мерси узнала ослепительную юную леди, неделю назад устроившую ночью переполох в доме. Племянница мисс Хамфрис сидела на каменных ступенях, элегантно вытянув длинные ноги.

— Ах, дорогая! — воскликнула Клара, когда Мерси подошла ближе. — Я сижу тут уже целую вечность. Никто не открывает, а я буквально умираю от жажды, так хочется чая.

— Ваша тетя, вероятно, вышла за покупками. Уверена, она скоро вернется. Я — Мерси Мейвезер, — представилась жиличка, протянув руку.

— Ясно, та самая вдова, — откликнулась Клара, закуривая сигарету так, что это выглядело верхом изящества. Она выпустила из алых губ тонкую струйку пьянящего дыма, и Мерси чуть было не спросила, нельзя ли и ей тоже попробовать. — Работаете в универмаге? — (Мерси кивнула.) — Когда вы появились посреди ночи вместе с тем гробовщиком, я подумала, что вы его подружка. Прошу прощения, но вы стояли рядом, и я предположила…

Мерси пришлось не по душе пренебрежи-

тельное слово «подружка», и еще меньше ей понравилась злая насмешка над Гилбертом, но она не стала высказывать свое недовольство вслух. А лишь промолвила:

— Я впущу вас. Сейчас, ключ где-то здесь… — Она повозилась с застежкой сумочки из крокодиловой кожи.

— Посидите со мной пару минут, — попросила Клара, похлопав по ступеньке. — Мне нужно с кем-нибудь поговорить. Хотела излить душу дорогой тете Агнес, но раз уж ее нет дома, то на худой конец сойдете и вы.

«Очаровательно, ничего не скажешь», — подумала Мерси, но послушно села рядом. У нее была привычка делать то, что ей велят.

— Так вот. У меня потрясающая новость. Молодой человек, с которым вы видели меня на прошлой неделе, вчера вечером сделал мне предложение. Его родители невероятно богаты и владеют огромным поместьем в Сомерсете. Джек без ума от меня и пообещал подарить мне небо, землю и все, что находится между ними.

Она сделала паузу, явно ожидая поздравлений, и удивленно приподняла бровь, когда желаемой реакции не последовало.

— А вы его любите? — осведомилась собесед-

ница.

— Любопытно, — сузила глаза Клара, и Мерси почувствовала на себе ее излишне пристальный взгляд. — Никто больше меня об этом даже не спрашивал, как будто деньги заслоняют все остальное. А вы ведь сама были замужем и наверняка должны порекомендовать мне благородный институт брака?

— Это юридически обязывающий контракт, — ответила Мерси. — Не заключайте его по неверным причинам.

— Я склонна согласиться с вами, дорогая, но, когда вредный папаша ясно дает понять, что оставит тебя без гроша в кармане и без крыши над головой, коли вдруг посмеешь отказаться, положение становится затруднительным.

«Выходит, даже деньги и статус не дают женщине подлинной независимости», — заключила Мерси. Она даже подумала, не признаться ли, что ей самой брак тоже навязали родители, но так и не успела набраться храбрости: их прервал звонкий голосок.

— Мамочка, а почему у нас на ступеньках сидят две леди? — спросила девочка лет шести у своей усталой матери, и три пары любопытных глаз уставились на крыльцо дома номер двадцать три

по Бёрлингтон-сквер.

«Джемайма с детьми», — догадалась Мерси.

— У некоторых дамочек нет ни работы, ни мужа, ни детей, зато времени хоть отбавляй. Вот они и проводят его в свое удовольствие, сидя на ступенях, куря сигареты и беззаботно наблюдая за жизнью со стороны, — раздраженно ответила Джемайма, пытаясь протиснуть через калитку громоздкую черную коляску.

Внутри спала малышка, а сверху сидела девочка лет трех или четырех.

— Позвольте помочь вам, — предложила Мерси, вскочив на ноги.

— Обойдусь. Уверена, мне не стоит тревожить таких занятых дам.

— Миссис Мейвезер, без сомнения, провела сегодня невероятно долгий день в «Пембертоне», выслушивая жалобы эгоистичных и избалованных клиенток вроде меня, так что не спешите ее судить, — вмешалась Клара. — Я же, напротив, прекрасно подхожу под ваше описание бездельницы, за одним лишь исключением: беззаботной меня назвать никак нельзя.

— Прошу прощения, миссис Мейвезер. Агнес рассказывала мне о вас, но мы еще не встречались. — Джемайма кивнула Мерси, которая как

раз сняла ее среднюю дочку с коляски, предугадав следующий маневр матери.

Вдвоем они протиснули трех малышек и громоздкую коляску через калитку, а Клара тем временем продолжала болтать:

— Милые мои, я нахожусь на перепутье. Передо мной маячит весьма выгодное предложение о браке, и отец требует, чтобы я его приняла, но мое сердце противится.

— Ради бога, только не выходите замуж, — заявила вдруг Джемайма, установив коляску перед лестницей, ведущей в подвал, и впервые посмотрела Кларе в глаза. — Я бы предпочла, чтобы меня повесили за убийство. Это не так болезненно, да и весь ужас закончится куда быстрее.

Клара пробормотала себе под нос, что с удовольствием убила бы некую Алису, однако боится, что унылые цвета тюремной робы будут ей совершенно не к лицу. Наступила пауза, а затем Мерси, не сдержавшись, захихикала. Почти сразу к ней присоединилась Клара, чей хрипловатый смех оказался настолько заразительным, что и Джемайма тоже не выдержала.

Иногда для того, чтобы между людьми установилось взаимопонимание, достаточно сущей мелочи. Взглянешь на кого-нибудь в переполнен-

ной комнате, и сердце уверяет, что перед тобой родственная душа. Ты впервые видишь своего новорожденного ребенка и не сомневаешься, что любовь, связывающая вас, безусловна. Или обмениваешься шутками с двумя почти незнакомыми женщинами и понимаешь, что вам суждено стать лучшими подругами.

Мерси посмотрела на обеих: одна колючая, как еж, а другая — до смешного избалованная. Ну что ж, следует признать, что и у нее тоже есть недостатки: робость и неопытность. Хлопотливая жизнь на ферме не давала возможности завести близких подруг. Может, сейчас она сблизится с этими женщинами, и именно это и станет наградой в ее смелом приключении? Вдруг они даже будут переписываться, когда ее лондонская жизнь закончится? Вряд ли свекровь откажет ей в такой малости, раз уже запретила все остальное.

Решив во что бы то ни стало завоевать расположение двух столь разных женщин, Мерси принялась размышлять, как бы устроить новые встречи с ними. Наверное, Агнес не будет возражать, если она организует у себя в комнате дневное чаепитие? Компания, конечно, соберется странная и довольно разношерстная, но ведь на ферме куры отлично уживаются в одном загоне

с коровами и козами. Чтобы ладить, вовсе не обязательно быть одинаковыми.

— Мамочка, можно я покажу этим леди свою железную дорогу? — спросила старшая из трех девочек.

— Железная дорога! Как чудесно, — откликнулась Мерси, ухватившись за шанс, подкинутый дочкой Джемаймы. — У тебя, наверное, есть братья?

Джемайма неодобрительно цокнула языком, но взгляд ее заметно смягчился после обмена шутками. Клара изящно поднялась со ступенек, отряхнула юбку и затушила сигарету.

— Дорогая, девочкам тоже не возбраняется играть с поездами, — сказала она. — Я всегда завидовала мальчишеским игрушкам — когда не сидела в седле своей лошади, разумеется.

— Ну прямо настоящая аристократка, — передразнила ее Джемайма. — Лошадь у нее была, надо же! — Она повернулась к дочери. — Не строй иллюзий, Матильда. Единственная лошадь, на которой ты, скорее всего, поскачешь, — это перевернутая швабра с пуговицами вместо глаз.

И, взяв за руку среднюю девочку, она повела детей вниз по ступенькам в подвал, обронив на ходу:

— Но можешь пригласить дам к нам на чай, если столь благородная особа не побрезгует нашей тесной норой.

Сердце Мерси радостно дрогнуло.

— Я тоже умею ездить верхом, — призналась она. — Но моя лошадь таскала телегу и иногда плуг. Я жила на ферме.

— Ой, как здорово! — Глаза Матильды стали круглыми, как блюдца, а из глубины коляски послышался детский плач. — Теперь я даже не знаю, с кем мне играть: с фермершей или с красавицей-кинозвездой.

Клара поняла, что речь идет о ней, и улыбнулась:

— Играй с фермершей. Я куда лучше умею вести взрослые разговоры и пить чай.

Она проскользнула мимо плачущего ребенка и зашагала вниз по ступенькам в подвальные комнаты. Мерси вздохнула и подняла малышку, которая совсем раскапризничалась. Держать ее на бедре и слегка покачивать казалось совершенно естественным. Плач стих, пухлые ручки потянулись к ее лицу и волосам. Раздался заливистый смех, и Мерси с трудом сумела сдержать нахлынувшие чувства.

— Пойдемте скорее, у меня есть четыре игру-

шечных вагона и блестящий красный паровоз.

Матильда дернула ее за платье, и Мерси поняла: дружить с этими двумя женщинами будет непросто по множеству разных причин. Но, странное дело, в глубине души она была уверена, что оно того стоит.

53

Час, проведенный с Джемаймой и Кларой, полностью оправдал ожидания Мерси. Бóльшую часть времени она сидела на полу с детьми, с удовольствием слушая, как Джемайма с пылом рассуждает о равенстве для всех, независимо от сословия и пола. У этой женщины имелись свои убеждения, и она готова была отстаивать их во всеуслышание. Клара нарочно поддразнивала молодую мать, и они спорили так яростно, что между ними аж искры летали, но Мерси, наблюдая со стороны, понимала, что обе получают удовольствие от оживленной дискуссии. Когда настало время уходить — точнее, когда мистер Смит, работавший вагоновожатым, вернувшись после долгого трудового дня, с неудовольствием обнаружил дома чужих людей, — Клара настояла на новой встрече, предложив собраться, когда она опять навестит тетю. Все согласились. Мерси заметила, что у Клары просто дар очаровывать окружающих и добиваться желаемого; к тому моменту, когда гостьи разошлись, даже настроение мистера Смита заметно улучшилось.

На следующей неделе Мерси, располагавшая

весьма скромными средствами, все же позволила себе однажды вечером сходить в кино с двумя девушками из отдела галантереи. И не была разочарована: в фильме снимался Айвор Новелло, и его мрачная красота и глубокомысленные взгляды стоили каждого пенни, который она заплатила за билет. А еще Мерси уговорила Агнес составить ей компанию за полуденным чаем в «Лайонс Корнер-Хаус», и, перекусывая миниатюрными бутербродами и булочками, они любовались интерьером заведения и официантками в красивой форме. Но все эти маленькие радости требовали денег, поэтому Мерси получала также и бесплатные впечатления: бродила по городу, изучая достопримечательности, и посещала музеи. Первым в списке значился Британский музей, который совершенно ее очаровал, хотя в Египетском зале Мерси стало не по себе — и не только потому, что рядом с огромными статуями она чувствовала себя крошечной.

После призыва Агнес жить полной жизнью у Мерси появилось почти непреодолимое желание творить хотя бы по мелочам, в меру своих скромных сил, добрые дела — словно бы впрок, наперекор всем обидам, к которым ей предстояло вернуться. Нет, свекровь не била ее — до такого

варварства дело не дошло, но обращалась с ней как с бесплатной прислугой и работницей на ферме в одном лице. Злобная старуха заставляла невестку расплачиваться за преступление, которого она не совершала. С того самого дня, как Мерси вышла за Роланда, у нее отняли все: она полностью лишилась самостоятельности, даже на своей ферме уже не распоряжалась, да и вообще не чувствовала себя личностью. Проведя девять лет на побегушках у миссис Мейвезер-старшей, Мерси утешалась тем, что здесь, на Бёрлингтон-сквер, к ней будут относиться по-доброму и, возможно, потом, когда она уедет, даже вспомнят пару раз с теплом.

По утрам, перед работой, у нее почти не оставалось времени на то, чтобы пообщаться с мистером Горски, однако, поняв из разговоров с хозяйкой, как несчастен старик, Мерси старалась подольше задерживаться у него по вечерам, когда ей все равно было нечем заняться. Молодая соседка сумела поднять настроение пожилому джентльмену, вдохновив его снова послушать музыку. Агнес призналась, что тот после смерти мистера Блэндфорда больше не ставил пластинок. Однако сейчас он по настоянию Мерси выбрал свою любимую запись Шопена и показал женщине, как

обращаться с граммофоном.

Заметив, как пальцы мистера Горски подрагивают в такт музыке, она подумала: «Наверное, ему хочется самому перебирать клавиши цвета слоновой кости, извлекая звуки». Когда мелодия набрала силу, он поднял руки и мягко повел ими из стороны в сторону. Только тогда Мерси увидела в дальнем углу заброшенное, закрытое крышкой и припорошенное пылью пианино и с трудом сдержала слезы: так жалко ей стало бедного старика.

— Вы должны понимать, — объяснил он, когда соната закончилась, — что создать качественную аудиозапись игры на фортепиано очень непросто — это сложнее, чем записать любой другой инструмент в оркестре. Но слушать пластинки все же лучше, чем совсем обходиться без музыки.

— Расскажите мне о себе, — попросила Мерси, снимая иглу с пластинки и останавливая вертушку. — Я целых двадцать семь лет, никуда не выезжая, провела на ферме. Так интересно было бы послушать о яркой, насыщенной жизни, полной событий.

— Увы, все это уже в прошлом, — вздохнул мистер Горски. — Жизнь подходит к финалу, и некому будет оплакать меня. После меня останет-

ся только моя музыка.

— Какое восхитительное наследие. А вот после меня не останется совсем ничего, даже детей, — вздохнула она в ответ. — Вы всегда знали, что ваше предназначение — это фортепиано?

Найдя в лице Мерси благодарную слушательницу, старик поведал ей о своем детстве, о том, как он учился музыке, а потом сделал карьеру пианиста, прославился и много ездил по миру.

— Я с юности жил всюду, кроме родины. Но с годами, когда здоровье стало меня подводить, я путешествовал меньше, зарабатывал граммофонными записями, преподаванием, даже сочинил рождественскую песню, которая до сих пор приносит на удивление большой доход.

Он начал напевать, и Мерси сразу узнала мелодию.

— Это вы написали? — изумилась она. — Какой вы талантливый!

— Мистер Томпсон сказал то же самое. В последнее время я прямо польщен всеобщим вниманием.

— Мистер Томпсон? — Эта фамилия ей ни о чем не говорила.

— Джентльмен, который претендовал на комнаты, где теперь живете вы. Услышав обо мне от

мисс Хамфрис, он очень захотел познакомиться. Вчера мы чудесно провели время, беседуя о музыке и птицах. Мистер Томпсон предложил сводить меня в парк, пока погода не испортилась.

— Как мило с его стороны, — сказала Мерси, вспомнив визит излишне настойчивого мужчины в первую неделю ее пребывания на Бёрлингтон-сквер и радуясь, что в мире еще есть люди, готовые уделять внимание другим без всякой выгоды для себя.

54

— Вот арендная плата, которую мы задолжали, и прошу прощения за очередное опоздание…

Почти месяц прошел с тех пор, как Мерси поселилась на Бёрлингтон-сквер. Она уже отнесла джентльменам завтраки и собиралась уходить на работу, когда задняя дверь отворилась и в кухню вошла Джемайма.

— Пустяки, — отмахнулась Агнес. — Я знаю, что вам нелегко, да к тому же еще один ребенок на подходе. Конечно, с деньгами туго. В общем, спасибо. — И она приняла монеты от миссис Смит.

Молодая женщина вздрогнула, нахмурилась и положила руку на слегка округлившийся живот, как бы прикрывая его. Мерси задумалась: каково это — носить в себе новую жизнь? Чувствовать, как малыш шевелится внутри, знать, что скоро он станет частью большого мира и будет зависеть от тебя во всем? Как справиться с таким тяжким бременем ответственности? И нести его до того дня, когда неизбежно придется отпустить ребенка. Потому что именно так и поступаешь, когда по-настоящему любишь кого-то: отпускаешь его.

— У вас ведь не было детей? — спросила Дже-

майма, заметив взгляд Мерси. — Я в прошлый раз не догадалась спросить. Слишком увлеклась, излагая свои убеждения. — Она улыбнулась в знак извинения.

— Нет, не было.

— Жаль. Хотя, может, это и к лучшему, раз вы теперь остались одна. Я-то люблю детей, но они выматывают меня до предела.

Мерси сглотнула:

— На самом деле я бы очень хотела ребенка.

— Так ведь еще не поздно. Сколько вам лет?

— Двадцать семь.

— Вот видите. Мы рожаем до сорока, хотя упаси Бог, если со мной так выйдет. Можете помогать мне с этим младенцем, — она очертила рукой круг над животом, — если хотите немного потренироваться.

Мерси улыбнулась. Она любила малышей, но не будет ли ей тяжело находиться рядом с молодой матерью? Ведь самой ей не дано иметь детей. Она больше не встретит никого, и время, отведенное природой, пройдет впустую.

— Там видно будет, — неопределенно ответила она.

— Впрочем, можете, если хотите, забрать моего Николаса, — добавила Джемайма уже без

улыбки.

Мерси даже не поняла, шутит она или нет. Джемайма внимательно рассматривала соседку, как будто решая, стоит ли всерьез рассматривать вариант уступить той своего мужа.

— Простите мою бестактность, — спохватилась молодая мать. — Не сочтите мои слова за насмешку, я вовсе не собиралась вас обидеть. Я понимаю, что некоторые находят свою единственную любовь и никто другой уже не сравнится с их избранником.

Это недвусмысленно намекало на то, что сама она с мужем такого счастья не знала. Мерси промолчала, не желая уточнять, что ее обманом втянули в брак, в котором не было места любви — разве что в самом начале, когда она была совсем юной и наивной, но очень скоро правда открылась.

— Кстати, дамы, — объявила Агнес, — моя сестра Дафна звонила сегодня утром и сообщила, что Клара обручилась с Джеком Ригби. Разве это не чудесная новость?

Молодые женщины обменялись взглядами, которые говорили об обратном. Мерси показалось грустным, что Клара решила, будто у нее нет иного выхода, кроме как принять предложение

нелюбимого человека. Она также понимала, что предстоящий брак, скорее всего, положит конец их зарождающейся дружбе. Большой дом в Сомерсете, неизбежные хлопоты, а там и дети пойдут: все это сделает поездки в Лондон затруднительными.

— Родители Клары хотели устроить вечеринку по случаю помолвки дочери, но сама она, похоже, решительно воспротивилась. Какая жалость. Правда, я бы вряд ли смогла поехать, но семейные торжества всегда так отрадны…

Джемайма вдруг застонала и ухватилась за спинку кухонного стула.

— О, моя дорогая! — воскликнула Агнес. — Ребенок? Неужели начинается?

— Не может быть, еще рано.

Но даже Мерси, которой прежде доводилось видеть лишь, как рожают животные на ферме, сообразила, что происходит. Она бросила взгляд на часы, думая, что пора отправляться на работу, однако новый крик боли убедил ее: Джемайма важнее.

— Я попрошу Гилберта сбегать за доктором. Он живет здесь дольше меня, так что быстро сориентируется, — сказала она хозяйке, выскочила из комнаты и взбежала по лестнице в мансарду.

Когда Гилберт наконец открыл дверь, сжимая в руках стопку каких-то бумаг, и увидел Мерси, то сразу встревожился.

— Сегодня суббота. Вы работаете. — Его слова были скупы, как всегда.

— Кажется, у Джемаймы начались преждевременные роды. Сможете привести доктора?

— Конечно.

Остатки краски сошли с его и без того бледного лица. Молодой человек хлопнул себя по карману жилета, проверяя, на месте ли ключ, и без промедления вышел на лестничную площадку, сунув бумаги в руки Мерси. Спустя мгновение он уже мчался вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Оставляя стопку у двери соседа, Мерси не могла не заметить, что это была пачка буклетов, рекламировавших услуги Гилберта Адамса, медиума и мастера спиритической фотографии, который способен за весьма разумную сумму «облегчить вашу скорбь, связавшись с дорогими усопшими».

55

Спасти ребенка Джемаймы, к сожалению, было уже нельзя, и оставалось лишь подчиниться неизбежному, всячески утешая бедную женщину. Девочек поспешно отправили к соседке из дома номер 22, и вскоре их крошечный братик появился на свет, но, увы, так и не сделал ни единого вдоха. Под руководством самой Джемаймы и благодаря опыту Мерси, помогавшей принимать роды у множества животных на ферме, им удалось сделать все правильно, хотя исход был предрешен с самого начала. Младенец был слишком мал, чтобы выжить, и почти наверняка умер еще до того, как тело Джемаймы его отвергло.

Гилберт спустился в подвальные комнаты и сообщил, что доктор задерживается: принимает сложные роды на Леопольд-стрит — там у женщины двойня. Но все понимали, что присутствие врача все равно бы ничего не изменило. Николас появился, когда женщины заканчивали уборку, огорченно хмыкнул, узнав, что на этот раз был мальчик, и почти ничего не сказал, прежде чем снова уйти на работу.

— Спасибо, что догадались позвать Николаса, —

поблагодарила Мерси Гилберта, вынося во двор сверток окровавленных тряпок, чтобы сжечь их.

Он прислонился к стене и пытался прикурить, прикрывая рукой дрожащий огонек спички.

— Я недолюбливаю этого типа, но посчитал, что его следует известить. Думал, может, он утешит жену.

— Не утешил. Но это, разумеется, не ваша вина.

— Николас не понимает, что такое смерть, и особенно — как пагубно гибель ребенка сказывается на матери. Представьте: вы носите в себе новую жизнь, отвечаете за появление малыша на свет — и вдруг у вас это чудо жестоко отнимают. Когда ребенок переживает родителей, это в порядке вещей, но, если вдруг случается наоборот… Теперь горе будет вечно разъедать Джемайму и никогда ее не покинет.

Вроде бы Гилберт все говорил правильно, но Мерси смущали буклеты, которые она видела утром. Молодая женщина была уверена: спиритизм — это обман, и недоумевала, как фотограф может изображать сочувствие к убитым горем людям, если зарабатывает на их несчастье. Это огорчало Мерси. Хотя времени разобраться в странном соседе у нее было немного, но она по-

чему-то считала Гилберта хорошим человеком: что-то в его глазах при самой первой встрече заставило ее поверить в его честность.

«Вот же дура, — сказала она себе, — мало тебе того, что один раз уже ошиблась».

— Мне такое неведомо, — холодно ответила молодая женщина, стараясь сдержать негодование и не позволить чувствам взять верх. — Ведь Господь не благословил меня детьми.

Гилберт уловил горечь, прозвучавшую в ее голосе. Мерси развернулась на каблуках и вернулась в подвальные комнаты, чтобы хоть немного поддержать подругу в минуты, когда никакие слова не способны облегчить боль, а он остался позади, бормоча ей вслед неловкие извинения.

***

— Я не совсем понимаю, чем именно вас задел, но в любом случае прошу прощения, — промолвил Гилберт.

Мерси стояла рядом с ним у лестницы в мансарду. Она наскоро приготовила сэндвичи для джентльменов. Агнес по-прежнему была у Джемаймы, но вдруг спохватилась, что постояльцев нужно накормить. Мерси охотно взялась за дело, желая принести пользу и хоть как-то отвлечься от мрачных переживаний.

— Вот что, давайте уже внесем ясность, — решительно заявила Мерси, набравшись смелости. Ей порядком надоело, что Гилберт каждый раз ускользал наверх, едва лишь она передаст ему еду. Атмосфера заботы действовала на нее благотворно: на Бёрлингтон-сквер она чувствовала себя в безопасности, ощущала более отважной и сильной. — Я не понимаю, почему вы столь упорно уклоняетесь от общения со мной. Я ведь просто пытаюсь быть дружелюбной и уж точно не имею на вас никаких видов. Разве вы не заметили у меня на пальце обручальное кольцо?

И она протянула вперед руку, демонстрируя украшение. Конечно, виды у нее на соседа были, но не конкретные планы, а едва уловимые чувственные фантазии. И Мерси не собиралась им поддаваться. Так что добродетели Гилберта ничто не угрожало.

— Да, но вы ведь вдова. А мисс Хамфрис совсем не стесняется говорить, что вы уже почти десяток лет одна и ваши биологические часы тикают.

Мерси повертела на пальце тусклое золотое кольцо:

— Ну почему все думают, будто знают, что для меня лучше? Мне хорошо и одной. Я уже была замужем, и этого достаточно. Я не вынесу снова

душевной боли. Но я люблю людей, и раз уж мы живем под одной крышей, то было бы проще, если бы мы ладили. У меня ведь почти нет друзей.

— У меня тоже, — признался Гилберт, разглядывая носки собственных ботинок. — Думаю, людей смущает моя увлеченность смертью.

Она не решилась заговорить о буклетах, уверенная, что Агнес ничего не знает о сомнительных занятиях постояльца. А вместо этого спросила:

— Вам пришлось воевать?

Возраст Гилберта было трудно определить. Не исключено, что сосед побывал на фронте, и Мерси подумала: уж не этим ли объясняется его замкнутость? Возможно, он пережил те же немыслимые ужасы, что и ее муж.

— Нет, по счастью, я был слишком молод для этого. Не думаю, что смог бы убить человека. Скорее, стал бы сознательным отказником и удостоился позорного ордена Белого пера[22]. Я и так слишком близко видел смерть, чтобы еще и искать ее самому.

Собеседница вопросительно посмотрела на него, не решаясь уточнить, что он имеет в виду.

---

[22] Примечания: 22

Имеется в виду общественное движение в Великобритании времен Первой мировой войны: женщины вручали мужчинам призывного возраста, не служившим в армии, белое перо как символ трусости.

— Я потерял младшего брата, и это было ужасно, — наконец сказал Гилберт. — Отравление щелоком. Он выпил его по ошибке, приняв белый раствор за молоко. Умирал целых семь часов. Его рвало кровью. Рот был весь обожжен, в волдырях. Маленькое тельце билось в судорогах, а мы стояли рядом и ничем не могли облегчить его страдания.

Гилберт откинулся к стене. Его блеклые глаза еще глубже ушли в орбиты, а кулаки сжались так, что аж костяшки пальцев побелели. Мерси не хотелось слышать страшные подробности, но, вероятно, ему было необходимо выговориться. Молодой человек заметил, как она содрогнулась.

— Простите. Не стоило обрушивать это на вас без предупреждения.

— Ничего. Я видела достаточно ужасных ран и смертей, работая на ферме, — призналась Мерси. — Мне приходилось перевязывать ногу, рассеченную косой до самой кости, и утешать человека, попавшего под борону и протянувшего потом не более часа. Все, что я могла сделать, — это не дать ему умереть в одиночестве.

Гилберт кивнул:

— Я до сих пор не могу решить, что хуже — страдания жертвы или горе тех, кто остается.

Моя мать во всем винила себя, но это была не ее вина. Билли сам достал бутылку с полки, до которой, как все думали, он дотянуться не мог. А я чувствовал вину, потому что должен был заметить, что братишки нет рядом. Я ведь весь день с ним играл.

— Сколько вам было лет, когда это произошло? — мягко спросила Мерси.

— Восемь.

— Тогда вас вряд ли можно в чем-то винить.

— Я знаю лишь одно: когда что-то можно было предотвратить, а ты не предотвратил, то всю жизнь потом будешь терзаться, думать: «А что, если?» — независимо от того, на ком лежит вина.

Оба помолчали, признавая правоту этих слов, затем Мерси кивнула, а Гилберт опустил взгляд на тарелку с сэндвичами, которую так и держал в руке, и заключил:

— Но утрату Джемаймы не смог бы предотвратить никто. Передайте бедняжке мои соболезнования, когда увидите ее.

— Обязательно передам.

Мерси восприняла это как конец разговора и развернулась, осознавая, что обычно немногословный Гилберт сказал ей за последние несколько минут больше, чем за все время знакомства.

56

Агнес с огромным воодушевлением рассказывала молодой квартирантке о Национальной галерее, где можно бесплатно увидеть величайшие произведения искусства: не только из разных эпох, но и со всего мира. И Мерси решила, что шедевры Ван Гога, Боттичелли и Констебля станут еще одним воспоминанием, которое она увезет с собой в Суффолк. Вряд ли ее свекровь вообще знала, кто такой Боттичелли. Наверняка предположила бы, что речь идет о какой-то заразной болезни. Одна эта забавная мысль подняла Мерси настроение.

Поэтому в следующий выходной она пересекла Трафальгарскую площадь и на целый час затерялась среди сокровищ, висящих на стенах музея. Картина «Пара влюбленных» кисти Париса Бордоне удерживала ее внимание дольше, чем она рассчитывала. Изображение двух людей, словно бы составлявших единое целое, завораживало. Мерси не сомневалась, что именно так и должно выглядеть настоящее чувство, и крошечная искра обиды, вспыхнувшая на сухом труте ее несчастья, разгорелась сильнее.

Когда молодая женщина вышла наружу, яркое солнце и прохладный воздух показались особенно приятными. Она направилась к колонне Нельсона. Ей безумно хотелось прикоснуться к лапе величественного бронзового льва у основания монумента, но, приблизившись, Мерси почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. Ледяная паника сменилась облегчением, когда она встретилась глазами с Гилбертом — тот удивленно посмотрел на нее и тут же отвел взгляд. Сжимая в руках фотоаппарат, он сидел лицом к галерее на ступенях, между парой изображенных на постаменте великолепных зверей.

Мерси подошла к соседу, прикрывая глаза от солнца, разрываясь между влечением, которое чувствовала к молодому человеку, и отвращением, вызванным злосчастными буклетами. В любом случае после недавнего откровенного разговора она ощущала себя в обществе Гилберта куда свободнее, чем прежде.

Его бледные щеки порозовели, и он тут же вскочил:

— Миссис Мейвезер. Пожалуйста, присаживайтесь… э-э-э, на ступеньку.

Гилберт дождался, пока она устроится, и только потом сел рядом.

— Что привело вас в эту часть города? — осведомилась Мерси, испытывая любопытство к этому нервному парню и гадая, что он фотографирует здесь днем, под открытым небом.

Вряд ли поблизости витали души недавно усопших. Реклама сомнительных спиритических услуг, которые Гилберт оказывал, по-прежнему настораживала ее.

— Я наблюдаю за миром вокруг глазом фотографа. Ищу интересные вещи, достойные того, чтобы их запечатлеть.

— Такие, как, например, Национальная галерея? — предположила она, считая, что поблизости нет ничего иного, заслуживающего внимания.

— Это все, что вы видите? — спросил Гилберт. — Боюсь, вы отсекаете то, что, по вашему мнению, не имеет значения. А перед нами, между тем, замечательный живой срез современного Лондона.

Мерси огляделась, стараясь охватить взором всю картину целиком, а не только внушительное здание впереди.

— Закройте глаза, — вдруг попросил Гилберт.

— Что, простите?

— Закройте глаза, — мягко повторил он, и Мерси подчинилась.

— Что вы помните из того, что видели? Опишите как можно точнее.

— Э-э-э… белоснежное великолепие Национальной галереи, ее красивый купол и ряд рифленых колонн под портиком. Два фонтана и дорога, по которой едут омнибусы и изредка автомобили…

— Что еще запомнили?

Она пожала плечами:

— Людей, снующих туда-сюда.

— Назовите подробности, — настаивал Гилберт, — мелкие детали.

— Ну, не знаю… может, голуби? — В голосе женщины прозвучало явное раздражение. «Что он хочет услышать?»

— А теперь откройте глаза и присмотритесь. Поглядите, как солнце играет на радужном оперении голубиных шеек. Видите вон того оборванца в пальто, которое ему явно великовато? На одежде не хватает двух пуговиц, а тростью ему служит терновый сук. Как же он печален. Интересно, ел ли бедняга толком хоть раз за последнюю неделю? А вон там маленький мальчик сосет леденец. На лице выражение радости, даже восторга. У него выпали передние зубы, и улыбка от этого кажется еще милее. А вот влюбленная парочка — эти двое ведь наверняка влюблены друг в дру-

га — сидит на краю фонтана. Страстный взгляд молодого человека буквально пронзает подругу, а она чем-то явно встревожена. Обратите внимание, как беспокойно девушка двигает руками. Возможно, родители не одобрили ее выбор? Но их глаза хранят общую тайну. Фотоаппарат может без труда уловить все это. Ухватить мгновение и сохранить его, словно залив яркий салат желе.

— Но не передав при этом цвета, в черно-белых тонах, — заметила Мерси.

— Верно. Поэтому художник по-прежнему остается незаменимым. Но фотография, даже лишенная цвета, запечатлевает момент целиком. Абсолютно все детали. То, что наш мозг не успевает уловить, — mise en scène[23], если угодно. Даже художник видит не все или же сознательно исключает из картины неприятное и лишнее. А фотоаппарат фиксирует грязную, забрызганную навозом мостовую перед прекрасным зданием или беспорядок на каминной полке на семейном снимке. Фотограф, в отличие от живописца, всегда запечатлевает правду жизни.

— Поэтому и говорят, что камера не врет, — многозначительно проговорила Мерси. Интересно,

---

[23] Примечания: 23
Мизансцена *(фр.)*.

признается ли он, чем промышляет?

Гилберт ничего не ответил, даже не взглянул на нее, лишь молча уставился вдаль. Но Мерси проявила настойчивость:

— Агнес сказала, что вы зарабатываете фотографией. Делаете портреты?

— В основном, — уклончиво ответил Гилберт и все же заставил себя посмотреть в лицо собеседнице. — Я… я бы очень хотел сделать ваш портрет, если позволите. — Он сглотнул; его взгляд стал вдруг очень пристальным, а голос — серьезным. — Вы очень красивая.

Для такого скромного парня это было чрезвычайно смелое заявление. Мерси опешила. Ну и как это понимать? Ее сердце дрогнуло от мысли, что сосед видит в ней женщину. А душа всколыхнулась, словно бы в стаю голубей с переливчатыми шеями запустили кошку. Одно дело — тайком испытывать влечение, когда фантазии ни к чему не ведут, и совсем другое — внезапно узнать, что твое чувство может быть взаимным. Но нет, решила она, это неправильно по множеству причин. В первую очередь из-за сомнительных занятий Гилберта, в которых он, кстати, так и не признался.

— Мне нужно вернуться на Бёрлингтон-сквер,

чтобы помочь Агнес.

Она поднялась, не желая отвечать на его признание и мечтая поскорее убежать туда, где чувствовала себя в безопасности.

— Я… Простите. Я не хотел вас смутить.

— Все в порядке. Просто я обещала Агнес помочь ей делать соус чатни. Она, наверное, уже ломает голову, куда это я подевалась.

— Тогда я провожу вас.

Отказаться Мерси не могла, ведь это был и его дом тоже.

Они вместе шли по оживленным улицам, но при этом почти не разговаривали. С каждым шагом Мерси остро ощущала присутствие Гилберта совсем рядом, на расстоянии всего лишь двух футов, и разрывалась между порывом взять его под руку и желанием, чтобы он оказался где-нибудь в другом месте. Иногда она бросала на парня быстрый взгляд и чувствовала, как он поворачивает к ней лицо, полагая, что спутница ничего не заметит. Однако словами они обменивались редко. Казалось, Гилберт Адамс был человеком, который либо говорит без умолку, либо не может подобрать ни единого слова.

А если он собрался и дальше выдавать столь пугающие и неожиданные признания, то, пожалуй,

пусть уж лучше молчит.

57. Засушенный цветок

В февральском воздухе уже ощущалось приближение весны. Сады на Бёрлингтон-сквер обещали в скором времени покрыться яркой зеленью, но в жизни Агнес этой мрачной зимой красок почти не было. Джеймс уехал за границу еще до Рождества. Страх навсегда потерять любимого рассеялся, когда он сообщил, что его отправляют в Индию руководить проектом всего на пару месяцев и он вернется в следующем году. Дни тянулись бесконечно долго, но девушка терпеливо ждала, зная, что возвращение Джеймса близко, и была вознаграждена: он навестил ее на следующий день после прибытия корабля. Кухарка нехотя согласилась присмотреть за спящим отцом, и Агнес предложила Джеймсу прогуляться к реке, зная, что ему любопытно будет взглянуть на строительство моста в Баттерси.

Выходя из дома, он взял девушку под руку, вновь обозначая свое право на нее, но отношения между ними были сложными. Агнес понимала, что поступила чересчур смело, слишком рано признавшись в любви, и теперь не знала, кем они приходятся друг другу. Она надеялась развеять

сомнения и даже приняла решение спросить об этом прямо, однако Джеймс внезапно отбыл за океан, чтобы руководить строительством филиала компании в каком-то далеком индийском городе, о котором она прежде даже не слышала, хотя потом и выяснила все подробности. Будучи реалисткой, Агнес подозревала, что в ней видят лишь спутницу, способную скрасить время до новой командировки. Как ни странно, она могла бы с этим смириться. Если бы только приличия позволяли ей прояснить намерения Джеймса.

— Быть женщиной ужасно трудно, — сказала она, опрометчиво озвучив свои мысли.

— Ты, случайно, не заразилась новыми веяниями от тех дам, которые считают, что женщинам следует дать право голоса?

Агнес ужаснулась:

— Ну что ты, конечно нет. Что за вздор! Зачем нам это нужно? Да женщины выбирали бы кандидата, исходя из его манер и умения одеваться, а вовсе не политических взглядов.

Джеймс улыбнулся ей, искренне и тепло. Девушка по-прежнему была уверена, что, несмотря на поцелуи, он относится к ней как к сестре. Хотя, по сути, она сама же поставила беднягу в неловкое положение, столь поспешно признавшись

ему в любви.

— И все же, Агнес, я думаю, что ты последовала бы велению сердца и непременно отдала свой голос за самого доброго кандидата. А я твердо верю, что нам нужны добрые политики.

Они продолжили прогулку, идя под руку, пока не наткнулись на россыпь примул под сенью деревьев. Джеймс сорвал один цветок и воткнул его ей в прическу. Агнес почувствовала себя глупо и неловко, но не стала протестовать.

— Какая красота! — восхитился Джеймс.

— Да, примула вся такая солнечно-желтая. Нежный и радостный цветок.

— Я говорю не о цветке, — возразил он на удивление серьезно и, замешкавшись лишь на миг, наклонился и коснулся ее губ.

Этот поцелуй не только отличался от самого первого, но и был решительнее второго. На сей раз Джеймс действовал уверенно, гораздо лучше понимая, что делает. Так Агнес подсказывало чутье. Пожалуй, он все-таки видел в ней не сестру.

— В начале мая я возвращаюсь в Индию, — сообщил Джеймс, когда они нехотя разомкнули объятия, что позволило счастливой Агнес медленно опуститься на землю.

— Очередная стройка?

Она попыталась скрыть разочарование от того, что уже всего через несколько недель он снова уезжает. Его рука соскользнула с талии девушки, а голова опустилась.

— Нет. Я должен возглавить тот самый филиал нашей компании, строительством которого руководил. Он находится в Кочине, это город на юго-западном побережье страны, в двухстах милях южнее кофейной плантации, что запечатлена на картине, которую я тебе подарил. Должность постоянная. Думаю, мне придется провести там несколько лет.

Несколько мгновений оба молчали, пока Агнес не смогла жалобно выдавить:

— Вот как. — Сердце у нее упало. Значит, все. Он действительно уезжает. — Желаю тебе всего наилучшего, Джеймс. Надеюсь, мы сможем переписываться? Мне было бы очень интересно узнать о твоей новой жизни. Это будет похоже на путевой дневник в письмах, и…

Джеймс неожиданно рассмеялся:

— Ох уж эта милая глупышка, которая вечно сбивает меня с толку. Погоди, не тараторь. Я как раз набирался смелости, чтобы попросить тебя поехать со мной в Индию. В качестве моей жены.

— Твоей жены?! Ты правда этого хочешь?

— А зачем я, по-твоему, ухаживал за тобой, Агнес Хамфрис? Я неделями искал тебя после того случайного знакомства в галерее в Бэйсуотере. Я понял, что встретил девушку, с которой хочу вместе пройти по жизни, пусть и оказался полным болваном, не предприняв сразу же решительных действий.

Мысли в ее голове кружились так стремительно, что она не могла ухватиться ни за одну и сложить детали воедино.

— Должен предупредить: климат там обычно невыносимо влажный, а сезон дождей длится шесть месяцев. Но у нас будет большой дом и полный штат слуг — всех можешь нанять сама…

— Но мой отец…

— Для него найдется место. И для юной Дафны тоже. Только подумай, какие незабываемые впечатления получит твоя сестренка.

Похоже, он все предусмотрел.

— Дорога убьет отца. — Агнес покачала головой. — Все знакомое и так ускользает от него. Оторвать его от воспоминаний о любимой жене было бы слишком жестоко.

Джеймс, еще минуту назад сиявший и полный восторженных планов, вдруг понял, что она име-

ет в виду.

— Значит, ты не оставишь отца.

Это был не вопрос. Ее молчание послужило достаточным ответом.

— Ничего, мы найдем способ все устроить, — твердо заявил Джеймс, когда они повернули обратно к Бёрлингтон-сквер. — Потому что я люблю тебя, а любовь побеждает все.

Агнес тоже любила Джеймса, но не могла разделить его слепую веру в то, что решение непременно найдется.

Ту самую примулу она сохранила между страницами «Библии короля Якова». Цветок иногда выскальзывал и падал на пол, если она слишком поспешно перелистывала книгу. Каждый раз, поднимая его, Агнес думала о том, что ее жизнь могла бы сложиться совершенно иначе.

58

На следующей неделе Мерси навестила Джемайму дважды. В первый раз в подвальные комнаты вместе с ней заглянула также и Клара. Сперва она даже не заметила, что жилище Смитов пропитано безысходной печалью, и принялась рассказывать о визите в элитный лондонский ювелирный салон, где ей подгоняли неприлично дорогое обручальное кольцо. Но даже самовлюбленная светская львица вскоре уловила тягостную атмосферу, и ее сочувствие к трагедии Джемаймы стало очевидным без лишних слов. Три женщины пили чай и почти не разговаривали, но этого почему-то оказалось достаточно. В их молчаливом единении ощущалась солидарность. Мерси догадывалась, что каждая из подруг носит в сердце свои тревоги, но понимала: сейчас, когда рана от потери была слишком свежей, не время их обсуждать.

Во второй раз Мерси занялась детьми, позволив измученной матери просто вытянуться на длинном диване и немного отдохнуть. Она верно рассудила, что практическая помощь важнее любых слов утешения, и вернулась наверх, лишь

когда пришло время помогать Агнес с ужином. Проходя мимо гостевой спальни по пути на кухню, она заметила какую-то тень. Заглянув внутрь, Мерси увидела у окна мужскую фигуру. Услышав шаги, мужчина резко обернулся, во взгляде его читался легкий испуг. Мерси узнала мистера Томпсона, того самого джентльмена, который, как она поняла, теперь регулярно навещал мистера Горски.

— Я могу вам чем-то помочь?

— О, добрый день. Я как раз искал мисс Хамфрис. Мы только что провели с Александром весьма приятный день в парке, и я хотел сообщить, что он уже вернулся. Вероятно, хозяйка волнуется, ведь пора подавать ужин.

Мерси нахмурилась:

— А почему вы ищете ее здесь? Думаю, мисс Хамфрис на кухне…

— Конечно, как глупо с моей стороны. — Томпсон шагнул в узкий коридор. — Удивительный человек мистер Горски, не находите? И какая трагедия, что он больше не может играть.

Мерси кивнула:

— Да, я слушала его записи. Он был невероятно талантлив. Как мило с вашей стороны проводить с ним время. Не сомневаюсь, он это ценит.

— Ах, мне совсем не трудно. И, поверьте, мне и самому общение с ним только в радость. Беседы с мистером Горски весьма поучительны…

В дверях кухни появилась Агнес, вероятно привлеченная голосами.

— Ах, мистер Томпсон, вы уже вернулись. Хорошо погуляли?

— Прекрасно. Мы обошли площадь, а потом выбрались чуть дальше. Погода была хоть куда. Александр пригласил меня в воскресенье днем сыграть в криббедж, так что скоро вы снова меня увидите.

— Тогда я испеку булочки с сыром и заварю к вашему приходу чай.

— Благодарю, это будет очень любезно с вашей стороны. Я вернул плетеное кресло-коляску в прихожую, но теперь должен идти.

Мистер Томпсон достал из кармана дорогие золотые часы, взглянул на них и вежливо кивнул, после чего оставил женщин одних.

— Какой обаятельный человек, — сказала Агнес, когда входная дверь захлопнулась. — Надо же, как удачно все сложилось. Сдав комнаты тебе, я обрела прекрасную помощницу по хозяйству, а мистер Томпсон подружился с мистером Горски, за которого я, не буду скрывать, в последнее вре-

мя сильно тревожилась. — Она вытерла мокрые руки о симпатичный фартук в цветочек. — Как поживает Джемайма? Уверяет, что с ней все в порядке, но она из тех женщин, которые выглядят крепче, чем есть на самом деле.

— Пока еще не полностью оправилась, но ей нужно время, чтобы пережить утрату. Если честно, я больше переживаю за Клару.

— Правда? — удивилась Агнес. — Это еще почему?

В памяти Мерси вновь и вновь всплывал тот откровенный разговор, что они вели с девушкой, сидя на крыльце.

— Разве вы не понимаете, что она несчастна? С помолвкой явно что-то не так. Я чувствую это. Ваша племянница восхищалась поместьем в Сомерсете, но я не услышала от нее ни одного восторженного слова о женихе.

Возможно, только несчастная женщина могла распознать другую такую же. Или двух сразу. Джемайма словно бы действовала на автомате, выполняя обязанности жены и матери, но не жила по-настоящему. Вероятно, именно поэтому Мерси и была уверена, что их свяжет дружба. Всех трех объединяло циничное отношение к жизни и разочарование в институте брака, кото-

рое каждая испытала по-своему.

Агнес рассеянно перебирала безделушки на резном комоде, погрузившись в собственные мысли.

— Боже, девочка. Думаю, ты права, и я только сейчас это поняла. Чутье тоже подсказывало мне, что с обручением Клары что-то не так. Но меня сбили с толку восторги Дафны по поводу предстоящей свадьбы, и, признаться, я испытала облегчение от того, что Клара наконец-то помирилась с отцом. Боюсь, я не уделила моей дорогой племяннице должного внимания. В тот раз я видела ее только мельком. Придется снова пригласить Клару сюда. Посмотрим, может, она откроется старой тетушке Агги.

«Не жалеет ли мисс Хамфри, что не сдала комнаты Кларе?» — подумала Мерси. Хотя тетя нечасто встречалась с племянницей, было ясно, что их связывает особая близость. Несмотря на показную самоуверенность Клары, это можно было заметить по ее взгляду, когда она смотрела на пожилую даму.

— Ужин для Гилберта готов. Отнесешь ему поднос? — Агнес вернулась к текущим делам и поспешила обратно на кухню. — Я воспользовалась твоим рецептом фаршированного корня

сельдерея и жареной цветной капусты. Поднос на столе, я накрыла тарелку крышкой от кастрюли. Ты же знаешь, на что способен этот плут Инки, если оставить еду без присмотра…

***

Спустя несколько минут Мерси постучала в дверь мансарды, поставила поднос и уже собиралась вернуться вниз, но тут Гилберт неожиданно предложил ей посмотреть фотолабораторию.

— Если вы опять говорите о фотопортрете, то мне неловко…

— Фотолаборатория — это место, где я проявляю снимки, а не делаю их. Я подумал, что вас заинтересует процесс. Полагаю, на прошлой неделе вы неправильно истолковали мою просьбу. Я заметил, что у вас красивое лицо, ну, все равно как собор Святого Павла — красивое здание. — Он пожал плечами. — Я просто восхищался симметрией и тонкостью ваших черт, как художник любуется чудесным пейзажем.

Мерси почувствовала, как ее щеки заливает краска. Неужели она поспешила с выводом, решив по глупости, будто Гилберт пытается за ней ухаживать, тогда как его слова были всего лишь беспристрастной оценкой внешности?

— Я хочу показать вам кое-что у себя в комна-

те, — настаивал фотограф.

Она рассмеялась:

— Вы понимаете, что это звучит двусмысленно?

Молодой человек нахмурился. Было очевидно, что ему трудно выражать свои мысли, и это явно его раздражало.

— Послушайте, я знаю, что на днях вы видели те буклеты, — наконец сказал он. Это был не вопрос, и она промолчала. — И хочу все объяснить, если позволите.

Между ними витало что-то неуловимое. Мерси заметила, как Гилберт скользнул взглядом по ее губам и тут же отвел глаза. Ее сердце забилось быстрее, а он переступал с ноги на ногу, ожидая ответа.

— Хорошо, — кивнула она. Ей и вправду было любопытно узнать о соседе побольше, даже если пребывание с ним наедине и было рискованным. — Но мисс Хамфрис это не понравится: двое молодых людей противоположного пола одни в темной мансарде.

Гилберт приподнял левую бровь:

— Боюсь, она, напротив, пришла бы в восторг. Но мы-то знаем, что между нами нет романтического интереса…

— Разумеется, — согласилась Мерси.

Его лицо выглядело замкнутым, не выдавая никаких чувств. Похоже, лишь в ее жилах пульсировало неудовлетворенное желание.

— Значит, вы придете? — уточнил Гилберт. Мерси кивнула. — Не торопитесь. Поешьте, отдохните после тяжелого дня, а потом постучите в мою дверь.

Эти слова напомнили ей, насколько на Бёрлингтон-сквер все заботливые. Впервые за многие годы люди интересовались, как она себя чувствует: устала ли, голодна ли, есть ли у нее собственное мнение, которое действительно готовы были выслушать. Спускаясь по лестнице, Мерси поправила волосы и задумалась, куда положила флакончик с лавандовой водой.

***

Через час она поднялась в мансарду, и Гилберт провел ее в маленькую комнатку со скошенным потолком. В глубине виднелась дверь, за которой, как предположила Мерси, и находилась фотолаборатория. В главной же комнате стояли кровать, большой захламленный стол, книжный шкаф, набитый всевозможными томами, маленький платяной шкаф и умывальник.

Они замерли друг против друга, застенчивые,

как всегда, и Мерси снова спросила себя: что же такого особенного в этом мужчине, что внутри у нее все просто вверх дном переворачивается? Возможно, ее привлекала его трогательная неловкость или же деликатная сдержанность. А может, дело было в чем-то более чувственном, ведь каждый раз, когда Мерси улавливала запах Гилберта или встречала его серьезный взгляд, по ее телу словно бы пробегали искры, и она никак не могла с этим справиться.

Мерси подошла к столу и взяла бубен, вопросительно посмотрев на хозяина мансарды.

Он шумно втянул воздух:

— Вы что-нибудь знаете о спиритизме?

— Немного, но с удовольствием послушаю: пожалуйста, просветите меня.

Гилберт вздохнул, словно это было ему в тягость, что показалось Мерси довольно странным. Она ведь пришла сюда не по собственной инициативе и вовсе не настаивала, чтобы Гилберт рассказывал о своих занятиях: он сам пригласил ее к себе и пожелал все объяснить.

— Спиритизм основан на вере в то, что духи умерших продолжают существовать в ином мире. И способны общаться с живыми через одаренных посредников — медиумов, которые

устанавливают с ними связь во время сеансов.

Молодой человек выдвинул стул с круглой спинкой, взбил подушку и жестом пригласил гостью сесть. Мерси вернула бубен на стол, опустилась на сиденье, положила руки на колени и застыла в напряженной позе.

— Спиритизм приобрел популярность после Гражданской войны в Америке. Родственники погибших отчаянно стремились связаться с теми, кто не вернулся с поля боя. Уверен, вы понимаете, что Великая война вызвала похожий всплеск горя…

Несмотря на серьезность, читавшуюся в его бледном лице, Мерси почувствовала, как у нее медленно сжался желудок. Ей не нравилось направление, которое приобрел их разговор, и она надеялась, что Гилберт не предложит ей пообщаться с мужем.

— Медиумы связываются с мертвыми по-разному. Часто они впадают в некое подобие транса, и душа усопшего говорит через них с живыми. Обычно это сопровождается поразительными явлениями, которые невозможно объяснить иначе, — доказательствами того, что духи действительно рядом и хотят выйти на контакт. Движение планшетки по доске Уиджи; грохот

бубна; левитация; светящаяся рука с карандашом, которая парит в воздухе; строки, появляющиеся на бумаге… Вы, конечно, читали о спиритических сеансах в газетах и журналах?

Мерси пожала плечами. Да, она кое-что почерпнула из газет, но всегда находила эти подробности отвратительными. А потому заметила:

— Я не понимаю, зачем вообще искать встречи с умершими. Пусть себе покоятся с миром.

— На сеансы приходят отчаявшиеся люди. Они жаждут утешения, потому что в их жизни практически не осталось опоры. Весть о том, что ребенок обрел покой и счастье в ином мире, приносит скорбящей матери неизмеримую радость.

Мерси напряглась. Она больше не могла держать свое мнение при себе.

— Но это же вздор, все до единого слова. Затейливое представление, основанное на ловкости рук, чтобы выманивать деньги у несчастных уязвимых людей. Конан Дойл по-прежнему убежден, что его умерший сын несколько раз говорил с ним, а я, между прочим, читала, что Гудини написал книгу, где разоблачает всю эту чушь. Если бы потусторонний мир и впрямь существовал, то после трагической смерти знаменитого иллюзиониста в прошлом году его дух наверняка бы

вернулся, чтобы извиниться. — Мерси говорила с легкой насмешкой, но возмущалась совершенно искренне.

— Абсолютно с вами согласен, — с обреченным видом кивнул Гилберт. — Я твердо убежден, что когда человек умирает, то он просто перестает существовать. Я даже в Бога не верю. Спиритизм и вся мистика, которая его окружает, — полнейшая чепуха.

59

Раскрыв от изумления рот, Мерси уставилась на Гилберта.

— Но как же?.. Я думала, что вы…

Он вздохнул:

— Да, я зарабатываю этим на жизнь, но сам в подобные вещи не верю. Вы совершенно правы: это сплошной обман. То, что выдается за озарение свыше, на самом деле — вполне логичные догадки, основанные на фактах. Спиритическому сеансу предшествует заблаговременный сбор сведений и осторожное подталкивание клиента к тому, чтобы он сам выдал то, что отчаянно хочет услышать. Или же увидеть. Я как-то сделал фотографию, на которой якобы запечатлен дух моего брата, и теперь наша мама хранит ее как самое дорогое сокровище. Впоследствии я долго оттачивал технику, используя различные приемы, хотя, по сути, все сводится к трюкам с дымом и зеркалами в стиле Иоганна Шрепфера или же к двойной экспозиции.

Мерси не могла вымолвить ни слова. К чему подобная откровенность? Гилберт фактически признавался в мошенничестве, в том, что брал

деньги у скорбящих и уязвимых людей. И говорил об этом без видимого раскаяния или чувства вины. А он между тем продолжал:

— Иногда я арендую для сеанса помещение, иногда клиенты приглашают меня к себе домой. Я вызываю духа, который отвечает стуком или двигает предметы. Затем усопший непременно передает живым слова утешения, исцеляющие их боль, а я делаю фотографию, запечатлевающую его присутствие. Мне помогает один парень по имени Чарли. Он сильно нуждается, а моральными принципами не обременен. Чарли часто достает мне старые изображения умершего. Когда это невозможно, я нанимаю модель, похожую на покойного. Это и есть первый кадр: человек в форме, кукла, запеленатая, как младенец, или, скажем, невеста под фатой. Людей несложно убедить, особенно если снимок размытый.

Лицо соседа было до странности отрешенным, словно бы он объяснял самые заурядные вещи, вроде того, как правильно заваривать чай.

— Чарли иногда помогает мне с фотоаппаратом, когда все уже настроено. Техника давно отработана. А у бедных скорбящих родственников на память о любимом человеке остается снимок в качестве доказательства, что усопший

существует в каком-то потустороннем мире или ином измерении, довольный, обретший покой, и продолжает наблюдать за теми, кого любил при жизни.

Мерси покачала головой и поинтересовалась:

— А стук? Появление призраков? Как это делается?

— Как вы думаете, почему сеанс проводится в темноте? Почему клиентов усаживают за стол и просят держать друг друга за руки, чтобы никто не мог встать и проверить, что происходит вокруг? — Гилберт сделал паузу и сам ответил на свои вопросы: — Потому что к моим ногам привязаны колокольчики. Механические приспособления двигают предметы по комнате. Я дергаю за нитки, чтобы бубны гремели, а кое-что подвешиваю на удочке.

— Как вы можете участвовать в таком грязном деле и спокойно спать по ночам? — Мерси была потрясена: человек, с которым у нее завязывалась дружба, к которому она испытывала влечение, оказался таким циничным и расчетливым. — Вы наживаетесь на чужом горе.

Он выдвинул из-под стола второй стул и тяжело опустился на него, несколько раз проведя рукой по волосам.

— Это не совсем так. Потому что, какой бы безнравственной ни казалось вам эта затея, я не раз убеждался в том, какую пользу она может принести. Мы ведь перевязываем раны на теле, так почему бы не приложить бальзам к ране душевной? Смерть часто бывает жестокой, несправедливой, страшной. Многие из нас видели, как люди, хорошие люди, умирали жуткой смертью. Билли не дожил даже до своего пятого дня рождения.

Гилберт замолчал, медленно вдохнул и выдохнул, как будто стараясь отогнать нахлынувшие чувства. Мерси была потрясена, и ее рука невольно легла на грудь. Она вспомнила рассказ про отравление малыша щелоком. И впрямь ужасный, мучительный конец. Но все же сердце подсказывало: то, чем занимается Гилберт, неправильно. Ее захлестнула волна тошноты, однако молодой человек еще не завершил свой рассказ.

— После моего рождения мать пережила несколько выкидышей, в том числе на маленьких сроках, когда еще нельзя определить пол ребенка. Раз за разом ее организм отторгал этих крошечных существ — одно разочарование сменялось другим. И вот наконец на свет появился

мой младший брат…

Договаривать нужды не было.

Гнев, который Мерси ощутила всего мгновение назад, уступил место жалости: она и сама растерялась от того, насколько быстро переменилось ее настроение. Если действия соседа и правда могли хоть как-то облегчить страдания живых, то теперь его сомнительные занятия представали в несколько ином свете. Она решила дослушать.

— После смерти Билли у матери больше не было детей. Отношения между родителями окончательно разрушились. Я часто слышал, как мама плакала по ночам. Со временем она становилась все более замкнутой и проявляла ко мне все меньше интереса. Я не понимал этого, поскольку в случившемся виноват был лишь отчасти…

— Вашей вины в этом не было вовсе, — возразила Мерси, начиная понимать, как пагубно гибель брата повлияла на отношения Гилберта с матерью.

Он вскочил, не в силах усидеть на месте, вновь провел руками по волосам, так что отдельные пряди встопорщились, и начал мерить шагами комнату.

— В первый раз все вышло случайно. Я ничего такого не планировал. Просто отчаянно хотел

снова увидеть мамину улыбку. Ведь когда началась война, то все стало еще хуже — не потому, что у нас в семье кто-то погиб: я был еще подростком, а отец не подлежал призыву. Просто вдруг оказалось, что она уже не единственная мать, потерявшая сына. С другими судьба тоже обошлась не менее жестоким образом, они лишились детей и имели право чувствовать то же самое, что и она. Как ни странно, но мне кажется, что мама даже злилась из-за этого.

Гилберт остановился и снова сел на стул, украдкой бросая взгляды на Мерси. Казалось, ему было очень важно, чтобы она поняла.

— После войны, когда множество скорбящих семей искало утешения, спиритическое движение опять набрало силу, и отец уговорил маму пойти на сеанс. Честно говоря, думаю, он просто хотел вытащить ее из дома. Она слишком долго сидела взаперти и изнемогала от своего горя.

— И на сеансе она услышала голос вашего брата? — догадалась Мерси. — Билли явился и заговорил с ней?

Гилберт кивнул и резко повел худыми плечами:

— Меня там не было, но мать поверила, что Билли связался с ней и сказал, чтобы она жила

дальше и радовалась за него, поскольку у него все хорошо и он ее любит. Конечно же, о трагической смерти малыша писали в газетах, весь город об этом знал. Выяснить подробности было нетрудно, и я разозлился, что какая-то шарлатанка обманула маму, выманив деньги, которых у нас и так почти не было. Я уже собирался разоблачить эту женщину и выставить ее опасной мошенницей. Но перемена в матери была разительной. Вера в то, что она поговорила с Билли, который наблюдает за нами с небес, сняла с ее плеч тяжкий груз и облегчила горе.

— И тогда вы раздобыли фотографии брата, чтобы укрепить ее веру? — Голос Мерси прозвучал резче, чем она хотела.

— На самом деле все было не так. — Во время разговора собеседник постоянно отводил взгляд, но в этот миг посмотрел прямо в ее ясные глаза. — Вам не понять, ведь вы не жили годами рядом с близким человеком, который едва мог существовать. — Он подался вперед, словно бы умоляя слушательницу понять. — Я промолчал, потому что мама возвращалась ко мне. Ей снова стало интересно, чем я занимаюсь. И когда дядя на пятнадцатилетие подарил мне фотоаппарат «Бокс Брауни», я сделал несколько ее снимков.

Мы впервые за несколько лет сидели вместе в гостиной и беседовали как ни в чем не бывало, даже заговорили о Билли, вспоминая его проделки. «Слышишь нас, Билли? — пошутил я в пустоту. — Ты был таким сорванцом, что удивительно, как еще не спалил дом или не выпустил всех кур из курятника». Я успел запечатлеть мамину улыбку, забыв, что последний раз брал фотоаппарат, чтобы снять портрет Билли, стоявший на каминной полке: хотел проверить, что у меня получится…

Еще до того, как Гилберт закончил рассказ, Мерси поняла, к чему он клонит.

— Только проявив пленку, я понял, что не прокрутил ее, и в результате размытое изображение брата оказалось прямо над улыбающейся матерью. Двойная экспозиция сделала Билли призрачным, словно бы неземным.

— И ваша мама решила, что фотоаппарат запечатлел его дух?

— Хуже. Она подумала, что, раз я говорил о Билли в тот момент, то каким-то образом призвал его. Что у меня… есть дар, что я… особенный. — Его глубоко посаженные глаза заблестели, а речь стала сбивчивой. — Мама сочла это неопровержимым доказательством того, что загробная жизнь и впрямь существует. Вот так все и закрутилось:

она рассказала про мои способности соседям, а я сообразил, как можно воспроизводить похожие изображения и сочинять трогательные послания с того света. Я быстро понял, что не просто получаю за свой труд несколько мелких монет, но также творю настоящее волшебство — облегчаю боль.

— Но это же все равно обман, Гилберт, — нахмурилась Мерси, в душе которой боролись противоречивые чувства.

Лицо молодого человека, только что такое искреннее и открытое, вновь стало замкнутым и циничным.

— Некоторые скажут то же самое о религии, однако это не мешает церкви наживаться на верующих, внушать им вину не только за поступки, но и за мысли и обещать после смерти райскую жизнь, чтобы люди могли выносить тяготы земного существования. — Заметив потрясенное выражение ее лица, Гилберт сменил тон. — Есть множество случаев, когда ложь оправдана добрыми намерениями. Врачи прописывают таблетки из крахмала, чтобы облегчить болезни, связанные скорее с психикой, чем с телесными недугами. Родители утешают огорченного ребенка, скармливая ему безобидную ложь, когда

правда может причинить больше вреда, чем пользы…

— Но вы же берете за утешение деньги, Гилберт. То, что вы делаете, неправильно.

— Если вы не жили рядом с человеком, которого горе пожирает настолько, что он не в силах выполнять простейшие действия, то не вправе судить меня. Я вернул себе мать, Мерси. Она снова начала жить, любить и смеяться. Да, я беру деньги за свои услуги, но мне ведь нужно покупать расходные материалы и платить за жилье. Поверьте, я почти ничего не зарабатываю и очень разборчив в выборе клиентов. Кроме того, я сплошь и рядом не беру платы, если вдруг вижу, что у человека нет денег.

Мерси была окончательно сбита с толку, у нее аж голова пошла кругом. За последние годы она поняла, что в жизни, помимо черного и белого, полно промежуточных тонов, и сейчас попыталась взглянуть на ситуацию с точки зрения Гилберта. Тем не менее сказать, что она одобряет занятия спиритизмом, Мерси все равно не могла.

— Простите, но я считаю это жестоким и неправильным, — заявила она. — Вы же сами рассуждали о том, что фотограф, в отличие от художника, всегда запечатлевает правду жизни,

а ваши снимки — самая большая ложь, фальшивка. Мне нужно идти.

Она встала. Темная комната ее больше не интересовала. Ей было неприятно даже думать о месте, где сосед изготавливает поддельные фотографии. Гилберт тоже вскочил, и на миг они оказались почти вплотную друг к другу. От него пахло мылом и химикатами. Подняв голову, Мерси почувствовала, как глухо стучит сердце у нее в груди.

— Зачем вы рассказали мне все это, Гилберт? — спросила она.

— Ты правда не понимаешь? — Молодой человек внезапно перешел на «ты», и его взгляд скользнул к ее губам. — Я хочу, чтобы ты знала обо мне все. И я тоже хочу знать все о тебе…

Они стояли в полной тишине. Ток, пробежавший по телу Мерси от его столь откровенных слов, удивил молодую женщину. Она могла, конечно, притвориться, что и впрямь ничего не понимает, однако зачем? Всего полчаса назад у нее и самой были схожие мысли, но сейчас внезапное признание соседа ее рассердило. Всплывшая правда о сомнительных занятиях Гилберта сильно огорчила Мерси. И все же на какой-то миг она позволила себе подумать: «А что, если?..» Она посмотрела

на него, и оба слегка подались друг к другу. Как бы Мерси ни противилась, ее по необъяснимой причине тянуло к этому странному мужчине. Было бы так легко приподнять подбородок и позволить его губам коснуться ее губ. Однако Мерси знала: если это вдруг случится, то остановиться она уже не сможет. В последние годы, лишенная супружеской близости, она становилась все более одержимой плотскими желаниями. Возможно, причина влечения к соседу заключалась именно в этом. Когда тебе чего-то отчаянно не хватает, ты жаждешь этого еще сильнее и хватаешься за любую возможность. Внезапно Мерси поняла: как бы она ни осуждала и ни старалась переубедить Гилберта, она действительно его желает. При всей его уязвимости, угрюмости и лжи он был для нее словно магнит. Его дурманящий запах и пронзительный взгляд были необычайно привлекательными, даже неловкость казалась трогательной. Чувства к этому парню были неизмеримо глубже тех, которые она испытывала к Роланду. Гилберт наверняка станет относиться к ней внимательно и бережно… При одной лишь мысли о том, как они будут смотреть друг другу в глаза в самый интимный момент, по спине Мерси пробежала дрожь.

Однако она решительно сделала шаг назад:

— Нет. Этого допустить нельзя.

— Я не понимаю, почему ты сопротивляешься. Очевидно же, что ты тоже ко мне неравнодушна.

— Нет, ты ошибаешься, — солгала она. — Я и впрямь живу в одиночестве много лет, но случайная связь, чтобы утолить плотские желания, — это не выход.

Темные глаза Гилберта расширились.

— Случайная связь?! Значит, ты думаешь, что я хочу именно этого?

— А разве нет?

Лицо соседа исказилось от досады, глаза его сузились, и он наконец потерял терпение:

— Ну, конечно. Наверное, бесконечный поток молодых женщин, которые днем и ночью ходят по лестнице ко мне в мансарду, убедил тебя в том, что я донжуан. — Его слова сочились сарказмом. — Быть может, окажись я чуть более разборчивым, неловким в общении и даже немного стеснительным, ты бы поверила в серьезность моих чувств. Вероятно, ты убедилась бы, что я никогда не стану добиваться женщину, не имея искренних и серьезных намерений. Поняла бы, что я из тех, кто способен раскрыться, только если надеется на серьезные отношения.

Она так жаждала услышать именно эти слова и одновременно страшилась их. Гилберт вовсе не собирался воспользоваться телом Мерси, а затем бросить ее. Он хотел оставаться рядом, оберегать ее и любить. А это было попросту невозможно.

— Боюсь, я не могу ответить тебе взаимностью. Ты не в моем вкусе, — сказала она, понимая, что лучше солгать и сразу поставить в отношениях точку, чем дать этому парню ложную надежду и разбить его до неловкости искреннее, но такое хрупкое сердце.

Голова Гилберта поникла, однако он больше не пытался настаивать. Мерси повернулась к двери, но в последний момент сосед схватил ее за руку и резко развернул к себе.

— Значит…

— Что — значит?

— Ты собираешься выдать меня? Рассказать Агнес, чем я зарабатываю на жизнь, да?

— Ах, оставь меня в покое. Ничего я не знаю.

Она выдернула руку из пальцев Гилберта, но долго еще потом ощущала тепло его прикосновения, пока шла в свою комнату. Закрыв за собой дверь, Мерси привалилась к ней спиной и проплакала в одиночестве целый час.

60

— Пойдем прогуляемся, и ты покажешь мне местные достопримечательности, — предложила Мерси, заглянув к Джемайме.

Она решила в свой выходной во что бы то ни стало вытащить бедную женщину на свежий воздух и отвлечь ее от переживаний. Это также пошло бы на пользу и самой Мерси. Ей следовало выбросить из головы мысли о Гилберте. Теперь он приходил к ней во сне, а наяву их разговоры у лестницы, ведущей в мансарду, снова свелись к неловким коротким фразам, хотя в тесном пространстве между ними чувства так и бурлили. Сосед взбегал наверх почти сразу, как только Мерси подавала ему поднос с едой, окончательно уверившись, что она им не интересуется, но, вероятно, полагая, что она сознательно подала ему ложную надежду. Может, так и было, Мерси и сама толком не знала.

— Сегодня не получится, — ответила Джемайма. — Я и так ничего не успеваю, да и сил совсем нет.

— Ерунда. Домашние дела подождут. Мы все сделаем вместе, когда вернемся. Мне столько

всего хочется увидеть, пока… погода не переменилась.

Сколько еще у нее оставалось времени, прежде чем ее найдут и вернут обратно на ферму? Намереваясь вытащить Джемайму на прогулку, Мерси преследовала сразу две цели: хотела помочь подруге развеяться и одновременно взглянуть на достопримечательности города не в одиночестве.

После долгих уговоров Джемайма наконец согласилась, и они вчетвером (прихватив также Эллен и Фрэнсис) под сентябрьским солнцем отправились пешком к Букингемскому дворцу. Мерси давно мечтала посмотреть, где живет король, и была совершенно потрясена размерами и великолепием дворца. Один только мемориал Виктории поражал воображение простой деревенской девушки. Потом, затолкав коляску в автобус, они поехали к Лондонскому Тауэру. Когда подруги шли по Тауэр-грин, по спине Мерси пробежал холодок: представив, как Анна Болейн и Екатерина Говард встретили свой конец на этой зеленой лужайке, скрытой от посторонних глаз, она решила, что все относительно. Вынужденное возвращение в Суффолк — еще не самая плохая участь, бывает намного хуже. К тому же

Мерси знала: если даже это и случится, то теперь, благодаря времени, проведенному на Бёрлингтон-сквер, она стала сильнее.

— Я очень ценю твою дружбу, — сказала она Джемайме. — У меня никогда не было ровесницы, с которой можно поболтать.

Они возвращались домой. Фрэнсис крепко спала, а Эллен, которая в последний час раскапризничалась, теперь мирно посасывала яблоко в карамели, позволяя женщинам поговорить. За время прогулки подруги обсудили многое, от политики до деревенского быта, и у них обнаружилось немало общего, если не в жизненном опыте, то в суждениях.

— Да неужели? — удивилась молодая мать. — А как же школьные подруги и девочки, живущие по соседству?

Мерси покачала головой:

— После переезда в Лондон я стала общаться с коллегами из универмага, но на ферме была постоянно занята с утра до вечера, а поездки в город не поощрялись. Моей единственной подругой была жена школьного учителя, миссис Доннингтон, но она намного старше меня. Не из тех, с кем обсуждают… деликатные вещи.

— Секс? — спросила Джемайма так буднично,

что Мерси чуть не подавилась собственным языком.

Она собиралась подвести разговор к этой теме окольными путями, но прямота подруги избавила ее от ненужных предисловий.

— Не такое уж это и удовольствие, правда? — осведомилась молодая мать, с вызовом вскинув подбородок и не смотря ей в глаза.

Мерси ответила не сразу. Что она могла сказать? Что, будучи замужем, так ни разу и не познала супружеской близости? Ни с законным супругом, ни с кем-либо другим.

— Я думаю об этом больше, чем следовало бы, — наконец призналась она. — Вижу на улице красивых мужчин и невольно представляю, как они выглядят без одежды, что будет, если они прикоснутся ко мне. Иногда… иногда эти мысли так сильно возбуждают, что мне кажется, будто я ненормальная.

— Думаю, это вполне естественно, ведь твой муж давно умер.

— А ты думаешь о каких-нибудь других мужчинах, кроме Николаса? — осмелилась спросить Мерси, не глядя на собеседницу. — Или я одна такая, с отклонениями?

Настала очередь Джемаймы надолго замол-

чать, обдумывая ответ.

— Пожалуй, у каждой из нас свои отклонения, — изрекла она наконец.

Обе притихли, погрузившись каждая в свои мысли. Затем Мерси решила сменить тему и поинтересовалась:

— А что ты думаешь о помолвке Клары?

— Полагаю, что она совершает ошибку. И пусть потом не говорит, что ее не предупреждали. Но, в конце концов, удивляться тут нечему: Клара эгоистичная, избалованная девица, которая и пяти минут не выдержала бы в реальном мире. А деньги защищают от многих проблем. Ясное дело, она приняла предложение, ведь жених так богат. Ее мир совсем не похож на наш.

— А мне Клара нравится, — тихо сказала Мерси, опасаясь, что ее надежды на дружбу втроем не оправдаются. — Думаю, она лишь делает вид, что все в порядке, но в душе очень несчастна. Каждому нужны друзья, как бы мы ни притворялись, что держим все под контролем. — Она сделала паузу, чтобы собеседница осмыслила ее слова. Джемайма отличалась ершистым характером, но Мерси хотела, чтобы та знала: она рядом и готова всегда прийти на помощь. — И к тому же, — добавила она, — Клара просто ослепитель-

ная красавица.

— Да, — нехотя признала Джемайма. — Этого у нее не отнимешь.

Они подошли к дому. Молодая мать остановила коляску перед калиткой и повернулась к Мерси:

— Мир постепенно меняется. Как бы меня ни раздражали женщины вроде Клары, с их самомнением и привилегиями, именно они дают нам шанс добиться равенства, которое мы давно заслужили. То, что они курят и красят губы яркой помадой, я уж не говорю про слишком свободные нравы, несомненно, не приветствуется, но теперь общество хотя бы терпимо ко всему этому. Раньше, до войны, подобное сочли бы непристойным. — Она помолчала и продолжила: — Мужские измены давно считаются вполне допустимыми, однако на женщин это не распространяется. Ну и почему, интересно? — вопросила Джемайма и неожиданно заключила: — Знаешь, я бы на твоем месте решилась.

— Решилась на что? — не поняла Мерси.

— Завести роман с Гилбертом Адамсом. Почему бы тебе не развлечься? Агнес без конца твердит о том, что между вами существует взаимное притяжение. Деликатностью наша хозяйка никогда не отличалась. Я знаю, что фотографа считают

странным, да и сама тоже слышала о нем всякое, но он хороший человек. Ты не представляешь, сколько раз Гилберт приносил нашим девочкам подарки. Еще он оплачивает лечение одной пожилой даме из соседнего дома, а весной за свой счет приобрел для Агнес новую плиту, когда старая вышла из строя. Правда, умолял мисс Хамфрис никому об не рассказывать, особенно учитывая, что выложил кругленькую сумму, но ты же знаешь Агнес. — Джемайма закатила глаза. — Да и, по-моему, в человеке, который не может заставить себя употреблять в пищу плоть животных, есть что-то по-настоящему доброе. Наверняка ты тоже так считаешь, да?

Мерси молча кивнула. И подруга продолжила:

— В общем, я к чему веду: Агнес уверена, что между вами что-то происходит. А если даже и нет, то она очень надеется, что вскоре произойдет. Всем очевидно, что парень тебе нравится.

Мерси густо покраснела и достала из сумки ключ, сетуя в душе, что совершенно не умеет скрывать свои чувства. Интересный совет дала ей Джемайма, надо будет над этим подумать.

***

Следующий вечер Мерси провела с мистером Горски. Небо весь день было серым и хмурым, а

когда она возвращалась с работы, наконец разразился ливень: в результате ее шерстяное пальто промокло насквозь, вода добралась аж до хлопковой блузки, да вдобавок еще и хорошие чулки были безнадежно испорчены. Она приготовила себе и пожилому джентльмену какао, сознавая, что лето уходит и ночи скоро станут длиннее. Сентябрьский дождь хлестал по оконным стеклам. В каком-то недобром, даже зловещем свете, наполнявшем комнату, мысли молодой женщины тревожно метались, а в животе ощущалась тяжесть, словно бы сама стихия предупреждала, что впереди темные дни.

— Алина зовет меня, — сказал старик после того, как в их незатейливой беседе возникла пауза. — В последнее время я постоянно о ней думаю. Завтра мой день рождения, и с каждым годом немощное тело доставляет мне все больше неудобств. — Он тяжело вздохнул. — И я спрашиваю себя: хочу ли я встретить еще один год? А смысл? Я ведь больше никому не нужен и уже совсем ни на что не гожусь.

— Глупости какие! — Мерси попыталась отвлечь пожилого соседа от мрачных мыслей. — У меня тоже бывали тяжелые времена, но все проходит. Да, мы теряем дорогих нам людей, и порой

кажется, что нет сил идти дальше, но потом мы заводим друзей, влюбляемся, переживаем новые впечатления. Как это вы никому не нужны? Что за ерунда! Знакомство с вашей чудесной музыкой стало для меня настоящей радостью. Вы ведь знаете, как Агнес привязана к вам, да и милый мистер Томпсон навещает вас по воскресеньям или заходит в будни после работы в банке. Пожалуйста, не говорите, что вы больше ни на что не годитесь, мистер Горски, и не думайте так. Это неправда!

— Дитя мое, называйте меня просто Александром. Хорошо?

— Только если вы обещаете прекратить нелепые речи и подумать о хорошем, — ответила она, поставила кружку и взяла его иссохшие руки в свои. — Поверьте, вы действительно очень важны для всех нас. И это не просто слова.

Крошечная прозрачная слеза скатилась по морщинистой щеке.

— С тех пор как я поселилась здесь, у меня появилась надежда, — продолжила Мерси, сжимая пальцы старика. — Пусть мы и были в числе победителей, но потери, вызванные войной, до сих пор нам аукаются, пагубно сказываясь на человеческих судьбах, в том числе и на моей. Но даже в

самых отчаянных обстоятельствах всегда можно найти повод для радости. Взять, например, сына мельника из моей родной деревни в Суффолке. Крепкий парень двадцати трех лет, ослепший от газа в окопах и обреченный на вечную тьму. Вместо того чтобы сломаться и озлобиться, он выбрал иной путь. Не стал зарывать в землю свой талант — у него просто удивительный баритон — и сделал успешную карьеру певца. Теперь ездит по стране с концертами и считает, что слепота не закрыла для него мир, а, наоборот, открыла.

Для Мерси важнее всего было то, что сын мельника, который имел полное право обозлиться на весь свет, не позволил себе превратиться в жертву и никого не винил. Думая о тех, кто остался на ферме, она все больше убеждалась, что злым людям слишком легко оправдывать свою жестокость бедами, выпавшими на их долю.

— Возможно, ваш сын не умер, а жив и здоров, и ваши пути еще пересекутся. Может, конечно, и нет. Но только представьте, что он долгое время искал вас, а потом узнал, что чуть-чуть опоздал. Как же ему будет горько! Всегда нужно надеяться на лучшее.

Мерси поднесла пальцы Александра к губам и мягко их поцеловала. Сосед улыбнулся:

— Вы очень мудры для столь юной дамы.

— Нет, я всего лишь оптимистка: уверена, что впереди еще будут светлые дни.

Они обменялись взглядами, полными понимания. Пожилой музыкант крепко сжал искривленными пальцами руку молодой женщины:

— Спасибо, милая. Вы даже представить не можете, как много значат для меня ваши слова.

***

Когда через несколько дней Мерси вернулась домой после работы, она застала Клару, сидящую у тети на кухне. Агнес вовсю хлопотала у плиты, а ее элегантная племянница сидела без дела, сверкая ожерельем из прозрачных камней и стразами на рукавах платья.

«А вот глаза у нее потухшие, — заметила Мерси. — В них нет ни малейшего блеска».

— О, Мерси! — воскликнула подруга, захлопав в ладоши от восторга. — Какое счастье снова тебя видеть! А мы уже назначили дату бракосочетания, и совсем скоро я стану миссис Джек Ригби. Звучит солидно, согласись! Только посмотри на мое кольцо!

И Клара вытянула вперед ухоженные пальцы, демонстрируя главный источник блеска — огромный квадратный бриллиант в золотой оправе, а

затем повернула руку так, чтобы свет заиграл на множестве граней.

— Красивое, — сказала Мерси, но более ничего не добавила.

— Мы заходили показать его Джемайме, — подхватила Агнес. — Я захватила остатки именинного пирога мистера Горски, чтобы угостить девочек, но Матильду интересовал только бриллиант. Если она раньше считала Клару кинозвездой, то теперь наверняка решила, что перед ней особа королевских кровей, самая настоящая принцесса. У меня в шкафу в гостевой спальне завалялось кольцо с рубиновыми стразами. Пожалуй, отдам его Тилли, если найду. Оно, конечно, будет велико для ее крошечных пальчиков, но хочу порадовать милую малышку, которая так любит красивые безделушки.

— А вот Джемайма, похоже, не слишком-то обрадовалась за меня. Кстати, на прошлой неделе вы обе, узнав о помолвке, тоже отреагировали довольно вяло. Понимаю, потеря ребенка затмила все остальное, — недовольно протянула Клара и с вызовом спросила: — Но неужели вы так и не пожелаете мне счастья?

Новая, осмелевшая Мерси скрестила руки на груди и тяжело вздохнула:

— Пожелаю, если поверю, что ты действительно этого хочешь.

— Что ты имеешь в виду? Все просто чудесно, и мне ужасно повезло! Папа в полном восторге, мама с головой ушла в приготовления к свадьбе и твердит, что буквально сбивается с ног, но втайне наслаждается каждой минутой.

— Ты же не любишь своего жениха.

Клара начала теребить нитку на своей плиссированной юбке:

— Ну и что? Мама в свое время тоже вышла замуж не по любви. От людей с деньгами этого и не ждут. — Девушка снова вытянула руку и уставилась на кольцо, но взгляд ее был рассеянным. — В брак вступают по множеству причин, куда более разумных, чем чувства, и это еще не делает выбор неправильным. Понимаю, ты сама, конечно, была безумно влюблена, когда шла под венец, вокруг все цвело, а в животе порхали бабочки, но ведь не у всех так бывает.

И тут кроткая и тихая Мерси сочла своим долгом возразить Кларе, высказывавшей столь опрометчивые суждения. Она представила, как поражены будут тетя и племянница. Ну и пусть! Разве только эта ослепительная девушка вправе шокировать окружающих?

— Возможно, когда-то я и считала, что влюблена в Роланда, но уверяю тебя: к моменту свадьбы уже абсолютно точно не любила его. Меня обманом вынудили стать его женой.

Агнес, разливавшая по тарелкам овощной суп для Гилберта и мистера Горски, так и застыла, держа половник на весу, а глаза Клары удивленно распахнулись. Настало время и Мерси поделиться толикой своей правды. Обман тяготил ее, пусть даже формально она ни разу не солгала напрямую.

— Мой отец владел небольшой фермой, не более пятидесяти акров пашни. Я была его единственной дочерью, а Роланд — единственным сыном фермера, который жил по соседству. Нас поженили… чтобы сохранить и объединить землю.

— То есть из корыстных соображений. Все то же самое, — заметила Клара, внимательно посмотрев на собеседницу.

— Меня заставили вступить в брак в угоду окружающим. Внушили, что это мой долг. Одна только мысль об отказе вызывала у меня чувство вины. В характере Роланда всегда проглядывали хитрость и эгоизм. Мои подозрения подтвердились, когда я поняла, что он просто-напросто манипулировал мной.

— О, милая, а теперь ты терзаешься чувством вины, потому что твой муж погиб благородной смертью и все считают его героем? — предположила Клара, наконец-то проявив каплю сочувствия.

На самом деле все обстояло иначе, но Мерси не отважилась на новое шокирующее признание. В этот пасмурный вечер в середине недели у нее не хватило смелости рассказать свою историю без купюр.

— Мне кажется, девочки, — вмешалась Агнес, намазывая маслом толстые ломти домашнего хлеба, — нам стоит задуматься о разнице между любовью и долгом. Долг — холодное слово. Оно призывает нас помнить об обязательствах, а не поступать так, как хочется. По сути, оно означает наихудший выбор, жертву с нашей стороны. Мерси посчитала своим долгом обеспечить будущее фермы, а ее бедный муж исполнил свой долг перед Отечеством и теперь лежит в земле где-то на чужбине. Разве ты сейчас по большому счету не делаешь то же самое, Клара? Потому что я никогда не видела тебя такой несчастной. Дафна наверняка это понимает, но предпочитает прикидываться, что ничего не замечает. Однако, будь ты моей дочерью, я бы не смогла стоять в стороне,

позволяя тебе совершить роковую ошибку.

Племянница и тетя обменялись взглядами, и Мерси поняла, что они по-настоящему привязаны друг к другу. Клара прикусила нижнюю губу и заерзала на стуле, впервые за всю время разговора она выглядела неуверенно.

— Но ведь и ты тоже исполнила свой долг, заботясь о дедушке. Мама говорила, что ради него ты пожертвовала собственным счастьем, — возразила девушка.

— Нет, моя дорогая. Все, что я делала для твоего дедушки, я делала из любви, — мягко ответила Агнес. — И вот в этом-то вся разница. Всегда надо поступать по велению сердца.

И тут Клара не выдержала. Ее притворное спокойствие растаяло как дым, она уронила голову на руки и горько заплакала. Агнес поспешила подойти и обнять всхлипывающую племянницу.

— Пожалуйста, Клара, — взмолилась она. — Ты должна рассказать мне всю правду.

— Ох, тетя Агги, не знаю, смогу ли я…

Мерси сразу поняла, что сейчас пойдет откровенный разговор и она здесь лишняя. Чудом ухитрившись поднять оба подноса одновременно, молодая женщина извинилась и вышла из комнаты, чтобы отнести еду Гилберту и мистеру

Горски.

Подробностей дальнейшей беседы она так и не узнала. Агнес лишь намекнула, что они с племянницей просидели вместе до глубокой ночи. Как бы то ни было, наутро, спустившись помочь с завтраком, Мерси услышала от домовладелицы, что Клара уехала в Сомерсет, дабы расторгнуть помолвку.

61. Перстень с россыпью рубинов и бриллиантов

Агнес никогда не отличалась особой любовью к уборке, но открытые камины вынуждали хотя бы раз в неделю вытирать пыль. Это занятие успокаивало: пожилая дама легонько проводила метелкой из перьев по безделушкам возле входной двери и далее двигалась по часовой стрелке, пока снова не оказывалась в исходной точке, обогащенная воспоминаниями, с которыми была связана каждая вещица в доме.

Так Агнес и заметила пропажу кольца. На ореховом комоде в гостевой спальне стояла красивая шкатулка из синего бархата. Она всегда была открыта, а внутри лежала всякая бижутерия: ожерелья и браслеты из цветного стекла, а еще крупный перстень с россыпью рубинов и бриллиантов — слишком вычурный, чтобы быть ценным. Он занимал одно из трех гнезд верхнего яруса, наполовину скрытый под кучкой бус и шляпных булавок. Агнес нахмурилась и стала перебирать украшения. Она подумывала подарить кольцо старшей дочери миссис Смит

и представляла, как при виде такой яркой безделицы у малышки загорятся глаза. Но кольца на месте не оказалось.

Отец подарил ей этот перстень вскоре после знакомства с Джеймсом, уверяя, что украшение невероятно ценное и вполне подойдет для обручения. Правда заключалась в том, что в то время мистер Хамфрис все чаще путал реальность с фантазиями, а у ее покойной матери был дальний родственник, актер, так и умерший холостяком, после кончины которого семье досталась часть его имущества, в том числе сундук с театральным реквизитом. Агнес всегда считала, что кольцо именно оттуда.

Исчезновение украшения вызвало у нее неловкость. Мимо гостевой спальни на кухню ходили только постояльцы или члены семьи — то есть люди, которым Агнес доверяла. Неужели Клара одолжила украшение для нелепой костюмированной вечеринки? Или бедняжка Мерси взяла его, соблазнившись? Господь свидетель, эта девочка явно чего-то боялась. Мистер Горски никогда сюда не заходил, да и денег у него хватало. А вот Николас вечно был стеснен в средствах. Агнес нахмурилась. Ей не хотелось думать о людях плохо, но, когда Джемайма потеряла ребенка,

мистер Смит действительно показал себя не с лучшей стороны.

Агнес пожала плечами. Может, она сама куда-то переложила кольцо и забыла. Да и какая разница? Ей было грустно лишь потому, что в детстве она любила с ним играть. Особой ценности перстень не представлял…

62

В субботу Агнес перехватила Мерси прямо у входной двери. Лицо хозяйки сияло от счастья.

— Божьи замыслы воистину дивны, — сказала она, вразвалочку шагая по коридору навстречу постоялице. — Сегодня я узнала просто невероятные новости. Иногда Господь заставляет нас долго ждать, но Он непременно вознаграждает праведников.

Вытирая обувь о коврик, Мерси бросила на пожилую даму вопросительный взгляд. А про себя подумала, что ее тоже пора бы уже вознаградить, ведь ожидание длится целых девять лет.

— Завтра днем мы устроим праздничное чаепитие в комнате мистера Горски, и ты тоже непременно должна прийти.

— А что именно мы будем праздновать? — удивилась Мерси, вспомнив, что день рождения Александра был на прошлой неделе.

— Меня аж распирает от радости, но, полагаю, будет правильно, если мой любимый жилец скажет тебе об этом сам.

Сгорая от любопытства, Мерси поднялась по лестнице и постучала в дверь старика.

— Моя дорогая девочка! Агнес сообщила вам новости? Я не был так счастлив вот уже много лет. Вы не зря говорили, что лучшие дни впереди. Я просто вне себя от удивления и восторга.

Пожилой джентльмен указал на кресло напротив, и Мерси села, радуясь, что видит старика таким оживленным.

— Сегодня мистер Томпсон, он ведь взял отпуск в банке, возил меня на прогулку в Гайд-парк. Как это бывает во время долгих бесед, разговор зашел о его детстве. И я с изумлением услышал печальную историю: оказывается, его грудным младенцем подбросили на порог богатого лондонского дома. Это произошло в канун Рождества, пятьдесят лет тому назад. Родителей он не знает.

— Я не совсем понимаю, при чем тут вы.

— Сейчас объясню. Вы, видимо, просто не знаете подробностей моей собственной трагической истории…

Мерси знала, что Алина была единственной любовью Александра и умерла молодой, но, когда сосед поведал ей о потерянном сыне, поразилась не меньше, чем он сам.

— Боже мой! То, что вы оба пережили нечто похожее, и правда невероятное совпадение.

— О, дорогая, разве вы не понимаете, что это

больше, чем простое совпадение? На самом деле Стивен мой сын. Он просто обязан им быть.

Губы Мерси невольно сложились в идеальный овал:

— О!

— Мне все еще трудно поверить, что мой мальчик чудесным образом вернулся ко мне. Каковы были шансы, что мы с ним встретимся? Ведь совсем недавно я находился на грани: почти утратил волю к жизни и, стыдно признаться, хотел наложить на себя руки, пока ваши добрые слова не заставили меня задуматься. Я рассказал об этом Стивену во время прогулки, и вскоре он поведал свою историю. Подумать только, какой безрассудный шаг я мог совершить…

— Это просто замечательно. Я счастлива за вас обоих, — искренне проговорила Мерси, хотя в глубине души ее мучило чувство вины: она и не подозревала, что мистера Горски посещали столь мрачные мысли.

— Непременно заходите к нам, когда Стивен придет вечером, — попросил Александр. — Я с нетерпением считаю минуты до его возвращения. Нам предстоит восполнить пятьдесят лет разлуки…

Уходя, она не могла не заметить, что на глазах

старика блестят слезы радости.

***

Мерси, уставшая после тяжелой рабочей недели в универмаге, мечтала о тихом вечере с книгой, но, отнеся джентльменам подносы с ужином и спустившись на кухню, невольно оказалась втянута в разговор. Агнес захотела еще раз обсудить поразительную новость и затащила ее в гостиную. Когда вскоре навестить отца пришел мистер Томпсон, хозяйка встретила его с восторгом, принялась поздравлять и не отпускала целых полчаса, пока Стивен, извинившись, не поднялся на второй этаж. А затем, не прошло и нескольких минут, как на них, словно ураган, обрушилась Клара, и надежды Мерси лечь сегодня пораньше окончательно испарились.

— Дорогие мои, у меня есть бутылка шампанского, и вы просто обязаны помочь мне прикончить ее. Тетя Агги, у тебя где-то здесь стояли прелестные бокалы, — заявила девушка, роясь в буфете.

— А что мы празднуем? — уточнила Мерси, с любопытством глядя на бутылку. Она никогда прежде не пробовала шампанское.

— Разумеется, мою свободу, дорогая. Пожалуй, я также готова принять соболезнования по поводу

своего одиночества. Все мои друзья сегодня отправились в Сомерсет, на уик-энд к Ригби, а мне появиться там, сама понимаешь, было бы крайне неловко. У меня, правда, осталось незавершенное дело с одной молодой особой, но, пожалуй, тут придется оставить все как есть. — Клара обменялась многозначительным взглядом с тетей, открыла бутылку, разлила напиток и раздала всем бокалы.

— За то, чтобы всегда следовать велению сердца! — провозгласила она тост, и все три дамы пригубили шампанское.

Мерси никак не могла решить, нравится оно ей или нет: от пузырьков щекотало в носу, а вкус показался слишком кислым. Клара с пугающей скоростью опустошила первый бокал и сразу же налила себе второй. После чего спросила:

— А ты собираешься последовать велению сердца, Мерси? Мы просто умираем от любопытства. Очень хочется знать, правда ли, что Гилберт из тех, про кого говорят: «В тихом омуте черти водятся». Тетя Агнес утверждает, что, когда вы оказываетесь вдвоем в одной комнате, воздух буквально искрит.

Мерси с трудом сглотнула. Выходит, их с Гилбертом взаимное притяжение было видно

невооруженным глазом.

— Да, так оно и есть. — Агнес подалась вперед. — Я всегда думала, что вы идеально подходите друг другу.

Прежде чем Мерси успела что-либо возразить — хотя и понимала, что это бесполезно: пожилая леди все рано останется при своем мнении, — в дверь постучали, и мистер Томпсон просунул голову в проем.

— Я ухожу, мисс Хамфрис. Отец устал, и я не хочу утомлять его перед завтрашним праздничным чаепитием. Хотя новость, безусловно, и чудесная, однако мы оба испытали сильное потрясение.

— Ну разумеется, я все понимаю, — отозвалась Агнес. — Увидимся завтра.

Он исчез, и, едва лишь хлопнула входная дверь, Клара вскочила с видавшего виды дивана и метнулась к окну, чтобы взглянуть на уходящего гостя. Ее глаза изумленно округлились.

— Ради всего святого, что здесь делает Стивен Томпсон?

— Ах, только представь: он оказался родным сыном мистера Горски, — пояснила тетя. — Ну разве это не чудо? Они познакомились совершенно случайно и, по загадочной и необъяснимой прихоти вселенной, сделали сегодня потрясаю-

щее открытие. Без малого пятьдесят лет назад, под Рождество, мистера Томпсона грудным младенцем подбросили на порог лондонского дома, а теперь вдруг обнаружилось, что мистер Горски — его отец, которого он никогда не знал. Просто невероятно, что судьба привела их обоих на Бёрлингтон-сквер. Вот так история, ну прямо как в романе Диккенса. — Агнес сплела пальцы рук и просияла.

— Воистину невероятно, — мрачно кивнула Клара. — Особенно если учесть, что Стивен Томпсон — никчемный лживый воришка, который провел последние четыре года в тюрьме на попечении Его Величества. Он такой же сын мистера Горски, как я — его дочь.

63

Несколько секунд обе женщины ошеломленно смотрели на Клару, а затем Агнес залпом осушила свой бокал и закашлялась:

— Но он ведь…

— Ага, потерянный сын, как же! Несчастный сирота без роду и племени! — Клара с отвращением поцокала языком. — У него в деревне еще четверо братьев, и все они похожи друг на друга, как горошины в стручке. Особенно Стивен и его младший брат Оливер — ну просто одно лицо, в детстве их вечно путали, хотя между ними три года разницы. Вот уже несколько поколений Томпсонов живут в Хекстоне, и все это время их семья обрабатывает землю в нашем поместье. Папа помнит этих мальчишек еще детьми. Кажется, он родился в тот же год, что и самый старший из братьев, хотя, разумеется, близко они не общались.

— Разумеется, — повторила Мерси, стараясь осмыслить поразительную новость о том, что Стивен — самозванец, и изо всех сил пытаясь не обращать внимания на снобизм Клары, подразумевавшей, что смешение социальных слоев

нежелательно и его следует избегать.

— От этого типа вечно были одни неприятности, — прищурилась Клара, усаживаясь обратно. — Насколько я помню, он долго увиливал от призыва и отправился на фронт самым последним, хотя я была еще ребенком, когда он ушел на войну. Значит, теперь Стивен выдает себя за подкидыша?

Агнес кивнула, и ее лоб прорезала тревожная морщина.

— Если ты не против, тетя, я сегодня переночую, свернувшись клубочком, на этом старом диване. Думаю, мне стоит принять участие в завтрашнем праздничном чаепитии. Возможно, оно окажется не менее занимательным, чем развлечения, которые я пропускаю в Сомерсете. Ну, разве что костюмированного бала не будет.

***

Когда на следующий день Стивен вошел в комнаты Александра и обнаружил там толпу людей, которые явно не собирались устраивать обещанное чаепитие, на лице его отразилось полное недоумение. Гилберт немедленно встал, отсекая ему путь к двери. Собравшиеся жаждали объяснений, а в центре сидел совершенно подавленный Александр, накануне узнавший

о подозрительных обстоятельствах. Заметив, что вся компания настроена недружелюбно, о чем свидетельствовали враждебные взгляды и скрещенные руки, Томпсон насторожился.

— Стивен, — сказал Александр, — заходи, устраивайся поудобнее. Кажется, в твоей истории есть какая-то путаница, и нам нужно задать тебе несколько вопросов.

Мерси сочувственно посмотрела на мистера Горски. Несмотря на явные доказательства, он все еще цеплялся за слабую надежду, что Клара ошиблась и этот человек действительно его сын. До чего же жаль старика: судьба подарила ему чудесную возможность возместить годы жизни, полной сожалений и чувства вины, а теперь у него собирались отнять это чудо.

— В чем дело? — спросил Стивен, и Мерси заметила, как он нервно вытер ладони о брюки и слегка повернул голову, желая убедиться, что Гилберт действительно преградил ему выход.

Как и Агнес, Мерси предпочитала доверять людям. Однако ее надежды на то, что Клара могла ошибиться, быстро таяли. Глаза Стивена метались от одного лица к другому, пока не остановились на сидевшей с невозмутимым видом Кларе. Томпсон нахмурился, а она лишь изящно

пожала плечами, словно бы говоря: «Поглядим, как ты будешь выкручиваться».

— Спектакль окончен, дорогуша. Ты вовсе не сын мистера Горски, — произнесла Клара, разомкнув длинные ноги и потянувшись за серебряным портсигаром, как будто устраивалась поудобнее в театре. — Мне это доподлинно известно.

— Прошу прощения, но разве мы знакомы? — осведомился Стивен, делая вид, что пытается вспомнить, кто эта привлекательная девушка, и недоумевает, почему она здесь. — Вы кто же будете, позвольте узнать?

— Клара Гудвин.

Она улыбнулась, зажала сигарету губами и щелкнула покрытой эмалью зажигалкой в египетском стиле, ожидая, пока гость осмыслит услышанное.

— Неужели дочь Реджинальда Гудвина? — Стивен прищурился, будто имя он слышал, однако в лицо собеседницу не узнал.

— Вот именно, дорогуша. А ты — независимо от того, что наплел этому милому джентльмену, — на самом деле третий сын мистера и миссис Томпсон, проживающих в одном из коттеджей на землях моего отца в Хартфордшире, и уж никак

не подкидыш, которого некая незамужняя немка пятьдесят лет назад оставила на пороге богатого лондонского особняка.

— Она говорит правду? — тихо спросил Александр, сидевший в кожаном кресле во главе стола.

Стивен не смог заставить себя встретиться с ним взглядом и продолжал смотреть только на девушку, которая разоблачила его. Этой паузы оказалось достаточно, чтобы все присутствующие окончательно убедились в правоте Клары. Томпсон понял, что спектакль окончен.

— А ты — избалованная высокомерная дамочка из обеспеченной семьи, никогда не знавшая голода и не работавшая до изнеможения за гроши. Ты не имеешь ни малейшего понятия, что значит родиться в нищете и видеть, как все в твоей жизни определяется происхождением и финансовым положением: какие препятствия встают у тебя на пути и сколь предвзято к тебе относятся окружающие. Твой статус магическим образом открывает тебе двери повсюду, куда бы ни ступала твоя изящная ножка в шелковой туфельке. Ты всегда жила в достатке лишь потому, что твой папаша — богатый землевладелец и высокопоставленный политик. Интересно, как бы ты справилась,

если бы родилась в более скромных условиях? Не смей меня осуждать за то, что я решил уравнять чаши весов. Легко тебе говорить! Посмотрел бы я, как бы ты сама выкручивалась на моем месте!

— Да я уж точно бы не стала лгать доброму и беззащитному пожилому джентльмену в надежде обманом завладеть состоянием, которое мне не принадлежит.

— Ну разумеется: такие, как ты, ради этого бездумно вступают в брак без любви, — парировал Стивен.

Клара поморщилась, но промолчала.

Томпсон повернулся к Александру:

— Между прочим, я честно предупредил вас, что не могу доказать наше родство. А вы ответили, что это не имеет значения.

— Вы солгали мне, — только и смог сказать Александр, прищурив свои голубые глаза-пуговки. — Я не понимаю, как вам удалось узнать обо мне так много, но это был чрезвычайно хитрый план.

Вероятно, уловив в последней фразе намек на комплимент, Стивен решил объясниться:

— В этом-то и заключалась вся прелесть затеи. Ведь не осталось ровным счетом ничего: ни имени, ни каких-либо записей или свидетельства

о рождении. Никто даже не знал, как выглядел ребенок и выжил ли он вообще.

— Но вы ведь работаете в банке, — подала голос Агнес, все еще не в силах разобраться в этой истории. — И ходите в церковь.

В ее представлении этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы по умолчанию считать человека благонадежным и порядочным.

«До чего же она наивная», — подумала Мерси. По ее опыту, среди тех, кто усердно посещал церковь, злых людей попадалось больше всего.

— Да не работает Томпсон ни в каком банке, — фыркнула Клара. — Ты хоть представляешь, как тщательно они проверяют сотрудников? Ну подумай сама, тетя Агги, кто же возьмет на службу в банк человека, который сидел в тюрьме? Ведь там хранятся огромные суммы денег, а потому требования к персоналу особенно строгие.

— Ну да, — прошептала Агнес, только теперь осознав свою ошибку. — Кстати, именно это он и сказал мне при нашей первой встрече.

Тут даже неискушенная Мерси, которая поначалу даже и не заподозрила обмана, поняла, насколько ловко Стивен все устроил, назвавшись банковским служащим. Неудивительно, что мисс Хамфрис сразу прониклась к Томпсону доверием

и априори сочла его человеком солидным, с безупречной репутацией.

— Надеюсь, ты хотя бы проверяешь рекомендации, когда пускаешь жильцов? — обратилась Клара к тете.

Пунцовые щеки Агнес были красноречивее любых слов.

— Я всегда чувствовал, что с этим типом что-то не так, — пробормотал Гилберт.

И тут поведение и манеры Стивена разительно переменились: от обороны он перешел к нападению. Осознав, что после разоблачения ему уже все равно больше нечего терять, Томпсон резко повернулся к молодому человеку:

— И это говорит тот, кто и сам занимается явным мошенничеством. Да будет вам известно, господа, что этот парень изготавливает для убитых горем родственников фальшивые фотографии, создавая иллюзию, будто духи усопших вернулись, и берет за это деньги. Имей в виду, Гилберт, я тут потолковал с твоим бывшим помощником Чарли Тейлором. Я хорошо его знаю, наши пути прежде пересекались. Так что не тебе судить меня, мерзкий слизняк, который наживается на чужой беде!

— Это правда, Гилберт? — спросила Агнес, явно

расстроенная тем, что обманывал ее, получается, не один только Томпсон.

— Так! Очень интересно! Наш бледный как смерть Гилберт оказался темной лошадкой! — воскликнула Клара, явно наслаждаясь лавиной разоблачений.

Мерси вскочила на ноги. Она не собиралась это терпеть. Нельзя позволить Стивену утянуть за собой Гилберта.

— Вы ничего не знаете о Гилберте и истинных причинах его поступков. Не то чтобы я его одобряю, но он занимается своим делом из добрых побуждений: чтобы облегчить боль тех, кто страдал, как и он сам. А вовсе не ради собственной выгоды.

— Тебе не стоит за меня заступаться, — пробормотал Гилберт.

— Еще как стоит. Потому что я всегда буду защищать тех, кого люблю, и не позволю мерзавцу вроде Стивена ставить тебя на одну доску с собой. Да, ты сознательно вводишь людей в заблуждение, но делаешь это исключительно из сострадания.

Осознав, что именно она сейчас сказала, Мерси залилась густым румянцем.

— О, дорогая, как чудесно! Значит, ты все-таки

его любишь, — восхитилась Клара. — Но хотя твое признание прозвучало очень мило, боюсь, мистер Томпсон просто пытается увести нас от цели.

Мерси, не решаясь встретиться взглядом с Гилбертом и тем самым признать правду, посмотрела на Стивена, и ей показалось, что в его глазах мелькнула насмешка. Ей вдруг до боли захотелось подойти и с размаху влепить ему пощечину за все то, что он заставил пережить бедного мистера Горски. Как жестоко подарить старику надежду, заведомо зная, что это сплошная ложь! Однако Мерси ясно понимала, что эта пощечина предназначалась бы также и Роланду, который ловко манипулировал ею, лишив шанса на счастье. А потому, разумеется, она не сдвинулась с места.

Клара затушила окурок в позабытом на столе блюдце.

— Увы, тетя, это наглядно доказывает, что можно ходить в церковь и при этом оставаться мерзавцем, — подытожила она.

— Если вы закончили, я должен откланяться, — заявил Стивен. — Уверен, вы убедитесь, что на самом деле никакого преступления я не совершил.

Он повернулся к Гилберту, но тот твердо стоял

у него на пути, расправив узкие плечи.

— Пусть уходит, — вздохнул Александр. — Он недостоин того, чтобы тратить на него время.

— Если бы бедный мистер Блэндфорд не умер так внезапно, вы бы никогда не попали на Бёрлингтон-сквер, — заметила Агнес, нахмурившись и скрестив руки на внушительной груди.

— Именно так! — Стивен вновь обратился к собравшимся. — Какое несчастье, что тем душным июньским вечером бедняга внезапно поранился и подхватил заражение крови: всему виной грязная повязка, которую ему протянул незнакомец в пабе.

Эти последние ядовитые слова были его единственной маленькой победой. Самозванец оттолкнул Гилберта и выскочил в коридор.

После этого заявления у всех присутствующих застыла в жилах кровь. В комнате воцарилась зловещая тишина. Никто не решался озвучить смысл того, что только что было сказано.

64

— Надо заявить на него в полицию, — промолвила Агнес.

— И что мы там скажем? — уточнила Клара.

— Томпсон почти открыто признался в убийстве мистера Блэндфорда.

— Он определенно знал Натаниэля, — произнес Гилберт. — Я видел их вместе в «Безумном Шляпнике» в начале лета, но только сейчас сопоставил факты.

— Блэндфорд — это тот джентльмен, который жил в комнатах Мерси? — спросила Клара, и ее тетя кивнула. — Любитель выпить? Ну, тогда все встает на свои места.

Она поднялась с кресла и принялась расхаживать перед собравшимися, готовясь эффектно подвести итоги, подобно элегантной мисс Холмс или Эркюлю Пуаро, недавно снискавшему славу у читателей.

— Случай сводит Томпсона с мистером Блэндфордом в пабе. Или, возможно, они познакомились еще раньше. После изрядной дозы веселящей водицы твой любимый постоялец, который, как известно, мог часами болтать с кем

угодно обо всем на свете, делится со Стивеном печальной историей мистера Горски. И Томпсон сразу делает стойку.

— Да, похоже, так оно и было. — Александр подался вперед, вдохновленный весьма правдоподобной догадкой. — Натаниэль был моим другом. Я рассказывал ему то, чего не говорил никому много лет, наверное, потому что слишком остро чувствовал приближение смерти.

Клара продолжала вышагивать взад-вперед перед завороженной публикой.

— Стивен понял, что подходит по возрасту, чтобы сойти за пропавшего сына. А раз сведений о ребенке почти не сохранилось и шансы разыскать его ничтожны, то почему бы и не рискнуть? От него требовалось всего лишь придумать себе новую дату рождения и бросить пару намеков несчастному одинокому старику, отчаянно желавшему искупить вину за предательство своей первой любви и внебрачного ребенка. И бедный наивный мистер Горски поверил.

— Клара, — прошептала Мерси, — нельзя ли поделикатнее?

Ее коробила бестактность подруги, спокойно обсуждавшей человека, который находился тут же, вместе с ними в комнате.

— Все в порядке, милая леди, — отозвался Александр. — А здорово меня, как нынче принято говорить, облапошили. Как выражаются у меня на родине: «Mądry Polak po szkodzie» — «Поляк умнеет лишь после беды». Думаю, когда слишком сильно хочешь чего-то, то можешь убедить себя в чем угодно. Мне повезло, что племянница мисс Хамфрис появилась вовремя и спасла меня от собственной глупости.

Клара передернула плечами и повернулась к тете:

— Подумать только, что могло бы случиться, если бы ты сдала комнаты Томпсону…

Мерси поняла, что пыль от этих тревожных откровений будет оседать еще долго и удушливый запах обмана покинет дом нескоро.

— Несправедливо, что этот негодяй выйдет сухим из воды, не понеся никакого наказания, — проворчала Агнес.

— Не волнуйся, моя дорогая тетушка. Месть — блюдо, которое подают холодным. У меня достаточно связей — и дома, и в Лондоне, — чтобы это горькое угощение оказалось на столе у Томпсона. А теперь… — Клара театрально рухнула в кресло. — После всех этих драматических событий мне надо срочно выпить чего-нибудь покрепче.

— Разумеется. Налейте всем мадеры! — провозгласил Александр, с шумом хлопнув ладонями по подлокотникам. — У нас все равно есть повод для праздника, ведь после того как вы сегодня поддержали меня, я понял, что моя семья находится здесь, в этой комнате. Жаль, что я раньше этого не понимал.

Кларе не требовалось повторять дважды. Она тут же вскочила и направилась к графинам, что стояли на буфете. Агнес тем временем перевела взгляд на Гилберта.

— Нам непременно нужно поговорить о ваших сомнительных контактах с усопшими. Боюсь, это не слишком угодно Богу, мой милый. — И пожилая дама похлопала по креслу, призывая жильца присесть рядом с ней.

— Ах, тетя Агги, мы давно знали, что Гилберт со странностями, — вмешалась Клара. — Но, дорогая, я была абсолютно уверена, что он продает пикантные фотографии в непристойные журналы. Так что спиритизм — это еще ничего, все могло оказаться гораздо хуже. К тому же я и сама не раз баловалась доской Уиджи. Честное слово, бедняжка Митци действительно верит, что ее двоюродную бабушку Эльспет убили. Надо будет сказать, что Невилл дурачит ее вот уже

несколько месяцев…

Извинившись перед собравшимися, Мерси объявила, что хочет приготовить всем сэндвичи, и поспешно спустилась на кухню, пока кто-нибудь не вспомнил о ее ошеломляющем признании насчет истинных чувств к Гилберту.

***

В кухне стояла тишина. Повторение простых движений — нарезать хлеб, аккуратно намазать маслом каждый ломоть и разложить по тарелкам сэндвичи с разными начинками — успокаивало взволнованный ум молодой женщины. Мерси надеялась найти в себе смелость вернуться с угощением в комнату Александра, потому что присутствие остальных должно было смягчить неловкость, однако гадала, сможет ли снова остаться наедине с Гилбертом теперь, когда он знал правду. Вероятно, они оба знали ее всегда. Но Мерси не имела права действовать, доверившись чувствам, которые захватывали ее целиком.

Наверное, разумнее всего было бы съехать отсюда. Но возвращаться в Суффолк она не собиралась ни при каких обстоятельствах. Поначалу после побега из дома возвращение в деревню казалось ей неизбежным. Мерси не сомневалась, что ее непременно отыщут и водворят обрат-

но, — это было лишь вопросом времени. Однако с тех пор она встретила на Бёрлингтон-сквер столько тепла и участия, что наконец признала очевидное: дома, на ферме, с ней поступили неправильно и она не обязана снова терпеть несправедливость.

«Пусть приходят, — решила она, — я буду бороться».

Вспомнив, что в гостиной у Агнес стояла симпатичная зеленая стеклянная этажерка для пирожных, Мерси вытерла руки о передник и накрыла тарелки с едой чистыми полотенцами. Инки обожал рыбную пасту, а где сейчас бродит кот, она не знала.

Но едва лишь Мерси вышла в коридор, как вселенная, которая в последнее время и так слишком много забавлялась за чужой счет, преподнесла ей встречу именно с тем, кого она больше всего надеялась избежать.

— Я, э-э-э… Просто подумал, что, может… Агнес послала меня…

«Не сомневаюсь, что так оно и было», — подумала Мерси и махнула рукой в сторону гостиной, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Этажерка, — выдавила она наконец.

— Я, э-э-э…

Они нечаянно задели друг друга плечами, пытаясь разойтись в узком захламленном коридоре, и замерли, стоя бок о бок. Мерси подняла голову и посмотрела в усталые и настороженные, ищущие ответа глаза Гилберта. И снова поразилась той странной силе, которая неистово притягивала к нему ее бедное сердце, заставляя его бешено колотиться всякий раз, когда Гилберт был рядом.

— Спасибо, что вступилась за меня, — сказал он и снова нервно провел рукой по волосам.

Их лица разделяло расстояние всего лишь в несколько дюймов. Мерси сглотнула, не зная, что ответить. Молодой человек медленно моргнул, на мгновение задержал взгляд на ее губах и уже потянулся к ней, будто спрашивая разрешения, но она отстранилась.

— Э-э-э, не стоит благодарности. Надеюсь, мы снова будем друзьями, — произнесла она, широко раскрыв глаза и словно бы умоляя Гилберта пойти на компромисс. — Я… я бы хотела посмотреть, где ты проявляешь снимки. Я хочу научиться… попробовать и понять…

Гилберт прикусил губу и опустил глаза:

— Я не могу быть твоим другом, Мерси. Я всегда буду желать большего, а ты, очевидно, не можешь или не хочешь мне этого позволить.

— Просто я… Это сложно объяснить.

Она прикрыла веки, но тут же вздрогнула, почувствовав у своей щеки холодные пальцы. Раскрыв глаза, Мерси встретила растерянный взгляд Гилберта, и сердце рванулось к нему с такой силой, что тело предало ее окончательно. Любые дальнейшие отговорки теряли всякий смысл. Не в силах сопротивляться, она прижалась лицом к его ладони, и слезы побежали по щекам. Он нежно провел большим пальцем по ее коже, стирая боль, а она с наслаждением вдохнула его знакомый, такой восхитительный запах. Мерси жадно впитывала тепло, позволив своей голове упасть на грудь любимого, пока тот обнимал ее, крепко прижимая к себе. Губы Гилберта коснулись ее макушки, и она услышала, как его дыхание участилось и горячий воздух скользнул по волосам.

— Я не понимаю, — пробормотал молодой человек, уткнувшись в ее волосы.

— Все ужасно запутанно, и мне страшно.

— Не бойся, я рядом. Что бы ни было, я рядом, — повторял он.

Забавно, как простые искренние слова порой способны все изменить. Долгие годы лишенная поддержки, Мерси вдруг вспомнила, что в этом

доме полно людей, которым она небезразлична. Может быть, стоит попробовать? Разве она не обещала самой себе наполнить жизнь новыми впечатлениями, чтобы потом было что вспомнить?

Она приподняла подбородок, позволяя Гилберту прильнуть к ее губам. Он двигался медленно, оставляя ей возможность отстраниться, если бы она вдруг того захотела. Но вместо этого Мерси лишь сильнее прижалась к нему. Тогда одна его рука легла на талию молодой женщины, а другая скользнула вверх по ее телу, поворачивая лицо Мерси так, как нужно, пока его пальцы не запутались в ее волосах. Когда их губы встретились, Мерси Мейвезер, достигшая почтенного возраста двадцати семи лет, наконец-то почувствовала себя живой.

Каждая клеточка и каждый нерв, каждая частица ее тела взывали к нему. Словно крошечный камешек, сорвавшийся с горы, их чувства набирали силу, захватывая все на своем пути и неизбежно превращаясь в лавину, мощную и неудержимую. Испытывая одновременно стыд и странное чувство освобождения, Мерси поддела край рубашки Гилберта, вытащила ее из брюк и скользнула рукой под хлопчатобумажную ткань,

вверх по гладкой теплой коже спины, в то время как поцелуи влюбленных становились все более страстными. Сейчас она уже не думала ни о людях, что ждали их этажом выше, ни о том, что кто-то из них может спуститься сюда. В этот миг в целом мире существовали только они двое, Мерси и Гилберт, а все прочее не имело ровным счетом никакого значения.

«Ага, так вот, значит, как оно бывает».

Мерси растворилась в любимом мужчине, в его прикосновениях, дыхании, взгляде, зная, что именно это искала всю свою жизнь. Счастье всегда было где-то рядом, и она заслужила право наконец-то обрести его.

Когда страсть начала окончательно затмевать рассудок, раздался резкий стук во входную дверь, и они отпрянули друг от друга.

«Возможно, так даже лучше», — подумала Мерси. Заниматься любовью в коридоре Агнес средь бела дня было неразумно, хотя она сомневалась, что у них хватило бы сил остановиться, если бы не вмешательство извне, вернувшее их к суровой реальности.

Мерси пригладила волосы, поправила платье и, бросив тревожный взгляд на бледное лицо возлюбленного, пошла открывать. Гилберт замер

позади.

Она распахнула дверь, и в этот миг весь ее мир рухнул. Неужели вселенная не могла хоть раз проявить по отношению к ней милосердие?

— Наконец-то я нашел тебя, дрянь неблагодарная.

На пороге стоял человек, встречи с которым она так боялась.

— Что, черт возьми, происходит? — Гилберт шагнул вперед. — Вы кто такой?

Мерси пыталась найти слова, чтобы объяснить ему то, что сейчас произойдет, но не смогла выдавить ни звука.

— Роланд Мейвезер, — представился мужчина, протягивая руку для приветствия, но в глазах его не было и тени дружелюбия. — Законный супруг Мерси.

65

Мерси посмотрела на Роланда и почувствовала, что ее начинает трясти: то ли от страха, то ли от ярости, — она и сама не могла этого понять.

Трое растерянных людей стояли в дверях. Мерси знала, что ее счастье не будет длиться вечно, но надеялась, что сможет ненадолго притвориться, будто она вправе любить Гилберта и быть с ним вместе. Это была детская, наивная, несбыточная мечта, которая на несколько коротких мгновений успела подарить ей утешение и счастье.

— Собирай вещи. Я увожу тебя домой, — потребовал Роланд. — Мать ждет в гостинице.

Мерси поникла, не в силах встретиться с мужем взглядом. Все ее тело разом потяжелело — от сердца и до кончиков пальцев ног.

Она медленно покачала головой.

— Ты моя жена и сделаешь, как я скажу.

Холод в голосе Роланда заставил ее вздрогнуть.

Еще несколько недель назад она бы подчинилась без колебаний. Но теперь все изменилось. В этом доме Мерси обрела дружбу и — осмелится ли она признать? — любовь. Агнес объяснила ей, что выполнять свой долг, без сомнения, похваль-

но, но любовь… любовь превыше всего. История Александра служила доказательством того, что после утраты единственной настоящей любви обрести счастье уже нельзя. Гилберт был ее судьбой. Мерси знала это наверняка, чувствовала по своим припухшим после поцелуя губам и бешено колотившемуся сердцу. И она не собиралась отказываться от любви. Если Клара нашла в себе смелость вырваться из оков лжи, то и она могла сделать то же самое. Мерси Мейвезер была уже не той робкой и забитой женщиной, которая переступила порог этого дома в августе.

Она подняла подбородок и, чувствуя, как бешено бьется сердце в груди, посмотрела Роланду прямо в глаза. В этот миг в ней словно бы одновременно заговорили уверенность Клары, мудрость Александра и прямота Агнес.

— Я не вернусь с тобой в деревню, Роланд. Ты меня не любишь, а уж я тебя — тем более.

— Понятно, — сказал в ответ ее супруг, переводя взгляд на Гилберта. Он шагнул в коридор и с силой захлопнул дверь. — Завела себе любовника, шлюха.

Если бы муж не появился здесь всего несколько минут назад, его слова спустя некоторое время могли бы оказаться правдой, но сейчас обвине-

ние было несправедливым. Однако возразить Роланду Мерси не успела. Гилберт кинулся на незваного гостя и прижал того к стене. Глухой удар и беспорядочная возня эхом прокатились по дому, встревожив компанию, собравшуюся этажом выше.

— Боже, как это восхитительно. Любовный треугольник! — Клара появилась на лестнице, уперев руки в бока. — Вызвать полицию или вы попробуете вести себя прилично?

Ее вопроса оказалось достаточно, чтобы мужчины прекратили яростную схватку. Роланд поднял глаза на красивую девушку, спускавшуюся по ступеням так, будто она выходила на съемочную площадку, а Гилберт обернулся к Мерси.

— Мне нужно поговорить с мужем, — сказала та.

Фотограф сузил глаза, но посторонился, а Клара лишь молча приподняла бровь, узнав, что подруга ее — вовсе даже не убитая горем вдова, каковой ее все считали. Мерси указала Роланду на гостиную Агнес, уверенная, что хозяйка не будет возражать, если они там побеседуют. Он кивнул, поправил сбившийся галстук и направился туда первым.

— Гилберт, будь лапочкой и помоги мне от-

нести сэндвичи наверх, — услышала Мерси доносившийся из коридора голос Клары. — Я просто умираю с голоду. От драматических событий у меня всегда просыпается просто зверский аппетит, а сегодня их у нас, согласись, было предостаточно…

66

Мерси знала Роланда почти всю свою жизнь: их ферма граничила с землями его семьи. Участок Мейвезеров был куда обширнее, но, в отличие от соседнего поместья, там не имелось выхода к реке, а ведь это очень важно, чтобы поить скот и орошать поля в засуху, да и добираться на рынок по воде гораздо удобнее. Поэтому перспектива объединить владения выглядела заманчивой.

Мерси была всего на два года младше Роланда и с самого детства, сколько себя помнила, постоянно слышала шуточки своих и его родителей о том, что детей надо непременно поженить. Сначала эта мысль ей нравилась. Роланд был высоким красивым мальчиком и вызывал восхищенные взгляды у местных девочек. Мерси было приятно, когда он начал оказывать ей знаки внимания: помогал нести школьную сумку или являлся к ним на ферму с предложением помочь по хозяйству. Но тихая по натуре Мерси привыкла наблюдать за людьми со стороны. И постепенно обратила внимание на жестокость Роланда, которая немало встревожила ее. Он был сама любезность с теми, чьим уважением доро-

жил, но порой, разозлившись, мог пнуть собаку или задирал на школьном дворе мальчишек помладше. Мерси старалась не думать об этом, когда они оставались наедине, потому что с ней Роланд всегда был нежен, однако обаяние соседского парнишки померкло в ее глазах еще до того, как началась война с Германией. Подростковое увлечение Мерси постепенно сошло на нет.

В самом начале вооруженного конфликта Роланд был еще слишком молод, чтобы вступить в армию, да к тому же сперва все мужчины, занятые в сельском хозяйстве, не подлежали призыву. Поэтому он отправился служить родине лишь в 1917 году. Мерси всерьез переживала за юношу: его вспыльчивый характер и готовность ввязаться в драку могли привести к беде. К тому времени она уже окончательно разлюбила Роланда, однако во время прощания, накануне его отъезда в Лондон, все же расплакалась. Она ведь как-никак знала его всю свою жизнь.

— Ты выйдешь за меня? Пожалуйста, скажи «да», — умолял он.

— Мне едва исполнилось семнадцать, Роланд, и я нужна матери.

— А мне нужна причина вернуться, Мерси. Нужна причина выжить.

Положение было неловкое. Все ожидали их союза, особенно родители Мерси; к тому времени у отца появились проблемы с сердцем, и он хотел обеспечить будущее дочери, отдав ее в надежные руки. А что же сама Мерси? Да, тело ее отзывалось на поцелуи Роланда, но душа не слишком лежала к юноше, чей характер вызывал у нее смутное беспокойство. С другой стороны, она же прекрасно знала, сколько молодых мужчин гибнет сейчас на фронтах вдали от родины, из-за чего многим ее ровесницам, увы, не суждено стать женами и матерями. А перед ней стоял красивый парень, просивший ее руки. Возможно, ей следовало возблагодарить судьбу и принять его предложение.

— Когда вернешься, а я стану постарше, спроси меня снова, ладно?

Это было лучшее, что она могла сказать в тот момент.

— И ты обещаешь ответить?

— Конечно, — заверила его Мерси.

Для него эти ее слова стали зацепкой, своего рода обязательством, а для нее — лазейкой для бегства.

Но летом 1918 года двадцатилетний Роланд Мейвезер был тяжело ранен. Возле его ног разорвался снаряд, и все говорили, что парень чудом

выжил, хотя и получил серьезные увечья. В каком-то смысле Мерси действительно потеряла Роланда на войне, потому что с тех пор он уже не был прежним. Его доставили с передовой в полевой госпиталь, где сделали экстренную операцию, а затем, когда состояние стабилизировалось, отправили в Англию долечиваться. В конце концов, несмотря на предупреждение матери Роланда, что он сильно изменился, Мерси села на поезд и поехала в Девон, где в реквизированном государством загородном особняке размещался госпиталь. Она считала своим долгом навестить и поддержать молодого человека. Кроме того, после того как отец Мерси умер от инфаркта, остро встал вопрос о будущем: ее самой и фермы.

После слов миссис Мейвезер она не знала, чего и ждать, но, кроме бледности, усталого взгляда и коротко подстриженных волос, никаких особых перемен в Роланде не заметила: конечности на месте, видимых увечий тоже вроде бы нет.

Растерянный взгляд Роланда буквально разъедал тягостное молчание, воцарившееся между ними.

— Что ты здесь делаешь? — почти сердито спросил он девушку. — Я же сказал матери, чтобы ты

не приезжала.

Его холодность ошеломила Мерси. Она стояла в гостиной с высокими потолками, дубовыми панелями на стенах, пышными бархатными портьерами и хрустальными люстрами. Роскошь обстановки резко контрастировала с утилитарной природой самых обыденных вещей, которые девушка видела перед собой: эмалированных уток и расставленных в ряд железных кроватей, где лежали раненые сломленные солдаты.

— Эй, — подал голос парень на соседней койке, подаваясь вперед, — скажи, что это твоя сестра, Ролли. Дай мне шанс. Какие великолепные лодыжки!

Мерси переступила с ноги на ногу, чувствуя себя породистой телкой, которую выставили на продажу. Роланд не сразу сообразил, о чем речь.

— Это моя девушка, — ответил он, явно взволнованный мыслью, что какой-то наглый тип посмел позариться на Мерси. И необычайно серьезно посмотрел на гостью. — Ты ведь моя девушка, правда? Только осознание того, что ты ждешь дома, поддерживала меня среди этой бойни. Надежда, что ты будешь рядом, когда весь этот ужас закончится. Я ведь не ошибся в тебе?

Мерси смотрела на раненого мужчину на кой-

ке и пыталась разглядеть в нем юного Роланда. Очевидно, что за долгие месяцы разлуки он не мог не перемениться внутренне. Внешне Роланд по-прежнему оставался красивым, но Мерси подозревала, что теперь он мыслит совершенно иначе. О подобных метаморфозах ей уже рассказывали другие, кто сталкивался с подобным. Девушка сглотнула и ответила:

— Ну разумеется, не ошибся.

В конце концов, она ведь обещала ему хотя бы подумать о браке. Мерси с трудом представляла, через что прошли эти мужчины. Те, кто ждал их дома, были в неоплатном долгу перед ними.

Парень на соседней койке пожал плечами, признавая поражение, а Роланд продолжал смотреть на нее:

— Спроси у сестры, можно ли выкатить меня наружу. Подышим чертовым воздухом.

Мерси поморщилась, услышав из уст Роланда грубое слово, но с помощью медсестры пересадила его в инвалидное кресло, укутала и вывезла на свежий воздух. Она остановила кресло возле скамейки и осторожно опустилась на влажные доски. Роланд выглядел сердитым и обозленным, но она не смела его винить. Эти искалеченные мужчины, чьи жизни никогда уже не станут

прежними, заплатили чудовищную цену за войну, которую сами даже не начинали.

Наконец он заговорил:

— Мы скоро поженимся. — Роланд схватил Мерси за руку, вглядываясь в глаза. Он не делал девушке предложение, но приказывал ей, не давая возможности отказаться. — Сыграем свадьбу до Рождества, зимой, пока на ферме тихо.

Мерси надеялась, что при встрече былое чувство в ее сердце вспыхнет снова, но сейчас не ощущала ничего, кроме жалости. Разве можно строить на этом жизнь?

— Не стоит торопиться, — произнесла она, чувствуя, как участилось сердцебиение и сжался желудок.

Мерси пока что не дала ему согласия, но Роланд так много пережил, и на его бледном лице читалась усталость. Он искал покоя и нуждался в уверенности в будущем.

— Ты больше не можешь заставлять меня ждать. Я едва не погиб в битве за родину и был готов умереть за своих товарищей, но выжил и вернулся. Так стань же для меня олицетворением родины, за которую я сражался. Да, я изменился, но ведь такая добрая, милая девушка, как ты, не будет упрекать меня за это.

Наверное, Роланд заметил нерешительность в ее взгляде, скрещенные руки и колени, развернутые в другую сторону. Но как она могла отказаться? Газеты не раз напоминали женщинам, что их долг — воздать должную честь героям, вернувшимся с войны. Эти мужчины заслуживали счастливой полноценной жизни: работу, семью, детей. И Мерси сказала:

— Конечно, Роланд. Я займусь приготовлениями к свадьбе.

В ее сердце не было радости. Единственным утешением служила мысль, что мать будет довольна.

Итак, они обо всем договорились и назначили дату бракосочетания. Роланд подался вперед и поцеловал невесту. Каким бы Мерси ни представляла себе этот миг, она была разочарована. Их губы соприкоснулись, но она не почувствовала ничего: все было совсем не так, как тогда на лугу, когда она убедила себя, будто это любовь. Ни яростного биения сердца, ни сбившегося дыхания, ни трепета в теле. Только холодные губы мужчины, который всегда был ее судьбой, хотела она сама того или нет.

И тогда Мерси впервые задумалась: а не совершила ли она ужасную ошибку?

***

Специально для первой брачной ночи мать сшила ей ночную рубашку: из кремового шелка, с кружевной отделкой и крошечными бантиками по подолу. Мерси скользнула под одеяло, чуть ли не дрожа от волнения.

Роланд вошел в комнату, наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Спокойной ночи, малышка, — сказал он и направился к своей стороне кровати.

Мерси лежала к нему спиной, чувствуя, как в животе поднимается вихрь. Каково это — ощущать руки и губы мужа на своем теле, принять его в себя, пережить таинственное единение двух тел, на которое лишь намекали в романах и о котором шептались, хихикая, девушки? Эти мысли кружились в ее голове, пока Роланд задувал лампу и ложился в постель. Она замерла в темноте, ожидая прикосновения, но тщетно. Тогда она осторожно повернулась и увидела его спину. По-прежнему ничего не происходило. Мерси опасливо протянула руку к его плечу, думая, что это, возможно, слишком смело с ее стороны, и решительно не понимая, в чем дело. Разве не муж должен был проявить инициативу в такую знаменательную ночь? Она робко надеялась на

то, что физическая близость сможет заполнить пропасть, зияющую между ними.

— Спокойной ночи, — повторил Роланд, на этот раз тверже, и она опустила руку, испытывая разочарование, смешанное с облегчением.

Лишь спустя несколько недель молодая жена узнала правду и поняла источник его гнева и отчаяния. Тогда Мерси осознала, что ее обманули.

Однажды вечером, сидя на краю кровати, она все же решилась затронуть щекотливую тему. Слезы непонимания катились по ее лицу, когда она умоляла мужа объяснить, что происходит. Может, она ему не нравится? Или сделала что-то не так?

Тогда Роланд встал перед ней и начал раздеваться. Выправил из брюк хлопковую рубашку и стал медленно расстегивать пуговицы.

— Ты нужна мне, — объявил он вдруг, и Мерси, зачарованно следя за его пальцами, скользившими вверх по ткани, почувствовала, как ее сердце подпрыгнуло.

Неужели это прелюдия к долгожданной близости? Неужели их воссоединение наконец состоится?

— И ты в долгу передо мной. Все, кто остался в тылу и позволил нам от их имени сражаться с

беспощадным врагом, в долгу перед нами. Первая часть моей платы — это полоска земли, ведущая к реке, а вторая — ты, моя спутница и хозяйка дома. Когда мои родители отправятся на небеса, я не намерен доживать свои дни в одиночестве.

По телу Мерси пробежал холодок. Роланд женился на ней ради того, чтобы получить доступ к реке? В его словах не было ни капли любви. Только трезвый расчет.

— Земля, достойная героев… Ха! Просто смешно!

Он сбросил рубашку и начал возиться с ремнем. Мерси сглотнула, глядя на рваный шрам на его правом боку. Она знала, что ноги мужа сильно пострадали от взрыва, но хирурги спасли их, так что он мог ходить, как прежде. Неужели он думал, что ужасные шрамы отпугнут ее? Мерси сомневалась, что когда-нибудь полюбит Роланда, но готова была стать его верной спутницей, любить их общих детей и находить в них утешение. Мерси глубоко вздохнула, готовясь к тому, что будет дальше, а Роланд между тем расстегнул ширинку и дал брюкам упасть.

Лишь в этот миг она поняла, почему от нее тщательно скрывали правду о его страшных ранениях. Снаряд, разорвавшийся под ногами

Роланда Мейвезера, оставил его без того, чем мужчина любит жену. Мерси в ужасе и изумлении созерцала темно-красную массу искореженной плоти и рубцов у него между ног: ничего более жуткого ей в жизни видеть не доводилось. Она была невинной девушкой, однако выросла на ферме, а потому знала, что для продолжения рода необходимы определенные части тела, ведь ее отец не раз кастрировал животных.

У Роланда же там не было вообще ничего.

Мерси не могла отвести глаз от искалеченного тела мужа, пока разум ее судорожно пытался осмыслить увиденное, или, точнее, то, чего она не увидела. Она не знала, как теперь функционировал организм Роланда и что он при этом чувствовал, но ее первой реакцией было безмерное сострадание. Разве это не хуже, чем потерять руку или ногу? Ведь именно это определяло его как мужчину, и бедняга наверняка пережил страшную психологическую травму. Всем известно, что неспособность иметь детей заставляет мужчин и женщин ощущать себя неполноценными. Женщина, признанная бесплодной, считалась человеком второго сорта. В тот миг Мерси думала только о чувствах Роланда и ни о чем больше.

— Я знал, что все мои жертвы — месяцы, проведенные в окопах, полных грязи и крыс, — не напрасны. Товарищи гибли у меня на глазах. Я слышал их крики во сне, но, не дрогнув, выполнял свой долг в самых чудовищных условиях. И все ради того, чтобы подарить всем, кто остался дома, — и тебе в том числе — лучший мир.

Слезы текли по лицу Мерси, ей и правда было очень его жаль.

— Ты не оставишь меня? Честное слово, я вряд ли смогу жить дальше, если ты так поступишь. Ты ведь не бросишь меня после всего, что я вытерпел? — И Роланд приложил руку к рубцам, словно бы признавая наконец свое увечье.

— Я никогда тебя не брошу, — ответила она, не раздумывая.

Да, ее обманули, и последствия этой лжи еще предстояло осознать, но разве могла она отказать изувеченному мужу в утешении? Мерси поднялась с кровати и обняла Роланда. Он не противился. Осыпал ее поцелуями, прижимал к себе и плакал. Так они и пролежали всю ночь, переплетясь телами. Мерси гладила его по волосам и повторяла, что все будет хорошо. А что еще она могла сказать после всех принесенных им жертв? Ее долг заключался в том, чтобы быть

верной женой, а о любви речи даже не шло.

Если бы в последующие годы Роланд относился к ней с добротой, Мерси, возможно, смогла бы это вынести.

67

Роланд провел тыльной стороной кисти по лицу, проверяя, нет ли крови, но стычка с Гилбертом была лишь мелкой потасовкой, и ущерба никто из противников не понес. Муж несколько минут пристально смотрел на Мерси, прежде чем спросить:

— А что это за тип набросился на меня?

— Мистер Адамс. Он тоже живет тут. И он мой друг.

— Друг, говоришь? Ну-ну! Могу себе представить.

— Если ты думаешь, что я изменила тебе, то ошибаешься.

Мерси была абсолютно уверена, что, окажись Роланд здесь на полчаса позже, она не смогла бы с чистой совестью произнести эти слова. А потому опустила глаза.

— Чего, черт возьми, ты надеялась добиться, когда сбежала из дома? Ты ведь знала, что я все равно тебя найду. Ты моя жена, которая поклялась перед Богом любить и почитать меня и во всем мне повиноваться.

Мерси собрала всю свою смелость, что копи-

лась в ней последние дни.

— Мы вступили в брак ради того, чтобы сохранить землю. С моими чувствами никто не считался.

Роланд промолчал, и она продолжила:

— Я как-то подслушала ваш разговор с матерью. Она боялась, что я узнаю правду до свадьбы. Говорила, что я хорошая работница, которая не попросит за труды и пенса. Пусть ферму никто не унаследует, зато дети не будут меня отвлекать, сказала она. И в этот момент ты засмеялся, Роланд. Я слышала твой смех.

Он не стал отрицать, а лишь задал вопрос:

— Почему, интересно, страдать должен был только я?

Мерси вспомнила сына мельника, который принял увечья и добился богатства и славы благодаря им, а не вопреки. Он ни разу не использовал свою слепоту для оправдания дурного поведения. Напротив, его считали добрейшим человеком в деревне.

— Я отбыла девятилетний срок за преступление, которого не совершала, — проговорила Мерси. — И достаточно за это время натерпелась. Оставь землю себе, я с радостью и облегчением отдаю ее тебе. После смерти родителей у меня нет

желания возвращаться в Суффолк. Я никогда не была привязана к месту. Только к людям.

Дело было даже не в том, что Роланд не мог дать ей детей: Мерси ведь, в конце концов, и сама не знала, сможет ли родить. И она не винила мужа за его увечья. Дело было в сознательном обмане.

— Возможно, я бы смогла это вынести, если бы ты любил меня, — продолжала Мерси. — Однако не сомневаюсь: кабы не тяжелое ранение, ты не стал бы хранить мне верность. Наш брак строился на голом расчете и был заключен исключительно ради расширения фермы. Любви между нами никогда не было.

Роланд фыркнул:

— Ошибаешься. Я всегда знал, что родители заранее решили нашу судьбу, но меня удивило, какой ты выросла, Мерси. Из замухрышки превратилась в настоящую красавицу. И, главное, сама ты этого не замечала. Зато парни в округе видели. А в госпитале мой сосед все твердил, какой я счастливый ублюдок. Ирония заключается в том, что перед отправкой на фронт я действительно любил тебя и не солгал, когда говорил, что мысли о тебе помогли мне выжить в самые темные часы.

Оправдания Роланда не находили отклика в ее

сердце. Мерси понимала, что бедняга ожесточился из-за увечья, но ведь не он один несправедливо пострадал. Агнес, например, имела полное право злиться на весь мир после того, как много лет ухаживала за отцом, поставив крест на личной жизни, однако Мерси не знала женщины добрее. Гибель брата глубоко потрясла Гилберта, но он же не срывался на окружающих — наоборот, посвятил свою жизнь облегчению боли тех, кто терял близких, хотя методы при этом использовал, прямо скажем, спорные. Александр тоже не вымещал свое горе из-за потери Алины и сына на соседях. Стоя сейчас в захламленной комнате, Мерси черпала силы, вспоминая этих людей.

— Тогда любовь у тебя какая-то извращенная, — сказала она Роланду. — Потому что с любимыми не поступают так, как ты поступал со мной. Ты и твоя мать обращались со мной хуже, чем со служанкой. Ты вправе злиться, поскольку судьба обошлась с тобой жестоко, но не имеешь ни малейшего права вымещать эту злость на мне. Я хочу, чтобы наш брак был расторгнут.

Его глаза сузились.

— Господи, как же всего несколько недель в большом мире изменили тебя. Неужели ты надеешься снова выйти замуж? Да тебя никто не

возьмет.

— Ты удивишься, но я уже получила предложение руки и сердца.

— Ха, ничего у тебя не выйдет! На развод даже не рассчитывай. Об этом и речи быть не может. Я не позволю выставить свои увечья на посмешище, чтобы освободить тебя от обетов.

— А я не останусь более ни дня в браке, который так и не был скреплен физической близостью.

Разъяренный Роланд шагнул вперед и с размаху ударил ее по лицу. Мерси прижала ладонь к горящей щеке, собралась с силами и ударила мужа в ответ.

68. Шляпная коробка, полная писем

Она стояла на верху шкафа, в самом дальнем углу, за двумя другими коробками, в которых действительно хранились шляпы: та, которую Агнес надевала на свадьбу Дафны, широкополая, обтянутая лавандовым атласом и украшенная розовыми цветами; и вторая — купленная к похоронам отца, черный ток, щедро отделанный страусиными перьями, возвышавшимися на несколько дюймов. Дафна не раз пыталась уговорить сестру избавиться от накопившегося хлама, объясняя, что такие перья давно уже вышли из моды, и, когда умер мистер Блэндфорд, одолжила ей простую шляпку-клош с широкой черной лентой. Но Агнес хранила эту пернатую нелепицу не из практических соображений, а из сентиментальности, как и все остальное в доме на Бёрлингтон-сквер.

Зато в картонной коробке карамельного цвета, стоявшей сзади, шляп не было. В ней лежали тридцать семь писем от мистера Джеймса Гаррисона Ханта, все — с почтовыми штемпелями индийского города Кочина, адресованные мисс Агнес Хамфрис и отправленные в период с 1889-го

по 1896-й годы. Они были аккуратно сложены в хронологическом порядке и перевязаны так, чтобы Агнес при желании могла перечитать их с самого начала. Она и впрямь не раз приносила с кухни стремянку, снимала со шкафа круглую коробку и садилась на край кровати, дабы погрузиться в воспоминания.

После того как Джеймс сделал ей предложение, влюбленные, разумеется, отчаянно пытались найти решение. Агнес хотела этого не меньше Джеймса. Но поддержать ее оказалось некому. Едва услышав о переезде в чужую страну, Дафна капризно топнула ножкой в ботиночке и заупрямилась; а доктор, как и следовало ожидать, не одобрил поездку отца в Индию.

Близился май, а выход так и не был найден. Агнес все больше недоумевала, почему Джеймсу так необходимо именно это место, а он решительно не понимал ситуации с ее отцом. И все же они любили друг друга так сильно, что боль предстоящей разлуки разрывала обоим сердца. Билет в Индию был уже куплен. Поздним вечером накануне отъезда Джеймс пришел на Бёрлингтон-сквер, решив добиться от Агнес хотя бы намека на обещание.

— Прими мое предложение и надень кольцо, —

умолял он. — Уверен, со временем мы что-нибудь непременно придумаем. Рано или поздно все изменится.

Она мягко отвела его руку с кольцом и покачала головой. Трудности с отцом были ее собственной проблемой, и она не хотела, чтобы Джеймс из-за этого страдал или приносил жертвы.

— Мы не знаем, как долго я буду нужна здесь. Я не могу связать тебя помолвкой на долгие годы, так же как не могу и бросить отца.

— Тогда позволь мне нанять сиделку. У меня есть средства.

Они обсуждали это уже не раз, но Джеймс так и не понял: старик хотел, чтобы о нем заботилась именно старшая дочь. Она снова покачала головой:

— Я никогда не полюблю никого так, как люблю тебя, Агнес Хамфрис.

— Я даю тебе благословение попытаться.

Джеймс вскочил со стула и заходил по комнате, заложив руки за спину и опустив глаза. Наконец он в отчаянии повернулся к ней:

— Значит, если все сведется к выбору между мною и твоим отцом, ты выберешь его?

Агнес кивнула. И заметила:

— Тебе тоже пришлось выбирать между мной

и карьерой, и ты предпочел карьеру.

Он остановился:

— Разве можно сравнивать одно с другим?

— Может, и нельзя. Но разница в том, что я тебя понимаю, а ты меня — нет.

***

Лишь когда за Джеймсом закрылась входная дверь и наемный экипаж тронулся с места, Агнес заметила, что гость забыл цилиндр на вешалке в прихожей. Можно было выбежать на улицу или отправить головной убор к нему на квартиру, однако она решила ничего не предпринимать: может, если его вещь осталась здесь, однажды у него будет повод вернуться.

Расставание оказалось мучительным, но Джеймс сдержал обещание регулярно писать Агнес. С обеих сторон последовали искренние извинения за то, как они попрощались, а его первые письма были полны рассказов о новой жизни в далекой стране. Возможно, Джеймс пытался заинтересовать возлюбленную и заманить ее таким образом в Индию, убедить передумать, ведь каждое письмо заканчивалось теплыми словами и уверениями в глубокой привязанности. Иногда слезы девушки падали на страницы и размывали чернила, пока она читала, но ее ответы никогда

не выдавали сожаления. Агнес писала о своем дорогом батюшке и минутах его просветления, когда он узнавал дочь. Вероятно, она желала доказать Джеймсу, что никак не могла оставить отца.

Шли годы, и Агнес с жадным вниманием читала описания шумного индийского порта, удивляясь, как Джеймсу удалось сохранить вдали от родины английские привычки: он по-прежнему играл в крикет и устраивал послеобеденные чаепития. Ее завораживали рассказы о местных обычаях, одежде, пище и душераздирающей бедности туземцев. Он даже посылал ей фотографии своего дома, возможно, как печальное напоминание о жизни, частью которой она могла бы стать.

Последнее письмо Джеймса Агнес прочла один лишь раз. Более оно конверт не покидало. Потому что ставило точку и окончательно перечеркивало все ее надежды на счастье.

Кочин, 12 июня 1896 года

Дорогая Агнес!

Одно из качеств, которое я всегда с восхищением отмечал в тебе, – это твоя честность, а потому сейчас пишу тебе обо всем с предельной откровенностью, надеясь, что это письмо не принесет

тебе слишком много боли. Прежде я уже рассказывал о семье Форестеров. Преподобный Форестер проводит среди местных жителей огромную работу, которую трудно переоценить, а также еженедельно отправляет службы в церкви. Возможно, я также упоминал и про его дочь Рут. Она милая девушка, скромная и добрая. В общем, я предложил ей руку и сердце, и она согласилась. Агнес, я не хочу, чтобы известие о моей помолвке дошло до тебя окольными путями, и полагаю, что будет лучше, если ты узнаешь обо всем от меня самого.

Я долго хранил в сердце чувства к тебе и всегда находил других девушек блеклыми по сравнению с тобой. Но время неумолимо, и, хотя я питал глупые надежды на то, что твои обстоятельства изменятся (прошу, не осуждай меня за желание, чтобы ты освободилась наконец от обязанностей по уходу за мистером Хамфрисом, – я лишь отвечаю откровенностью на твою откровенность), однако теперь понимаю: ты останешься с отцом до конца, сколь долго бы сие ни

длилось. И во многом я люблю тебя за это еще сильнее.

Мое положение здесь требует обзавестись семьей, и, хотя я, увы, не могу получить в жены ту единственную женщину, которую люблю, однако искренне верю, что нашел достойную спутницу жизни: Рут будет любить меня, хранить верность и во всем повиноваться, ну а я, со своей стороны, постараюсь стать для нее хорошим мужем.

Я высоко ценю нашу дружбу и все эти годы часто вспоминал жизнерадостную молодую девушку из галереи в Бэйсуотере, которая теплым июльским днем похитила мое сердце. Я с превеликим сожалением думаю о том, что у нас с тобой могло бы быть. Однако полагаю, что после женитьбы продолжать переписку будет неправильно, да и, по правде говоря, мне больше не о чем тебе писать. Знай: я всегда буду любить тебя и от души желаю тебе счастья.

Думай обо мне чаще, но не позволяй себе жить сожалениями.

Всегда твой,

Джеймс Хант

Она ответила, что прекрасно все понимает и искренне рада, что он нашел ту, с кем сможет вместе идти по жизни.

Затем Агнес Хамфрис легла в постель и два дня кряду проплакала в подушку.

69

— Так, стало быть, твой муж жив? — Агнес повторяла это с таким изумлением, как будто ей только что сообщили, что человек высадился на Луне. — Ну и ну! Зачем же ты обманывала нас, выдавая себя за вдову?

Получив пощечину, Роланд пулей вылетел из дома, разразившись угрозами и пообещав непременно вернуться на следующий день, но Мерси была на удивление спокойна. Ведь рядом друзья, которые не оставят ее одну — так же, как не бросили Александра наедине с коварным мистером Томпсоном. Она поднялась в комнату мистера Горски и узнала, что после драки Гилберт ушел в мансарду.

Присутствующие ждали объяснений, и после появления мужа Мерси была просто обязана рассказать этим людям все без утайки.

— Вообще-то, я никогда не называла себя вдовой, — ответила она. — И, кстати, не говорила, будто мой муж умер. Вы сами это додумали. Я лишь сказала, что потеряла супруга на войне. И это правда, потому что тот Роланд, которого я знала, когда он уходил на фронт, ко мне уже

не вернулся. Он здорово переменился: и телом, и разумом. Юноша, целовавший меня на лугу, превратился в мужчину, который швырял в меня тарелки, если еда оказывалась, по его мнению, недостаточно горячей…

Мерси вкратце поведала о ранении Роланда и о том, что правду ей сообщили лишь через несколько недель после свадьбы.

— Бедняжка, — прошептала Агнес. Казалось, она вот-вот расплачется.

— Ну и ну! — вмешалась Клара. — Только не вздумай, тетя Агги, внушать Мерси чувство вины. Одно дело — выполнить обещание, данное мужчине, которого любишь, знать обо всем и сознательно принять решение выйти за него замуж. И совсем другое — когда тебя принуждают к этому, занимаясь эмоциональным шантажом. — Она встала, снова наполнила себе бокал, подлила Александру еще мадеры и вновь опустилась в кресло. — Теперь, по крайней мере, понятно, почему у тебя был такой целомудренный вид, когда ты сюда приехала. Я думала, ты просто играешь роль.

— Нет, я и впрямь никогда не знала мужчины.

— Ясно. — Клара сочувственно положила руку на плечо подруги.

Агнес вспыхнула, а Александр уткнулся лицом в свой бокал.

— Я никому не говорила правду, — продолжала Мерси. — Даже своей матери, пока та была жива. Из-за стыда и сочувствия к Роланду. Я не хотела, чтобы на него смотрели с жалостью, перешептывались и распускали слухи у него за спиной. Вероятно, я смогла бы все вынести, будь Мейвезеры чуточку добрее, но я превратилась в козла отпущения и в конце концов поняла, что это несправедливо.

— Как же ты отважилась на побег? — спросила Агнес. Она так увлеклась печальной историей, что подалась вперед, переместившись на самый краешек стула.

— Помните писательницу Агату Кристи, которая исчезла в декабре прошлого года? Что бы там ни случилось на самом деле, ее поступок натолкнул меня на мысль. Она просто взяла и сбежала от мужа, пусть всего на одиннадцать дней, и я подумала, что смогу сделать то же самое. Жена школьного учителя давно сочувствовала мне и помогла с деньгами. Она знала одну даму, работавшую в «Пембертоне», и написала мне рекомендацию. Так я начала новую жизнь, освободившись от необходимости выполнять

бесконечные требования окружающих.

— А потом наша дорогая тетушка Агги взяла тебя под крыло, — подытожила Клара. — Слава богу, хоть одна из нас обрела счастье.

— Ох, Клара, и ты тоже непременно его обретешь, — уверенно произнесла Агнес. — Думаю, если прибраться в гостевой спальне, я смогу на время предложить тебе кров… Пока мы не придумаем, чем наполнить твою пустую жизнь.

— Чудесная мысль! Папа в ярости из-за того, что я отвергла Джека, а Лили отказывается меня принимать. Говорит, что я ужасная гостья. Можете себе представить?

Никто никак это не прокомментировал. Воцарилось непродолжительное молчание, а потом Агнес откашлялась и объявила:

— Но имей в виду, юная леди, у меня в доме существуют определенные правила, и тебе тоже придется их соблюдать.

— Ха! Правила созданы для того, чтобы их нарушать. Правда, Мерси? — Клара подмигнула подруге.

— Может, для начала уделишь немного времени Джемайме? — предложила Агнес. — Поможешь ей с детьми?

— С детьми? — Клара пришла в ужас. — Нет,

дорогая тетушка, я не желаю иметь с ними дела. Они слишком липкие.

— Думаю, всем нам стоит провести один день в парке, пока погода не испортилась, — предложила Мерси. — Гилберт может везти Александра в кресле на колесиках, а мы возьмем девочек. Агнес и я приготовим еду для пикника. Мы вместе присмотрим за малышками, пусть бедная Джемайма хоть немного передохнет.

— Прекрасный план, — одобрила Агнес. — Я за.

— Я тоже, — поддержал ее Александр.

— Тогда остается лишь подняться и спросить Гилберта, не хочет ли он к нам присоединиться… — Агнес оперлась на свои полные колени, которые в последнее время слушались ее все лучше, и довольно вздохнула.

— Вы что, хотите пойти на прогулку прямо сейчас? — уточнила Мерси, чувствуя, как внутри у нее все переворачивается.

— Ну да, прямо сейчас, — твердо ответила домовладелица. — Сходи за Гилбертом, милая. А мы с Кларой тем временем разберем посуду. — Она тяжело поднялась и направилась к двери, подмигнув на ходу Мерси. — Не будем откладывать в долгий ящик…

70
Памятные альбомы

Агнес достала из правого ящика буфета три памятных альбома и, уложив их себе на колени, опустилась на свой любимый диван.

Верхний альбом, с тисненой каймой в виде плюща, был сделан из роскошной темно-красной кожи — подарок на ее восьмой день рождения. Склонность к сентиментальности у Агнес проявилась рано, и отец решил, что растущую коллекцию открыток и театральных программок лучше хранить в альбоме, чем в прямоугольной жестяной коробке из-под печенья «Хантли и Палмерс», которую она прихватила на кухне. Мать помогала дочери украшать страницы, показывая, как наклеивать вырезки: изящные картинки с девочками в летних шляпках, детьми в варежках, играющими зимой в снежки, и шаловливыми котятами с клубками пряжи.

Первый альбом обрывался внезапно, на душераздирающей ноте — одиноко наклеенной памятной карточкой, где сообщалось о смерти матери. Однако пестрые страницы все же напо-

минали, что детство у Агнес было счастливым, и та девочка, полная радужных надежд, до сих пор жила в глубинах ее души.

Следующий альбом, бутылочно-зеленого цвета, с изображением девушки эпохи Регентства[24] на обложке, был почти целиком посвящен Дафне. Бесконечные фотографии кудрявой ангелоподобной девочки, рисунки младшей сестры и записи самой Агнес о первых словах и достижениях Дафны — все это выглядело достойным гордой матери, каковой она, по сути, и являлась для младшей сестренки.

Третий альбом, снова из красной кожи, был заполнен вырезками из журналов и газет: загородные коттеджи, фотографии счастливых невест и открытки с видами зарубежных стран, которые Агнес мечтала посетить. Но, поскольку здоровье отца вдруг стало стремительно ухудшаться, воплотиться в жизнь ее грезам было, увы, не суждено.

Визитная карточка мистера Джеймса Гаррисона Ханта занимала отдельную страницу — настолько она была дорога для Агнес. Как и

---

[24] Примечания: 24

Эпоха Регентства — период в истории Великобритании с 1811 по 1820 г., когда из-за болезни короля Георга III власть фактически осуществлял его сын, принц-регент, будущий король Георг IV.

ее первая и единственная валентинка: ажурная бумажная карточка, украшенная тиснеными цветами. Внутри он написал всего два слова: «Навеки твой». Печальная правда заключалась в том, что их роман закончился, почти не начавшись. Однако роман все же был. Любовь всей ее жизни…

Последние страницы так и остались пустыми, хотя после отъезда Джеймса они с Агнес переписывались еще несколько лет. Как всегда, мисс Хамфрис крепко прижала пухлые альбомы к груди, прежде чем вернуть их обратно в буфет — до следующего раза, когда ей захочется вспомнить начало жизни, которая пошла не так, как она ожидала. Словно бы, заново пролистав ее с первой страницы, она могла изменить конец.

Однако этого, разумеется, не случалось, и Агнес все чаще задумывалась, сможет ли она когда-нибудь заставить себя заполнить оставшиеся страницы.

Часть четвертая. Агнес Хамфрис

***

71

Пятница, 5 августа 1927 года

Агнес обмакнула перо в оловянную чернильницу и начала составлять письмо мистеру Томпсону. Предлагая ему комнаты на Бёрлингтон-сквер, она ощущала непривычную гордость за то, что приняла решение, руководствуясь логикой, а не чувствами.

В тот момент, когда пожилая дама запечатала конверт и приложила марку к хрустальному валику увлажнителя, она услышала, как Гилберт спускается по лестнице. Однако, дойдя до нижней ступени, фотограф вдруг выругался и вернулся наверх. Наверное, что-то забыл.

Мисс Хамфрис посмотрела в окно на деревья, вздохнула и потерла колени. Она как раз собиралась попросить постояльца отнести письмо на почту, но лето было в разгаре, а день выдался просто чудесный, так что, рассудила домовладелица, прогуляться ей, пожалуй, не помешает. Поднявшись на ноги, она вышла в коридор и взяла зеленую соломенную шляпу с опущенны-

ми полями, которую недавно подарила Дафна. Взгляд Агнес, как всегда, зацепился за цилиндр, и сердце болезненно екнуло. Проверив, при ней ли ключ, она вышла на яркий свет, подняла лицо к солнцу и улыбнулась.

Агнес прошла вдоль черной ограды до конца улицы и свернула направо. Убедившись, что по дороге не мчится один из автомобилей, которые в последние годы буквально заполонили Лондон, она перешла на другую сторону и увидела впереди ярко-красный почтовый ящик. Погруженная в собственные переживания: тревогу за тихую молодую вдову, размышления о скандале с племянницей и заботы, что испечь к чаю Гилберту и мистеру Горски, — она вдруг услышала за спиной оклик:

— Неужели это Агнес Хамфрис? Глазам своим не верю!

Ее сердце замерло, так же, как и ноги. Агнес словно бы перенеслась на тридцать восемь лет назад, в тот день, когда взволнованный молодой мужчина умолял ее выйти за него замуж и уверял, что она для него значит больше, нежели целый мир. Она медленно повернулась и увидела те же самые сияющие глаза и нелепые уши, хотя время смягчило черты Джеймса, а долгие годы,

проведенные под жгучим солнцем, оставили след на его коже.

— Подумать только: ты все еще здесь, — продолжил он. — А я в Лондоне случайно, проездом на север. Даже представить себе не мог, что ты по-прежнему живешь неподалеку. Какая удача, что мы столкнулись.

Воистину — удача. Отправь Агнес Гилберта на почту, Джеймс прошел бы в каких-нибудь трехстах ярдах от ее дома, а она бы никогда об этом даже и не узнала.

— Я стала на несколько фунтов тяжелее и на несколько десятков лет старше, но с тех пор, как ты уехал, больше ничего не изменилось, — сказала она с улыбкой, показывая, что не добивается сочувствия, а лишь констатирует факт.

— В округлостях нет ничего плохого, моя дорогая, — ответил он.

Они стояли друг против друга несколько долгих мгновений, и каждый искал в лице собеседника знакомые черты и отмечал, что именно изменилось. Агнес казалось, будто она видела Джеймса только вчера, и все эти годы тоски и разочарования грозили захлестнуть ее с новой силой.

— Полагаю, твоего отца уже нет в живых? — осведомился он.

Агнес кивнула:

— Папа умер в том же году, что и королева Виктория.

— Боже, ты, должно быть, весьма самоотверженно ухаживала за ним, раз он протянул так долго.

— А иначе я и не умею. — Она попыталась сглотнуть, но во рту пересохло, а сердце гулко колотилось в груди. — Как поживает твоя жена Рут? Она вместе с тобой в Лондоне? Я и не знала, что ты вернулся из Индии. Иногда спрашивала у зятя, мужа Дафны, не слышал ли он о тебе. Ох, опять я тараторю. Вечно я слишком много говорю…

— Да уж, насколько помню, ты никогда не страдала от недостатка слов. — В его глазах блеснул знакомый озорной огонек. — Я вернулся на родину, чтобы быть ближе к сыновьям, Дэвиду и Майклу. Но два года назад мы неожиданно потеряли Рут.

— Мне очень жаль. Терять близких всегда тяжело. — Сколько смыслов можно вложить в столь короткую фразу.

— Рут была хорошей женой, но не любовью всей моей жизни. Лишь одна женщина сумела по-настоящему завладеть моим сердцем, и я так надеялся сделать ее своей супругой, хотя вселен-

ная и распорядилась иначе.

В этот раз ни один из них не осмелился поднять взгляд на другого.

— Прости меня, Джеймс. Ты когда-нибудь сможешь простить?

— Мы оба сделали свой выбор. Я виноват не меньше тебя, поскольку поставил карьеру превыше всего. Но ведь сказано: «Не вечно гневается Он, потому что любит миловать»[25]. Тесть часто цитировал мне Священное Писание.

Повисла пауза. Джеймс уставился на свои ботинки, а Агнес прикусила нижнюю губу.

— Ты никак собралась на почту? — Он кивнул на письмо в ее руке. — Можно, я провожу тебя?

Агнес ощутила какое-то странное, необъяснимое волнение, крепко сжала письмо и склонила голову.

— Нет, — ответила она.

— Прости. — Джеймс моментально сник. — Не следовало мне… Я тебе мешаю.

— Ничего подобного, — торопливо возразила Агнес. — Я вовсе не это имела в виду. Просто я не собираюсь на почту…

— А как же письмо, дорогая леди?

---

[25] Примечания: 25
Мих. 7: 18.

— Это знак свыше. Встреча с тобой и слова о милосердии Господнем, которые ты процитировал, подсказывают мне, что я собиралась поступить неправильно. Я чувствую это сердцем.

Подобные объяснения только сбили его с толку.

— Понимаю, ты замужем. Если я провожу тебя, это будет выглядеть неприлично, — ошибочно заключил Джеймс.

— А вот и не угадал. Прости, я говорю загадками. Пожалуйста, ты можешь проводить меня, если хочешь. Ошибкой с моей стороны было бы отправить это письмо. Мне нужно написать другое. Видишь ли, я сдаю комнаты и сейчас, похоже, выбрала не того постояльца. Сам он ни в чем не виноват, но есть одна молодая женщина, которая нуждается куда больше него. Правда, я не знаю толком ее истории, но уверена, что смогу помочь бедняжке. Мистер Томпсон и моя бойкая племянница и сами вполне справятся, а я должна проявить милосердие к Мерси.

— Ох, Агги, — улыбнулся Джеймс. — Ты всегда слушала сердце, а не разум… Даже если это означало отпустить меня.

— То решение было самым тяжелым в моей жизни. Я потом месяцами плакала по ночам в

подушку.

Он не мог отвести взгляда от ее милого искреннего лица.

— Ты все еще живешь в доме номер двадцать три на Бёрлингтон-сквер?

— Я никогда не смогла бы покинуть этот дом, как бы ни мечтала увидеть мир. В этом и заключалась часть проблемы.

Джеймс кивнул.

— Да, понимаю. Дом, полный воспоминаний. Но, вообще-то, еще не поздно. Женщины старше тебя отправлялись в дальние путешествия. Может, мы могли бы устроить совместную поездку? — отважился он предложить.

— Думаю, время для таких авантюр уже прошло, — ответила она, подумав о своих непослушных коленях. — Зато я нахожу огромное удовольствие в том, чтобы читать о чужих путешествиях, оставаясь в безопасности и в окружении дорогих мне вещиц, под крышей любимого дома, не подвергаясь риску морской болезни.

— Тогда позволь хотя бы проводить тебя до двери. Можно?

Джеймс подставил руку, и Агнес позволила себе на нее опереться. Они неторопливо поднялись обратно на холм и вместе взошли по каменным

ступеням. Агнес кивнула Джемайме, которая отправлялась на прогулку со своим выводком. Вот бедняжка — к концу года у нее будет уже четверо малышей. Агнес обожала детей, но ее сердце сжималось от жалости к молодой матери — еще одной своей жиличке, за которую пожилая дама переживала всей душой.

— У тебя найдется время выпить чашку чая? — спросила она у Джеймса. — Нам ведь есть о чем поговорить. Но прежде чем поставить чайник, я должна написать письмо миссис Мейвезер.

Джеймс кивнул и последовал за хозяйкой в дом. Войдя в узкий коридор, он изумленно посмотрел на вешалку.

— Ого, да это ведь мой цилиндр! Мне всегда было интересно, куда же он подевался. Неужели ты хранила его все это время?

Агнес улыбнулась:

— Ты же знаешь, что я сентиментальная старая дура… Я надеялась, что однажды ты вернешься за ним.

Взгляд, которым обменялись старые друзья, говорил о разбитых сердцах, несостоявшейся любви, сожалениях и надежде. Когда Джеймс снял цилиндр с вешалки, крутанул его в воздухе и отточенным движением ловко водрузил на

голову, главным чувством, наполнившим тесную прихожую дома 23 на Бёрлингтон-сквер, была надежда.

Эпилог

Лондон, 1949 год

— Агнес и правда хранила кучу всякого хлама, — сказал Гилберт, окидывая взглядом горы вещей. — Это нечестно, что Клара взвалила уборку на твои плечи. Ишь, распоряжается тобой, как хозяйка. Неужели не может приехать сама? От Парижа до Лондона всего час на самолете. На похороны ведь она добралась.

— У нее в Париже бизнес, который нельзя оставлять надолго. К тому же ты знаешь Клару. В ней нет ни капли сентиментальности, она бы без колебаний все распродала, — ответила Мерси, вытаскивая из буфета большой красный альбом.

Она посмотрела на мужа и возблагодарила судьбу за то, что оба их сына оказались слишком малы, чтобы попасть в армию. Первая мировая война лишила ее первого супруга, а во время Второй Гилберта отправили на фронт в качестве фотокорреспондента. С тех пор как они поженились, Гилберт Адамс строил карьеру, твердо следуя принципу — запечатлевать только правду,

какой бы неприятной та ни была. Шаг за шагом, с каждым очередным снимком, он делал мир лучше. Иногда казалось, что ему предначертано всегда находиться рядом со смертью. Господи, лишь бы только не было третьей мировой…

Мерси положила альбом на стол и раскрыла его. Внутри обнаружилась подборка фотографий и газетных вырезок. Листая страницы, она наткнулась на снимки со свадьбы Агнес и Джеймса. Тот декабрьский день выдался промозглым. Прошло всего несколько месяцев после возвращения Джеймса в Англию, но Агнес решительно отмахнулась от всех, кто осуждающе качал головой. Она считала, что и так уже слишком много времени потеряно в ожидании, а никто не знает, сколько им еще отпущено. В итоге они прожили почти двадцать счастливых лет, хотя последние шесть месяцев Агнес снова пришлось стать сиделкой — после инсульта Джеймс полностью зависел от ее заботы. Мистер Горски провел с ними последние шесть лет жизни, переехав на первый этаж дома 23, и подружился с Джеймсом. Гилберт и Мерси часто навещали стариков, а их сыновья считали Агги и Джима чуть ли не родными бабушкой и дедушкой.

Перевернув страницу, Мерси увидела фото-

графии со своей собственной свадьбы. Бракоразводный процесс тянулся долго. Роланд всячески усложнял ей задачу, но к лету 1928 года она наконец-то обрела свободу и возможность выбрать любовь, а не долг. Мерси разглядывала снимок двадцатилетней давности. Она стояла рядом с Гилбертом в простом платье цвета слоновой кости, держа в руках букетик кремовых роз. Совесть не позволила ей надеть белое. Фотография свадебной процессии на ступенях возле церкви вызвала у нее улыбку: Клара сияла ярче всех, а Агнес — в самой огромной шляпе из всех возможных — крепко вцепилась в руку Джеймса, как будто он мог снова исчезнуть на сорок лет.

Затем Мерси провела рукой по газетной вырезке 1930 года, где говорилось об открытии очередного ночного клуба Клары. На праздничной церемонии выступала сама Марлен Дитрих, а на снимке были запечатлены Джемайма и Клара на фоне заведения. В статье их называли деловыми партнерами, на фотографии они держались на расстоянии, но посвященные знали правду. Мерси даже представить не могла, во что выльется дружба этой парочки. Захваченная собственными чувствами к Гилберту, она и не заметила, как у нее на глазах расцветала другая любовь. Жизнь

этих женщин никогда не была простой, но вместе они стойко встречали любые невзгоды. В 1933 году они бежали из Берлина в Париж и открыли там ночной клуб «Танцы у Доди», названный, как утверждалось, в честь Клариного дедушки. Агнес, помнится, тогда смеялась до слез. Сумеют ли ее дорогие подруги найти свое место в разрушенной послевоенной Европе? Мерси очень на это надеялась.

Ну а потом она наткнулась на то, чего раньше не видела, — вырезку из «Лондонской вечерней хроники» от 16 декабря 1934 года:

> Вчера вечером в Риджентс-парке во время ожесточенной ссоры был тяжело ранен ножом бездомный мужчина, который вскоре скончался. Жертвой оказался пятидесятидевятилетний Стивен Томпсон. Он был хорошо известен полиции, поскольку ранее отсидел четыре года в Брикстонской тюрьме за ограбление. Стивен был родом из Хекстона, графство Хартфордшир, у него остались там мать и четверо братьев…

«Интересно, — подумала Мерси, — как близка была Агнес к тому, чтобы сдать комнаты именно

ему, ведь тогда это казалось самым логичным выбором».

Доказательств причастности Томпсона к смерти Натаниэля Блэндфорда так и не нашлось, но Мерси казалось, что несчастная жизнь Стивена и его безвременная кончина стали своего рода возмездием свыше. Она поежилась. Как странно, что одно простое решение могло вызвать столько последствий.

Мерси закрыла альбом и вздохнула, прикидывая, какой грандиозный объем работы им предстояло выполнить. Мысль о том, что в доме Агнес теперь будут жить чужие люди, разбивала ей сердце.

— Предлагаю такой вариант, — сказал Гилберт, словно бы прочитав мысли жены. — Я знаю, как дорог тебе этот дом. Если мы продадим свое жилье и обратимся в банк… У меня хорошая зарплата плюс то небольшое наследство, что оставила тебе Агнес…

— А мы потянем? — усомнилась Мерси. — И думаешь, Клара не станет возражать?

— Уверен, мы сумеем с ней договориться. В конце концов, мы с Кларой хорошие друзья, вы же с ней всю жизнь переписываетесь. Предложим оставить для нее комнату на случай, если она

вдруг снова заглянет в Англию.

Мерси улыбнулась:

— Эта женщина с юных лет была источником хлопот, и, боюсь, так будет всегда.

Гилберт усмехнулся в ответ:

— Но зато Клара славная, и сердце у нее доброе.

— Это верно. Согласись, очень великодушно с ее стороны позволить нам взять из дома все, что мы только пожелаем. А ей самой Клара попросила отправить лишь альбомы и вот эту развалину. — Мерси подошла к бледно-голубому дивану и провела рукой по обшарпанному подлокотнику.

— Похоже, на самом деле Клара более сентиментальна, чем хочет казаться, — заметил Гилберт.

— Да, я понимаю ее привязанность к дивану, — ответила Мерси, вспоминая, что именно здесь Агнес делилась с ними своей мудростью. Она опустилась на просевшее сиденье и похлопала рядом по обивке, приглашая Гилберта составить ей компанию. — Ты прав. Давай попытаем счастья. Этот дом особенный. Вдруг Клара приятно удивит нас? В конце концов… — Она улыбнулась, когда муж плюхнулся рядом, провалившись глубже, чем ожидал. — Агнес ведь всегда утверждала, что на свете нет ничего невозможного.

Благодарности

Дайте человеку рыбу — и он будет сыт один день. Дайте девушке ноутбук — и она будет занята на годы вперед…

Я едва могу поверить, что в свет выходит уже пятый мой роман. После публикации в 2019 году дебютной книги я проделала просто невероятный путь. Мне до сих пор кажется чудом, что другие люди читают строки, которые я весело набиваю на клавиатуре, подпевая музыке и позволяя воображению уносить себя в самые удивительные места. Спасибо всем, кто отправился вместе со мной в путешествие к дому под номером 23 на Бёрлингтон-сквер. Список тех, кому я благодарна, как обычно, огромен и включает всех, от невероятно увлеченного редактора Изобел Эйкенхед до литературного агента Ханны Шофилд, которая неизменно поддерживает меня (и удостоена разных наград). Я смотрю в будущее с огромной радостью, зная, что вы рядом со мной.

Важную роль в моей творческой жизни по-прежнему играет Ассоциация писателей-романистов, особенно ее отделение в Норфолке

и Суффолке, послужившее для меня неиссякаемым источником поддержки и вдохновения. Отдельные объятия, как всегда, моей подруге Клэр Марчант, с которой мы работаем удаленно, и остальной компании, стабильно поднимавшей мне настроение по пятницам: Хайди-Джо, Кейт, Иэну и Пэм.

Поздравляю Фриду Линдстрем, выигравшую международный конкурс в замечательном книжном клубе «Хайди Суэйн и друзья» и придумавшую название пабу из моей книги. Да, «Безумный Шляпник» — это заслуга Фриды.

Спасибо Сью Бейкер и Фионе Дженкинс за их неизменную любовь и поддержку, а Фионе — также и за ее жемчужины мудрости.

Огромная благодарность Кэтрин Листер, которая прочитала черновик романа, уделяя особое внимание деликатным темам и вопросам политкорректности, а также посоветовала мне любопытные исторические источники, обогатившие историю Клары. Консультации Кэтрин были просто бесценными.

И напоследок я хочу поблагодарить свою семью. Спасибо за то, что не отвлекаете, когда в ушах у меня наушники, а на столе рядом громоздятся пустые кофейные чашки.

С любовью,
Дженни